

Андрэ НОРТОН

АНДРЭ

НОРТОН

КОШАЧЬИ
ВРАТА

КОШАЧЬИ
ВРАТА

ИЗБРАННЫЕ
ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

АНДРЭ НОРТОН

том семнадцатый

Преданья Колдовского Мира
Кошачьи Врата

романы

Издательство «Зеленоградская книга»
Издательство «Сигма-пресс»
г. Москва
1994 г.

ББК 84.7 США
Н49

Нортон Андрэ
Кошачьи врата. Романы/Пер. с англ. —
Зеленоград: Изд-во «Зеленоградская книга»,
1994г. — 448 стр. Вып. 25.

Роман КОШАЧЬИ ВРАТА является логическим завершением большого цикла А. Нортон о Колдовском мире. В книгу также включён сборник новелл из этого же цикла.

*Печатается с разрешения автора и его литературного агента.
Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом
без разрешения — запрещена. Всякое коммерческое
использование данного издания возможно исключительно
с ведома издателя.*

Н $\frac{4701000.000 - 8}{480 (03) - 94}$ Без объявления

ББК 84.7 США
ISBN 5 — 86314 — 029 — 1

LORE OF THE WITCH WORLD
© 1980 by Andre Norton
THE GATE OF THE CAT
© 1987 by Andre Norton

- © Издательство «Зеленоградская книга», 1994г.
- © Пер. с англ. «Преданья колдовского мира», Д. Арсеньев, 1994г.
- © Пер. с англ. «Жабы Гриммердейла», К. Королёв, 1992г.
- © Пер. с англ. «Кошачьи врата», Д. Арсеньев, 1994г.
- © Художник Д. Аввакумов, 1994г.

ПРЕДАНИЯ КОЛДОВСКОГО МИРА

ПАУЧИЙ ШЁЛК

1

Большая буря в год Кобольда пришла поздно, много позже обычного времени, когда её ожидали. И это было только частью того зла, которое навлекли на Эсткарп его хранительницы, когда собрали величайшие силы, искорёжившие и разрушившие горы, намертво запечатав проходы, через которые могло произойти вторжение Карстена.

Раннок оказался беззащитным перед бурей. Только пророческий сон Мудрой Женщины — Ингварны — позволил вовремя увести женщин и детей на высоты, откуда они со страхом смотрели, как море обрушивается на сушу. Вода поднялась так высоко, что волны кипели у самых Змеиных Камней на холмах. Лишь ещё выше, у скалы Тора, смогли спрятаться беженцы, которые теперь, почти теряя сознание от ужаса, ожидали неминуемого конца.

Кто мог надеяться теперь на возвращение рыбацкого флота, только вчера вышедшего в море? Вернутся разве что обломки, игрушки штормовых волн.

А на берегу оставалась только горстка стариков и мальчишек да один или два таких как Хердрек, Хромоногий, деревенский кузнец. Потому что Раннок сильно обеднел мужчинами, как и всем остальным, с тех пор как война начала опустошать Эсткарп. С севера грозил Ализон, ястреб, готовый сорваться с насеста и устремиться на добычу; на юге кипел и бурлил Карстен, как будто за рухнувшими горами ещё сохранялось что-то живое.

Мужчины, выступившие вместе с пограничниками лорда Симона Трегарта или служившие под знамёнами колдуний из Эсткарпа, где они? Семьи давно отчаялись и перестали их ждать. С того времени, как старик Набор (а ему уже перевалило за сотню) был молод и зелен, в этой земле не было мира.

Однако именно Набор, преодолевая силу ветра, вместе с Ингварной взобрался на скалу Тора; они стояли там, прижавшись плечом к плечу. И он, и она с тревогой смотрели на море. Старик не верил, что Ингварна ещё ждёт возвращения флотилии, хотя и знал, что она может предвидеть будущее.

Беспорядочно вздымавшиеся волны гигантскими кулаками били по скалам. Набор увидел корабль, поднимавшийся и падавший в воду совсем близко от ужасных клыков Змея. Но вот огромный вал перенёс его через эти страшные скалы на относительно спокойную воду за ними. Набор вздохнул облегчённо, как моряк, увидевший чудо: жизнь была выхвачена прямо из клыков смерти. К тому же Раннок обладает правом на останки кораблекрушения. И если корабль продержится, его груз принадлежит тому, кто сумеет доставить его на берег. Старик уже повернулся, чтобы отыскать Хердрекка и остальных и послать их за добычей, когда Ингварна повернула голову и сквозь дождь посмотрела ему в глаза. В её пристальном взгляде сквозило предупреждение.

— Кто-то приходит...

Он видел, как губы её произнесли это слова, но голоса за рёвом ветра и волн не слышал.

И в этот момент раздался страшный грохот, перекрывший даже удары грома. Незнакомый корабль избежал гибели на скалах, но теперь его выбросило на берег, и прибой быстро доламывал его.

К наблюдателям, хромая, присоединился Хердрек.

— Это рейдер, — выкрикнул он в промежутке между порывами ветра. — Наверное, кто-то из морских собак Алисона, — и плюнул в направлении корпуса корабля.

Ингварна уже направлялась к берегу, как будто её влекло туда что-то очень важное. Хердрек предупреждающе крикнул, но она даже не повернула головы. Громко проклиная глупость всех женщин — впрочем, в следующее мгновение кузнец понадеялся, что Мудрая Женщина его не слышала, — Хердрек последовал за нею, а за ним побежали двое его ребят.

Когда они добрались до берега, буря начала стихать. Волны почти целиком забросали разбитый корабль водорослями. Хердрек обвязался прочной верёвкой, приказал крепко держать её и двинулся в прибой. С помощью свисавших обрывков вант и сорванных ветром парусов он забрался на борт.

Там он увидел плотно закрытый и перевязанный верёвками люк. Кузнец достал нож и разрезал верёвки.

— Эй! — голос его гулко отозвался в темноте внизу — Есть там кто?

В ответ раздался тонкий крик, словно ему откликнулась морская птица, которая над стихающим морем охотится за добычей бури. Но он решил, что это не птица. Осторожно, оберегая больную ногу, кузнец спустился в вонючий трюм. То, что он увидел, вызвало у него тошноту и гнев против тех, кто владел кораблём. Судно оказалось перевозчиком рабов. Жители Раннока о таких слышали, они торгуют живым товаром.

Однако из всего груза выжил только один человек. И Хердрек вынес её из ужаса этой тюрьмы. Это была маленькая девочка, худая, с кожей, обтягивающей кости, с огромными глазами, серыми и невидящими. Ингварна забрала девочку у кузнеца, словно имела на это право, и завернула тощее тело в свой тёплый плащ.

Жители Раннока так никогда и не узнали, откуда была родом Дайрин. То, что работоторговцы грабили где придётся по всему побережью, не было тайной. К тому же жители деревни вскоре обнаружили, что девочка слепа. Ингварна, Мудрая Женщина, искушённая в лекарственных травах и заговорах, умеющая вправлять кости и залечивать раны, печально покачала головой после этого открытия и сказала что слепота девочки не от телесного повреждения. Должно быть, девочка увидела что-то настолько ужасное, что её мозг вообще отказался смотреть.

Девочке было лет шесть-семь, но дар речи, казалось, тоже покинул ребёнка, и участью её оставался только страх. Женщины Раннока пытались утешить её, но в

глубине души хотели, чтобы она оставалась с Ингварной; впрочем, они считали, что та довольно странно обращается с девочкой. Потому что Мудрая Женщина никак не пыталась облегчить жизнь ребёнка. Напротив, с самого начала она обращалась с морским найдёнышем не как с калекой — телом или душой, а как с деревенской девочкой, которую выбрала себе в ученицы, и школа этой девочке предстояла весьма трудная.

Жизнь в эти годы в Ранноке была тяжёлой. Половина флотилии так и не вернулась в посёлок из пасти бури. Не появлялись и береговые торговцы. Наступила трудная зима. Но именно в это время Дайрин впервые показала своё искусство. Хотя глаза её и не видели, что делают пальцы, но она чинила рыбацкие сети с таким мастерством, что тому изумлялись даже опытные женщины.

На следующую весну, когда жители деревни срезали шары локута, чтобы высвободить семена для посадки, Дайрин заинтересовалась шелковистыми внутренними волокнами, она ловко сплетала и расплетала их. Ингварна и Хердрек изготовили маленькое веретено и показали ребёнку, как им работать.

И Дайрин на удивление хорошо им воспользовалась. Её маленькие птичьи пальчики тянули нить тоньше, чем удавалось другим, и никогда не делали узлов. Но девочка всегда казалась недовольной, стремясь сделать свою ткань ещё тоньше, ещё изящнее.

Мудрая Женщина учила свою приёмную дочь и многому другому, учила пользоваться пальцами и обонянием в огороде трав. Дайрин легко усваивала заговоры — немаловажную часть знаний Мудрой Женщины. Усваивала очень быстро, и всегда в ней ощущалось какое-то нетерпение. А когда девочка допускала ошшибки, то очень сердилась на себя. И больше всего сердилась, когда испытывала потребность в каком-нибудь орудии или инструменте, который не могла описать.

Как-то раз Ингварна пришла переговорить с Хердрексом (он к этому времени стал старейшиной деревни) и задум-

чиво сказала, что, возможно, искусство Мудрой Женщины может восстановить утраченную память Дайрин. Когда кузнец спросил, почему она не говорила об этом раньше, Ингварна серьёзно ответила:

— Этот ребёнок не нашей крови, она была пленницей морских собак. Имеем ли мы право возвращать ей ужасы прошлого? Может, Гуннора, покровительница всех женщин, из жалости отняла у неё память. А если так...

Хердрек прикусил палец, глядя на Дайрин, работавшую у ткацкого станка, который для неё построили по его же приказу; время от времени девочка раздражённо хлопала по станку рукой. Казалось, она хотела переделать станок, изменить тяжёлые деревянные детали, чтобы они лучше служили ей.

— Мне кажется, она со временем становится всё более и более несчастной, — медленно согласился он. — А вначале казалась вполне довольной. Теперь же она иногда ведёт себя так, как снежная кошка в западне. Мне это не нравится.

Мудрая Женщина кивнула.

— Верно. По-моему, это правильный выбор.

Ингварна подошла к девочке, взяла её за руки, повернула и посмотрела прямо в невидящие глаза. Когда женщина прикоснулась к ней, девочка застыла.

— Оставь нас, — сказала Мудрая Женщина кузнецу.

В тот же вечер, когда Хердрек работал у своего горна, Дайрин пришла на свет его огня. Не колеблясь, она направилась прямо к кузнецу. У девочки был острый слух, и она часто удивляла жителей деревни, обнаруживая их присутствие. Но теперь она протянула к кузнецу руки, как к любимому отцу. И он понял, что всё в порядке, несмотря на явно тяготившую её слепоту.

К середине лета, когда отцвели локуты и осыпались их цветы, Дайрин часто уходила в поля, ласково прикасаясь пальцами к набухавшим шарам. Иногда она пела странные песни на чужом языке, словно растения — это дети (вначале ростом ей по колено, потом — по плечо), которых нужно забавлять и о которых нужно заботиться.

Хердрек, следуя указаниям девочки, изменил устройство её станка. А от Ингварны она узнавала тайны красок, да и сама с ними часто экспериментировала. У неё не было настоящих друзей среди немногих детей умирающей деревни. Вначале потому, что она почти не выходила одна, без Ингварны, а дети побаивались Мудрой Женщины. А потом из-за своих странных поступков: она казалась очень серьёзной и взрослой для своих лет.

Только на шестой год после её появления к берегу пристал корабль салкаров — первое чужое судно после того кораблекрушения. И капитан корабля принёс весть, что война наконец закончилась.

Поражение захватчиков из Карстена, которые так истощили силы правительниц Эсткарпа, было полным. Теперь главнокомандующим армий Эсткарпа стал Корис из Горма, потому что многие колдуньи погибли в борьбе с врагом. Но мир всё же не вернулся на утомлённую войной землю. Морские собаки получили подкрепление от остатков разбитого флота Карстена. И как всегда во времена смуты, многие другие волчьи головы, не знающие ни родины, ни верности, как могли опустошали земли. Силы капитан-генерала Кориса пытались защитить границы, но справиться с мелкими неожиданными нападениями, когда нападавшие так же стремительно уходили, защитники никак не могли.

На капитана салкарского корабля произвела большое впечатление сотканная Дайрин ткань, и он предложил Ингварне гораздо большую плату, чем можно было ожидать в этой забытой всеми деревне. Девочка его очень заинтересовала, и он пытался разговаривать с ней на нескольких языках. Но она отвечала только на языке Эсткарпа, сказав, что других не знает.

В разговоре с Ингварной капитан сказал, что встречал похожих на неё людей в своих странствиях, но не помнит где. И он считал, что она не простого рода.

Год спустя Ингварна передала все свои знания Мудрой Женщины морскому найдёнышу.

Никто не знал, сколько лет Ингварне, потому что она не проявляла никаких признаков старости, как и все те, кто знает свойства трав и лекарств. Но было правдой, что теперь она ходила медленнее и больше не странствовала одна в поисках мест силы, а брала с собой Дайрин. Никто не знал, что они делали вдвоём, потому что кто же решится подсматривать за женщиной с колдовским даром?

В тот день несколько рыбацких лодок ушли в море до рассвета. Накануне ночью Мудрая Женщина вместе со своей воспитанницей ушли в глубь суши, чтобы навестить некое очень древнее место. Ингварна развела там костёр, который горел не естественным красным пламенем, а скорее голубым. В это пламя она бросала маленькие плотно перевязанные пучки трав, так что вверх поднимался ароматный дым. Но смотрела Мудрая Женщина не на огонь, а на стоявший перед ним камень — камень с гладкой, как стекло, поверхностью цвета лезвия меча.

Дайрин стояла чуть позади Мудрой Женщины. Хотя все эти годы Ингварна учила её, как возмещать другими чувствами исчезнувшее зрение, и теперь пальцы её стояли десяти глаз, ноздри могли уловить запахи, а уши — звуки, которых не чувствовал обычный человек, однако в такие минуты девушка хотела быть такой же, как все, испытывая ощущение огромной потери; слёзы выступали у неё на глазах и медленно текли по щекам. Ингварна много дала ей, но всё же она не такая, как остальные. И иногда одиночество окутывало её, словно тяжёлый плащ. Девушка почувствовала, что Ингварна замыслила какую-то перемену. Но не надеялась, конечно, что сможет видеть, как остальные.

Она ясно слышала пение Мудрой Женщины. Аромат горящих трав заполнил её ноздри, и ей захотелось глотнуть свежего воздуха. Потом последовал приказ, не произнесённый вслух и не переданный прикосновением к руке или плечу. Приказ она услышала мозгом и пошла вперёд, вытянув руки, пока десять пальцев не прижались к дрожа-

щей поверхности камня. Тёплой, даже горячей, так что едва не сжигало кожу, а биение камня совпадало с биением сердца девушки. Но Дайрин стояла неподвижно, а голос Мудрой Женщины становился слабее, как будто девушка отдалилась в пространстве от своей приёмной матери.

Она почувствовала поток энергии, идущий от этой поверхности; тепло растекалось по её пальцам, ладоням, рукам. Ещё слабее слышался голос Ингварны, ради неё вызывающей к странным полузабытым силам.

Тепло постепенно отступало. Девушка не могла сказать, долго ли так простояла. Но наступил момент, когда руки её упали, слишком отяжелевшие, чтобы она могла снова поднять их.

— Что сделано, то сделано, — голос Ингварны тоже звучал тяжело. — Всем, чем могла, я поделилась с тобой. Ты слепа, однако теперь обладаешь зрением, какого нет у обычных людей. Пользуйся им хорошо.

С того дня стало известно, что Дайрин действительно может «видеть» руками. Она могла взять в руки вещь и рассказать, кто её изготовил и когда. Если ей давали в руки клочок шерсти тонкорунной овцы, она говорила встревоженному владельцу, где бродит потерявшееся животное.

Но одним предвидением, сделанным случайно, она ни с кем не поделилась. Во время танца на празднике Урожая Дайрин взяла за руку маленькую Хальду, но тут же выпустила тонкие пальчики девочки, со слезами убежала в дом Ингварны и там спряталась. А через месяц Хальда умерла от лихорадки. С тех пор девушка редко и со страхом пользовалась этим своим даром.

В год Червя, когда Дайрин превратилась в молодую женщину, внезапно умерла Ингварна. Как будто предвидя другой возможный исход, она призвала к себе смерть, как призывают слугу для исполнения приказа.

И хотя Дайрин не была Мудрой Женщиной, она приняла на себя многие обязанности своей приёмной матери. А через месяц после погребения Мудрой Женщины в деревню вновь зашёл салкарский корабль.

Когда капитан рассказывал жителям позабытого всеми селения о происшествиях в мире, глаза его не отрывались от Дайрин, которая, слушая, продолжала ткать. Она явно выделялась среди жителей деревни своими странными светлыми серебряными волосами и серебристыми глазами.

Капитаном этим был Сиббальд Ортис, Сиббальд Однорукый — так прозвали моряка после того, как в битве ему отрубили руку и кузнец приделал салкару новую, железную. Он был молод и недавно начал командовать кораблём, хотя почти всю жизнь, что обычно для его племени, провёл в море.

Он рассказал, что наконец-то на земле установился мир. Корис из Горма твёрдой рукой правил Эсткарпом. Ализон попытался было осуществить вторжение за морем, но потерпел поражение. А Карстен весь охвачен хаосом: каждый принц или лорд выступает против любого другого; морских же пиратов одного за другим вылавливают и предают безжалостной смерти.

Дав понять, что он в Ранноке на законном основании, капитан перешёл к делу и поинтересовался, есть ли у деревни товары, которые могли бы занять место в его трюме?

Хердрек не хотел признаваться в собственной нищете перед этими чужаками. Но кузнецу очень хотелось — и он с трудом скрывал это желание — приобрести хоть часть тех инструментов и орудий, которыми так небрежно пользовались моряки. Но что может найтись на продажу в Ранноке? Сушёная рыба, чтобы продержаться долгую зиму, да немного домотканой одежды.

Жителям деревни будет даже трудно устроить пир в честь гостей, как того требует обычай. Но отказаться от этого — значит отказаться от всех законов предков.

Дайрин, слушая капитана, жалела, что не может коснуться его руки, узнать, что это за человек, бывавший так далеко и видевший так много. И тоскливо подумала, как было бы хорошо хоть ненадолго избавиться от привычной, хорошо знакомой жизни Раннока, увидеть, что лежит

дальше, в мире за пределами деревни. Пальцы её продолжали уверенно держать нить, но мысли витали далеко.

Внезапно очнувшись от размышлений, девушка подняла голову, потому что почувствовала: кто-то остановился рядом с ней. Обоняние уловило запах просоленной морем кожи, другие запахи. Незнакомец, один их моряков с салкарского корабля.

— Ты очень искусна в этой работе, девушка.

Она узнала голос предводителя салкаров.

— Это моё умение, капитан.

— Говорят, судьба тебя не баловала, — он говорил откровенно, и это ей понравилось.

— Нет, лорд капитан. Жители Раннока всегда были добры ко мне. И их Мудрая Женщина удочерила меня. Поэтому, хотя глаза мои и закрыты для мира, руки хорошо служат мне. Пойдём, увидишь сам! — сказав это с гордостью, она встала со стула и сунула веретено за пояс.

Дайрин привела его в свой дом, пропахший ароматами трав, и указала на ткацкий станок, изготовленный для её Хердреком.

— Как видишь, лорд капитан, я не бездельничаю, хоть и слепа.

Она знала, что в её незаконченной ткани нет изъянов.

Ортис некоторое время молчал. Потом она услышала его удивлённый возглас.

— Прекрасная ткань. Ни в плетении, ни в цвете совсем нет ошибок... Как тебе это удалось?

— Собственными руками, лорд капитан! — Дайрин рассмеялась. — Дай мне что-нибудь принадлежащее тебе, и я покажу, что вижу пальцами лучше, чем глазами.

Девушку охватило непривычное возбуждение: она знала, что наступает очень важный момент в её жизни. Послышался лёгкий шелест, словно разворачивали ткань, и ей в руки положили ленту.

— Расскажи, — приказал капитан, — откуда это и как сделано.

Она провела пальцами по шёлковой ленте.

Это было соткано — да. Но её «видящие» руки не давали

изображения человеческих пальцев, занятых такой работой. Нет, органы, создавшие эту ткань, имели какую-то странную форму. И работали так быстро, что мелькали, почти сливаясь друг с другом. Это сделала не женщина. Во всяком случае не женщина, каких знает Дайрин. Но что-то женское в этом есть.

— Паучий шёлк... — она сама не знала, что произнесёт, пока не услышала свои слова. Но не обычный паук. Ткала всё-таки женщина... нет, не женщина...

Она поднесла ленту к щеке. И в ней возникло горячее желание узнать как можно больше о том, как это сделано.

— Ты права, — голос капитана нарушил её сосредоточенность. — Эта ткань из Устурта. Если бы у меня было хотя бы две штуки такого материала, путешествие окупилось бы втрое.

— А где этот Устурт? — спросила Дайрин. Если бы она могла отправиться туда, узнать... — И кто такие ткачихи? Мне они не кажутся похожими на людей.

Она снова услышала его удивлённый возглас.

— Увидеть ткачих, — сказал он тихо, — это смерть. Они ненавидят людей...

— Нет, лорд капитан! — возразила Дайрин. — Не всех людей они ненавидят, только мужчин, — знание пришло к ней от этой полоски в руках.

Какое-то время она молчала. Неужели салкар сомневается в её словах?

— Никто не плавает добровольно в Устурт, — сказал он. — Эту ленту дал мне человек, который, рискуя жизнью, всё-таки осмелился побывать там и ушёл с огромным трудом. Но он умер вскоре после того, как мы выловили его на плоту в открытом море.

— Капитан, — девушка погладила шёлк. — Ты сказал, что такая ткань — настоящее сокровище. Мой народ беден и становится всё беднее. Если кто-нибудь узнает тайну этой ткани, что хорошего нам это даст?

Он резко выдернул у неё ленту.

— Это невозможно.

— Возможно! — Дайрин заговорила быстро, одно слово за другим: — Женщины — самки — соткали это. С женщиной, тоже ткачихой, они обойдутся по-другому.

Большие мозолистые руки сжали ей плечи.

— Девушка, даже за всё золото Карстена я не послал бы женщину в Устурт! Ты не понимаешь. о чём говоришь. Это правда, что у тебя есть Дар. Но ты не обученная колдунья, и ты слепа. И предлагаешь такую глупость... Эй, Видрут, в чём дело?

Дайрин уже почувствовала чьё-то приближение.

— Прилив начался. Нам нужно сменить стоянку у скал, капитан.

— Хорошо. Ну, девушка, да послужит тебе защитой Правая Рука Лракена. Когда зовёт корабль, ни один капитан не станет медлить.

И прежде чем она успела пожелать салкару добра, тот исчез. Девушка присела на свою жёсткую скамью у станка. Руки её дрожали, из глаз капали слёзы. Она чувствовала себя так, словно ей дали в руки сокровище, а потом безжалостно его отняли. Она была уверена, что инстинкт не обманывал её, что если кто-то и может узнать тайны Устурта, то только она.

Теперь, когда она прикоснулась к собственной ткани, та показалась ей грубой и отвратительной. Мысленно она видела лес, в котором от дерева к дереву протянулись сверкающие паутины из прямых нитей.

Через открытую дверь донёсся морской ветер. Дайрин подняла голову, словно кто-то потянул её за волосы.

— Кто ты? — быстро спросила она.

— Я Видрут, девушка, помощник капитана Ортиса.

Она быстро встала.

— Он принял мой план? — она не видела другой причины появлению моряка в её доме.

— Да, девушка. Он ждёт нас. Дай мне руку... вот так...

Мужские пальцы крепко сжали Дайрин. Она попыталась высвободить руку. Этот человек — что-то в нём было неправильное. Но тут на девушку упал плащ и так крепко окутал её, что она не могла бороться. Нечистые запахи

заполнили ноздри, но хуже всего было то, что Видрут звалил её на плечи, как будто она — всего лишь связка товара.

2

Дайрин принесли на борт корабля: спеленавший девушку плащ не мешал её слуху и обонянию. Но в своих мыслях она не могла разобраться. Почему капитан Ортис вначале так яростно и искренне (прикоснувшись к нему, она узнала, что он искренен) отказывался взять её? А потом этот человек попросту похитил её, как женщину во время набега.

Хорошо известно, что Салкары не занимаются работорговлей. Тогда почему?

Наконец с девушки сняли плащ. Однако воздух, который Дайрин с благодарностью втянула в лёгкие, не был свежим морским воздухом, его наполняло такое зловоние, что она сама себе показалась нечистой. И девушка подумала, что её тюрьма спрятана где-то глубоко в трюме корабля.

— Зачем ты это сделал? — спросила Дайрин у человека, который тяжело дышал рядом с ней.

— Приказ капитана, — ответил тот, приблизившись к ней, так что она не только ощутила запах нечистого тела, но и его тепло. — У него есть глаза, у нашего капитана. Какая гладкокожая красивая девчонка...

— Оставь её, Вэк! — это был Видрут.

— Слушаюсь, капитан, — ответил тот с ноткой лёгкого презрения. — Тут она в безопасности...

— И тут и останется. В безопасности от тебя, Вэк, и таких, как ты. Убирайся!

Вэк зарычал, будто собирался оспорить право приказывать ему. Потом Дайрин уловила звук открывшейся и закрывшейся двери.

— Ты не капитан, — сказала она в наступившей тишине.

— Произошла смена в команде, — возразил Видрут. — Последние месяцы капитан не приносил нам удачи. И

когда мы узнали, что он не собирается увеличить наши шансы... он был...

— Убит!

— Вовсе нет! Думаешь, мне нужна кровная вражда со всем его кланом? Салкарам не больно нравится, когда кому-то из их рода выпускают красную жизнь из жил.

— Не понимаю. Вы же все салкары...

— Отнюдь, девушка. Мир изменился с тех пор, как только салкары правили морями. Они бойцы, а бойцы часто гибнут. Они, сражаясь с колдерами, взорвали Салкаркип, тем самым уничтожили врага, но и сами многих потеряли. Потом они сражались с Карстеном, участвовали во взятии Горма, да. А потом защищали моря от морских собак Ализона. И потеряли многих, очень многих. И теперь, когда нужно вывести корабль из гавани, им приходится нанимать других, а не только своих родичей, чтобы поднять паруса и лечь на курс. Нет, мы не убили Сиббальда Ортиса, он нам может ещё пригодиться. И он в безопасности, девушка.

А теперь перейдём к нашему делу. Я слышал твой разговор с Ортисом. К тому же от этих голодранцев, что живут Ранноке, я многое о тебе узнал. Ты владеешь Даром Мудрой Женщины, хотя не можешь полностью овладеть силой, потому что слепа. И ты сама сказала: если кто-то может поладить с этими дьявольскими самками из Устурта, то это ты.

Подумай о паущем шёлке, девушка. Ты ведь держала в руке кусок, который тебе дал Ортис. И многое можешь, если только жители Раннока не спятили. Но в это я не верю. Такой шанс у человека бывает только раз в жизни.

Она слышала алчность в его голосе. Может, эта алчность послужит ей защитой. Видрут позаботится об её безопасности. По той же причине, по которой он будет заботиться и о Сиббальде Ортисе.

— Зачем же ты тогда захватил меня, если у тебя добрые намерения? Если ты слышал мой разговор с капитаном, то знаешь, что я пошла бы на это добровольно.

Он рассмеялся.

— Думаешь, эти сухопутные полулюди отпустили бы тебя? Три четверти колдуний погибли, собственная Мудрая Женщина тоже в могиле, и они не отдали бы тебя, даже если Дар твой совсем мал. Теперь на этой земле нужен каждый, кто обладает хоть крупницей силы.

Ну, да это неважно. Тебя с радостью примут, когда ты вернёшься, узнав тайну Устурта. Если, конечно, захочешь вернуться.

— Но откуда ты знаешь, что в Устурте я буду стараться ради тебя?

— Потому что не захочешь, чтобы самкам отдали капитана. Они не очень-то добры к пленникам.

В словах его слышался страх, который он тщетно пытался подавить.

— К тому же, если ты не будешь нас слушаться, мы просто уплывём и оставим тебя в Устурте на всю жизнь. Туда не ходят корабли. Долгая жизнь и никого твоего племени рядом... Подумай об этом, девушка.

Он немного помолчал, потом добавил:

— Заключим сделку, девушка, и поклянёмся, что будем выполнять её условия. Ты договариваешься с ткачихами, мы отвозим тебя назад в Раннок или куда захочешь. Мы даже можем посадить с тобой капитана. Никому не будет причинено вреда. Мы даже выделим тебе часть шёлка. Ты сможешь тогда купить себе весь Раннок с окрестностями и стать хозяйкой крепости.

— Ещё одно... — Дайрин с содроганием вспомнила Вэка. — Твои люди не должны касаться меня. Ты ведь знаешь, что в таком случае происходит с Даром?

Когда Видрут ответил, в голосе его звучала угроза, хотя нацелена она была не на неё.

— Все знают, что Дар покидает женщину, которая разделила ложе с мужчиной. Никто тебя не потревожит.

— Да будет так, — ответила она с внешним спокойствием, которое ей трудно было сохранить. — У тебя есть тот кусок шёлка? Мне он нужен, чтобы узнать побольше.

Она услышала, как скрипнула дверь её тюрьмы. Когда

всё стихло, она принялась за исследования. Каюта была совсем маленькой; у стены полка, стул, как будто привинченный к палубе и больше ничего. Заключили ли капитана Ортиса в такой же каморке? И как сумел Видрут отстранить капитана? То, что она узнала о капитане Сиббальде Ортисе во время их короткого разговора, заставляло думать, что с ним нелегко справиться врагу.

Когда Видрут вернулся и положил ей на руки шёлковую ленту, Дайрин спокойно сидела на стуле.

— Узнавай, что сможешь, — сказал он. — Если ветер будет нам благоприятствовать, через два дня пути мы достигнем Устурта. Пищу, воду, всё, что захочешь, тебе принесут, и стражник будет следить, чтобы тебя не тревожили.

Держа в руках мягкий шёлк, Дайрин сосредоточилась. Никаких иллюзий относительно Видрута у неё не было. Для него и остальных она всего лишь оружие. Она слепа, поэтому, несмотря на все эти разговоры о Даре и силе, он её недооценивает. С ней не раз в прошлом уже случалось подобное.

Дайрин сознательно отгородилась от мира, закрыла уши, чтобы не слышать скрипа снастей, плеска волн, закрыла нос для многих неприятных запахов. Снова её «зрение» направилось внутрь. И девушка «увидела» голубые руки (которые, вообще-то, совсем не руки), занятые тканьем. Материал не был одноцветным, он переливался яркими чистыми красками, для описания которых у неё бы не нашлось слов.

Теперь Дайрин попробовала заглянуть за эту ткань и увидеть станки. У неё сложилось впечатление высоких тёмных стоек. И это не гладкое оструганное дерево. Нет, поверхность неровная. Это же деревья, растущие деревья!

Руки — теперь нужно сосредоточиться на двигающихся руках ткачих.

Но в этот момент раздался стук в дверь, нарушивший сосредоточенность девушки. Раздражённая, она повернула голову к двери каюты.

— Войдите!

Снова скрип петель, стук обуви, запах просоленной кожи, запах мужчины. Вошедший беспокойно откашлялся.

— Леди, вот еда.

Дайрин отложила ленту и протянула руки: неожиданно она почувствовала голод и жажду.

— С твоего разрешения, леди, — он сунул ей в правую руку кружку, поставил на другую ладонь чашку. — Вот здесь ложка. У нас только корабельный эль, леди, и похлёбка.

— Спасибо, — ответила она. — И как же тебя зовут, моряк?

— Ротар, леди. Я ношу щит без герба, и я не настоящий моряк. Но так как другого ремесла, кроме войны, не знаю, это дело так же хорошо, как всякие другие.

— Но в этом ты всё же сомневаешься, — Дайрин, поставив кружку на палубу, зажала её меж своими изношенными сандалиями. Потом мягко взяла моряка за руку и попробовала прочесть. Девушке подумалось, что она не должна упускать возможности больше узнать о подчинённых Видрута; она чувствовала, что Ротар совсем не то, что Вэк.

— Леди... — произнёс он очень тихо и быстро, — говорят, ты разбираешься в травах. Почему бы тогда Видруту не отвести тебя к капитану? Что за странная быстрая болезнь его поразила?

Человек, руку которого держала Дайрин, был тоже молод. И в нём не было желания обманывать.

— Где лежит капитан? — тоже негромко спросила она.

— В своей каюте. Он в лихорадке и бредит. Как будто околдован и...

— Ротар! — резкий крик от двери. Рука, которую она держала, резко высвободилась. Но она успела почувствовать прилив страха.

— Я пообещал, что тебя не будут тревожить! Этот щенок приставал к тебе? — спросил Видрут.

— Вовсе нет, — Дайрин сама удивилась тому, какой у

неё спокойный голос. — Он был очень добр и принёс мне еды и воды, я в этом нуждалась.

— А теперь — прочь! — грубо приказал Видрут. Девушка улышалась, как за Ротаром закрылась дверь. — Что же ты узнала, девушка, из этого куска шёлка?

— У меня было мало времени, лорд. Дай мне больше. Я должна изучить ткань.

— Так сделай это, — приказал он и тоже вышел.

Больше он не приходил, и Ротар больше не приносил ей пищу. Но Дайрин думала о том, что молодой воин рассказывал ей о капитане. Со слов Видрута выходило, что весь экипаж на его стороне в плане захватить корабль и плыть в Устурт. Есть травы, которые, если поместить их в еду или питьё, надолго погрузят человека в глубины лихорадки. Если бы она смогла осмотреть капитана, она бы знала. Но выйти из каюты она не могла.

Время от времени неожиданно появлялся Видрут и спрашивался, что нового она узнала о ленте. В его вопросах звучала такая алчность, что девушке с трудом удавалось сохранять спокойствие. Наконец она сказала ему:

— Разве ты не знаешь, капитан, что Дар нельзя заставить? Я пыталась узнать всё, что можно. Эта ткань сделана не людьми. А природу чужака не так легко раскрыть. Несмотря на все попытки, я не могу мысленно представить себе их. Ясно вижу только сам процесс ткачества.

И когда он не ответил, Дайрин продолжила:

— Это ведь дело не тела, а ума. По такой дороге нельзя бежать, как взрослый, следует ползти, как ребёнок.

— Тебе осталось меньше дня. Ещё до захода солнца мы увидим берега Устурта. О колдовской силе я знаю только по рассказам, а эти рассказы часто искажают суть. Помни, девушка, жизнь твоя зависит от твоего «видения»!

Она слышала, как он уходит. Лента больше не казалась мягкой и лёгкой. Напротив, она лежала на руках, как рабские цепи. Дайрин поела корабельных сухарей с принесённой Видрутом тарелки. Действительно, время прошло, а она ничего существенного не добилась.

Да, теперь она хорошо представляла себе станок и видела, как появляется шёлк под быстрыми пальцами. Но тело за этими пальцами она никак не могла рассмотреть. И как ни старалась, не могла увидеть ни одной из ткачих, делающих эту ткань.

Капитан Ортис — его она видела, потому что он держал ленту в руках. Видела и Видрута. Был и третий, менее различимый, укрытый чёрным облаком страха. День сейчас или ночь? Она утратила представление о времени. Но чувствовала, что корабль всё ещё идёт по ветру.

И вдруг — она не одна в каюте. Хотя предупреждающего скрипа двери девушка не слышала. Страх заставил её сжаться, напряжённо сидя на стуле, рассчитывая только на мозг.

— Леди?

Ротар? Но как он вошёл?

— Где ты? — Дайрин пришлось облизать губы, прежде чем она смогла произнести эти слова.

— Сейчас тебя высадят на берег Устурта. Капитан Ортис вышел, опираясь на руку Видрута, он весь дрожит. И он не отдаёт приказы, только Видрут. Леди, здесь что-то неправильно — потому что мы в Устурте. И Видрут командует. Это неправильно.

— Я знала, что должна буду идти в Устурт, — ответила девушка. — Ротар, если ты верен капитану, знай, что он пленник Видрута, как и я. И если я не исполню приказ Видрута, придёт ещё большая беда.. смерть..

— Ты не понимаешь! — голос его звучал хрипло. — На этой земле живут чудовища. Говорят, один их вид сводит человека с ума!

— Но я-то их не увижу. — напомнила ему Дайрин. Сколько у меня ещё времени?

Совсем немного.

Где я и как ты попал сюда?

Ты в сокровищнице, под каютой капитана. Я воспользовался потайным ходом, потому что впервые капитан и Видрут вместе вышли из каюты. Они должны внимательно следить за проходом мимо рифов во внутреннюю лагуну.

— Ты можешь провести меня в каюту капитана? — если она узнает, как Видрут подчинил себе капитана, то, может быть, поможет человеку, которому верит.

— Дай мне твои руки, леди. У нас очень мало времени.

Она протянула руки, и её запястья сразу болезненно сжали, однако Дайрин не пожаловалась и не издала ни звука. Сильным рывком её подтянули вверх, словно Ротар делал это одним усилием. Когда он снова поставил девушку на ноги, она почувствовала, что вокруг гораздо больше пространства. И через какое-то окно сюда залетал свежий морской ветерок.

Но этого было недостаточно, чтобы скрыть от неё красноречивый запах — запах зла.

— Отпусти меня и ничего не трогай, — приказала Дайрин Ротару. — Я буду искать, и малейшее твоё прикосновение собьёт меня.

Она медленно отвернулась от ветра, повернула направо.

— Что передо мной?

— Постель капитана, леди.

Шаг за шагом она двинулась в том направлении. Запах зла становился сильнее. Чем именно это было, Дайрин ещё не знала: Ингварна учила её различать тьму, но всё же она знала пока очень мало. Однако девушка хорошо различала острый запах какого-то чёрного колдовства.

— Сними всё с постели, — приказала она. — Если увидишь что-то необычное, не трогай руками. Лучше используй что-нибудь железное. И быстро выбрось в океан.

Он ни о чём не спрашивал, и Дайрин внимательно слушала его торопливые движения. А потом...

— Здесь... корень, весь перекрученный. Под подушкой, леди.

— Подожди! — может, теперь вся постель пропитана злом, и недостаточно просто уничтожить его источник. — Собери всё — подушку, одеяло — и в море! — приказала она. — Спусти меня назад в сокровищницу и, если будет время, заправь постель заново. Я не знаю, что за колдов-

ство тут было использовано. Но оно от Тьмы, а не от Силы. Постарайся не прикасаться к нему.

— Я так и сделаю, леди! — горячо ответил Ротар. — Отойди, я избавлюсь от этого.

Девушка отступила и услышала стук его морских сапог: он прошёл к источнику ветра.

— Теперь я отведу тебя в безопасное место, леди. Пока капитан не придёт в себя и не сместит Видрута.

Он сжал её руками и осторожно опустил вниз в сокровищницу. Дайрин внимательно прислушалась. Но как воин закрыл потайной ход, а девушка не сомневалась в том, что он сделал это, она не уловила.

3

Ей не пришлось долго ждать: дверь в каюту открылась, и она узнала шаги Видрута.

— Слушай внимательно, девушка, — приказал он — Устурт — это остров, один из цепи островов, уходящих в море от берега. Когда-то эти острова могли быть частью суши. Сейчас большинство из них — голые скалы, которые омывает такое течение, что пристать невозможно. Так что не думай, что сможешь уплыть помимо нас. Мы высадим тебя на берег и будем ждать в море. Когда разознаешь всё, что мы хотим, выходи на берег и положи три камня один на другой...

Дайрин показалось, что его приготовления недостаточно продуманы. Но она ни о чём не спрашивала. Надеяться она могла только на Ротара и капитана. Видрут сжал ей руку. Потом подвел её к лестнице, положил руку на перила.

— Поднимайся, девушка. И лучше тебе выполнить твою часть договора. В команде есть такие, кто боится колдовства; они говорят, что имеется только один способ обезоружить колдунью. Ты знаешь этот способ...

Она вздрогнула. Да, чтобы уничтожить силу колдуньи, нужно насладиться ею как женщиной. Все мужчины опытни в таких делах.

— Ротар переправит тебя на берег, — продолжал Видрут.
— И мы будем следить за вами. Не вздумай уговаривать его нарушить приказ: всё равно здесь деваться некуда...

Дайрин оказалась на палубе, услышала голоса. Где стоит капитан Ортис? Видрут не дал ей времени разобраться в звуках. Он подтолкнул девушку к поручню. Потом подхватил на руки, словно она маленький ребёнок, и опустил в другие руки. Её посадили на скамью.

Рядом слышался рокот моря, и девушка различила скрип вёсел в уключинах.

— Ты считаешь меня колдуньей, Ротар? — спросила она.

— Леди, я не знаю, кто ты. Но могу поклясться, что ты в опасности. Видрут очень опасен. Если капитан придёт в себя...

Он замолчал, потом продолжил:

— За время войн я привык ненавидеть, когда мужчину или женщину заставляют служить силой. У меня нет будущего, я порождение войны и не имею другой профессии, кроме убийства. Поэтому я сделаю, что смогу, чтобы помочь тебе и капитану.

— Ты так молод, а говоришь, что у тебя нет будущего.

— Но в убийствах я стар, — мрачно ответил он. — И видел много таких, как Видрут. Леди, мы у берега. И за нами следят с корабля. Когда я буду высаживать тебя, незаметно возьми то, что найдёшь у меня на поясе, и спрячь. Это нож, сделанный из лучшей небесной стали; его выковал сам Хамрейкер. По правде говоря, он не мой, а капитана.

Дайрин поступила, как он велел, когда Ротар переносил её через невысокий прибой на сухое место. В ней ожили воспоминания. Она уже видела такой нож... в нём отражался огонь пожара...

— Нет! — вслух крикнула она, чтобы отогнать это видение. Но продолжала сжимать пальцами рукоятку ножа.

— Да! — воин сильнее сжал её. Он не понимал причины,

но ощутил внутреннее смятение девушки. — Ты должна взять его.

— Иди прямо вперёд, — затем велел он ей. — На корабле на тебя нацелили большой самострел. Впереди деревья. Говорят, там и живут пауки. Леди, я не могу открыто помогать тебе, потому что это наверняка приведёт меня к смерти. Но чем смогу, помогу.

Дайрин охватила неуверенность. Она казалась себе обнажённой, уязвимой перед тем, чего не знает. Но те, кто следит за нею, не должны этого заметить. Запястье у неё было перевязано шёлковой лентой. А в складках платья она спрятала нож. Слегка поворачивая голову по сторонам, девушка сосредоточенно прислушалась и медленно пошла вперёд, преодолевая сопротивление песка.

Прохлада — должно быть, она вошла в тень деревьев. Дайрин протянула руку, нащупала грубую кору, обошла ствол и встала за ним, превратив дерево в преграду между её спиной и тем самострелом, о котором предупредил Ротар.

И тут же девушка поняла, словно об этом сказали глаза, что за нею следят не только с корабля. Они шла под наблюдением кого-то — или чего-то — ещё. Дайрин использовала все свои способности, пытаясь определить, что это.

Мгновением позже она ахнула. В её открытый мозг проник поток мысли. Её словно схватили гигантской рукой, поднесли к огромным глазам и стали рассматривать — снаружи и изнутри.

Дайрин пошатнулась, потрясённая этим нефизическим прикосновением, разглядыванием. Это не человеческое исследование, но в то же время и не враждебное, поняла она, пытаясь сохранить спокойствие.

«Зачем ты пришла сюда, самка?»

Эти слова чётко прозвучали в сознании Дайрин. Но она по-прежнему не могла создать мысленно изображение спрашивающего. Дайрин чуть повернулась вправо и протянула вперёд руку с повязкой.

— В поисках тех, кто может соткать такую красоту, — ответила она вслух, в то же время думая, смогут ли услышать и понять её слова.

Снова пришло ощущение, что её рассматривают, оценивают. На этот раз она выдержала, не дрогнув.

«Ты считаешь эту вещь прекрасной?» — вновь возник в голове мысленный вопрос.

— Да.

«Но у тебя нет глаз, чтобы увидеть её», — это прозвучало резко, словно отрицание слов девушки.

— У меня нет глаз, это правда. Но я научилась вместо них пользоваться пальцами. Я тоже тку, но только так, как умеет моё племя.

Молчание, потом прикосновение к руке, такое лёгкое, что Дайрин не была даже уверена, что на самом деле ощутила его. Девушка ждала. Она понимала, что здесь есть свои преграды, и она сможет идти дальше, только если ей разрешат.

Снова прикосновение к руке, на этот раз более продолжительное. Дайрин не делала попыток схватить то, что её коснулось, хотя попыталась использовать это прикосновение для мысленного поиска. Но увидела только яркие вихри.

«Самка, возможно, ты играешь в грубые игры с нитями, как всё твоё племя. Однако это не даёт тебе права называться ткачихой!» — в этом ответе прозвучало явное высокомерие.

— Но могу ли я научиться вашему мастерству?

«С такими-то неловкими руками? — что-то коснулось её пальцев. — Невозможно. Но можешь пройти и попробовать увидеть пальцами то, чего никогда не достигнешь»

Прикосновение, скользнув по руке, обхватило запястье столь же прочно, как рабские цепи. Дайрин поняла, что бегства быть не может. Её потащили вперёд. Странно, но представить себе существо, которое её вело, она так и не могла, зато отчётливо представляла, что находится впереди.

Они шли по извилистой тропе. Иногда девушка задевала за стволы деревьев, чувствовала, как они пересекают открытые пространства... пока наконец не утратила всякое представление, в каком направлении остался берег.

Наконец они оказались на открытом месте, где на ветвях была устроена какая-то крыша, защищающая от солнца. Дайрин услышала лёгкие торопливые звуки.

«Протяни руки! — приказал её проводник. — И опиши, что найдёшь перед собой».

Дайрин повиновалась, двигаясь медленно и осторожно. Пальцы её нащупали прочную поверхность, похожую на древесную кору. Но вокруг этой поверхности были туго натянуты нити основы. Девушка прикоснулась к нитям, провела по ним пальцами, пока не добралась до другой поверхности. Потом наклонилась и нащупала саму ткань, гладкую, как её лента. Свободная нить уходила в сторону — должно быть, к челноку ткачихи.

— Как прекрасно!

И впервые с тех пор, как её начала учить Ингварна, Дайрин затосковала по настоящему зрению. В ней вспыхнуло желание увидеть цвет — прикоснувшись к ткани, она сразу подумала о цвете. Но когда попыталась «прочесть» ткачиху, увидела только быстрые движения худых нечеловеческих рук.

«Можешь сделать такую, называющая себя ткачихой?»

— Не такую тонкую, — правдиво ответила Дайрин. — Это лучше всего, чего я касалась.

«Протяни руки!» — девушка почувствовала, что этот приказ отдал не её проводник, а другое существо.

Она вытянула руки, ладонями вверх, развела пальцы. И ощутила лёгкое, как пёрышко, прикосновение к каждому пальцу, скольжение вдоль ладони.

«Это правда. Ты ткачиха — своего рода. Почему ты пришла к нам, самка?»

— Я хочу учиться, — Дайрин перевела дыхание. Какое значение имеет сейчас желание Видрута торговать тканью? Вот что гораздо важнее. — Хочу научиться у тех, кто умеет.

Она продолжала ждать. Вокруг неё разговаривали, но из этого разговора они ничего не могла уловить и понять. Если эти ткачихи примут её, зачем ей возвращаться к Видруту? Планы Ротара? Они слишком неопределённые. Если же девушка завоюет добрую волю этих, у неё появится защита от зла собственного племени.

«Руки у тебя неуклюжие, и глаз нет, — это прозвучало, как удар хлыста. — Посмотрим, что ты умеешь делать, самка».

Ей сунули в руки челнок. Она тщательно, с помощью лёгких прикосновений изучила его. Форма челнока слегка отличалась от той, к которой она привыкла, но она сможет им воспользоваться. Точно так же она ощупала ткань на станке. Нити основы и утка были очень тонкие, но Дайрин сосредоточилась, пока не «увидела», что находится перед ней. И медленно начала ткать; потребовалось очень много времени, чтобы она соткала таким образом с полдюйма полотна, заметно отличавшегося от начала той же ткани.

С дрожащими руками, раздражённая, девушка села на корточки. Исчезла вся её гордость своей прошлой работой. По сравнению с этими чужаками она как ребёнок, делающий первые неуклюжие попытки в ткачестве.

Расслабившись, отказавшись концентрироваться на работе, она снова ощутила собравшихся вокруг. Но не почувствовала презрения, как ожидала. Скорее удивление.

«Может быть, ты и сможешь научиться, самка, — послышался мысленный властный голос. — Если захочешь».

Дайрин оживлённо повернулась лицом в том направлении, откуда, как она считала, пришли эти слова.

— Я хочу, Великая!

«Да будет так. Но начнёшь, как только что вылупившись из яйца. Потому что ты ещё не ткачиха».

— Согласна, — девушка печально провела пальцами по ткани перед собой.

Если Видрут ждёт, что она вернётся под его власть — Дайрин пожала плечами. А Ротар пусть думает о капитане

и своих бедах. А для неё теперь самое важное — удовлетворить этих ткачих.

Казалось, у них нет другого жилища, кроме пространства непосредственно вокруг станков. И никакой мебели, кроме самих станков. Станки были расставлены нерегулярно. Дайрин осторожно двигалась, запоминая на ощупь расположение предметов.

Она чувствовала рядом с собой присутствие существ, но никто не касался её — ни физически, ни умственно. А она, в свою очередь, тоже не старалась к ним приблизиться, зная, что это бесполезно.

Ей принесли пищу — свежие фрукты. А также кусочки сушёного мяса. Может, это даже лучше, что она не знает их происхождения.

Устав, она заснула на груде тканей. Правда, не таких прекрасных, как те, что на станках, они были такими плотными, что прошли бы легендарное испытание, думала Дайрин: в них вполне можно носить воду. Спала она без сновидений. А когда проснулась, ей трудно было вспомнить людей с корабля, даже Ротара или капитана. Они напоминали ей людей, которых она знала когда-то, в далёком детстве; теперь же её мир — мир ткачих. И она должна научиться. Её сжигало лихорадочное желание научиться ткать, как они.

Послышалось шуршание, потом приказ:

«Ешь!»

Дайрин нащупала перед собой фрукты. Не успела она закончить еду, как её дёрнули за юбку.

«Твоё тело покрыто уродливой тканью; её нельзя носить, когда будешь собирать нити».

Собирать нити? Она не поняла смысла этого. Но и то правда: когда она ходила на открытом месте вокруг станков, юбка постоянно цеплялась за ветви. Девушка встала, развязала пояс, распустила шнуровку корсета, и платье упало к её ногам. В короткой лёгкой нижней рубашке Дайрин чувствовала себя странно свободной. Но всё же отыскала пояс и затянула им стройную талию, не забыв про нож.

Последовало лёгкое прикосновение, и девушка повернулась.

«Нити висят меж деревьев, — проводник слегка потянул её. — Их нужно снимать чрезвычайно осторожно. Если встряхнёшь, они станут ловушкой. Докажи, что у тебя лёгкие пальцы и ты можешь учиться у нас».

Больше никаких инструкций. Дайрин поняла, что её снова испытывают. Она должна доказать, что может собирать эти нити. Но как их собирать? И в этот момент ей что-то сунули в руки. Она обнаружила, что держит гладкий стержень длиной с руку по локоть. Должно быть, на него и наматывают нити.

Снова её схватили за запястье и повели от станков к деревьям. Левой рукой она задела ствол, и тут же последовал мысленный приказ:

«Собирай!»

Не было смысла слепо торопиться. Она должна сосредоточиться, использовать свои способности, чтобы найти эти нити.

В сознании её возникла смутная картина. Может, она пришла из того прошлого, о котором она старалась никогда не вспоминать. Зелёное поле под утренним солнцем, а на траве паутина в каплях росы. Может, она должна искать материал, похожий на паутину?

Но кто может собирать такие тонкие нити? Дайрин почувствовала мрачное уныние. Ей захотелось отшвырнуть от себя стержень и громко крикнуть, что это невозможно.

И тут же перед ней возникло лицо Ингварны. Ожило то, чему её учила Мудрая Женщина: не жалеть себя, верить в свои способности. Сказать, что что-то невозможно, прежде чем не попытаешься, — глупо.

В прошлом способности девушки не раз помогали ей отыскивать более прочные вещи, чем висящие меж деревьев нити. Теперь они должны лучше послужить ей.

Под босыми ногами — сандалии она сбросила вместе с платьем — мягко пружинила масса давно опавших листьев. Здесь не было никакой другой поросли — только деревья.

Дайрин остановилась и осторожно коснулась пальцами ствола. Затем по-прежнему осторожно ощупала ствол. Слабое ощущение усиливалось. Вот то, что она ищет!

Она нашла конец нити. Сама нить уходила к другому дереву. С бесконечной осторожностью Дайрин разорвала нить и прижала свободный конец к стержню. К её великому облегчению, нить тут же прилипла к нему, как к стволу. Пора... Стараясь не касаться нити, девушка медленно навивала её, осторожно, держа нить чуть натянутой перед собой, ровно наматывая её на стержень.

Поворот стержня... ещё поворот... — и вдруг рука её задела за другой ствол. Дайрин облегчённо вздохнула, не веря, что ей удалось собрать свою первую нить. Но одна нить — это только начала, ей нельзя становиться самоуверенной. Следовало думать только о нити! Она отыскивала другой конец и с той же самой осторожностью снова начала медленно наматывать.

Для тех, у кого нет зрения, день подобен ночи, ночь — дню. Дайрин больше не жила такими измерениями своего племени. В перерывах между сном и едой она ходила от ствола к стволу, искала нити и думала, для кого собирает материал: для самих ткачих или кого-то другого.

Дважды она допускала ошибку, о которой её предупреждали: действовала слишком быстро, самоуверенно и встряхивала нить. И тогда её заливала липкая жидкость с нити, и девушка становилась неподвижной, пока её не освобождала ткачиха.

И хотя её никогда не ругали, каждый раз подоспевшая на помощь ткачиха излучала такое презрение к её неловкости, что Дайрин внутренне скорчивалась.

Девушка быстро поняла, что все такчихи самки. Она не знала, что они делают с сотканной тканью. Они точно не используют её сами и не продают куда-то. Может, им просто нужен сам акт создания этой красоты.

Те, кто подобно ей собирал нити, были самыми молодыми членами этого нечеловеческого общества. Но и с ними она не сумела завязать общение, как со старшими ткачихами.

Раз или два у неё возникало беспокойное ощущение, что она удерживается в этом месте насильно. Почему всё прошлое кажется ей теперь таким незначительным и неважным?

Ткачихи разговаривали с ней только мысленно, да и то редко, но голоса у них были: те, что работали у станков, почти постоянно гудели. Их гудение мало походило на человеческие песни. Но Дайрин привыкла к этой мелодии. Руки её двигались в такт ей, и мысли успокаивались. И во всём мире оставались только станки и нити, которые нужно отыскивать для станков. Только это было важно.

Тем не менее наступил день, когда девушку подвели к пустому станку и позволили ткать. Даже во время жизни в деревне это занятие требовало полной её сосредоточенности и проворства. Теперь же, когда станок был ей незнаком, стало ещё труднее. Она работала, пока не заболели кончики пальцев, а голова стала раскалываться от непрерывной сосредоточенности, но гудение ткачих вокруг заставляло продолжать, не останавливаясь.

Когда её охватывала усталость, она засыпала прямо на рабочем месте. Останавливалась же только для еды, потому что знала: нужно подкреплять тело. Но наконец — плохо или хорошо — она всё-таки закончила.

К удивлению Дайрин, никто их ткачих не стал осматривать её работу. Ей не сообщили, хорошо или плохо она с ней справилась. Отдохнув и снова почувствовав пальцы, девушка опять принялась за работу. И обнаружила, что тоже негромко гудит.

Работая, она ощущала в себе приток новой энергии. Может, руки её двигаются и не так быстро, как длинные пальцы, которые она видит в сознании. Но работала она ими уверенно и как будто не по своей воле. Она ткала — не зная, плохо или хорошо, но это её и не заботило больше. Достаточно было оставаться в ритме этого спокойного гудения.

И только когда кончился запас нитей и в руках у Дайрин оказался пустой челнок, она словно очнулась ото сна. Всё

тело болело, руки безжизненно опустились. Она ощущала острый голод. И гудения остальных больше не было слышно.

Девушка неуклюже встала и побрела туда, где спала раньше. Там она нашла пищу, поела и легла на ткань, повернувшись лицом к крыше между нею и небом. Она чувствовала сильное истощение, вся энергия покинула тело, а способность мыслить — мозг.

4

Дайрин проснулась в страхе, сжимая руки, тело её дрожало. Сон, разбудивший девушку, постепенно уходил, оставив только ощущение ужаса. Но он разорвал чары ткачих, и память девушки снова стала ясной и чистой.

Сколько она уже здесь? Что произошло, когда она не вернулась на берег? Может, корабль под командованием Видрута ушёл, бросив её здесь? А Ротар? Капитан?

Дайрин медленно поворачивала голову, осознавая что-то ещё. Даже не видя станков, она чувствовала, что они пусты. Гудение прекратилось. Ткачихи исчезли!

Дайрин поверила, что была захвачена в какую-то невидимую сеть, и только сейчас у неё появилась возможность вырваться на свободу. Почему она вообще решила прийти сюда? Почему осталась? Лента с запястья исчезла. Может, это она околдовала её?

Еда! Дайрин не может видеть, как все остальные в мире. Но теперь ей показалось, что тщательно выработанная способность постижения тоже покинула её. Девушка встала и рукой задела станок, у которого так долго работала. Любопытство заставило её провести пальцем по результатам своей работы. Её ткань оказалась не такой гладкой, как та лента, но гораздо, гораздо лучше первых попыток.

Вот только куда подевались ткачихи? Воспоминание об ужасном сне заставило девушку двинуться по поляне. Все станки были пусты, готовая ткань тоже исчезла. Дайрин обо что-то споткнулась, наклонилась, пощупала — стержень для сбора нитей.

— Где вы? — решила она позвать вслух. Тишина казалась такой угрожающей, что девушке захотелось прижаться спиной к стволу, соорудить хоть какую-нибудь защиту. Защиту от кого? Или чего?

Дайрин не верила, что Видрут и его люди решатся проникнуть в этот лес. Но, может, у ткачих есть другие враги, и теперь они бежали от этих врагов, даже не подумав предупредить её?

С учатившимся дыханием Дайрин потрогала нож у себя на поясе. Где же они? Голос её отозвался таким странным эхом, что она не решалась больше кричать. Но постаралась прислушаться, и страх её усилился.

Шелестела листва на деревьях. Больше ничего. И никаких мысленных прикосновений, никакого намёка на другие формы жизни поблизости. Может, отсутствие ткани на станках означает, что ткачихи не бежали, а ушли с какой-то другой целью? Сможет ли она отыскать их?

Никогда раньше не испытывала она так способности, которым обучила её Ингварна. Дайрин хорошо знала, что у ткачих есть своя охрана. Но не думала, что в их глазах она значит так много, что те станут защищаться от её поисков. Предположим, она пойдёт отсюда со стержнем в руках, словно на обычный сбор нитей?

Однако вначале следовало найти пищу. Руководствуясь обонянием, девушка довольно быстро нашла её — в двух корзинах. Фрукты были слишком мягкие, переспевшие, и никаких палочек сухого мяса. Но Дайрин съела, сколько смогла.

А потом, выставляя напоказ стержень, девушка углубилась в лес. Все нити поблизости были уже собраны, её ищущие пальцы ничего не находили, но она продолжала вести игру, которой, вероятно, никто не видел.

Однако наблюдатели всё-таки появились! Не ткачихи: у неё сложилось совсем другое впечатление, словно слабые искры сравнительно с ярким костром. Наблюдатели двигались за нею, они были где-то близко, но не пытались вступить с нею в контакт.

Наконец она нашла на дереве нить. Искусно навила её на стержень, потом нашла вторую, третью. Однако от следующей в испуге отшатнулась. Эту нить потревожили: девушка ощутила острый запах липкой жидкости.

На следующих двух деревьях нити были тоже покрыты жидкостью. Может, они должны удерживать её в плену? Дайрин слегка повернулась. Она уже вышла за пределы знакомой территории. И в любую минуту ожидала столкновения с преградой — либо с нитью, либо с наблюдателями.

Следующее дерево было свободно от нитей. Доверяя своему обонянию, девушка поискала выход, надеясь найти его возле неохраняемого дерева. Она двигалась теперь быстрее, но продолжала делать вид, что ищет нити у каждого дерева, с которым сталкивалась. Наблюдатели не оставили её; она не слышала ни звука, но знала, что они здесь.

Ещё одно дерево — тропа петляла словно зигзаги головоломного лабиринта. Приходилось идти очень осторожно и медленно. Ещё одно свободное дерево, а потом, слева от неё...

Там стонал человек, и девушка сразу ощутила страх. Это... это словно тень её давно забытого сна. Во сне она видела страдания...

Дайрин остановилась. Наблюдатели приближались. Она почувствовала, что они собрались между нею и тем местом, откуда доносился стон. И у неё появился выбор: либо не обращать на стон внимания, либо попытаться пройти к нему.

Девушка не хотела показывать, что она услышала. Следовало продолжать искать нити, попытаться обмануть наблюдателей. Всё её существо отказывалось оставлять человека в беде, даже если это один из людей Видрута.

Дайрин протянула руку, словно в поисках нити, ожидая встречи с липкой сетью. Ей показалось, что она уловила у наблюдателей какую-то неуверенность. Возможно, это её единственный шанс.

Пальцы её сомкнулись вокруг толстой тканой верёвки. Оттуда перешли на мешок. Верх мешка был плотно затянут, она не смогла сразу развязать его. Мешок, довольно большой, свисал с ветки. И в нём — в нём кто-то был заключён.

Дайрин отскочила. Если она и вскрикнула, то сама этого не слышала. Все её чувства говорили, что существо, заключённое в мешке, мертво, но умерло совсем недавно. Она заставила себя снова провести пальцами по мягкой свисающей поверхности. Слишком маленькое — это не человек!

Теперь, зная, что в мешке не человек, девушка больше не хотела знакомиться с его содержимым. Отходя, она задела плечом второй мешок. И поняла, что движется среди множества таких мешков, и во всех них смерть.

Но она продолжала слышать слабые стоны. Человеческие стоны. К тому же наблюдатели наконец отстали. Как будто не смели заходить в это место.

Эти мешки — Дайрин очень не хотелось снова прикасаться к ним. Некоторые казались гораздо легче остальных и вертелись, когда она невольно касалась их. Другие свисали с тяжёлой ношей.

Стоны...

Девушка заставила себя обыскивать мешки, что висели перед нею. Стержень для сбора нитей она заткнула за пояс. Вместо него она взяла в руку нож. И когда коснулась им последнего мешка, ей ответило слабое движение, и изнутри послышался сдавленный крик. Дайрин была уверена: это просьба о помощи.

Остриём ножа она попыталась разрезать шёлк. Плотная ткань неохотно подавалась, такой материал разорвать нелегко. Она резала и рвала, пока не услышала приглушённый крик:

— Ради Сала...

Дайрин оторвалась от мешка. Внутри на самом деле находился человек. И он был тщательно обёрнут липкой сетью, распространявшей кругом едкий запах. Против

этой сети нож бессилён. А если она сама коснётся её, то тоже станет пленницей.

Подумав, девушка собрала складки разрезанного мешка, закутала ими свои пальцы и принялась рвать паутину. И к своему облегчению, поняла, что ей это удаётся. Она чувствовала, что старания человека освободиться тоже приносят успех.

И она узнала этого человека из своего прошлого — Ротар! Но это имя всплыло как будто часть сна, который она целиком не может вспомнить.

Дайрин назвала его по имени и спросила, может ли он высвободиться.

— Да. Я ещё вишу. Но уже скоро...

Некоторое время Дайрин слышала звуки движений, потом тяжёлый удар о землю. Ротар тяжело дышал.

— Леди, ты не могла появиться в лучшее время, — он схватил девушку за руку. Она почувствовала, как воин покачнулся и восстановил равновесие.

— Ты ранен?

— Нет. Голоден и хочу пить. И не знаю, как долго я провисел в этой кладовке. Капитан — он сочтёт нас обоих мёртвыми.

— В кладовке? — это слово подействовало на неё, как удар.

— Разве ты не знала? Да, это кладовка самок пауков, они здесь сохраняют своих самцов...

Дайрин пыталась подавить тошноту. Мешок из шёлка, из прекрасно сотканного шёлка. И так использованный!

— Там кто-то... что-то есть, — вдруг испуганно прошептал Ротар.

Наблюдатели, предупредило девушку мысленное восприятие. Они снова приближаются.

— Ты их видишь? — спросила Дайрин.

— Не ясно, — но он тут же поправился: — Да! Они набрасывают сети, такие же, как та, в которой был я. Их никакое лезвие не разрежет...

— Мешок!

— Что ты хочешь сказать?

Пользуясь материалом мешка, она смогла разорвать нити сети. Эти нити не прилипают к шёлку. Она объяснила это Ротару, тот вырвал у неё нож, и она услышала звуки разрезаемой ткани.

Наблюдатели... Пока Ротар опустошал мешки, Дайрин пыталась мысленно увидеть наблюдателей. Они приблизились, но снова остановились, как будто не решались вступить в это место, даже если им приказали задержать человека.

— Они выпускают свои сети, — предупредил её Ротар.
— Хотят окутать нас со всех сторон.

— Пусть думают, что мы беспомощны, — приказала она.

— Но ты считаешь, что мы не беспомощны?

— С этими мешками, может быть, и нет.

Если бы она могла видеть! Дайрин в раздражении чуть не заплакала. Кто эти наблюдатели? Она была уверена, что это не ткачихи. Может, именно они поставляют нити, которые она так тщательно собирала.

Ротар вернулся к ней и принёс целый ворох ткани от разрезанных мешков. Девушка старалась не думать о том, что было в этих мешках.

— Скажи мне, — попросила она, — кто они, те, что плетут сети?

Она чувствовала его глубокое отвращение.

— Пауки. Огромные пауки. Мохнатые и размером с собаку.

— Что они делают?

— Заплетают отверстие. По обе стороны от него расставлены сети. Теперь они исчезают. Только один остался, он висит в центре паутины.

Схватив Ротара за руку, Дайрин читала его мысли и достаточно ясно видела то, что видел и он, дополняя нарисованную им картину.

— Остальные, должно быть, отправились за ткачихами, — предположила девушка. — Итак, пока перед нами только один...

— И паутина...

Она выпустила его руку и схватила кусок ткани.

— Мы должны обвязаться этим. Не касайся паутины, только через этот материал.

— Понимаю.

Дайрин двинулась вперёд.

— Я буду разрывать паутину, — пояснила она. — Охранник — твоё дело. Подведи меня к дереву, к которому прикреплена паутина.

Он взял её за плечи и мягко направил налево. Девушка делала один осторожный шаг за другим.

— Дерево прямо перед тобой, леди. Охранника не опасайся, — голос его звучал мрачно.

— Помни, паутина не должна касаться твоего тела.

— Будь уверена, я закроюсь, — пообещал он.

Дайрин ощутила жёсткую кору, рука её была надёжно закутана в шёлк. Вот — она нащупала конец нити. Та была закреплена гораздо прочнее, чем те, что собирала девушка.

— Ха! — резко выкрикнул Ротар. Он больше не стоял рядом с ней.

Дайрин, отыскав вторую нить, ощутила её дрожь. Охранник, должно быть, готовился защищать паутину. Но она должна сосредоточиться, отыскать все нити и оторвать их от дерева.

Она не знала, сколько нитей нужно порвать. Справа послышались звуки драки и тяжёлого дыхания.

— Ага! — в голосе Ротара прозвучало торжество. — Эта штука благополучно мертва, леди. Ты была права, он бросал на меня свои нити, но они не прилипли.

— Карауль!.. Могут вернуться остальные, — предупредила она воина.

— Знаю! — согласился тот.

Девушка работала как могла быстро, отыскивала нити, разрывала их. Могут вернуться не только пауки, но с ними и ткачихи, а их она боялась гораздо больше.

— Паутина сорвана, — вскоре объявил Ротар.

Однако Дайрин не испытывала облегчения от этой небольшой победы.

— Леди, теперь нужно обернуть шёлком и ноги. Нас может ждать паутина на земле.

— Да! — она не подумала об этом, считая, что паутина может висеть только между деревьями. — Принеси мне ещё шёлка.

Дайрин стояла в ожидании, с напряжённым телом, пытаясь с помощью своих чувств оценить окружающее. Вернулся Ротар и без всяких «с вашего позволения» принялся окутывать её ноги кусками шёлка, прочно завязывая их на икрах.

И она, которой когда-то так нравилась лента капитана Ортиса, испытала огромное желание отшатнуться от этого шёлка. Она не хотела касаться его даже ради спасения.

— Это лучшее, что я мог сделать. — воин выпустил её ногу, проверив на крепость узел на голени. — Слышишь что-нибудь, леди?

— Ещё нет. Но они придут.

— А кто такие эти ткачихи? — спросил он.

— Не знаю. Но людей они ценят невысоко.

Он коротко рассмеялся.

— Это я хорошо понял! Но тебе они не причинили вреда.

— Я думаю, потому что я слепая и женщина. И мало что о них знаю. Они гордятся своим искусством и пытались произвести на меня впечатление.

— Пойдём?

— Надо следить, чтобы не запутаться в паутине.

— Я послежу, леди. Если доверимся моему зрению, сможем идти быстрее. Многого произошло. Капитан, хотя он ещё и слаб, снова командует кораблем. Видрут мёртв. Но капитан не может пока избавиться от сброда, поддерживавшего Видрута. И только он может удерживать их под контролем.

— Значит, ты здесь один?

Он не стал отвечать прямо.

— Возьмись рукой за мой пояс, а я буду идти осторожно. Обещаю, — это всё, что он сказал.

Такой способ ходьбы для Дайрин был унизителен. Давно она уже не пользовалась проводниками. Но она знала, что Ротар прав.

Итак, капитан Ортис освободился от злых чар и вернул себе корабль. Она бегло подумала о том, как умер Видрут. Ротар странно колебался, когда рассказывал об этом. Но сейчас нужно заняться непосредственным окружением. Дайрин не верила, что ткачихи позволят им беспрепятственно уйти.

И чуть погода поняла, что права. Девушка почувствовала, что за ними снова наблюдают. И на этот раз мысленный контакт говорил о ткачихах.

— Идут! — предупредила она.

— Нам нужно добраться до берега! Они установили свои ловушки только меж деревьев. А на берегу у меня готов сигнальный костёр. Если его зажечь, придёт «Морской ворон».

— Ты не видишь ловушек?

Она чувствовала нетерпение и сомнения воина, держа его за руку.

— Нет. И среди деревьев нет прямых троп. Тут и там висит паутина. Мы можем только обходить её и уклоняться.

Не было никакого предупреждения, никакой возможности разжать руку. Ротар неожиданно упал вперёд и вниз и потащил Дайрин за собой. Она больно оцарапалась о сломанную ветвь. Как будто под ними раскрылась сама земля.

5

Ноздри забивал запах свежевыкопанной земли. Дайрин лежала поверх Ротара, а он слабо шевелился. Несмотря на ушибы и ошеломление от неожиданного падения, девушка села. Она не знала, куда они упали, но догадывалась, что с поверхности за ними наблюдают.

— Ты ранена? — спросил её спутник.

— Нет. А ты?

— Я упал на руку. Надеюсь, это только ушибы, а не перелом. Мы в одной из их ловушек. Они её прикрыли сверху, — мрачно объяснил он.

Дайрин была рада, что воин откровенно описал их положение. Встав на ноги, девушка принялась ощупывать яму. Земля по бокам была влажной и липкой. Тут и там торчали толстые корни. Можно ли с их помощью выбраться? Но прежде чем она смогла спросить об этом Ротара, прямо ей в сознание устремились слова.

«Самка, зачем ты украла у нас мясо?»

Дайрин повернула голову вверх, в сторону отверстия. Голос был так близок, что она могла верить, будто наверху торчит голова, а чужие глаза рассматривают их.

— Не понимаю, — ответила она, собравшись с духом. — Это мужчина моего племени, он встревожился и пришёл искать меня.

«Тот, что с тобой, — наше мясо!»

Смысл этих слов вызвал у Дайрин не страх, а холодный гнев. Она не может согласиться, чтобы человек стал — мясом. Эти ткачихи — она считала их высшими существами из-за красоты, которую они создают, из-за их мастерства. Она принимала их высокомерие, потому что соглашалась, что уступает им в мастерстве.

Но с какой целью они использовали свои прекрасные творения? Цель, по её представлениям, оказалась отвратительной и ужасной. И неожиданно Дайрин поняла, что не была здесь по-настоящему свободной, никогда не была, до тех пор пока не проснулась и не обнаружила покинутые станки. Ткачихи обвили её мысли паутиной чар, попытались привязать девушку к себе и к своим обычаям так же надёжно, как связали тело Ротара липкой сетью.

— Человек не может быть вашим мясом, — ответила она.

И услышала в ответ не слова, но порыв неконтролируемой ярости. Дайрин покачнулась под этим мысленным ударом, но не упала. Ротар позвал её по имени, подхватил, удержал.

— За меня не бойся, — сказала она и высвободилась. Это её битва. Поскользнувшись на влажной почве, она пошатнулась и взмахнула руками, чтобы удержаться. В глазах

вспыхнула резкая боль, а потом наступила тьма, в которой она совершенно затерялась.

Всё заполонила дикая жара — обжигающий огонь. И крики — ужасные крики — разрывали слух. Никакой безопасности не осталось в мире. Она скорчилась в благоуханной тьме, спряталась. Она всё же может видеть — видеть глазами! Нет, она не станет смотреть, не посмеет — не хочет видеть мечи в отблесках костра, потоки крови и человека, прибитого ножами к стене и слабо стонущего. Дайрин приказала себе не видеть.

— Дайрин! Леди!

— Нет... — закричала она. — Я не буду смотреть!

— Леди!

— Не буду...

Вокруг вспыхивали разноцветные пятна. Никаких картин огня, крови, мечей...

— Дайрин!

Лицо, дрожащее, словно отражение во взволнованной воде. Мужское лицо. И его меч — он сейчас поднимет меч и...

— Нет! — снова закричала она.

От сильного удара голова её закачалась из стороны в сторону. Странно, но зрение от этого прояснилось. Рядом оказалось мужское лицо, да, но огня не было, как не было и мечей, обагрённых кровью, не было стены, на которой висел тот вопящий...

Мужчина мягко держал её, озабоченно всматриваясь в глаза.

Они... они не в крепости Трин. Дайрин вздрогнула: воспоминания прилипли к ней, как грязный плащ. Трин был давно, очень давно. А потом море, и Ингварна, и Раннок. А теперь — теперь они в Устурте. И она не понимала, что произошло.

Но она видит!

Верила ли Ингварна, что зрение когда-нибудь вернётся к Дайрин? Ведь само зрение её не погибло, просто ребёнок, увидевший невероятные ужасы, отказался смотреть на мир.

А теперь её зрение вернулось. Хотя ткачихи не этого хотели. Нет, мысленный порыв ярости должен был убить её, уничтожить. А на самом деле они дали ей не смерть, но новую жизнь.

И тут та, что посылала этот мысленный удар, заглянула вниз, на свою добычу.

Дайрин подавила страх. Никакого отступления быть не может. Она должна взглянуть в лицо новому ужасу. Ингварна многому её научила, укрепила её именно для этого момента в жизни, словно Мудрая Женщина на годы вперёд знала, какая помощь понадобится её приёмше.

Девушка не подняла руку, но ответила ударом на удар, сосредоточив своё вновь обрётённое зрение на этом ужасном лице. Самое ужасное в нём — его человеческая часть, остальное — паучье, а всё вместе способно вызвать безрассудный ужас. Ткачиха собирала свои ментальные силы, чтобы обрушить на Дайрин новый удар.

Большие многофасеточные глаза мигнули. Дайрин смотрела, не мигая.

— Приготовься, — шепнула девушка Ротару. — Они как раз собираются захватить нас.

Вниз в яму устремилась липкая сеть, её бросили пауки-слуги. Она частично прилипла к выступающим корням, но середина упала на двоих людей.

— Пусть они до самого последнего момента считают, что мы беспомощны, — сказала Дайрин.

Ротар не стал её переспрашивать; сверху им на руки и ноги падало всё больше нитей. Вокруг них сплетали тускло-серую паутину. И ничего блестящего, как раньше мысленно видела её Дайрин, в ней не было. А может, злая цель убила тот блеск.

Нити падали, а девушка, не отводя взгляда, смотрела прямо в огромные чуждые глаза, холодные и смертоносные глаза ткачихи. В них направляла Дайрин свою силу, которую передала ей Ингварна, пытаясь проникнуть в мозг за этими огромными глазами. Нетренированная в искусстве Мудрых Женщин, она инстинктивно знала, что это

единственная форма нападения, которая может спасти их.

Неужели эти гигантские глаза слегка потускнели? Девушка не была уверена, так как не могла слишком опираться на только что вернувшееся к ней зрение.

Нити перестали падать. Но на краю ямы началось движение.

Пора! Собрав все силы, используя все резервы, Дайрин нанесла прямой мысленный удар по ткачихе. Причудливая фигура дёрнулась и испустила крик, в котором не было ничего человеческого. Потом она застыла на мгновение, и уродливое кошмарное тело упало и скрылось из вида. Дайрин почувствовала, что больше ничего не давит на её мозг. Напротив, она уловила панику, страх, уничтоживший всю силу ткачихи.

— Они... они уходят! — крикнул Ротар.

— Наверно, на время, — Дайрин по-прежнему испытывала к этим существам у станков почтительное опасение. Они не считали её достойным противником и потому не использовали всю свою мощь. Но теперь, когда ткачихи потрясены, сбиты с толку, они с Ротаром выиграли время.

Молодой человек рядом с ней неловко сбрасывал нити. Они легко спадали с шёлковых покровов. Дайрин стала делать то же самое. И тут она замигала. Теперь, когда не нужно было сосредоточивать взгляд на ткачихе, девушка обнаружила, что ей трудно смотреть. Только с большим усилием могла она сосредоточить взгляд на предмете, ясно увидеть его. Этому ей ещё предстоит учиться, как раньше она училась видеть пальцами.

Хотя Ротар и морщился, используя одну лишь левую руку, он всё-таки сумел, цепляясь за корни, выбраться из ямы. Потом расстегнул пояс и опустил его вниз.

Выбравшись из земляной тюрьмы, Дайрин долго стояла, поворачивая голову направо и налево. Она не видела их в тени деревьев, но они были там: и ткачихи, и пауки. Но одновременно она чувствовала, что они всё ещё потрясены; вся их целеустремлённость и сила зависела от одной, той, которую Дайрин победила.

Все они были одного рода: и люди-пауки, и просто пауки. Все подчинялись воле Великой, её мысли контролировали их, они были её орудиями, продолжениями её самой. И пока Великая Ткачиха не пришла в себя, эти не опасны. Но сколько будет продолжаться эта передышка?

Дайрин смутно увидела впереди более яркое пятно, в темноте зловещего леса сверкнул солнечный свет.

— Пошли! — Ротар крепко схватил её за руку. — Берег в том направлении!

Девушка позволила ему утащить себя, подальше от потерявших предводительницу пауков.

— Сигнальный огонь, — говорил Ротар. — Я только зажгу его, и капитан сразу приведёт корабль.

— Почему ты пришёл — один с корабля? — неожиданно спросила Дайрин, когда они вышли из леса на ярко освещённый солнцем береговой песок. От этого света глаза так заболели, что ей пришлось прикрыть их рукой.

Глядя в щели между пальцами, Дайрин увидела, как Ротар пожал плечами.

— Какая разница, как умрёт человек, который уже мёртв? Необходимо было добраться до тебя. Капитан этого сделать не мог: после заклинаний разбойника он был ещё слишком слаб, хотя очень сердился из-за этого. А больше он никому доверять не мог...

— Кроме тебя. Ты говоришь о себе как об уже мёртвом, но ты ведь не мёртв. Я была слепа — теперь я вижу. Мне кажется, Устурт нам обоим дал нечто такое, от чего мы легко не откажемся.

Его мрачное лицо, с тёмными и старыми глазами, неожиданно посветлело, он улыбнулся.

— Леди, правду говорили о твоей силе. Ты из числа тех, кто может заставить человека поверить во что угодно, даже в себя самого. А вот и наш сигнал.

Воин указал на груду плавника. И хотя песок ускользал из-под его ног, оставил девушку и побежал к этой груде.

Дайрин пошла за ним чуть медленнее. Есть капитан, есть Ротар, который ради неё рисковал жизнью, хотя и

говорил, что невысоко её ценит. Возможно, теперь в её жизни появятся и другие; со временем, может, у неё даже будет свой очаг. Надо сплести эти предстоящие годы, и сделать это нужно умело, подбирая одинаковые по цвету нити, потому что раньше она ткала в темноте. Но теперь прошлое позади. И не нужно оглядываться через плечо на тьму леса. Она должна смотреть вперёд, в открытое море, ожидая, какой будет следующая нить для её ткани.

ПЕСЧАНЫЕ СЁСТРЫ

1

Девочка родилась на рассвете, когда туман ночи Торových топей ещё висел, густой и влажный, у стен зала Келвы. Что само по себе уже было дурным предзнаменованием: все знают, что в это время рождаются дети с даром предвидения, дети необычные; это последний момент предыдущего дня и первый — последующего. А лучшее время для рождения нового человека племени торов — при полном лунном сиянии Сверкающей.

Да и родился ребёнок не здоровым и крепким, какой входит в мир с криком, требуя жизни и еды. Сморщенная кожа крошечного тельца казалась тусклой, новорожденная лежала на руках знахарки неподвижно. И даже не пыталась вдохнуть воздух. Но народу Тора нужны все дети, каждая новая жизнь — преграда на пути тьмы, и потому постарались спасти и эту жизнь.

Знахарка прижалась губами к холодным вялым губам ребёнка и начала вдыхать воздух в его лёгкие. Девочку согрели, её трясли, и наконец она слабо заплакала — не

приветствуя жизнь, а протестуя против неё. При этом звуке Мафра наклонила голову, внимательно слушая звук, больше похожий на крик пойманной в ловушку птицы, чем на голос настоящего ребёнка торов.

Глаза Мафры не видели, они давно уже затянуты плёнкой, через которую не пробивается никакой свет, на зато у неё есть другое зрение. Когда к ней принесли ребёнка, чтобы он получил благословение матери дома и клана, Мафра не протянула руки навстречу маленькому телу. Напротив, она покачала головой и сказала:

— Она не нашей крови. Дух, который избрал её тело, не пришёл. Вы призвали к жизни...

И тут она замолчала. Женщины, принёсшие ребёнка, отступили от знахарки, а она смотрела на девочку, закутанную в ткань, как на скользкое болотное существо.

Мафра медленно поворачивала голову, и её невидящие глаза по очереди устремлялись на каждую женщину.

— Однако никто не должен и думать о смерти этого ребёнка, — резко сказала она. — Его кровь — это наша кровь, его кость — наша кость. И вот что я вам скажу: мы должны привязать к себе то, что живёт в этом теле, потому что это великая сила, которую ребёнок должен научиться использовать. А когда научится, эта сила станет могучим инструментом и оружием.

— Но ты не дала ей имени, мать клана. Как может она жить в доме клана, если у неё нет свободно данного имени? — спросила самая храбрая из женщин.

— Я не могу подарить ей имя, — негромко ответила Мафра. — Спросите у Сверкающей.

Наступило утро, и туман плотным занавесом закрывал небо. Но вдруг, словно слова Мафры призвали это существо из воздуха, к женщинам устремился большой серебристо-серый мотылёк, один из ночных воздушных танцоров. Он сел на покров ребёнка, несколько раз развёл и свёл крылья. И тогда знахарка сказала:

— Турсла... — так звали девушку-мотылька в старинном предании о Турсле и Жабе-Дьяволе. Так было дано имя

ребёнку с-духом-не-из-клана, имя само по себе необычное и предвещающее зло.

Турсла выросла среди народа Торов. По обычаям этого народа, она так и не узнала, кто её «мать». Все дети клана пользовались одинаковой любовью взрослых и были равны. Поскольку в её пользу говорила Мафра, а сами Торовы топи послали ей имя, никто не делал различий между Турслой и остальными детьми, которых теперь в племени было совсем немного.

Народ Торов действительно очень древний. В песнях памяти говорилось, что когда-то предки торов были подобны неразумным животным (они были даже ниже многих животных в своей старой земле), и тогда их вождём и проводником стал Вольт, один из Древних (Вольт тоже не был человеком, он принадлежал к более древней и великой расе, с которой не могли равняться люди). Вольт был одинок и нашёл в этих существах искру мысли; это заинтересовало его, и он стал им помогать.

Полуптичье лицо Вольта по-прежнему изображалось на охранных тотемах вокруг полей локута и жилищ торов. Его памяти посвящались первые плоды полей, когти и зубы страшных ящериц-вэков, если кому-то удавалось убить их. Именем Вольта клялись, и клятву эту можно было давать только по серьёзной причине.

Турсла росла физически, росли и её знания Торовых топей. Что находится за пределами их болотистых земель, не интересовало народ Торов, хотя там были земля, море и обитало множество разных племён. Но все эти племена не такие древние, как народ Торов, и не обладают такими познаниями, потому что не получили благословения Вольта, не учились у него во времена, когда создавались первые кланы.

Но Турсла отличалась от других. Она видела сны. И ещё до того как узнала слова, которыми можно эти сны описать, они захватили её и дали ей новую жизнь. И много раз мир, который она видела в этих снах, казался ей более ярким и реальным, чем страна Торов.

Взрослея, девочка обнаружила, что стоит ей начать рассказывать ровесникам о своих снах, те принимались неловко переминаясь и старались избегать её. Она обиделась, потом рассердилась. Позже, может быть, из самих снов к ней пришла мысль, что сны предназначены только для неё одной и она не должна ими ни с кем делиться. И она испытывала тоскливое одиночество, пока не обнаружила, что сами Торовы топи (хотя это совсем не тот мир, в который уводили её сны) тоже могут быть таинственными и прекрасными.

Но так может считать только тот, у кого тело тора и кто вырос в одном из кланов Тороров; потому что Тороров топи — мрачная земля, в основном занятая зловонными болотами, из которых торчат изогнутые скелеты давно умерших деревьев; и каждую ночь их стволы покрываются скользкими наростами.

Острова, поднимающиеся из этих трясин, связывает сеть древних дорог; старинные каменные стены окружают поля тороров, образуют залы кланов. По ночам и ранними утрами над болотами всегда собирается туман и клубится вокруг обвалившихся камней.

Но для Турслы эти туманы были серебристыми занавесами, и среди множества звуков ночных болот она легко распознавала и называла крики птиц, жаб, лягушек, ящериц, хотя даже эти животные здесь не были похожи на своих родичей, живущих в других местах.

Больше всего девушка любила мотыльков, давших ей имя. Она обнаружила, что их привлекает запах бледных цветов, которые цветут только по ночам. Она тоже любила этот запах и вплетала цветы в серебристые пряди своих длинных, до плеч, волос, носила гирлянды и венки из них. И научилась танцевать, раскачиваясь, как болотный тростник на ветру, и когда она танцевала, к ней со всей округи слетались мотыльки, летали над нею, садились на её поднятые вытянутые руки.

Но девушки тороров так себя не ведут, и Турсла танцевала в одиночестве и для собственного удовольствия.

Все годы одинаковы в Торových топях, проходят они медленно и равномерно. И народ Торov не считает их. Потому что когда Вольт оставил свой народ, люди перестали измерять время. Они знали, что во внешнем мире идут войны и многочисленные беды. Турсла слышала, что однажды, ещё до её рождения, одного из военных вождей внешнего мира предательски заманили в Торovy топи, а потом его забрали враги, с которыми народ Торov заключил непрочный и быстро нарушенный договор.

Рассказывали и о другом — но только шёпотом, и то намёками. Ещё раньше их страну посетил один человек, которого выбросило после кораблекрушения на берег в том месте, где болота соприкасаются с морем. И тут его нашла одна из матерей клана.

Она пожалела этого человека — он был тяжело ранен — и вопреки всем обычаям принесла к знахарям. Но конец у истории был печальный, потому что этот человек околдовал первую девушку клана, и когда он излечился, она — опять-таки вопреки обычаю — решила уйти с ним.

Но потом она вернулась — одна. И сообщила клану имя своего ребёнка. А потом умерла. Однако имя ребёнка сохранилось в песнях помнящих. Говорили, что он тоже стал великим воином и правителем земель, которых торы никогда не видели.

Турсла часто размышляла об этой истории. Для неё она имела больше смысла (хотя она не могла бы ответить, почему), чем остальные легенды её народа. Она думала об этом правителе, чья кровь наполовину принадлежала народу Торov. Призывала ли его когда-нибудь эта половина крови? Может быть, луна по ночам или лёгкие туманы, которые ложатся на его землю, вызывали в нём такие же сны, необычные и реальные, что и у неё? Иногда во время танцев она называла его имя: «Корис! Корис!»

И что должна была испытывать эта девушка, живя среди чужих людей? А как живёт он? Разрывается ли его сердце на части, как иногда у Турслы? В ней течёт кровь народа Торov, но в то же время душа её болит, и боль эта никогда

не стихает, напротив, с каждым годом жизни она становится всё сильнее.

Турсла росла и послушно погрузилась в изучение того, что положено по обычаю. Её тонкие пальцы проворно работали у ткацкого станка, и ткань у неё получалась гладкая и с рисунками, необычными для народа Тороров. Но никто не обращал внимания на эту странность, а о своих снах она давно перестала рассказывать. Позже она обнаружила, что в погружении во сны скрывается немалая опасность. Иногда у неё появлялось странное чувство, что если она будет неосторожна, то может навсегда остаться в их странном мире и не сможет вернуться.

В этих снах была какая-то настойчивость, они заставляли её делать то и это. Народ Тороров владеет необычными способностями. И никакой Дар здесь не считался бы чуждым. Правда, не все могли такими дарами пользоваться, но это только естественно. Разве не правда, что у каждого свой особый дар? Один может работать по дереву, другая — ткать, третий — охотник, искусный в выслеживании добычи. А Мафра, или Элькин, или Уннанна могут одной своей волей передвигать предметы. Но количество таких даров ограничено, и они требуют использования внутренней силы, истощают своего обладателя, и потому пользуются ими очень осторожно.

В своих более зрелых снах Турсла не уходила далеко в чуждую местность. Напротив, она обычно оказывалась в одном и том же месте, на берегу пруда, не мутного и полузаросшего, как пруды Тороровых топей, а чистого, с зеленовато-голубой водой.

Но что гораздо важнее, в этих повторяющихся снах она чувствовала, что красноватый песок, окружающий этот пруд, как мягкое древнее золото обрамляет драгоценные камни в работах ремесленников-тороров, — необычайно важен. Именно он привлекал туда Турслу — один только этот песок.

Дважды с наступлением полноты Сверкающей девушка неожиданно просыпалась не в доме Келвы, а под откры-

тым небом, просыпалась со страхом и не знала, как она сюда попала. Она могла во сне забрести в трясину и навсегда в ней остаться. Теперь Турсла боялась засыпать вечерами, но ни с кем не делилась этим страхом. Как будто обет, наложенный самим Вольтом, связал её мысли. Словно сам Вольт предупреждающе положил палец ей на губы. Девушка всё больше тревожилась и чувствовала себя несчастной. А остров с расположенными на нём домами клана казался ей тюрьмой.

В ночь самого яркого света Сверкающей женщины народа Торов собираются и купаются в сиянии лампы Богини (так тело делается крепким и готовится к принятию ребёнка). А детей у них сейчас очень мало. Но Турсла никогда не ходила получать благословение Сверкающей, и ее не заставляли. Однако как-то ночью она хотела пойти вместе со всеми. Но когда женщины начали собираться, из темноты послышался негромкий голос.

— Турсла...

Девушка повернулась и увидела на стене круг выползших из своих убежищ светлячков. В их свете на на постели сидела женщина. Турсла склонила голову хотя женщина не могла этого увидеть.

— Мать клана, я здесь...

— Этот обряд не для тебя...

Турсле не нужны были объяснения Мафры, что именно не для неё. Но она испытала стыд и одновременно гнев. Она ведь не выбирала, какой будет напротив, судьба её была определена с самого рождения.

— А что же тогда для меня, мать клана? Я буду вечно ходить ненаполненной и не дам новую жизнь дому?

— Ты должна искать свою особую наполненность, дитя мотылёк. Есть своя цель в том, кем ты стала, и ещё более великая цель в том, кем станешь. Там... — и Мафра рукой указала на открытую дверь дома.

— Но где мне найти её, мать клана?

— Ищи, и найдёшь, дитя-мотылёк. Отчасти эта цель уже в тебе. А когда она полностью проснётся, ты узнаешь.

— Ты больше ничего мне не скажешь, мать клана?

— Это всё, что я могу сказать тебе. Я могу заглядывать вперёд. Но между мной и тобой туман, гуще и темнее, чем тот, что порождают по ночам Торовы топи. И ещё... — женщина помолчала, прежде чем продолжить.

— Тьма ждёт нас всех, дитя-мотылёк. Мы, умеющие предвидеть, видим лишь одну из многих троп. Каждое действие порождает по крайней мере два пути, один в соответствии с решением, второй — противоположный. И я вижу, что теперь моему народу предстоит такое решение. И зло, большое зло может последовать от результата этого выбора. Такое решение требует призыва Великой Силы.

Турсла ахнула.

— Как это может быть, мать клана? Великая Сила не приходит по простой просьбе. К ней призывают, только когда большая опасность угрожает пути Вольта.

— Это верно для прошлого, дитя-мотылёк. Но время всё меняет, и даже обеты могут высохнуть, как тростник, и их легко переломить пальцами. Призыв Великой Силы требует крови. Вот что я скажу тебе, дитя-мотылёк. Уходи сегодня ночью. Но не иди в место Сверкающей... там много таких, кто таит необычные мысли. Нет, иди туда, куда влекут тебя сны, и делай то, чему ты научилась в этих снах.

— Мои сны! — удивилась Турсла. — Какая от них польза, мать клана?

— Сны порождаются мыслью — нашей или кого-то другого. А все мысли полезны. Ты не можешь отказаться от того, что вошло в тебя при рождении, дитя-мотылёк. И ты теперь готова отыскать это и использовать. Иди... Сейчас же!

Последние её слова прозвучали как приказ. Но Турсла всё ещё колебалась.

— Мать клана, дашь ли ты мне благословение, добрую волю дома?

И когда Мафра не ответила сразу, Турсла вздрогнула. Всё равно что оказаться перед домом и увидеть запертую дверь, отрезавшую её от всех родичей и товарищей по очагу.

Но вот Мафра подняла руку.

— Дочь-мотылёк, во всём, что поможет тебе исполнить возложенную на тебя цель, ты получаешь добрую волю дома. Но в ответ ты должна набраться терпения и понимания. Нет, я не буду ничего предсказывать тебе, никакое слово не должно руководить тобою; ты должна испытать только то, что у тебя в сердце и сознании. А теперь иди. Верь своим снам и иди!

Турсла вышла в ночь, в мир чёрного, потонувшего в болоте дерева, серебристого тумана и лунного света. Куда же ей идти? Она развела руки. Но на этот раз мотыльки не прилетели к ней.

Верить снам. В каком же направлении ей идти? Следуя дисциплине тех, кто обладает Даром, она постаралась очистить мозг от всяких сознательных мыслей.

И девушка пошла, уверенно, как человек, идущий к определённой цели. Она повернула не на восток, а на запад, ступив на камни одной из меньших дорог. Глаза её были открыты, но она не видела окружающего, не видела даже своего тела. Где-то впереди озеро её снов и вокруг него тот красный песок.

Туман окутывал Турслу словно покрывалом, скрывая, что лежит впереди, а что она оставила за собой. Она пересекла один остров, потом другой. Дорога наконец кончилась, но девушка безошибочно ступала на кочки и участки сухой земли. И наконец ветер, сильный, несущий запахи необычные для Торových топей, разорвал туман.

Ветер пробудил Турслу из её транса. Она остановилась на самой вершине холма, поросшего травой и напоминавшего палец гиганта, указывающий на запад. Обеими руками девушка отвела от глаз серебристые пряди волос. При свете луны стало видно, что этот холм — первый в целой гряде.

И тут она побежала — легко. Какая-то преграда внутри неё лопнула, и её охватило стремление узнать, что лежит впереди, что ждало её долго, так долго.

Девушка совсем не удивилась, увидев место, знакомое ей по снам. Чистый пруд и песок. Но ночью это место было лишено ярких красок сна, пруд казался тёмным, песок тоже.

Девушка расстегнула платье и позволила ему, грязному от ходьбы по болоту, упасть. Но не на песок. Ничто не должно загрязнить или пометить этот песок.

И сама Турсла не ступала на его ровную поверхность. Напротив, забралась на камень на самом краю пляжа и с него нырнула в ждущую воду. Вода сомкнулась вокруг её тела, не холодная и не горячая, шёлково гладкая, ласкающая. Вода держала её, как рука гиганта, держала мягко, осторожно, успокаивающе. И девушка отдалась воде, застыв на поверхности пруда.

Спала ли она или была околдована магией, о которой не знают воспитавшие её? Этого она так никогда и не смогла узнать. Но Турсла чувствовала, что в ней происходят какие-то изменения. Открылась дверь, которая больше никогда не закроется. Она ещё не знает, что за этой дверью, но вольна исследовать, узнавать. Только вначале...

Плавая на мягкой подушке воды, Турсла запела. В её песне не было слов, она пела как птица, вначале еле слышно, негромко, потом всё громче. Это зов? Да, зов!

Девушка лежала лицом вверх, в небу, к луне, к звёздам, этим далёким ночным жемчужинам, и чувствовала, как вокруг неё начинается странное шевеление, причём ласково державшая Турслу вода оставалась спокойной. Это двигался песок вокруг пруда. Он трансформировался во что-то иное — частично в ответ на её призыв, частично по воле кого-то другого...

Турсла продолжала петь. Но теперь она решилась немного повернуть голову. На берегу она увидела песчаный столб, от которого доносился слабый шум, вызванный трением песчинок друг о друга. Они вращались вокруг оси колонны с такой скоростью, что казалось: нет отдельных частиц, а только сплошной тёмный столб. Всё громче пела Турсла, всё более толстым становился столб. По высоте же он достигал роста человека.

Очертания столба начали изменяться, в одном месте утончаться, в другом — утолщаться. Столб начал походить на статую — вначале грубую, с головой-шаром, с бесфор-

менным корявым телом. Но песок продолжал изменяться, и фигура становилась всё более человекоподобной.

Наконец всякое движение прекратилось. Фигура стояла на камне, с которого при своём рождении собрала весь песок. Турсла побрела по воде, вышла на берег и остановилась перед существом, которому её песня открыла дверь.

В сознании девушки возникло имя, которое она должна произнести, имя, которое привяжет к ней это существо, сделает мост между мирами прочным и безопасным — между миром Турслы и другим, чуждым миром, столь необычным, что Турсла даже вообразить себе этого не может.

— Ксактол!

Веки песчаной женщины дрогнули, поднялись. Глаза, похожие на красные пылающие угли, разглядывали Турслу. Девушка видела, как поднимается и опускается грудь незнакомки, как лунный свет отражается от её тёмной кожи, такой же гладкой, как у неё самой.

— Сестра...

Слово прозвучало не громче шёпота. И в нём слышался звук ползущего песка. Но ни сама женщина, ни её голос не вызвали страха у Турслы. Девушка протянула руку, предлагая дружбу песчаной женщине. Её коснулась рука, не менее прочная, чем у неё самой; крепкое рукопожатие приветствовало её.

— Я жаждала... — медленно проговорила Турсла и в то же мгновение поняла, что сказала правду. Пока её не коснулись эти руки, в ней всегда жило стремление, какой-то внутренний голод, который она даже не осознавала.

— Жаждала, — повторила Ксактол. — Но больше не нужно, сестра. Ты пришла — и ты нашла, что искала. И сделаешь то, что должна.

— Да будет так.

Турсла сделала ещё один шаг вперёд. Рукопожатие прервалось, но теперь они развели руки. И обнялись, как обнимаются родичи, давно не видевшие друг друга. Турсла почувствовала, как по щекам её катятся слёзы.

— Что от меня требуется? — девушка высвободилась из объятий и посмотрела на такое близкое лицо. Оно было спокойно и неподвижно, как песок, перед тем как его встревожили.

— Только то, что выберешь сама, — последовал ответ. — Раскрой своё сознание, раскрой сердце, сестра, и ты всё увидишь в назначенное время. А теперь... — песчаная женщина подняла правую руку, и чуть шероховатые кончики пальцев, коснувшись лба Турслы, задержались там на несколько мгновений. Потом пальцы медленно скользнули вниз по векам, которые девушка инстинктивно закрыла, тронули губы. Прикосновение на миг прервалось, потом Турсла снова почувствовала его, пальцы коснулись груди, где чаще забилось сердце.

И каждое такое касание вызвало приток силы, так что Турсла задышала быстрее; она испытывала нетерпение, потребность что-то сделать, хотя что именно, не могла сказать. От этого притока энергии кожу её закололо, она чувствовала себя живой, как никогда раньше.

— Да... — быстро, так что слова звучали чуть смазанно, заговорила девушка. — Да, да! Но как — и когда? Как и когда, песчаная сестра?

— Как — узнаешь. Когда — скоро.

— Значит — я должна найти дверь? И окажусь в мире своих снов?

— Нет. У каждого своё место, сестра. До времени не ищи входа. Тебе ещё нужно кое-что сделать здесь. Будущее — это ткацкий станок, на котором пока нет ткани. Садись перед ним, сестра, и создавай рисунок — вначале в сознании, а потом бери челнок и начинай ткать. В некотором смысле мы сами — челноки в руках силы, мы создаём рисунок, которого сами не видим, потому что слишком близки к нему. Мы видим узлы, разрывы, иногда можем их ликвидировать, но всю ткань видим не мы — а тот Великий. Пришло время тебе внести свой вклад в создание этого невидимого рисунка.

— Но с тобой...

— Младшая сестра, я не могу долго сохранять мост в пространстве между нами. Мы должны торопиться выполнить долг, наложенный на нас обеих. Твой мозг открыт, твои глаза теперь видят, губы готовы произнести слова, а сердце готово встретить будущее. Слушай!

И Турсла, стоя у пруда своих снов, слушала. Как будто мозг её стал пористым, он опустел, превратился в губку, готовую наполниться, когда её опустят в воду. Девушка слушала странные слова и незнакомые звуки и должна была повторять их. И это было очень трудно: некоторые звуки, казалось, вовсе не предназначались для того, чтобы их произносил человек. Руки её двигались, выводя странные знаки. И вслед за её пальцами в воздухе оставался слабый рисунок — красно-коричневый, как песок, из которого было создано тело учительницы, или зелено-голубой, как вода пруда, рядом с которым они стояли.

Потом девушка внезапно пошла в движениях танца — без всякой музыки, кроме той, что в её сознании. Всё это имело значение, хотя она не знала, какое именно. Она понимала только, что узнаёт то, к чему была предназначена с рождения, что станет её орудием и оружием.

Наконец песчаная женщина затихла, и Турсла опустилась на песок, чувствуя, как уходит понемногу энергия.

— Песчаная сестра, ты так много дала мне. Зачем? Я не могу отбросить обычаи Вольта и править здесь.

— Но это никогда и не замышлялось. Как ты сможешь послужить этим людям — узнаешь со временем сама. Дай им то, что для них всего нужнее, но не открыто, не требуя для себя никакой власти. Давай только тогда, когда это останется незамеченным. Наступит время, когда ты начнёшь новый рисунок в работе — и тогда, младшая сестра, вложи в этот рисунок всё своё сердце!

Та, что отзывалась на имя Ксактол и чьё истинное обличие и суть Турсла видела лишь смутно (и только в сознании), встала. Песок вновь начал вращаться, всё быстрее и быстрее, движения слились в сплошной вихрь.

Женщина теряла внешность человека точно так же, как и приобретала её. Турсла закрыла лицо руками, защищая глаза от песка, разлетавшегося от песчаного столба.

Девушка чуть наклонилась вперёд, чувствуя, как её засыпает песком. Она устала, так устала. Пусть сон её будет без сновидений, попросила она кого-то, чью истинную природу понимала не больше, чем истинную внешность Ксактол. Песок прикрыл её легко, как одеялом из паучьего шёлка, и она уснула — без сновидений, как и просила.

Разбудили девушку лучи полуденного солнца. Она села, и с неё потоками полился песок. Вокруг сияли яркие цвета её сна — красный песок, голубая вода. Но то, что произошло ночью, не было сном. Не могло быть. Турсла набрала песок в горсть и пропустила меж пальцев. Песок здесь был очень мелкий, больше похожий на пыль.

Одним движением Турсла отряхнула его с себя и склонилась к зеркальной поверхности пруда. Разбив это зеркало, чтобы смыть песок с рук и лица, плеснула воды на тело. Дул устойчивый ветер; одевшись, девушка прошла мимо скал, обрамляющих пруд.

Так она вышла на берег моря и впервые в жизни увидела окно во внешний мир. Она много слышала о нём, но сама никогда не видела. Её очаровала игра волн, которые размеренно обрушивались на берег и отступали. Турсла ступила на приглаженный водой песок. Ветер здесь был гораздо сильнее, он рвал её платье, взмётывал волосы. Она развела руки, словно приветствуя ветер, в котором не было болотного запаха.

Хорошо на просторе... Турсла, сев на песок, смотрела на волны и негромко пела без слов. Её песня не требовала ответа, просто девушке хотелось подпеть музыке ветра и волн.

Она увидела на песке раковины и с удивлением и радостью принялась разглядывать их. Они похожи и в то же время не похожи друг на друга; она видела, что у каждой есть какое-то отличие. Как у людей — у каждого есть то, что принадлежит только ему.

Наконец она неохотно отвернула лицо от моря в сторону Торовых топей. Солнце уже склонялось к западу. Турсла подумала, ищут ли её, и что она должна сказать, чтобы скрыть случившееся с нею.

Девушка задумчиво выпустила собранные раковины. Незачем показывать, что она побывала в месте, куда обычно не ходят её соплеменники. Но нет и причины, которая помешала бы ей прийти сюда ещё. Законы Вольта не говорят, что море запрещено для тех, кто следует древним обычаям жизни.

Турсла быстро шагала по тропе к острову домов, и болота казались ей тесными и ограниченными. По дороге она собирала листья для окраски, довольная, что ей попало несколько кустов корфила — редкого растения, листья которого дают алую краску. Её используют чаще всего для занавесей гробницы Вольта и такую листву всегда принимают с радостью.

И когда Турсла вышла на западную дорогу, в подоле её юбки, превращённой в мешок, лежал хороший запас таких листьев. Но прежде чем она подошла к дому Келвы, её остановили.

— Итак, сестра-мотылёк, ты всё же вернулась к нам? Крылатые мотыльки устали от тебя, ночная бродяга?

Турсла застыла. Меньше всего ей хотелось встретиться с Аффриком. Тот опирался на копьё, насмешливо глядя на девушку. На поясе у него висели зубы ящерицы-вэка, свидетельствуя о храбрости и охотничьем мастерстве. Ибо только человек со сверхбыстрой реакцией и хитростью решится охотиться на этих гигантских ящериц.

— Доброго дня тебе, Аффрик, — она говорила довольно холодно. Он нарушил обычай в своём приветствии. И сам по себе этот факт её немало встревожил.

— Доброго дня... — повторил он. — А какова же была ночь, сестра-мотылёк? Когда другие танцевали под луной?

Турсла очень удивилась. Так говорить о призыве, тем более с ней, ещё не назвавшей никого перед Вольтом!

Он рассмеялся.

— Не мечи в меня копыя глазами, сестра-мотылёк. Мужчина должен соблюдать обычаи только в разговоре с дочерьми Вольта — истинными дочерьми, — он ступил на шаг ближе. — Нет, ты ночью не искала луны, тогда кого ты искала, сестра-мотылёк? — и рот его зло искривился.

Девушка ничего не ответила. Любой ответ унизил бы её в глазах всех. Потому что их разговор слушали, хотя и с расстояния. То, что сказал и сделал Аффрик, было прямым оскорблением.

Турсла отвела взгляд и пошла вперёд. Девушка была уверена, что он не посмеет остановить её. И он не остановил. Но её испугало, что он публично так обратился к ней. К тому же никто из слушателей не упрекнул его. Это было похоже на сознательно организованное оскорбление. Она крепче сжала руками импровизированный мешок с листьями. Почему?..

Никого не было у входа в дом Келвы, и девушка вошла с высоко поднятой головой, распрямившись, из света дня в полутьму.

— Вернулась наконец? — Паруа, служившая глазами Мафры, кисло посмотрела на девушку. — Где ты была, когда тебе нужно было стать частью урожая ночью? В эту ночь ты должна была выполнить свой долг.

Турсла уронила мешок с листьями на матрац.

— Паруа... ты на самом деле считаешь, что я должна была просить дара Сверкающей? — спросила она голосом, из которого постаралась устранить все эмоции.

— Как это? Ты взрослая женщина. Твой долг — рожать детей... если можешь!

— Если могу — ты сама сказала это, мать. Но разве мне всю жизнь не твердили другое? Что я не подлинной крови Торев и потому не должна давать жизнь ребёнку из-за этой своей чужой части?

— Нас теперь так мало... — начала было Паруа.

— И потому клану нужны даже дети с изъяном? Но не таков обычай, Паруа. А нарушение обычая должно быть проделано открыто, перед гробницей Вольта, и должны присутствовать все.

— Если наше число будет уменьшаться, — возразила Паруа, — вообще некому станет призывать к Вольту. Должны быть перемены, даже в обычаях. Будет призыв — Большой Призыв. Так решено.

Турсла поразилась. Она слышала разговоры о Большом Призыве; последний состоялся много лет назад, когда народ Торов на короткое время допустил на свои земли чужестранцев. Именно тогда здесь был в плену военный вождь извне — вместе с той, говорили шёпотом, кого избрал своей леди сам Корис. От этого не произошло большого зла, но потом торы закрыли болота, и теперь внешний мир в свою очередь закрылся перед ними. И даже тогда не все соглашались, что поступили правильно.

Это правда, что с каждым годом рождается всё меньше детей. Она слышала, как Мафра и другие матери кланов говорили о причине этого. Может, их народ слишком стар, слишком долго пары создаются только из своих, кровь разжижается, созидательная сила слабеет. Может, поэтому они хотят заставить её подчиниться их целям. Потому что только силой они приведут её на призыв — к тому же ни один мужчина в Торовых топях ещё не смотрел на неё с желанием. Не сознавая этого, она прижала руки к груди. Она не дочь Вольта!

— Итак, мотылёк, — продолжала Паруа, глядя на неё, как показалось Турсле, коварно и злобно, — твоё тело принадлежит Торам, ты должна послужить целям Вольта. Подумай об этом.

Турсла быстро повернулась к алькову Мафры. В последние дни мать клана редко выходила из него. У неё искусные руки, их мастерство пережило исчезнувшее зрение, и она оставалась полезной людям: лепила маленькие горшки, которые потом обжигали, сплетала нити тоньше, чем её более молодые потомки.

Но теперь Турсла увидела, что эти руки непривычно неподвижны, они бессильно лежали на коленях старой женщины. Мафра сидела с высоко поднятой головой, лишь чуть наклонив её, прислушиваясь. Девушка нереши-

тельно стояла перед нею, не смея нарушить это похожее на транс состояние. Но Мафра заговорила:

— Доброго дня, мотылёк-дитя. Добрым пусть будет твой уход, добрым — приход, тверда походка, руки полны полезной работой, сердце — теплом, а мозг — полезными мыслями.

Турсла опустилась на колени. Столь не обычное приветствие! Такое приветствие — такое приветствие полагается дочери клана, которая готовится принести ребёнка! Но... почему...

Мафра подняла руку, протянула её. Турсла быстро наклонила голову и поцеловала длинные, похудевшие от возраста пальцы.

— Мать клана... я не... мне не полагается такое приветствие... — торопливо заговорила девушка.

— Ты наполнена, — сказала Мафра. — Наполнена не той жизнью, которая со временем отделится от тебя и станет самостоятельной. Но в тебе есть новая жизнь и со временем она выйдет наружу. И если это произойдёт по-другому, не так, как у остальных, — такова на то воля Вольта или той силы, что стояла за ним, когда он выводил наш народ из варварства. И с тобой произойдёт то же, что со всеми наполненными. Так сказано в доме и клане. И если так сказано здесь, так же будет сказано повсюду в народе.

— Но мать клана, если моё тело не содержит жизни, они не поймут. И когда пройдёт время и я не принесу плода, который нужен дому и клану, разве не наступит расплата? Что скажут тогда о той, что обманула дом и клан?

— Никакого обмана нет. Перед тобой задача, и ты её исполнишь благодаря жизни, которая в тебе. И тогда откроются две дороги, о которых я тебе говорила. Одна сюда... — старуха указала направо. — Другая сюда, — и она показала налево. — Не могу увидеть, какая станет твоей. Но верю, что выбор твой будет мудрым. Паруа... — произнесла она громче, та подошла и опустилась на колени, как и Турсла.

— Паруа, Турсла, дочь-мотылёк, наполнена, и пусть дом и клан действуют по обычаю.

— Но она... она не была на призыве и выборе, не танцевала под луной, — возразила Паруа.

— Она была послана моей мудростью, Паруа. Ты оспоришь это? — голос Мафры звучал холодно. — Она ушла ночью с моего благословения. То, что она искала — и нашла, — соответствует воле Вольта. Так открыло моё предвидение. Она вернулась наполненной. Я признаю это и данным мне Вольтом Даром провозглашаю это.

Паруа раскрыла рот, словно собираясь возразить, потом закрыла. Мать клана сказала. Сказала, что Турсла наполнена. И теперь никто не осмелится усомниться в этом. Паруа покорно склонила голову и поцеловала протянутую руку. Потом попятилась, не отрывая взгляда от Турслы, и девушка поняла, что хотя Паруа открыто не решилась спорить с матерью клана, но в глубине души она сохранила своё мнение.

— Мать клана, — быстро заговорила девушка, как только убедилась, что Паруа не может её услышать, — я не знаю, чего ждут от меня.

— Это я могу сказать тебе, дитя-мотылёк. Скоро появится тот, кого призовет Уннанна — призовет не голосом, но самим призывом. Кровные связи удержат его, привлекут сюда, как в ловушку или сеть. Но цель, с которой его привлекут... — в голосе Мафры зазвучали новые нотки. — Цель эта — конец, смерть. Но если его кровь будет пролита перед гробницей Вольта, она громко призовет к мести. И этот призыв обрушит на нас силы внешнего мира с огнём и сталью. Народ Вольта погибнет, и Торовы топи превратятся в проклятую пустыню.

Мы считаем детей общим достоянием. Никто не говорит о ребёнке: это мой. Но во внешних странах это не так. Там нет домашних кланов, там люди делятся на более мелкие группы. И ребёнок только двоих призывает на помощь — ту, что родила его, и того, кто наполнил её жизнью. Нам это кажется странным и неправильным. Это

нарушение связей, в которых наша сила. Но люди живут по-разному.

Однако иной образ жизни даёт и другие связи, которых мы не понимаем. Странные связи. Если кто-то поднимет руку на ребёнка, то родившая его и тот, кто наполнил её, будут охотиться на этого человека, как ящерица-вэк охотится на людей. А тот, кого призовёт для своих целей Уннанна, — сын величайшего воина внешнего мира. Я боюсь за наш народ, дитя-мотылёк.

Правда, что нас становится всё меньше, что после каждого выбора можно насчитать лишь полруки детей. Но это наша печаль и, может, воля самой жизни. Проливать же кровь — нет.

— Но какова моя роль в этом, мать клана? — спросила Турсла. — Ты хочешь, чтобы я выступила против самой Уннанны? Но даже если ты назвала меня наполненной, разве к моим словам прислушаются? Она мать клана, и так как ты больше не ходишь на лунные танцы, она проводит их.

— Это верно. Нет, я не налагаю на тебя каких-либо обязанностей, дочь-мотылёк. Когда наступит время, ты сделаешь, что должна; ты сама узнаешь, потому что знание будет в тебе. Теперь дай мне руки.

Мафра подняла руки ладонями вверх, Турсла положила на них свои — ладонями вниз. И снова, как в тот раз, когда общалась с Ксактол, почувствовала, что в неё вливается энергия, и что она хочет её использовать, но пока не знает как.

— Итак... — Мафра говорила шёпотом, словно сообщала великую тайну. — Я с самого твоего рождения знала, что ты не отсюда, не всё же как это странно!

— Почему это произошло именно со мной, мать клана? — спросила Турсла.

— А почему происходит многое, причины чего нам непонятны? Где-то существует главный рисунок, а мы — лишь часть его.

— Она тоже сказала так...

— Она? Думай о ней, мысленно нарисуй её, дитя-

мотылёк, — теперь Мафра оживилась. — Представь её себе ради меня! — приказала она.

Турсла послушно представила вращающийся песчаный столб и ту, которая сфомирровалась из него.

— Ты и вправду наполнена, дитя-мотылёк, — спустя долгое время сказала Мафра со вздохом. — Наполнена знанием, которым, наверное, только ты обладаешь в этом мире. Хотела бы я поговорить с тобой об этом и том, что ты узнала. Но это невозможно. Это знание не предназначено для меня. И ни с кем не делись им, дочь-мотылёк, даже если тебе захочётся. Ведро, предназначенное для семян локута, как бы искусно ни было сделано, не удержит воду. Воду нужно держать в обожжённых глиняных кувшинах. Теперь иди и отдохни. И живи так, как положено наполненным, пока не наступит твоё время.

Турсла вернулась на своё место в доме клана — в маленькую загородку, которую отвели ей, когда она была ещё ребёнком, а не женщиной. Девушка задёрнула сплетённый из тростника занавес, который отделял её от остальных, села на матрац и задумалась.

Слова Марфы не избавят её от лунных танцев, но прекратят всякие попытки разговаривать с ней, как Аффрик. Любая такая речь, любой угрожающий жест со стороны любого мужчины любого дома будут немедленно наказаны. Её освободят от многих видов работы. Единственная трудность — отныне ей не разрешается одной уходить с острова. Наполненные всегда находятся под охраной — ради их же безопасности.

Турсла провела руками по своему стройному телу. Много ли пройдет времени, прежде чем станет заметно, что её живот не растёт? Женщины наблюдательны в таких делах: рождение — их великая тайна, и они берегут её. Может, она сумеет приспособить утолщение под одеждой. Наполненные часто просят необычную пищу, их привычки меняются. Может, она сумеет это использовать.

Но со временем истину всё равно узнают. Что тогда? Насколько она знает, никто никогда не лгал по такому

поводу. Это подрывает самые основы веры. Какое наказание сочтут для неё достаточным? Почему Мафра так поступила с ней?

Никто из торов, Турсла была в этом уверена, не воспримет идею наполнения знанием. Но ведь не она объявила об этом. Мафра, мать клана! Это сознательное нарушение обычаев, и ей нужно быть готовой и к другим нарушениям, на которые намекала Мафра.

Призыв ради крови. Турсла глубоко вдохнула. Но если она правильно поняла Мафру, это тоже нарушение обычая. Человеческое жертвоприношение? Однако даже Вольту никогда не приносили таких жертв — смерть человека, которая может привести к гибели всех Торových топей и народа Торových. А какова её роль во всём этом?

Она могла бы... Нет, что-то запретило ей. Ещё не настало время открывать мозг, где хранится то, что она узнала от Ксактол.

Она должна набраться терпения и хорошо сыграть свою роль. Девушка отвела занавес и встала. Теперь ей нужны еда и питьё. Неожиданно она почувствовала сильный голод и сухость во рту. И пошла на кухню, намеренная позаботиться о своём теле и запретив себе думать.

3

Прошло три дня. Турсла старалась держаться незаметно и проводила всё время с челноком в руках, занятая своими мыслями. Клан принял слова Мафры — да и как могло быть иначе? Турсле оказывали уважение, подобающее наполненным, приносили лучшую пищу и не тревожили, чего она явно хотела.

Но на третий день девушка очнулась от полутранса, который сама себе навязала, и попыталась разобраться в том, что узнала. Большей частью — только намёки. Но она была уверена, что эти намёки свидетельствуют о каком-то более глубоком знании, которое есть в ней, но которое она ещё не может извлечь. А попытка сделать это привела

только к усталости и тревоге, голова её заболела, а сон не приходил.

Снов девушка тоже не могла больше призывать. Спала она теперь только урывками, скорее дремала и сразу просыпалась, стоило повернуться спящей за соседним занавесом.

Знание бесполезно, если не можешь добраться до него, с растущим беспокойством думала Турсла. Что же её ждёт?

Желая остаться наедине с этим страхом, который из искры быстро превращался в бушующий пожар, девушка встала со своего стула перед станком и вышла из дома Келвы. И приблизилась к группе женщин, прежде чем заметила их, так была поглощена своими мыслями.

Среди них стояла Уннанна, а остальные окружали её, словно она налагала на них какие-то обязанности. Но вот она увидела Турслу, и лёгкая улыбка — улыбка, в которой не было доброты, — искривила уголки её плотно сжатого рта.

— Доброго дня... — Уннанна чуть возвысила голос, обращаясь к девушке. — Пусть добрым будет твой уход. И пусть ждёт тебя добрый конец.

— Благодарю за добрые пожелания, мать клана, — ответила Турсла.

— Ты не назвала перед Вольтом имя твоего избранного, — улыбка Уннанны стала ещё шире. — Ты недостаточно им гордишься, наполненная?

— Если я прикрылась плащом Вольта, а меня заставляют отказаться от этого, — ответила Турсла, сохраняя внешнее спокойствие, — то должен быть изменён обычай.

Уннанна кивнула. Внешне она оставалась воплощением доброты. Бывали случаи, когда девушка, впервые наполненная, не хотела называть имя своего партнёра в лунном ритуале. Но обычно это имя — к удовольствию всего клана — становилось известно сразу после объявления матери клана.

— Ну, что ж, носи плащ Вольта, дочь-мотылёк. Многие сёстры готовы помочь тебе, — и окружающие женщины одобрительно загомонили.

Но Уннанна ещё не покончила с Турслой.

— Не ходи теперь далеко, дочь-мотылёк. Ты для нас бесценна.

— Я только в поле, мать клана. К гробнице Вольта, чтобы вознести свою благодарность.

Достойная причина, чтобы покинуть дом, и никто не посмеет отказать ей в таком небольшом пути. Она миновала Уннанну и пошла по заросшему мхом покрытию древней дороги. Никто не пошёл за ней: обычай требовал, чтобы тот, кто объявлял, что идёт к гробнице Вольта, мог в одиночестве возносить свои благодарности или выражать мольбы.

Гробница Вольта — время обошлось с ней нелюбезно. Стены её погрузились в мягкую почву болота, всюду по древней мостовой были разбросаны камни: перестраивать гробницу не разрешалось.

Потому что эти камни своими руками уложил сам Вольт когда-то давно, лично построив это убежище. Здесь когда-то был большой зал, решила Турсла, прослеживая линии рухнувших стен. Но, согласно легенде, Вольт вообще был крупнее любого человека народа Торов.

Девушка прошла между рухнувшими стенами по тропе — начисто вытоптанной почве: много поколений приходят сюда торы. И вот она очутилась во внутреннем помещении. Крыша здесь давно разрушилась, и теперь солнце освещает самое сердце владений Вольта — массивный стул, по-видимому, вырезанный из дерева (хотя какое дерево в этих вечно влажных Торовых топях может не прогнить за века?). По обе стороны от стула стоят высокие каменные вазы, в них хранится сердцевина дерева, готовая к употреблению. Эти деревья, когда с них снимают кору, очень легко воспламеняются. Никаких светящихся насекомых, только огонь, несущий смерть и такой яркий в смерти.

Турсла долго колебалась. То, что она собиралась сделать, позволено обычаем, да, но только при самых важных обстоятельствах, которые невозможно понять человеку. Таков ли её случай? Она считала — да.

Девушка рукой коснулась окаменевшего дерева подлокотника трона. Потом медленно поднялась по невысоким ступеням на помост, возвышающийся над почти исчезнувшим залом, и села в кресло Вольта.

Со стороны посмотреть — она как будто ребёнок, севший на стул крупного взрослого. Среди торов она считалась высокой, но здесь ноги её даже не доставали до пола. Турсла чуть поёрзала и коснулась спиной спинки трона. Трудно было положить руки на подлокотники кресла, но она это сделала, прежде чем закрыть глаза.

Неужели Вольт действительно слушает оттуда, куда удалился из Торовых топей? Неужели та сущность Вольта, которая, возможно, ещё сохранилась в мире, интересуется, что происходит с теми, кого он защищал и учил при жизни? У девушки не было ответов на эти вопросы, и никто не мог помочь ей.

«Вольт... — Турсла заговорила не вслух, произнося слова мысленно, — мы оказываем тебе почести и просим твоей доброй воли во времена нужды. Если ты по-прежнему смотришь на нас... Нет, я не прошу о помощи, как беспомощный ребёнок зовёт взрослых в доме клана. Я хочу только знать, кто я и как мне использовать то, что наполнило меня. Ведь Мафра говорит, что я наполнена. Но я не несу в себе ребёнка; может, то, что во мне, больше — или меньше. Я хочу знать!»

Всё так же, с закрытыми глазами, она откинула голову на спинку. С обеих сторон до неё доносился слабый запах древесных свечей, гораздо слабее, чем от зажжённых. Она не раз видела, как матери клана зажигают такие свечи, и дым окутывает их, когда они поют.

А она...

Где она? Перед ней расстиралось море зелёной травы, луг тянулся до самого подножия серой скалы. В траве, словно кто-то беззаботно разбросал пригоршню блестящих ярких камней, покачивались цветы с широкими лепестками, всевозможных красок и форм, как раковины на берегу. Над цветами вились бабочки — или крылатые

существа, похожие на бабочек. Они тоже были ярко раскрашены, у многих попадались многоцветные крылья.

Ничего напоминающего Торovy топи. Турсла была уверена, что это и не мир её снов. Только она хотела двинуться вперёд, как воля послала девушку вверх, и она действительно устремилась вперёд, но не шаг за шагом, а полетев в воздухе, полетев, как бабочка.

Но вот Турсла долетела до скалы, возвышавшейся над травой. И снова желание подняло её выше, к самой вершине скалы. И девушка увидела за ней более обширную долину, по которой протекала река. Поперёк этой широкой водной ленты лежал каменный мост, к нему через зелёное поле вилась дорога.

А по дороге к мосту приближался...

Лошадь... это наверняка лошадь. Турсла никогда не видела этих животных, но сразу узнала. А на лошади — человек.

Её желание увидеть странно приблизило всадника, хотя она сама не покидала скалы, а он ещё не въехал на мост. Но она видела его ясно, словно он совсем рядом, она буквально могла положить руку на холку лошади.

На нём поблескивала рубашка из металла, сплетённая из маленьких металлических колец, сцепленных друг с другом. С плеч свисал плащ, заколотый у горла большой брошью с зелёными и серыми камнями. Такие же камни сияли на поясе, с которого свисал меч в ножнах.

Голова всадника была закрыта шапкой, тоже металлической, но сплошной, а не из колец. Надо лбом проходил выступ, охватывавший всю голову. В выступе теснились гнёзда, из которых торчали зелёные перья.

Но Турсла лишь мимоходом заметила всё это, потому что прежде всего её заинтересовал сам человек. И она принялась внимательно изучать его лицо в тени металлической шапки.

Он молодой, со светлой кожей, не темнее, чем у торovy. В лице видна была сила — и красота. Он был бы хорошим другом или братом по клану, решила девушка. Или достойным противником.

Он ехал, глядя вперёд, но словно не видя дороги. Его полностью поглотили какие-то размышления, и мысли эти явно были неприятными. Неожиданно он повернул голову — и его глаза посмотрели на неё! А на лбу меж бровей появилась резкая складка.

Турсла увидела, как шевельнулись его губы. Но если он и говорил что-то, она не слышала. Потом он поднял левую руку и протянул её к девушке. И в то же мгновение всё исчезло. Её головокружительно, ошеломляюще быстро унесло оттуда. Открыв глаза, Турсла увидела, что она опять сидит на кресле Вольта, и вокруг только рухнувшие от времени стены гробницы. Но теперь — теперь она знала! Вольт ответил на её просьбу! Она оказалась связана со всадником. Их настоящая встреча ещё впереди, и её ждёт опасность и такое испытание сил, какого она сейчас не может представить.

Девушка медленно встала и глубоко вздохнула, словно готовясь к схватке, хотя и знала, что время её ещё не настало. Он теперь знает о ней, этот всадник, а его лицо ни на мгновение не потускнеет в её памяти. Нет, он где-то едет верхом, он реален!

В тот же день она снова пришла к Мафре. Может, мать клана и не сможет дать ей ответа, но по крайней мере она хоть с кем-то поделится видением Вольта. А здесь она может без ограничений доверять только Мафре.

— Дитя-мотылёк... — Мафра повернула к ней незрячие глаза. Она никогда не ошибалась в том, кто к ней приближается. — Ты ищешь...

— Да, мать клана. Я искала в разных местах и на разных путях, и я не понимаю. Но вот что я видела: с собственного трона Вольта я совершила странное путешествие, которого не могу объяснить, — и она рассказала Мафре о всаднике.

Мать клана долго молчала. Потом коротко кивнула, словно подтверждая какую-то свою мысль.

— Итак, началось. А чем закончится? Моё предвидение не показывало этого. Тот, кого ты видела, мотылёк-дитя, это тот самый, что связан с нами кровью...

— Корис!

Рука Мафры, лежавшая на колене, напряглась, голова чуть дёрнулась, как от удара.

— Значит, старый рассказ до сих пор не забыт, — сказала она. — Но твой всадник не Корис. Тот, о ком я говорю, — дитя тех, кто заговорами движут горы или убивают людей сталью, чтобы ничто не могло повредить им самим. Это сын Кориса, и зовут его Саймонд. Имя ему было дано чужестранцем, который доблестно сражался рядом с его отцом, освобождая Эсткарп от колдеров.

Мафра помолчала, потом продолжила:

— Если тебя интересует, как всё это стало мне известно, так слушай. Когда я была моложе и сильнее в своей силе, я часто уносилась мысленно за пределы Торových топей, как ты это сделала сегодня. Друга Кориса — Симона Трегарта — благодаря волшебству его противников заманили сюда, а потом отдали врагам. И с ним была та, кого по обычаям чужаков выбрал себе в пару Корис. Но тогда мы поступили неправильно, и в ответ нас окружили барьером. Мы не можем выйти за пределы болот, даже если захотим, и к нам никто не может прийти.

— А морской берег тоже ограждён, мать клана?

— Большая часть берега — да. На него можно смотреть, но туман встаёт стеной, как камни, которые окружают нас сейчас.

— Но, мать клана, я ходила по песку у моря, находила раковины...

— Молчи! — прошептала Мафра. — Если это дано тебе, никому не рассказывай. И может настать время, когда это тебе пригодится.

Турсла тоже заговорила шёпотом.

— Это предвидение, мать клана?

— Не очень ясное. Я знаю только, что тебе понадобятся все силы тела и разума. Вот что я скажу тебе. Уннанна призывает сегодня вечером, и если ей ответят... — Мафра подняла руки и снова уронила их на колени. — Тогда я всё предоставляю твоей сообразительности, дочь-мотылёк. Твоей сообразительности и тому в тебе, что из другого мира.

И она сделала знак, отпуская дувушку. Турсла пошла к себе, взяла веретено, но если бы кто-нибудь понаблюдал за ней, то увидел бы, что работа её приносит мало проку.

Наступил вечер, и женщины клана начали шёпотом переговариваться. Никто не обращался к девушке; она наполненная, и теперь ничто не должно угрожать ей и тому, что в ней. Не приближались и к Мафре. Женщины собрались вокруг Паруи и неслышно ушли.

Вокруг острова домов не стоят часовые, кроме одних, которые сторожат от ящерич-вэков. И в любом случае никто не станет следить за тем, кто идёт к гробнице, поэтому Турсла, накинув тёмный плащ, который скрыл её волосы, решила, что сможет пройти туда незаметно.

Она пробиралась по той же тропе, по которой уже проходила сегодня. Те, что шли впереди, не несли факелов; светила только луна, но Турсла видела, что были представлены все дома. Это не подлинный призыв, потому что нет мужчин. Так она думала, пока не заметила лунный отблеск на острие копья и не увидела мужчин в плащах. Десять воинов выстроились перед троном. А на троне кто-то сидел. Турсла нашла укрытие за грудой камней, и в этот момент сидевший на троне поднял голову к свету.

На месте поиска сидела Уннанна. Глаза её были закрыты, она медленно поворачивала голову из стороны в сторону. Окружающие начали петь, вначале негромко, так что голоса их были едва слышны за журчанием воды и шелестом крыльев каких-то ночных птиц. Но вот пение стало громче — пение без слов, но от этого пения кожу Турслы закололо, волосы на затылке у неё зашевелились. Девушка обнаружила, что тоже поворачивает голову, как это делает Уннанна, и тут же осознала опасность: она может быть захвачена тем, что здесь происходит.

Она подняла руки и закрыла глаза, чтобы не видеть этого раскачивания, и, вспомнив о песчаной сестре, ухватилась за это воспоминание, как утопающий в море за брошенную верёвку. Ритм пения бился в её теле, но Турсла боролась с ним; не вполне сознавая, что делает, она встала

во весь рост и начала маршировать на месте — не в такт движениям Уннанны, а по-другому, в ином ритме, чтобы вырваться из чар, навешаемых матерью клана.

Здесь собиралась сила, тело отзывалось на неё. Сила давила на девушку, как тяжёлая ноша, стараясь раздавить. Но Турсла сопротивлялась, губы её произносили слова, вышедшие из глубин сознания; а ведь она пыталась раньше раскрыть эти глубины и не смогла. И только в такой опасности они открылись.

Турсла открыла глаза. Всё было как и раньше — только Уннанна сдвинулась вперёд на троне Вольта. Один за другим к ней подходили ожидавшие мужчины. Она касалась их лба, глаз. И каждый уступал место следующему. Из концев пальцев, которыми Уннанна касалась мужчин, исходили небольшие конусы света, и каждый отходивший от неё уносил на лбу то же странное свечение.

Когда все были так помечены, они повернулись и вышли из зала; женщины расступились, уступая им дорогу. Когда мужчины проходили мимо неё, Турсла заметила, что лица у них неподвижны, глаза пусты, и шли они, словно заколдованные. Их предводителем был Аффрик; за ним шли самые искусные молодые охотники.

Когда они вышли, Турсла опять посмотрела в зал. Уннанна снова сидела с закрытыми глазами. В зале струились потоки силы, они исходили ото всех; каким-то непонятным способом Уннанна отбирала у всех энергию, собирая её в единое оружие, чтобы потом нацелить это оружие и послать по своей воле.

Но Турсла не одна из них. Она стояла напряжённо, отыскивая в себе то, что должно ответить на призыв. Мысленно девушка обрабатывала это своё ответное оружие, думая о том, как бросит его — не как копье, которое хочет получить Уннанна, но что же тогда? Щит? У неё недостаточно сил, чтобы создать преграду надолго. Но всё-таки что-то она может создать мозгом. Она вспоминала все виды оружия, которое применяется народом Торов, и с убыстрившимся дыханием остановилась на... сети!

Сжав кулаки так, что ногти врезались в плоть, девушка сосредоточилась на незнакомой энергии, не испытанной ею до той ночи у пруда, и подумала о сети — о сети, охватывающей ноги, задерживающей тех, кто идёт ночью, тех, кто собирается поставить ловушку. Теперь они сами будут захвачены.

Как кровь из смертельной раны, из Турслы уходила энергия. Если бы она могла воспользоваться дополнительными источниками, как Уннанна! Но сеть — несомненно, сеть! Пусть она опутает ноги Аффрика, захватит его там, куда он ушёл. Да будет так!

Девушка прислонилась к стене, чувствуя слабость в ногах, руки тяжело повисли по бокам, как будто у неё не хватает сил поднять их. Прижимаясь спиной к грубому камню, она скользнула вниз, развалины поднялись вокруг, как щит. Голова Турслы упала на грудь, девушка в последний раз послала ещё остававшуюся у неё энергию, чтобы усилить сеть, и ярко представила себе, как сеть обнимает спотыкающиеся ноги Аффрика.

Стало холодно, и Турсла задрожала. Вокруг было темно, она больше не слышала звуков, придававших силу мозговой стреле Уннанны. Послышался шорох крыльев. Турсла посмотрела вверх, в ночное небо над развалинами.

Там плясали два ночных мотылька, их прекрасные тонкие крылья слабо светились, такое свечение всегда сопровождает их во тьме. Они летали взад и вперёд, встречались и расставались. Потом больший мотылёк спустился и на мгновение сел на смоченное росой платье на груди девушки. Он размахивал крыльями и своими светящимися глазами смотрел прямо ей в глаза... а может, Турсле это показалось.

— Сестра, — прошептала Турсла, — приветствую тебя. Доброго полёта тебе сегодня ночью. Да пребудет с тобой благословение самого Вольта!

Мотылёк повисел и улетел. Турсла с трудом встала. Тело её болело, словно она целый день склонялась к ткацкому станку или работала на жатве в полях. Она не могла ясно соображать.

Придерживаясь рукой за стену, девушка вошла в зал. Никого нет, трон Вольта пуст. Турсла на мгновение остановилась, глядя на кресло. Попробовать снова? Она испытывала желание, странное желание. Ей хотелось увидеть, что произошло со всадником. Как там Мафра назвала его? Саймонд. Странное имя. Турсла повторила это имя, как будто пробовала на вкус, как будто имя может быть кислым или сладким.

— Саймонд!

Но ответа не было. И Турсла знала, что даже если снова сядет в кресло Вольта, ответа на этот раз не будет. То, что она сделала ночью, на время истощило её силу. А никакой помощи у неё нет.

Медленно, время от времени хватаясь за стену или камень, она выбралась из развалин. Но ей приходилось несколько раз садиться и отдыхать, прежде чем девушка вернулась в дом клана.

Тут ей потребовалось всё её искусство, чтобы незаметно пробраться в свой угол. Надо ли рассказывать матери клана о том, что произошло ночью? Меньше всего ей хотелось будить спящих.

Она легла на свой спальный матрац. И, засыпая, увидела картину: Аффрик бьётся в сети, спутавшей ноги, его насмешливый рот раскрыт, он кричит в страхе. Турсла, не чувствуя того, улыбнулась и так и уснула с улыбкой.

4

Остров, на котором располагались древние дома клана, затянул густой туман, развесив занавеси между домами, превращая выходящих в едва заметные тени. Всё покрылось крупными каплями, которые, сливаясь вместе, стекали вниз. Тело становилось мокрым, волосы спутывались, одежда отсыревала.

Турсла всю жизни знала такие болотные туманы. Но этот всё же был очень густым, она такого и не вспомнит. Казалось, беспокойство охватило всех людей кланов: охотники не выходили из домов, разводили огонь и жались к

очагам в поисках света и тепла. А, может, делали это и не ради тепла — от одежды начинал идти пар, а ради яркого света, от которого становилось немного веселее.

Турсла снова пришла к Мафре. Мать клана разговаривала неохотно. Она лежала неподвижно, её слепые глаза, не мигая, устремлены были к огню и к тем, кто сидел вокруг него, но она не делала попыток присоединиться к сидящим. Турсла осмелела от своих предчувствий, она коснулась руки Мафры, лежавшей ладонью вверх на коленях старой женщины.

— Мать клана...

Мафра не повернула головы, хотя девушка была уверена, что она знает о ней.

— Мотылёк-дитя, это уже близко...

Что — туман? Или то, что чувствует Турсла, хотя и не обладает способностями Мафры.

— Что можно сделать, мать клана? — девушка беспокойно пошевелилась.

— Остановить этих неразумных нельзя. По крайней мере, сейчас, — в её словах слышалась горечь. — Ты ни на кого не можешь рассчитывать, только на себя, мотылёк-дитя. Зло началось.

И в этот момент послышался звук, подобный рёву большого зверя. Турсла и все находившиеся в доме клана вскочили. Никогда раньше девушка не слышала такого звука.

Но тут люди у очага закричали, забегали, устремились к затянутому туманом выходу, и она поняла. Это Большая Тревога. Она никогда не звучала за время её жизни, может, вообще за жизнь всех людей клана. Только крайняя опасность могла заставить стражей дать сигнал этой тревоги.

— Девочка! — Мафра тоже встала и схватила Турслу за руку. — Дай мне твою силу, дочь. Злым, втройне злым было это дело. И злым поэтому станет его конец.

И она, так редко оставлявшая в последние дни свой альков, пошла рядом с Турслой. Вначале старуха тяжело

опиралась на девушку. Но потом выпрямилась, силы словно вернулись в её худое тело.

Они вышли из дома, и их окутал густой туман. В нем мелькали смутные фигуры, да и то видные только вблизи. Мафра пожатием руки повернула Турслу на дорогу, которую как будто хорошо знала.

— Куда?..

— В зал Вольта, — ответила Мафра. — Они пойдут до конца, осквернят само место, которое в сердцах у всех нас. Убьют — и именем Вольта! И вслед за этим убийством придёт и их смерть! Они ступили на дорогу... и злым будет её конец!

— Но как остановить... — Турсла успела только произнести это слово, как спутница прервала её.

— Остановить — да. Девушка, раскрой своё сознание, свободно отдайся тому, что в тебе. Это единственный путь! Но нужно действовать быстро.

Турсла никогда не поверила бы, что в матери клана сохранились силы для такого быстрого шага. Их окружали другие, все шли в том же направлении. Камни древней дороги под ногами покрылись водой, стали скользкими, но Мафра, несмотря на слепоту, не спотыкалась.

И вот перед ними встали полуобрушившиеся стены зала Вольта. Но они продолжали идти, пока не оказались перед троном. Здесь, может быть, благодаря воздействию древних камней, туман поредел, поднялся, повис над головами, как потолок, позволяя видеть всё внизу.

Факелы в вазах по обе стороны трона ярко пылали. В руках стоявших вдоль стен трещали горящие ветви. В кресле Вольта снова сидела Уннанна. Держась руками за подлокотники гигантского трона, она наклонилась вперёд с напряжённым и живым выражением лица.

Те, на кого она смотрела, стояли прямо перед нею. Среди них был Аффрик, но без той высокомерной гордости, с которой он так уверенно ушёл отсюда по приказу матери клана. Он был бледен, одежда его вымазана болотной грязью, одна рука висела на груди на перевязи, словно кость была сломана и нуждалась в неподвижности.

Турсла снова мысленно увидела: Аффрик, запутавшись в сети, падает, падает прямо на столбы с изображением Вольта. Её пожелание — сон! Неужели с Аффриком действительно такое случилось?

Но если и так, то она всё равно не сделала того, чего хотела. Потому что между двумя охотниками Аффрика стоял незнакомец, тот самый всадник с дороги, тот, кого Мафра назвала Саймондом.

Он был без шлема, и в свете факелов были хорошо видны его светлые волосы, почти такие же светлые, как у самой Турслы. Голова юноши свесилась на грудь. Стало ясно, что ноги его не держат, он упал бы, если бы его не держали за руки. В волосах запеклась кровь.

— Сделано! — зазвенел голос Уннанны, заглушая собравшихся. Наступила тишина, в которой слышны стали звуки жизни болота. — И хорошо сделано! Вот тот, кто даст нам новую жизнь! Разве не говорила я этого? В наши руки привёл его Вольт, чтобы мы могли испытать его силы и...

Турсла не видела, сделала ли Уннанна какой-то знак, но охранники неожиданно выпустили Саймонда, и он упал лицом вперёд. Должно быть, он был в сознании, потому что поднял руки и ухватился за ступени трона. Потом с видимым усилием поднял голову, приподнявшись, схватился за сам трон и встал на ноги.

Девушка не видела его лица. Не сознавая этого, она вырвалась из рук Мафры и, расталкивая собравшихся, никого не видя, устремилась ближе к пленнику.

— Что вам нужно от меня? — спросил он, поворачиваясь лицом к торам.

Аффрик сделал шаг вперёд и плюнул. Рот его был злобно искривлён.

— Полукровка! Мы хотим от тебя того, на что ты не имеешь права. Той твоей части, что принадлежит Торovým тоям!

Послышался звук, похожий на далёкий крик ящерицы-вэка. Уннанна рассмеялась.

— Он прав, полукровка. Ты часть Торов. Отдай нам эту часть, она нужна нам, — женщина высунула язык и провела им по нижней губе, словно слизывая моховой мёд и наслаждаясь лакомством.

— Нам нужна жизнь, — она склонилась к подлокотнику кресла, за который держался Саймонд. — Жизнь крови, полукровка. По слову Вольта, мы не смеем брать её у своих. Не можем взять и у чужаков, потому что у нас нет общих предков. Но ты не то и не другое; ты подходишь для наших целей.

— Ты знаешь, из какого я дома, — Саймонд, высоко подняв голову, пристально смотрел в глаза матери клана. — Я сын того, кто поднял топор Вольта — по желанию самого Вольта. Думаешь, Вольт одобрительно отнесётся к тому, какую судьбу вы мне готовите?

— А где теперь этот топор? — спросила Уннанна. — Да, Корис из Горма получил его, но разве потом топор не ушёл от него? Расположение Вольта ушло вместе с топором. Топор погиб, и вы больше не интересуете Вольта.

Ропот, поднявшийся после слов Саймонда, стих. Турсла приблизилась ещё больше. И она сделала, как советовала Мафра, раскрыв своё сознание живущей в ней силе. Но пока не испытывала никакого притока силы, никакого внутреннего тепла. Как же ей остановить это злое дело, которое положит конец всему народу Торов?

— Возьмите его... — Уннанна встала и широко развела руки. Лицо её побледнело от возбуждения.

И тут Турсла начала действовать. Стоявшие вокруг были слишком поглощены зрелищем и не обращали на неё внимания, пока она не прошла сквозь все ряды, растолкала последователей Аффрика и добралась до Саймонда. Встав рядом с ним, она повернулась лицом к мужчинам, которые собрались выполнять приказ Уннанны.

— Коснитесь меня, если посмеете, — заявила она. — Я наполнена. И беру этого мужчину под свою защиту.

Ближайший мужчина поднял руку, собираясь отбросить

её в сторону. Но при этих словах он застыл, как высохшее дерево, а стоявшие за ним отступили на шаг-два. Уннанна на троне придвинулась к ним ближе.

— Возьмите его! — и она подняла руку, словно собираясь ударить девушку по лицу. Турсла не дрогнула.

— Я наполнена, — повторила она.

Лицо матери клана гневно исказилось.

— Отойди в сторону, — прошипела она, как болотная гадюка. — Именем Вольта приказываю: отойди! И если ты поистине наполнена...

— Спроси у Мафры! — вызывающе ответила девушка. — Она так сказала...

— Неужели матери клана нужно повторять это? — послышался из толпы голос Мафры. — Ты думаешь, что в таком деле возможна ложь, Уннанна?

Толпа зашевелилась и расступилась, образовав проход. По нему шла Мафра. Она не спотыкалась, шла уверенно, словно хорошо видела перед собой дорогу. Ни с кем не столкнувшись, она шла по проходу, пока не остановилась перед тронном Вольта.

— Ты много берёшь на себя, Уннанна, очень много.

— А ты ещё больше! — закричала Уннанна. — Да, когда-то ты сидела здесь и говорила именем Вольта, но эти дни давно прошли. Правь своим домом клана, пока за тобой не придёт вестник Вольта. Но не старайся говорить за всех.

— Я говорю только то, на что имею право, Уннанна. Если я утверждаю, что эта дочь клана наполнена, ты станешь отрицать это?

Рот Уннанны дёрнулся.

— Это твоё слово перед Вольтом? Много берёшь на себя, Мафра. Она не ходила на лунный танец. Кто же наполнил её?

— Уннанна... — Мафра подняла правую руку. Пальцы её зашевелились, собрали туман в шар. В наступившей тишине она сделала движение, будто бросила шар. Уннанна откинулась, так что спина её коснулась спинки трона.

Неожиданно она закрыла лицо руками. И за этой слабой защитой начала произносить слова, не имевшие для Турслы смысла. Но девушка понимала, что Уннанна оказалась в тупике. Слегка повернувшись, она схватила Саймонда за руку.

— Пошли! — приказала она.

Турсла не знала, смогут ли они выйти из зала Вольта и что нужно будет делать потом. Сейчас она могла думать только о том, чтобы уйти из этого места, где их защищал только непрочный покров обычая.

Она даже не взглянула на Саймонда. Но когда отошла от трона Вольта, он последовал за нею. Надеясь, что он сможет удержаться на ногах, Турсла повела его.

Им преградил дорогу Аффрик. В здоровой руке он держал короткое рубящее копье. Турсла встретила его взгляд и прижалась к Саймонду. Она не сказала ни слова, но намерения её были ясны. Любое нападение на чужестранца станет нападением и на неё. Поднять оружие против наполненной — Аффрик зарычал, но отступил. Все расступились перед Турслой, как раньше перед Мафрой.

Таким-то образом они и вышли из зала. Турсла дышала так тяжело, словно пробежала большое расстояние. Куда теперь?.. Вернуться в дом клана невозможно. Даже Мафра не сможет долго сдерживать гнев против нарушителей обычая. А дороги Торových топей будут тщательно охраняться.

К пруду, к морю! Словно какой-то голос из тумана подсказал ей это. Она впервые заговорила со своим спутником.

— Мы не можем оставаться здесь. Не думаю, чтобы даже Мафра смогла долго удерживать Уннанну. Мы должны уходить. Ты можешь идти?

Она заметила, что он шатается, хотя и держится на ногах. Оставалось только надеяться на удачу.

— Леди... клянусь смертью колдеров... попробую!

И они погрузились в кипение странного густого тумана,

такого густого, что девушка не видела даже своей вытянутой руки. Как глупо. Если они собьются с дороги или не найдут дальше нужные кочки, топь проглотит их, и никто не узнает, как они погибли.

Но Турсла без колебаний пошла вперёд и повела юношу за собой. Немного погодя они пошли рядом, девушка положила его руку себе на плечи, приняв на себя часть веса раненого. Время от времени он что-то говорил — обрывки слов, не имеющие смысла.

Они уже далеко ушли от острова домов кланов, когда снова послышался звук Большой Тревоги. Теперь следовало ожидать погони. Может быть, туман задержит преследователей? Турсла опасалась, что Аффрик знает дороги Торových топей гораздо лучше неё.

Они шли, и Турсла с трудом подавляла желание торопиться. Тот, кого она поддерживала, быстрой ходьбы не выдержит. Они всё ещё шли по дороге. Турсла решила, что будет полагаться только на внутреннее чутьё, на инстинкт. Раньше она никогда этого не делала. Разве что в тот раз, когда она испытала ощущение правильности, встретив Ксактол при свете луны. Эхо Большой Тревоги стихло, и девушка напряжённо прислушивалась, не доносятся ли звуки погони.

Они брели болотом, маленькие животные, встревоженные их появлением, разбегались по укрытиям, слышались хриплые крики и другие звуки болотной жизни. Но из тумана никто не показывался, и звуки не становились ни громче, ни тише.

Девушка утратила всякое представление о времени. Она только надеялась, что они намного опережают преследователей. То, что её провозгласили наполненной, на время спасёт их. Но потом станет ясно, что её притязания ложны. И тогда не избежать последствий.

Вскоре они почти дошли до конца дороги. Девушка ничего не видела, но ощущала странное знание, пришедшее от дара, который не имеет ничего общего со зрением,

озязанием или слухом. Она остановилась и резко заговорила со своим спутником, стараясь силой воли вывести его из одурманенного состояния.

— Саймонд! — имена обладают силой; имя сможет вернуть его к действительности. — Саймонд!

Он приподнял руку и чуть повернулся, чтобы видеть её глаза. Подобно мужчинам Торových топей, он был такого роста, что они могли, не наклоняясь, смотреть прямо в глаза друг другу. Рот его был приоткрыт, стекавшая с виска кровь засохла на щеке. Но в глазах блестело сознание.

— Отсюда мы пойдём болотом, — Турсла говорила медленно, делая паузы между словами, как с ребёнком или тяжелобольным. — Я не смогу поддерживать тебя...

Он закрыл рот и сжал губы. Потом попытался кивнуть, сморщился и замигал от боли.

— Что смогу, сделаю, — пообещал он.

Она всмотрелась в туман. Глупо идти вслепую. Но туман может лежать часами. А теперь, когда поднят весь народ Торov, этих часов у них нет; может, вообще времени у них — только несколько вздохов. Она по-прежнему не слышала звуков погони, но торы хитры и умеют неслышно двигаться по своей земле.

— Ты должен идти точно за мной, след в след, — Турсла прикусила губу. Она сомневалась, возможно ли это. Но выбора не было.

Он выпрямился и негромко проговорил:

— Иди... я пойду за тобой.

Бросив на него последний взгляд, девушка шагнула в туман. Внутренний проводник продолжал вести её: нога опустилась на прочную кочку, которой она не видела. Она шла медленно, останавливаясь, проверяя, видит ли юноша её шаг. Для него этот путь должен быть ещё тяжелее: ведь у него нет её уверенности.

Турсла шла вперёд шаг за шагом, стараясь вспомнить, далеко ли тянется эта опасная часть пути. Саймонд не звал её, и, оборачиваясь, она каждый раз видела, что он твёрдо держится на ногах.

Но вот, наконец, она выбралась на прочную почву, от напряжения болели спина и плечи, предательски дрожали ноги. Этот был тот самый холм в форме пальца, указывающий направление на пруд. Стоя на твёрдой земле, Турсла поджидала спутника. Выбравшись, он опустился на колени и начал раскачиваться из стороны в сторону. Девушка склонилась к нему, поддержала.

Лицо Саймонда покрылось потом, и свернувшаяся кровь смешивалась с ним. Он тяжело дышал ртом, а глаза, которыми он взглянул на неё, стали совсем мутными. Он хмурился, словно ему трудно было смотреть и он с большим усилием удерживал её в поле зрения.

— Я... почти... выдохся... — с трудом прохрипел он.

— Уже конец. Отсюда дорога хорошая. Осталось немного.

Он слегка улыбнулся.

— Если... недалеко... я... смогу... ползти...

— Ты пойдёшь! — твёрдо сказала Турсла. Встав, она наклонилась и взяла его под мышки. Напрягая все оставшиеся силы, девушка действительно поставила его на ноги. Потом снова положила руку мужчины себе на плечи и повела. Наконец они оказались среди скал над молчаливым прудом, окружённым песком.

Вначале девушка занялась своими застёжками. Теперь она знала, что нужно делать. Как знает красильщик, чего нужно ещё добавить, что подмешать, делает это и одновременно не отрывается от кипящей жидкости. И здесь есть свой обычай. То, что она собиралась вызвать, появится только после определённого ритуала.

Платье Турслы упало к её ногам. Она наклонилась к бессильно лежавшему мужчине и занялась креплениями его кольчуги. Он открыл глаза и удивлённо взглянул на неё.

— Что... ты...

— Это... — девушка стягивала кольчугу с его плеч одной рукой, другой держась за брюки.

— Это нужно снять... мы должны идти туда, где этого не должно быть.

Он мигнул.

— Древняя сила?

Турсла пожала плечами.

— Я никаких ваших древних сил не знаю. Но о том, что мы можем здесь вызвать, немного знаю. Если... — она поднесла к губам указательный палец и прикусила его, задумавшись. Ей только что пришло в голову... Это место относится к ней доброжелательно — и раньше тоже, — потому что она — это она (а по правде, кто она такая, спросила какая-то малая частица её самой. Но сейчас не время для таких вопросов). Но примет ли это место его? Ответа нет, нужно пробовать.

— Мы должны... — Турсла приняла решение, — мы должны это сделать. Потому что другого пути спасения я не вижу.

Она помогла ему расстегнуться, снять пояс, и увидела широкие плечи, длинные руки, свидетельствующие, что в нём действительно течёт кровь народа Торков. Потом показала на камень, с которого в прошлый раз прыгнула в пруд.

— Не ступай на песок, — предупредила она. — Он должен лежать нетронутым. А мы отсюда прыгнем в пруд.

— Если смогу... — но он поднялся на камень.

Она прыгнула вниз. И снова её мягко обхватила вода. Девушка быстро поплыла к противоположному берегу пруда и расчистила место, куда он сможет выбраться. Потом оглянулась.

— Иди!

Тело его казалось белым, как окружающий туман. Он поднялся на камень, и девушка увидела, как напряглись его мышцы. Он вытянул руки и нырнул, разрезав воду.

Турсла легла на спину и застыла, как в прошлый раз. Она больше не отвечала за него. Инстинкт говорил ей, что они теперь в безопасности, раз пруд не отверг их.

Глядя в небо — ветер с моря начал разрывать туман, — Турсла запела — запела без слов, и звуки её пения поднимались и опускались, как зов какой-то птицы.

И как в прошлый раз, песок зашевелился. Девушка не чувствовала ветра, но зёрна песка поднялись в воздух и начали вращаться, как в ту ночь. Родился столб, он вращался всё быстрее и быстрее, становясь всё прочнее. Показалась круглая голова, начало складываться тело.

Турсла продолжала петь без слов, и продолжал формироваться сосуд, в который войдёт та, кого она призывает. Девушка совсем забыла о Саймонде. Если он и удивился, то молчал, не мешая ей сплестать заклинания. А она делала это так же уверенно, как работала за своим ткацким станком.

И вот перед ней вновь предстала Ксактол. Увидев, что она ждёт, Турсла вышла из пруда и встала на камне, с которого для сотворения Ксактол слетели последние песчинки.

— Песчаная сестра... — девушка подняла руки, но не обняла своё творение.

— Сестра... — повторила та своим свистящим, словно из трущихся песчинок голосом. — Что тебе нужно? — женщина протянула руки вперёд, и Турсла положила на них ладони. Плоть встретилась с песком.

— Этот мужчина, — Турсла не повернула головы, не посмотрела на лежавшего в воде Саймонда. — Его преследуют. Но не должны его взять.

— Это твой выбор, сестра? — спросила та. — Подумай хорошо. От твоего выбора может произойти многое, и не всё понравится тебе в будущем.

— Только зло, Ксактол? — медленно спросила девушка.

— Одно только зло никогда не бывает. Но подумай вот о чём: сейчас ты принадлежишь народу Торов. И если уйдёшь, возврата не будет. А за пределами Торовых топей не все приветствуют торов.

— Народ Торов, — повторила Турсла. — Но я лишь частично из народа Торов, песчаная сестра. Только часть меня. Как и он. У меня тело тора, но...

— Молчи! — резко прервала её Ксактол. — Даже если и так, тело тора может предать тебя. На границы болот наложено заклинание. Тор не может выйти за его пределы — и остаться живым.

— А этот?

— Он двойной крови. Сюда его привлекло заклинание Тором, потому что в нём есть часть, отвечающая на этот призыв. Но чуждая кровь поможет ему выбраться. Однако если ты пойдёшь с ним... — песчаная женщина не закончила своё предупреждение.

— Что же будет со мной?

— Не знаю. Это не наше заклинание. У чужаков свои колдуньи, и их знания древние и глубокие. Ты сильно рискуешь, если пойдёшь.

— Оставшись, я рискую ещё больше, песчаная сестра. Ты знаешь, какой покров безопасности набросила на меня Мафра; и по представлениям моего народа, это смертельная ложь.

— Решение принимать тебе. А чего ты хочешь от меня?

— Можешь выиграть нам время, песчаная сестра? Ведь за нами идут и будут преследовать до смерти.

— Это верно. Даже сюда достигает их гнев и страх. Словно туман, который они так любят, — женщина отняла правую руку, подняла её и коснулась лба девушка над и между глазами.

— Даю тебе это. Используй, как захочешь, — сказала она негромко. — А сейчас я должна идти...

— Я тебя ещё увижу? — спросила Турсла.

— Нет, если ты сделаешь выбор, который я читаю в твоих мыслях. Дверь между нашими мирами только здесь.

— Я не могу... — воскликнула Турсла.

— Но ты уже выбрала, сестра. И выбор в твоей душе. Иди с миром. Прими то, что ждёт тебя, храбро. Всё, что с тобой случилось, имеет своё значение. И если сейчас мы этого не видим, со временем оно станет ясно. Поступай, как знаешь.

Она уронила руки, а Турсла снова опустилась на колени

и закрыла глаза одной рукой. Но другую положила на колено, ладонью вверх.

Ксактол начала вращаться, вращение стансвилось всё быстрее. Тонкий песок, образовавший её, разлетелся, тело превратилось в столб, который, в свою очередь, песком осыпался на камень. Но в руке Турслы осталась горсточка песка.

Когда песок ровным слоем лёг вокруг пруда, девушка встала, плотно сжимая в горсти песчинки. И окликнула Саймонда.

— Выходи. Нам нужно идти.

Она резко повернула голову. Что-то послышалось вдали. Охотники идут, они нашли след. Как и Ксактол, она теперь ощущала овладевшие ими гнев и страх. Теперь её не защитит даже то, что она наполнена. Турсла вздрогнула. Никогда раньше не испытывала она таких эмоций. Их чуждость ошеломляла. Но времени для колебаний не оставалось, некогда было вслушиваться в этот страх, порождённый ненавистью.

Саймонд вышел на берег. Шёл он теперь уверенней, высоко подняв голову, но внимание его было устремлено не к девушке, а назад, туда, откуда они пришли, словно он тоже почувствовал эмоции преследователей.

Турсла поднялась на камень, на котором оставила своё платье. Подняла его одной рукой и заговорила:

— Можешь оторвать отсюда полоску? Нужно сберечь то, что я держу, — она показала ему горсть песка. — Это нам понадобится.

Саймонд взял платье и отрывал край выпачканного болотной грязью подола. Турсла высыпала в него песок и тщательно завязала его в узелок. Потом надела платье. Саймонд тоже оделся, но застегнул только кожаную нижнюю куртку, оставив кольчугу лежать на земле.

Уловив взгляд девушки, он носком ноги коснулся кольчуги.

— Она меня только задержит. Куда мы идём?

— К морю, — она уже двинулась в путь.

Купание в пруду, должно быть, освежило Саймонда, раны его начали заживать, потому что он уверенно держался рядом с девушкой, когда она шла меж скал. Вскоре Турсла услышала плеск волн, ветер сдувал прочь туман и болотный воздух.

Они вышли на берег. Саймонд посмотрел на север, потом на юг, и наконец повернулся лицом к югу.

— Это дорога в Эсткарп. Пошли...

«Если смогу, — подумала она. — Насколько сильно заклинание, наложенное на народ Торов? Оно наложено только на тело или на тело и дух? Может ли мой дух разорвать запреты, наложенные на тело?» Но вслух она эти вопросы не задавала.

Они пошли по песку по самому краю воды. Сзади послышался крик, копьё перелетело через их головы и упало в воду. Это предупреждение, догадалась Турсла. Охотники хотят захватить их живыми. Может, Уннанна всё же получит своё жертвоприношение.

Неожиданно девушка вскрикнула и отшатнулась. Она словно наскочила на стену и отлетела от неё, тело онемело от силы удара. Саймонд был уже в нескольких шагах впереди. Услышав её крик, он повернулся.

Турсла протянула руку. Перед ней встала преграда — невидимая... но прочная, словно каменная стена дома клана. Она физически чувствовала её поверхность.

Стена, которую чужеземцы воздвигли вокруг Торовых топей! Девушка действительно не могла преодолеть эту преграду.

— Пошли! — Саймонд вернулся к ней. Очевидно, эта стена для него просто не существовала. Он схватил её за руку, попытался потащить.

И снова Турсла жёстко ударилась о преграду.

— Нет... не могу! Заклинания твоего народа... — выдохнула она. — Иди, они не смогут пройти за тобой!

— Без тебя не пойду! — лицо его стало мрачным. — Попробуем морем. Плавать умеешь?

— Не очень, — она, конечно, купалась в прудах, но

довериться морю — совсем другое дело. Хотя, какой у неё выбор? Жар ненависти, который она ощущала за собой, предупреждал, чего она может ожидать.

— Пошли...

— Стой! — раздался позади крик. Аффрик... Она даже не оглядывалась, и так знала, кто ведёт охотников.

— Иди... — Турсла старалась оттолкнуть своего спутника, протолкнуть за стену, которая для него не стена.

— В море! — повторил он.

Но они, кажется, опоздали. Между ними пролетело другое метко брошенное копье, ударилось о невидимую стену и отскочило. Турсла резко повернулась, прижав руку в груди и сжимая в ней то, что принесла с берега пруда.

Аффрик, да, и Брунвол, и Гаван. А за ними ещё два десятка; отряд приближался, глаза торов горели азартом и ненавистью. Она такого никогда не встречала раньше. Сознательно или бессознательно, но они использовали свою ненависть как оружие, били ею; и от этих ударов девушка покачнулась, словно раненая или больная.

Но у Турслы оставалось ещё достаточно сил, чтобы извлечь свёрток. Одной рукой она развернула его, чуть подержала на ладони. Потом поднесла песок к губам, глубоко вдохнула и подула. И когда песчинки разлетелись, девушка громко крикнула. Не слово, потому что это заклинание словами её мира не призовёшь. Она произвела звук, похожий на рокот, на Большую Тревогу народа Торов.

Не было видно, как разлетается песок под её дыханием. С берега поднялись облака белого морского песка. Они начали вращаться, как вращался столб, образуя тело Ксактол. Но эти столбы росли и росли, втягивая в себя всё больше песка. Однако оставались столбами, не принимая иной формы. Теперь они высоко возвышались над людьми.

Аффрик и его люди попятились, неуверенно глядя на столбы. С таким они ещё не встречались. Но не отступали совсем, и Турсла знала, что они не отступят.

Вершины столбов начали наклоняться — к мужчинам-торам. Турсла схватила Саймонда за плечо. Сила, двигавшая столбами, исходила от неё. И она сомневалась, что долго продержится

— В море!

Крикнула ли она это вслух или он прочёл её мысль? Девушка не знала. Но Саймонд схватил её рукой и потащил в воду.

Волна ударила её, вода поднялась до пояса, а Турсла по-прежнему старалась удержать песчаные столбы. Но не поворачивала головы и не смотрела на них.

Послышались крики, теперь направленные не к беглецам. Некоторые голоса звучали приглушённо, постепенно смолкая. Вода поднялась совсем высоко. Саймонд, не глядя на берег, приказал:

— Ложись на спину! И держись на воде! Остальное предоставь мне!

Она попыталась послушаться его. Пока никакого барьера им не встретилось. Ей теперь был виден берег. Его сплошь затянул туман. Нет, не туман, песчаный вихрь наполовину скрывал фигуры, преследователи бились в объятиях песка, как будто не могли вырваться, так их захватила песчаная буря.

И вот она лежала на спине, а Саймонд плыл и тянул её за собой. Он плыл не в море, а вдоль берега. Турсла держала песок и направляла его, сколько могла, пока до конца истощила свои силы. До такой степени, что не могла бы пошевелиться, даже если бы умела плавать.

Крики слышались громче. Потом...

Сила... сила резко оттолкнула девушку назад, погрузив в воду. Турсла ахнула, и холодная солёная вода хлынула ей в рот, заливая лёгкие. Она судорожно боролась за дыхание. Барьер! Это барьер! Она хотела крикнуть Саймонду, сообщить, что все его усилия бесполезны. Ей не спастись.

Не спастись! Её тело заключено в Торových топях заклинаниями чужестранцев. Нет... надежды...

Отчаянно борясь со страхом утонуть, Турсла в то же

время попыталась высвободиться, ударить Саймонда, заставить отпустить её, прежде чем она погрузится под воду.

— ...отпусти! Отпусти меня! — хотела крикнуть девушка, но вода снова залила ей рот.

Откуда-то ей нанесли удар. Она ощутила вспышку боли. Потом — ничего.

Турсла медленно приходила в себя, выходила из тьмы. Вода... она тонет! Саймонд должен её отпустить!

Но никакой воды не было. Девушка лежала на прочной поверхности, которая не раскачивалась, как волны. И она могла дышать. Вода не заполняла нос, не покрывала голову. Пока ей этого достаточно, она почувствовала себя в безопасности, она не утонет. Но...

Значит, они вернулись на берег. А она больше не владеет песком. Аффрик...

Турсла открыла глаза. Над ней простиралась небесная арка — чистое небо, только одно-два облачка застыли над горизонтом. Ни следа тумана Торовых топей. Девушка подняла голову. Даже это лёгкое движение оказалось очень трудным, так она была слаба и истощена.

Кругом песок, белый, со следами волн, высохший после ухода воды. И скалы. И море. Но ни Аффрика, ни других мужчин-торов. Она... Турсла села, опираясь на руки.

Её мокрое платье было облеплено песком. Даже на зубах скрипел песок. И никого кругом, вообще никого. Но первые же взгляды убедили её, что это не участок берега Торовых топей.

Девушка повернулась лицом к суше. Слева от неё стеной стоял в воздухе дым сотни — нет, тысячи костров, он уходил в глубь суши, насколько она могла видеть. Это же болотный туман, он совершенно скрывал то, что находилось по ту сторону...

Они миновали барьер! Это внешний мир!

Турсла встала на колени, пытаясь разглядеть этот неведомый мир. Песок тянулся на некоторое расстояние. Потом полоска жёсткой травы, за ней — кусты. Болотом и не пахло.

Но где же Саймонд?

Одиночество было хорошо, когда она опасалась Африки и остальных, теперь оно вызывало беспокойство. Куда он исчез — и почему?

Его исчезновение испугало девушку. Может, потому, что она из народа Торгов? Неужели чужеземец так ненавидит этот народ, что теперь, когда он спас ей жизнь, считает, что выплатил свой долг и больше не желает её видеть?

Турсла мрачно приняла этот факт. Может, и Корис ненавидит кровь Торгов в себе и сына воспитал в такой же ненависти. Точно так же торы смотрели на чужую примесь в своей крови.

Она из народа Торгов — Саймонд это знает. Значит...

Турсла положила голову на руки и постаралась мыслить логично. Возможно, приняв решение — её ведь просили серьёзно подумать, — она совершенно отказалась от своего народа. Ксактол честно предупредила её. Покинув пруд, она теперь больше не сможет общаться с этим сознанием?... духом?... существом?... которое лучше всех понимало её.

Мафра... впервые, затаив дыхание, Турсла подумала, что будет с Мафрой. Ведь она воспротивилась Уннанне, прикрывала их бегство; но разве посмеет кто-нибудь из торгов поднять руку или голос против Мафры? Девушке в этот момент страстно захотелось, чтобы всё вернулось назад, чтобы она снова оказалась в доме клана... как в ночь накануне её встречи с песчаной сестрой.

Но Турсла тут же покачала головой. Оглядываться назад — только напрасная трата сил. Когда выбор сделан, когда твёрдо ступил на тропу, ни один мужчина, ни одна женщина не может повернуть назад и пойти по другой тропе. Она приняла решение и теперь должна жить в соответствии с ним — жить или умереть.

Девушка мрачно принялась разглядывать местность. Море было пусто, с этой стороны ждать помощи нечего. Она проголодалась. Солнце уже опускалось на западе. А у

неё нет даже ножа на поясе. И кто знает, какие опасности ждут её в темноте в этом внешнем мире?

Но если она собирается уходить, то придётся идти на четвереньках, так как когда она попыталась встать, то обнаружила, что ноги подгибаются, а голова кружится. Девушка пошатнулась и упала. Голод и жажда — пустота, которая должна быть наполнена.

Наполнена! По крайней мере теперь клан никогда не узнает об её обмане. Но если она наполнена чем-то другим, как утверждала Мафра, то чем же?

Девушка подняла колени к груди, обхватила их руками и вся сжалась, потому что ветер становился холоднее, такого холодного ветра в Торových топях не бывает. Турсла вновь постаралась обдумать ситуацию. Что в её положении плохо? Что хорошо? Плохо — длинный перечень. А хорошего — она спаслась от Аффрика и остальных, спаслась от ужасного гнева торов, когда они узнали бы, что она не даст им ребёнка и не добавит никого исчезающему народу. И у неё есть знания, но она пока не знает, как ими воспользоваться. Знания, данные ей Ксактол.

Но теперь песчаная сестра навсегда отрезана от неё. Сумеет ли она воспользоваться своими знаниями?

И где ей искать убежище? Где пища? Вода? Поднимут ли на неё руку жители внешнего мира, когда узнают, что она из Торových топей?

Она...

— Холла!

Турсла подняла голову.

Всадник направлялся к ней из глубины суши. Его голова... обнажённая голова... это же Саймонд! Девушка с трудом встала и крикнула в ответ слабым голосом:

— Саймонд!

Что-то болезненно сжимавшее её изнутри разорвалось. Турсла шаталась, с трудом переставляя ноги. Она не одна! Он не оставил её!

Лошадь шла быстрой рысью. Турсла увидела и вторую лошадь, Саймонд вёл её на поводу. Он появился в волнах

песка, разбрасываемого копытами. Соскочил с седла и побежал к ней, протягивая руки.

Турсла могла только бессмысленно повторять его имя, позволив ему подхватить себя, своё истощённое и измученное тело.

— Саймонд! Саймонд!

— Всё в порядке! Всё хорошо! — он крепко держал девушку, позволяя ей осознать, что она больше не одна, почувствовать мир.

— Мне пришлось уйти, — объяснил мужчина. — Нам же нужны лошади. А здесь недалеко сторожевая башня. Я вернулся, как только смог.

Она постепенно овладевала собой.

— Саймонд, — Турсла заставила себя посмотреть ему прямо в глаза, проверить, не успокаивает ли он её лживыми обещаниями. — Саймонд, я ведь из Торových топей. Не знаю, как ты провёл меня через барьер, который установили люди из внешнего мира. Но я остаюсь тором. Твой народ сможет принять меня?

Он взял её лицо в руки, посмотрел прямо в глаза.

— Торы сами решили стать нашим врагом, мы не хотим враждовать с ними. К тому же я сам отчасти тор. А Корис сделал кровь Торových благословением, а не проклятием Эсткарпа, как хорошо всем известно. Он владел топором Вольта, который мог принадлежать только ему. И он намерен спасти Эсткарп от тех, кто хуже волков зимой! В твоей крови нет никакого позора.

Он рассмеялся, и всё лицо его изменилось.

— Странно. Ты знаешь моё имя, а я не знаю твоего. Доверишь ли ты мне его, чтобы показать свою добрую волю?

Девушка почувствовала, как её лицо, задубевшее от морской воды и песка, растягивается в ответной улыбке.

— Я Турсла из... Нет, больше я не принадлежу ни к какому клану. И я сама должна узнать, кто я.

— Узнать это нетрудно. Тебе помогут, — пообещал он.

Турсла улыбнулась ещё шире.

— Не сомневаюсь, — убеждённо ответила она.

КРОВЬ СОКОЛА

Танри облизала израненные кончики пальцев и ощутила жгучий солёный вкус морской воды. Волосы липли к исцарапанному песком лицу, слишком тяжёлые от пропитавшей их воды, чтобы разметаться на ветру.

Какое-то время ей достаточно было того, что она выбралась из волн, осталась живой. Море — жизнь салкаров, да, но оно же может стать их смертью. Несмотря на фатализм и покорность судьбе, обычные для её народа, какие-то силы в Танри заставляли её упрямо стремиться к берегу.

Над головой раздавались крики чаек, резкие, пронзительные. И такие испуганные, что Танри подняла голову и посмотрела в серое после бури небо. На птиц нападали. Широкие тёмные крылья птицы отходили от груди, на которой хорошо был виден белый треугольник перьев — безошибочный знак. Сокол снизился, ударил когтями чайку, унёс добычу на вершину утёса и сел там, по-прежнему различимый с берега.

Разрывая жертву сильным клювом, хищник принялся есть. На лапе его красовались цветные ленты — знак службы.

Сокол. Девушка выплюнула набившийся в рот песок, руки её лежали на исцарапанных коленях, едва прикрытых нижней рубашкой. Почти всю одежду она сбросила, когда спрыгнула с корабля, шедшего прямо на покрытый белой пеной риф.

Корабль!

Она встала и посмотрела в сторону моря. Гнев бури по-прежнему поднимал высокие волны. На клыках прибрежных скал висел со сломанной спиной «Дикий боров». Вместо мачт — обрубки. На глазах у Танри волны снова подняли корабль и ударили о риф. Море быстро доламывало его.

Танри вздрогнула, осмотрела узкую береговую полосу песка. Кто ещё добрался до берега? Салкары всю жизнь проводят в море, неужели уцелела она одна?

Зажатый между двумя камнями, так что его не могли унести отступающие волны, лицом вниз лежал человек. Танри подняла исцарапанные, с изломанными ногтями пальцы и начертила в воздухе знак Воттина, потом произнесла древнюю молитву:

*Ветер и волна,
Мать-море,
Приведи нас домой.
Далека гавань,
Сильны твои волны,
Но твоей силой
Будет спасён салкар!*

Шевельнулся ли этот человек? Или его просто сдвинула с места вода?

Он... это не моряк-салкар! Всё его тело, от шеи до середины бёдер, затянато в кожу, ноги запутались в морских водорослях.

— Фальконер!

Девушка выплюнула имя обожжёнными солью губами. Хотя у фальконеров старинный договор с её народом, и они часто служат на кораблях салкаров матросами, их племя всегда держится особняком, это суровые молчаливые люди. В бою они хороши, это нужно признать. Но кто знает, какие мысли скрываются в их головах, почти всегда закрытых шлемами в форме птицы? Хотя этот потерял все свои доспехи и кажется теперь странно обнажённым.

Послышался резкий крик. Наевшийся сокол слетел к телу, сел на песок вне пределов досягаемости волн и продолжал кричать, поднимая хозяина.

Танри вздохнула — она знала, что должна сделать, — и побрела по песку к человеку. Сокол снова крикнул, тело его вызывающе напряглось. Девушка остановилась, осторожно поглядывая на птицу. Эти птицы обучены участвовать в бою, они рвут глаза и лицо противника. Это часть вооружения их хозяев.

Она заговорила громко, словно обращалась к человеку:
— Я не причиню вреда твоему хозяину, летающий воин,
— и протянула вперёд израненные руки в старинном жесте мира.

Глаза птицы, маленькие красноватые угли, устремились на неё. Танри испытала странное ощущение, что эта птица разумнее других. Птица перестала кричать, но глаза продолжали смотреть угрожающе. Сокол перешёл на другую сторону от лежавшего без сознания человека.

Танри была далеко не неженкой. Как и все в её народе, она высока и сильна, может нести и поднимать тяжести, тянуть тросы и поднимать паруса, передвигать груз, если нужна помощь. Салкары живут на своих кораблях, и оба пола учатся морскому делу.

Девушка наклонилась, взяла наёмника под мышки и оттащила дальше от воды, а потом перевернула лицом вверх.

Во время последнего плавания у них на борту было с десяток фальконеров («Дикий боров» собирался зайти далеко на юг, где легко наткнуться на тёмный пиратский рейдер), но Танри вряд ли отличила бы одного от другого. Они постоянно ходили в закрывающих лицо шлемах и держались обособленно, а с экипажем на борту разговаривал, если было необходимо, только их предводитель.

Лицо мужчины покрывал песок, но он дышал, о чём свидетельствовали лёгкие движения груди под промокшей кожаной курткой. Девушка выбрала песок из его ноздрей, с тонкогубого рта. Между засыпанными песком бровями воина пролегла глубокая морщина, а всё лицо было неподвижно, как маска.

Танри откинулась назад. Что она знает об этом, как и она, пережившем крушение? Прежде всего, фальконеры живут по своим строгим жёстким законам, которые не принял бы никакой другой народ. Много поколений назад что-то заставило их пуститься в странствия, тогда-то и был заключён договор с её народом. Потому что фальконеры хотели проникнуть на юг, а туда заходили только корабли салкаров.

Они попросили на кораблях места для всех, примерно двух тысяч человек, причём две трети из них составляли закалённые бойцы, каждый со своим обученным соколом. Но странными этих людей делали их обычаи. Потому что фальконеры не признают никаких клановых или семейных уз. По их мнению, женщины существуют лишь с единственной целью: рожать детей. Они живут в особых деревнях, и раз в год их навещают мужчины, отобранные командирами. И эти кратковременные встречи — единственное, что связывает два пола.

Вначале они пришли в Эсткарп, узнав, что эта древняя земля осаждена врагами. Но здесь на пути их службы возник непреодолимый барьер.

В древнем Эсткарпе правили колдуньи, и для них народ, который так обращается со своими женщинами, — проклятый народ. Поэтому фальконеры прошли дальше, в не принадлежащие никому земли южных гор, и построили свои горные крепости на границе между Эсткарпом и Карстеном. Они плечом к плечу с пограничниками Эсткарпа сражались в Большой войне. Но когда наконец перед почти совершенно истощённым Эсткарпом встала вся мощь Карстена и колдуньи сосредоточили все свои силы (при этом многие из них погибли), чтобы изменить саму форму границы, вовремя предупреждённые фальконеры неохотно вернулись в низины.

Число их к этому времени изрядно сократилось, и теперь эти прирождённые бойцы нанимались на службу, где могли. Потому что за Большой войной последовали хаос и анархия. Многие, всю жизнь посвятив войне, стали разбойниками; и хотя в самом Эсткарпе сохранялось некое подобие порядка, остальная часть континента находилась в смятении.

Танри подумала, что этот фальконер — без шлема, кольчуги и оружия — чем-то напоминает людей Древней расы. Тёмные волосы на фоне песка казались почти чёрными, а кожа бледнее, чем загар Танри. На лице крючковатый нос, напоминающий клюв сокола, и зелёные

глаза. Потому что теперь он открыл их и посмотрел на неё. И грозно нахмурился.

Он попытался сесть, но упал, и рот его искривился от боли. Танри не умеет читать мысли, но она была уверена, что это проявление слабости перед нею для воина словно удар хлыста.

Он снова попытался привстать, отодвинуться от неё. Танри заметила, что одна рука у него неподвижно свисала вдоль тела. Она придвинулась, уверенная, что сломана кость.

— Нет! Ты... ты женщина! — в голосе его звучали отвращение и гнев.

— Как хочешь... — девушка встала, повернулась к нему спиной и пошла по узкой береговой полосе, окружённой утёсами и стенами из увешанных водорослями обветренных камней.

На берегу валялась обычная добыча шторма — дерево, как новое, сорванное с «Дикого Кабана», так и останки прежних кораблекрушений. Танри стала искать в них что-нибудь такое, что могло бы оказаться полезным.

Девушка понятия не имела, где они находятся относительно известных ей земель. Бурей их отнесло так далеко на юг, что они, конечно, вышли за границы Карстена. А в эти дни незнакомая местность требует особой осторожности.

В водорослях сверкнул металл. Танри подскочила и схватила его, прежде чем волна унесла грудку водорослей. Нож... нет, длиннее ножа. По какой-то случайности лезвие глубоко вонзилось в обломок дерева. Девушке пришлось приложить всю свою силу, чтобы извлечь его. Ни следа ржавчины на десятидюймовом лезвии.

Какая удача! Танри сжала губы, повернулась и направилась назад, к фальконеру. Он прикрыл здоровой рукой глаза, словно не хотел смотреть на мир. Сидевшая рядом с ним шлица испускала негромкие гортанные крики. Танри остановилась над ними с ножом в руке.

— Послушай, — холодно сказала девушка. Не в её

натуре оставлять в пустыне беспомощного человека, как бы он к ней ни относился. — Послушай, фальконер, можешь думать обо мне, что хочешь. Я тебе не предлагаю чашу дружбы. Но море выплюнуло нас, поэтому нам ещё рано направляться к Последним Вратам. Мы не можем беззаботно отказаться от жизни. А раз так... — она наклонилась к нему и протянула ровный кусок древесины, — ты примешь мою помощь и то, что я знаю о врачевании. А знаю я совсем немного, — откровенно добавила она.

Он не убрал руку, закрывающую глаза. Но и не попытался уклониться, когда она разрезала рукав его куртки и рубашку под ней, чтобы обнажить руку. Никакой мягкости — чем дольше возишься, тем больше боль. Он не издал ни звука, когда Танри совмещала кости (слава Силе, перелом был простой) и полосками от своей одежды привязывала палку. Только когда она закончила, воин посмотрел на неё.

— Насколько плохо?

— Перелом чистый, — заверила его девушка. — Но как ты поднимешься с берега с одной рукой?.. — и она мрачно взглянула на скалы.

Он попытался сесть; Танри понимала, что не должна помогать. Упираясь здоровой рукой, он осмотрел вначале утёсы, потом море. Пожал плечами.

— Неважно...

— Нет, важно! — вспыхнула Танри. Она по-прежнему не видела выхода из этой западни — для обоих. Но не собиралась сдаваться, оставаться пленницей скал и волн.

Задумчиво касаясь пальцем острия кинжала, она снова принялась разглядывать утёсы. Если вернуться в воду, их разнесёт о рифы. А вот поверхность скал изрыта и выветрена, там достаточно опор для пальцев рук и ног. Девушка прошла по берегу, разглядывая скалу. Салкары хорошо переносят высоту, а фальконеры вообще горцы. Жаль, что у этого не могут вырасти крылья, как у его товарища по оружию.

Крылья! Она постучала ножом по зубам. Начала формироваться идея.

Танри быстро повернулась к мужчине.

— Эта твоя птица... — она указала на красноглазого сокола, сидевшего теперь на плече у хозяина, — какой у неё дар?

— Дар! — повторил он, впервые проявляя удивление. — О чём ты?

Танри нетерпеливо ответила:

— У них есть дар, все это знают. Разве они не ваши глаза и уши, не ваши разведчики? А что ещё они могут? Кроме разведки и сражения?

— Что ты задумала? — подозрительно спросил фалько-нер.

— Там скальные уступы, — девушка указала на верхушку утеса. — Твоя птица уже побывала там. Я видела, как она убила чайку и пировала там наверху.

— Ну, хорошо, там уступы, и что?

— А вот что, птичий воин, — она снова села на песок. — Эти водоросли крепче любой верёвки. Если тебе будет помогать верёвка, сможешь подняться?

Он посмотрел на Танри так, словно она утратила даже то малое уважение, каким, по его мнению, должны пользоваться женщины. Но потом глаза мужчины сузились, и он задумчиво взглянул на утёс.

— У своих я бы даже и не спрашивала, — намеренно сказала она. — Наши дети играют в такие игры.

На его бледном лице появились красные пятна гнева.

— А как ты поднимешь туда верёвку? — он не пришёл в ярость от насмешки девушки, как она того ожидала.

— Если твоя птица поднимет тонкую нить и перебросит её через уступ, тогда можно будет привязать более толстую верёвку и использовать её как лестницу для тебя. Я могла бы подняться сама и сделать это, но нам нужно подниматься вдвоём, потому что ты можешь пользоваться только одной рукой.

Она подумала, что воин откажется. Но тот повернул голову и негромко позвал птицу.

— Можем попробовать, — сказал он чуть погодя.

Водоросли легко поддавались ножу, и фальконер, хотя и пользовался лишь одной рукой, помогал плести верёвку. Наконец в их распоряжении оказался тонкий лёгкий шнур, один его конец был привязан к более толстой и тяжёлой верёвке, другой Танри держала в руках.

Снова фальконер произнёс какие-то птичьи звуки, и сокол подхватил тонкий шнур посередине. Быстрые взмахи крыльев понесли его вверх, и Танри принялась травить шнур, надеясь, что она правильно определила длину.

Но вот птица устремилась вниз, и шнур в руках Танри ослаб. Девушка медленно и осторожно начала тянуть, и более тяжёлая верёвка поднялась с песка и повисла на стене утёса.

Думай только о чём-нибудь одном, только о следующем шаге, предупредила себя Танри, когда они начали подъём. Толстая верёвка была привязана как можно крепче вокруг пояса фальконера. Правая рука у него висела на перевязи, но левой он действовал так же быстро, как она. Сапоги он снял, и они свисали на ремешках с плеч.

Танри взбиралась рядом с ним, так, что можно было коснуться, один взгляд на стену, другой — на спутника. Неожиданно им повезло: они оказались на выступе, не видном снизу. Здесь они сели, тяжело дыша. Танри решила, что они преодолели уже две трети подъёма, но лицо фальконера покраснело, пот капал с его подбородка.

— Пошли! — наконец нарушил он молчание и встал, здоровой рукой держась за стену.

— Подожди!

Танри уже начала подниматься.

— Я поднимусь первая. Держи крепче верёвку.

Воин начал возражать, но она не слушала и не обращала внимание на боль в пальцах. Перевалившись через край, она немного полежала, тяжело дыша. Хотелось только лежать, силы ушли, словно кровь из открытой раны.

Но девушка встала на колени и подползла к выступу, о который тёрлась верёвка. Упрямо сжав зубы, она взяла её в руки, крикнула, и голос её прозвучал в собственных ушах высоко, как крик парящего над головой сокола.

— Поднимайся!

Она натянула верёвку крепкими мышцами рук, привычными к работе с корабельными снастями, услышала ответный рывок. Фальконер начал подъём. Дюйм за дюймом верёвка скользила в её израненных руках.

В конце концов она увидела, как мужская рука схватилась за край скалы. Танри сделала последнее огромное усилие и изо всех сил, какие могла собрать, потянула, падая назад, но не выпуская верёвки из рук.

У девушки кружилась голова, на несколько мгновений она выпустила веревку. Он... он упал? Танри провела кулаком по глазам, чтобы отогнать туман.

Нет, мужчина лежал головой к ней, хотя ноги его ещё свисали в пропасть. Его нужно оттащить, как она оттащила его от моря. Но сил не было.

Сокол спустился и сел у головы хозяина. Трижды хрипло крикнул. Фальконер пополз на животе от опасного места.

Увидев это, Танри поднялась, опираясь о выступ скалы. Камень под ногами показался ей палубой «Дикого кабана», он поднимался и опускался, так что привычка к качке ей и здесь пригодится.

Фальконер продолжал ползти. Потом с помощью здоровой руки поднялся и осмотрелся. Он храбро пытался удержаться на ногах. Но вдруг глаза его широко распахнулись: он изумлённо смотрел на что-то за её спиной.

Танри ухватила за рукоять кинжала и резко оттолкнулась от выступа, за который держалась, хотя отойти так и не смогла.

И тут она тоже увидела...

Эти шпили на верхушке скалы и скальные уступы — вовсе не работа природы. Одни огромные камни явно целенаправленно были положены на другие. За этими грубыми арками виднелась нетронутая стена, мрачная, без единой щели, а ещё выше — отверстия, узкие, словно прорубленные гигантским топором. Они поднялись к каким-то древним развалинам.

Танри ощутила ледяной холод. В мире много таких развалин, и почти все они опасны для путников, связаны с дурными знаменьями. Эта земля древняя, очень древняя, бесчисленные народы возникали здесь и снова обращались в пыль. И насколько помнит Танри, не всегда это были люди. Салкары встречались с остатками многих таких рас и обычно разумно избегали их — если только не были вооружены каким-нибудь могучим заклинанием, тоже наложенным Древними.

— Салзатар!

Удивление на лице фальконера сменилось каким-то другим выражением. Танри удивлённо посмотрела на него. Что это? Благоговение? Или страх? Но она не сомневалась, что он узнал это место.

С огромным усилием он поднялся, хотя всё время, как и она, держался за камни.

— Салзатар!.. — голос его звучал, как предупреждающее шипение змей, как боевой крик птицы.

Танри снова взглянула на руины. В это время, должно быть, над их головами разошлись свинцовые облака. Потому что она увидела — увидела достаточно, чтобы ахнуть.

Дальняя стена, та, что казалась нетронутой, приобрела новые очертания. Танри смогла разглядеть...

Иллюзия ли это или какая-то уловка тех, кто складывал здесь камни? Стена исчезла, а вместо неё появилась голова гигантского сокола со свирепыми узкими глазами-отверстиями над вытянутым клювом.

А клюв...

Он держал какую-то массу, выветренную, расколотую, едва сохранявшую очертания человеческого тела.

Чем дальше рассматривала Танри каменную голову, тем яснее она вырисовывалась. Сокол вытягивал клюв, казалось, он вот-вот выпустит добычу и снова подхватит её...

— Нет! — выкрикнула она это вслух или произнесла мысленно? Это только камни (конечно, искусно сложенные), всего лишь старые, старые камни. Танри закрыла

глаза, подержала их плотно закрытыми, а потом, сделала несколько глубоких вдохов, снова открыла. Никакой головы, только камни.

Но в те мгновения, когда она пыталась подавить иллюзию, её спутник устремился вперёд. Фальконер оттолкнулся от скалы, сокол по-прежнему сидел у него на плече, хотя воин, казалось, не чувствовал веса птицы. Лицо у него было ошеломлённое, привычное хмурое выражение исчезло. Он был похож на околдованного, и Танри отшатнулась, когда мужчина прошёл мимо неё, глядя только на стену.

Только камни, твёрдо заявила себе девушка. Ей незачем оставаться на месте. Убежище, пища (она вдруг поняла, что ужасно хочет есть) — всё то, что нужно, чтобы выжить, может находиться только здесь. И она пошла за фальконером, держа кинжал в руке наготове.

Раненый воин, спотыкаясь, прошёл под этот гигантский нависающий клюв. Тень скрывала, что находится за клювом. Фальконер остановился, подтянулся, как солдат перед встречей с командиром... или жрецом, начинающим обряд.

Голос его эхом отозвался в руинах, фальконер произносил слова или звуки, похожие на те, какими он обращался к соколу. Звуки стремительно сменяли друг друга. Танри вздрогнула. У неё появилось странное ощущение, что ему отвечают — но кто... или что?

Голос его возвысился, стал похож на крик сокола. Птица с его плеча взмыла в воздух. И тоже выкрикнула свой вызов... или приветствие. Голос человека и голос птицы смешались, и Танри уже не могла отличить один от другого.

Но вот оба умолкли, и фальконер прошёл дальше. Теперь он шагал устойчивее, ни на что не опираясь, как будто его наполнили новые силы. Прощёл под клюв — и исчез!

Танри прижала кулак к зубам. Там же нет никакого прохода! Зрение не может так обманывать её. Она хотела убежать — куда угодно, но, оглянувшись, увидела, что руины сходятся к одному месту, другой дороги нет.

Это дорога Древних, здесь таится зло. Танри почти физически чувствовала, как оно ползёт, словно слизняк, оскверняя её кожу. Вот только... Девушка задрала подбородок, упрямо выставила вперёд челюсть. Она салкар! И если другой дороги нет, она пойдёт по этой.

И она пошла, заставляя себя идти уверенно, и в то же время оставаясь настороже. Вот её охватила тень клюва, и, хотя от солнечного света её отделяли шаг-другой, девушку окутал холод.

Она увидела дверь. Какая-то уловка строителей привела к тому, что тень клюва полностью скрывала дверь. Увидеть её можно было, только подойдя совсем близко, едва не прикоснувшись. Переведя дыхание, Танри двинулась дальше.

Сквозь тьму она разглядела далеко впереди серый свет. Стена оказалась такой толстой, что в ней прорублена не просто дверь, а туннель. Впереди, между собой и светом, девушка заметила смутное движение. Это фальконер.

Девушка ускорила шаг и почти догнала хромавшего воина, когда они вышли на большой двор. Вокруг возвышались стены, но Танри сразу же остановило то, что она увидела во дворе.

Люди! Лошади!

И только через какое-то время она заметила повреждения: тут тело без головы, там только останки лошади. Всё это когда-то было нарисовано, краска глубоко проникла в камень и поэтому, хоть и поблекла, вполне удовлетворительно сохранилась.

Неподвижное войско стояло в полном порядке, все смотрели налево. Воины держали в руках поводья, на луках их седел восседали соколы. Отряд воинов ждёт приказа.

Спутник девушки миновал этих древних солдат, как будто не замечая их. Вернее так, словно они не имеют значения. И направился в том направлении, куда они все смотрели.

Там над двумя широкими ступенями зиял провал огромной двери, как пасть чудовища, готовая проглотить их.

Фальконер сделал шаг вверх, второй... Он знал, что находится за дверью: там прошлое фальконеров, а не народа салкаров. Но Танри не могла оставаться позади. Проходя по двору, она разглядывала лица воинов. Каждый в руке держал шлем, словно они нарочно открыли лица, чего обычно не делают. Она заметила, что все они чем-то отличаются друг от друга, хотя явно принадлежат к одному народу. Картина наверняка была сделана с натуры.

Входя в дверь, Танри снова услышала смешанный крик человека и птицы. Ну, они по крайней мере целы, хотя ощущение затаившегося здесь зла усилилось.

За дверью царил полумрак. Танри стояла в конце большого зала, тянувшегося направо и налево. Зал не был пуст. В нём находилось множество статуй, и среди них статуи в пышных платьях и с высокими причёсками. Женщины! Женщины в горной крепости? Она принялась внимательно разглядывать ближайших, чтобы убедиться в этом.

Время, причинившее явные повреждения воинам во дворе, этих статуй совсем не коснулось. На плечах фигур — в натуральный рост — покоился толстый слой пыли, но это всё. Лица застыли неподвижно. Но их выражение! Коварство, хитрость, алчный... голод? Глаза у всех смотрели прямо вперёд. И неужели в них горит какая-то искра знания?

Танри отбросила игру воображения. Они не живы. Но их лица — она посмотрела на второе, на третье — во всех читалось злорадство, вожделение, ощущение голода, который скоро будет утолён; а вот лица мужчин пусты, лишены эмоций, как будто вовсе не изображают жизнь.

Фальконер уже добрался до противоположного конца зала. Теперь он молчал, обратившись лицом к помосту с четырьмя фигурами. Они стоили торжественно, как все остальные, а словно застыли в момент бешеной схватки. Смертоносной схватки, заключила Танри, подойдя ближе. Из-под ног её поднимались облачка пыли.

На троне-кресле сидел, вернее, полулежал мужчина.

Голова его упала вперёд, обе руки сжимали рукоять кинжала, всаженного в область сердца. Второй, более молодой мужчина делал выпад мечом, нацелившись в женщину, на лице которой было написано смешанное выражение гнева и ненависти. Танри вздрогнула.

Четвёртая фигура стояла несколько в стороне, и на лице её не было выражения страха. У этой женщины платье было простое, гораздо скромнее, чем на первой, без драгоценностей на руках, груди или на горле. Волосы свободно падали на плечи, каскадом спускаясь вниз, чуть не до пола.

Несмотря на полутьму, волосы её как-то странно поблескивали. Как, впрочем, и глаза — тёмно-красные, нечеловеческие, понимающие, возбуждённые, жестокие — ~~живые~~!

Танри обнаружила, что не может оторваться от этих глаз.

Возможно, она закричала или как-то иначе отреагировала на принуждение. Оно, как змея, как слизняк, заползло ей в сознание, прочно привязывая к этой женщине.

— Дьяволица! — фальконер плюнул, и капля слюны упала на грудь рыжеволосой женщины. Танри почти ожидала, что женщина сейчас повернётся к разгневанному воину. Но её крик ослабил чары. И Танри смогла отвести взгляд.

Фальконер развернулся, схватил здоровой рукой меч, который держал молодой человек, и бессильно дёрнул. Что-то странно зашевелилось, словно весь зал был изображён на развеваемом ветром знамени.

«Убей!»

Танри покачнулась под силой этого мысленного приказа. Она должна убить того, кто смеет угрожать ей, Йонкаре, Открывательнице Врат, Госпоже Теней.

Гнев охватил её. В гневе двинулась она вперёд, зная, что должна сделать с мужчиной, осмелившимся бросить вызов. Она — рука Йонкары, оружие её силы.

Но в глубине существа Танри зашевелилось что-то другое, и его никак не удавалось подавить.

«Я оружие... Я должна служить... Я...»

«Я Танри! — вскричала другая часть её. — Это не мой спор. Я салкарка, я живу в море, у меня другая кровь и другое племя!»

Она замигала, и шевеление на мгновение прервалось, зрение прояснилось. Фальконер по-прежнему пытался выхватить оружие.

«Пора! — снова волна принуждения ударила в девушку, добираясь высоко, до самого сердца, как волна на берегу. — Убивай! Кровь... дай мне кровь, чтобы я смогла ожить. Мы женщины. Нет, ты будешь больше, чем женщина, когда прольётся кровь и откроет мне дверь. Убей! Ударь в спину! Или ещё лучше — перережь горло. Он всего лишь мужчина! Он враг — убей!»

Танри покачнулась, тело её словно попало в мощное течение. Без участия воли поднялась её рука, держа кинжал наготове, расстояние между нею и фальконером сократилось. Она легко может сделать это, и кровь поистине потечёт. Йонкара освободится от пут, наложенных на неё глупцами.

«Бей!»

Танри видела, как двинулась её рука. Но тут та, другая её часть вспыхнула в героическом усилии.

«Я Танри! — слабый крик против могучих чар. — Салкар ни перед кем не склоняется!»

Фальконер повернулся, внимательно посмотрел на неё. В глазах его не было страха, только холодная ненависть. Птица у него на плече расправила крылья, закричала. Танри не была уверена: ей показалось, что красный вихрь привязывает птицу к плечу человека, не даёт взлететь.

— Дьяволица! — воин бросился на девушку. Оставив попытки завладеть мечом, он поднял руку, чтобы ударить Танри по лицу. В воздухе взвился красный туман, окутал запястье поднятой руки, и хотя фальконер яростно зажёгся, рука его оказалась в плену.

«Бей быстрее!» — принуждение давило со страшной силой.

«Я не убиваю!» — палец за пальцем Танри заставляла свою руку раскрыться. Кинжал, выпав, зазвенел на каменном полу.

«Дура!» — сила вызывала в голове яростную боль. Танри закричала и пошатнулась. Её вытянутая рука упала на тот самый меч, который пытался вырвать у статуи фальконер. Меч повернулся и высвободился быстро и легко.

«Убей!»

Девушку заполнил поток ненависти и силы. Тело кололо, вспыхнул жар, как факел, который окунули в масло.

«Убей!»

Она не могла справиться с каменным мечом. Обе руки сомкнулись на холодной рукояти. Танри подняла меч. Мужчина перед ней даже не пошевелился, пытаясь уклониться. Живы были только его глаза — полные не страха, а только ненависти, такой же горячей, как та, что заполняет её.

Сражаться... она должна сражаться, как с волнами бурного моря. Она — Танри — салкар, она не орудие какого-то зла, давно ушедшего в Среднюю Тьму.

«Убей!»

Огромными усилиями она заставила своё тело двигаться, боролась с волей, которая пока ещё не смогла её победить. Меч упал.

Камень ударился о камень — правда ли это? Снова воздух дрогнул, заколебался; жизнь одолела древнюю смерть, но только на мгновение, промежуток между двумя ударами сердца. Меч ударился о Йонкару.

Донёсся затихающий крик:

«Дура!..»

Никакой рукояти меча в руке, только пыль меж пальцами. И ни искры жизни в красных глазах женщины-статуи. На том месте, где меч ударился в изваяние, — на плече, появились трещины. Фигура на глазах раскрошилась и рухнула. И все остальные тоже ломались, превращаясь в пыль, от которой Танри раскашлялась и закрыла глаза руками.

Зло ушло. Холодное помещение опустело, больше в нём ничего не ждёт. Рука схватила девушку за плечо, рванула к выходу.

— Наружу! — голос человеческий. — Наружу, Салзарат рушится!

Танри покорно позволила увести себя, вытирая по дороге горевшие от пыли глаза. Слышался треск, грохот. Поблизости свалился большой каменный блок, девушка съёжилась от страха. Они бежали, уклоняясь, увёртываясь. И наконец, всё ещё кашляя, со слезами, текущими из глаз, с лицами в серой пыли, оказались под открытым небом.

Их подхватил свежий ветер с запахом моря. Танри скорчилась на прошлогодней траве, сквозь которую уже начали пробиваться свежие весенние побеги. Рядом, так что плечи их соприкасались, сидел фальконер. Птица его исчезла.

Они сидели на небольшом холме. Танри не помнила, как они сюда поднялись. Внизу, между ними и морем, лежали груды разбитых камней. Невозможно было определить, где находились стены или проходы. Спутник девушки повернул голову и посмотрел ей прямо в лицо. В глазах его стояло огромное удивление.

— Всё ушло! Проклятие ушло. Она наконец побеждена. Но ты же женщина, а Йонкара всегда действовала через женщин, в этом была её сила и наша гибель. Она держала в своих руках всех женщин. Зная это, мы и создали свою защиту. Мы не могли верить ни одной женщине, потому что они готовы были открыть страшные двери Йонкары. Почему же ты не убила меня? Моя кровь освободила бы её, а она поделилась бы с тобой властью, как поступала всегда.

— Она не будет мною командовать! — с каждым вдохом уверенность возвращалась к Танри. — Я салкарка, а не одна из ваших женщин. Так эта Йонкара — из-за неё вы ненавидите всех женщин?

— Может быть. Она правила нами. И проклятие её держало нас в её власти, пока не умер Лангвард. Как ты видела, он погиб от руки своей королевы, но его смерть

частично освободила нас. Он долго искал возможности заключить дух Йонкары. И отчасти ему это удалось. И тогда мы бежали, как говорят легенды, и больше не допускали женщин в свои крепости.

Он потёр руками лицо, стирая пыль исчезнувшего Салзарата.

— Это древняя земля. Я думаю, сейчас в ней никто не живёт. Мы можем остаться здесь — если только тебя не станут разыскивать твои родичи. Иначе на нас падёт тень другого проклятия.

Танри пожала плечами.

— Я салкарка, но не осталось никого, кто назвал бы меня сестрой по клану. Я работала на «Диком борове» без родственных связей. Никто не станет искать меня, — девушка встала, положила руки на бёдра и отвернулась от моря.

— Фальконер, если на нас ляжет проклятие, придётся жить с ним. Но пока человек живёт, его может ожидать в будущем разное: и хорошее, и плохое. Надо только смотреть в лицо тому, что придёт.

С неба до них донёсся протяжный крик. Тучи разошлись, и в слабом солнечном свете показался сокол. Танри откинула голову, следя за ним.

— Земля твоя, а море моё. Что скажешь, фальконер?

Он тоже встал.

— Меня зовут Ривери. И в твоих словах есть смысл. Проклятиям пора уйти в тень, а мы пойдём в свете и увидим, что лежит впереди.

Плечом к плечу они спустились с холма, сокол парил у них над головами.

НАСЛЕДСТВО ИЗ ТРЯСИНЫ СОРН

У западной стены Клавенпорта, на берегу моря Осенних Туманов... — но вы же не хотите, люди добрые, чтобы я начинал свой рассказ в манере бардов? Хорошо, да у меня и арфы нет, чтобы сыграть по-настоящему. Да и рассказ этот не для лордов в их залах. Хотя начинается всё и вправду в Клавенпорте.

И начинается с некоего Хигбольда. Случилось всё это сразу после войны Вторжения, в такие времена **маленькие** люди, если у них острый ум, **могут** возвыситься в **мире** — и быстро, если повезёт. На языке бардов это означает просто, что эти люди знают, когда воспользоваться **ножом**, когда дать ложную клятву, а когда протянуть руки к **тому**, что не принадлежит им по праву.

Вначале Хигбольд заставил крыс бегать по своему свистку, а потом и собак — по горну. И наконец никто уже не вспоминал (ну, разве что тайком, прикрывая рот рукой и оглядываясь), с чего он начинал. Поселился он у ворот крепости Клавенпорт, принял команду над воротами и женился на женщине благородного рода (одной из тех, у кого весь род погиб в войнах; эти женщины с радостью шли к тем, кто предлагал крышу над головой, **мясо** на тарелке и **мёд** в чаше). Жена Хигбольда была подобна всем своим **сёстрам**.

Однако она не забыла жестоких испытаний перед выходом замуж. Может быть, поэтому противостояла даже самому Хигбольду, оказывая милость нищим, переходившим от двери к двери.

Среди них был и Калерб. Одноглазый, он **ходил** накренившись и, стоило пойти быстрее, падал. Никто не мог сказать, сколько ему лет; калека стареет быстро.

Может быть, леди Исбель знала его в прошлом, но если это и так, то она никогда не говорила об этом. Как бы то ни было, он остался в доме и работал в **маленьком**

ограждённом стенами саду. Говорят, он обладал властью над всем растущим, травы у него всегда вырастали высокие и ароматные, цветы роскошно распускались под его заботой.

Хигбольда же в саду ничего не интересовало. Только изредка он встречался там с кем-нибудь, чтобы поговорить на открытом месте и подальше от стен, которые, как известно, часто имеют уши. Честолюбие Хигбольда не удовлетворилось вратами Клавенпорта. Нет, честолюбие такого человека никогда не перестаёт расти. Но показывая кулак или обнажённый меч, можно дойти только до определённого положения. После этого нужно добиваться своих целей более тонко, действуя на сознание людей, а не поработывая их тела. Хигбольд хорошо это усвоил.

Так никогда и не стало известно, что было сказано и сделано в саду в одну ночь начала лета. Но нашёлся свидетель, о котором Хигбольд узнал слишком поздно. Слуги всегда сплетничают о господах; говорили, что Калев побывал у леди Исбель и поговорил с нею наедине. Потом взял небольшой дорожный мешок со своим имуществом и ушёл — не только из привратничьей крепости, но вообще из Клавенпорта, по большой дороге ушёл на запад.

К тому времени вблизи порта всё уже было починено, восстановлено, и следы войны Вторжения больше не резали глаз. Но Калев недолго шёл по дороге. Он был благоразумный человек и знал, что на дорогах, по которым можно быстро ходить, можно быстрее и отыскать ушедшего.

Идти напрямик было тяжело, и вдвойне тяжело для его искалеченного тела. Тем не менее Калев добрался до края топи Сорн. А-а, я вижу, как вы качаете головами и строите гримасы при этом названии! Справедливо, добрые люди, справедливо! Все мы знаем, что это район Верхнего Халлака, принадлежащий Прежним, и человек с умом в своём крепком черепе туда ни за что не сунется.

Но Калев обнаружил, что не он первым углубился в топь. Это были гуртовщики, перегонявшие одичавший

скот (разбежавшийся во время войны) на рынок. Что-то вспугнуло животных и обратило стадо в бегство. И вот пастухи, сходя с ума от мысли, что могут потерять плату за свою тяжёлую работу, вслед за животными углубились в болота.

Однако там они наткнулись на нечто совершенно другое. Нет, я не буду описывать, кого они выгнали из логова. Вы знаете, в таких болотах обитает множество таинственных существ. Достаточно сказать, что у этого была наружность женщины, и этого хватило, чтобы возбудить похоть гуртовщиков, которые уже давно никому не задирали юбок. И вот, загнав существо в тупик, они вознамерились с ним позабавиться.

Надо сказать, что Калев не ушёл из Клавенпорта невооружённым. Несмотря на искалеченное тело, он мастерски владел самострелом. И снова это доказал. Дважды выстрелил он, и люди завывали, как звери — или хуже зверей, учитывая, что они делали: звери так со своими самками не поступают.

Калев крикнул, словно вёл с собой отряд воинов. Пастухи разбежались. А он спустился к той, кого они оставили.

Никто не знает, что произошло потом, потому что Калев никому не рассказывал. Спустя некоторое время он ушёл один, с побледневшим лицом, а привыкшие к тяжёлой работе руки дрожали.

Он не пошёл в болота, но двинулся, словно без всякой цели, по его краю. Две ночи он провёл под открытым небом. Что он делал, с кем говорил, откуда приходили его собеседники — кто может сказать? На утро третьего дня он повернулся спиной к топи Сорн и направился назад, к дороге.

Странно, но теперь хромота в его походке стала не так заметна, и с каждым шагом его согбенное тело распрямлялось. К вечеру четвертого дня он шагал как обычный человек, правда, уставший и стёрший ноги. И тогда он вышел к развалинам постоянного двора «На Перекрёстке».

Когда-то это было процветающее заведение. Много серебра тратилось за его столами и переходило в руки хозяина и его семьи. Гостиница была построена там, где встречаются две дороги: одна с севера, другая с юга — и уходят к Клавенпорту. Но дни расцвета этого постоянного двора миновали ещё до битвы у Ущелья Сокола. Уже пять лет обгоревшие останки дома лежали памятником ужасам войны, и путника здесь не поджидал отдых.

Калёб постоял, глядя на это печальное зрелище, и...

Хотите верьте, хотите нет, добрые люди, но неожиданно обгоревшие развалины исчезли. А на их месте выросла гостиница. Калёб, не проявляя никакого удивления, пересёк дорогу и вошёл в ворота. Вошёл как хозяин, и как хозяина его приветствовали работавшие во дворе.

По западным дорогам тогда странствовало много путников, потому что наступил торговый сезон в Клавенпорте. И вскоре новость о восстановленной гостинице достигла города. Многие не хотели верить, некоторые даже сами поехали, чтобы убедиться лично.

И обнаружили, что постоянный двор точно такой же, как и раньше. Правда, те, кто бывал здесь до войны, находили небольшие отличия. Но когда их просили назвать эти отличия, они терялись. Однако все сходились на том, что хозяин постоянного двора — Калёб, и что он изрядно изменился с приходом процветания. Ибо дело его поистине процветало.

Хигбольд услышал эти рассказы. Он не нахмурился, но потёр указательным пальцем под толстой нижней губой — такова была его привычка, когда он глубоко над чем-то задумывался. Потом позвал к себе аппетитное щегольское существо в юбках. Эта девица давно служила Хигбольду, чем могла. Всем было хорошо известно, что хотя Хигбольд когда-то женился на леди и постарался закрепить их союз, однако потом он никогда не показывался в её спальне и получал удовольствия в других местах. Но не под своей крышей.

Он поговорил наедине с Эльфрой и дал ей в руки листок

пергамента. Потом на людях отругал её и грубо выгнал, выбросил на улицу, не дав ничего, кроме плаща на плечах. И она с плачем отправилась в путь по западной дороге.

Со временем она дошла до гостиницы «На перекрёстке». Путь был нелёгким, она старалась идти незаметно и выглядела, как нищая, одна из тех многочисленных попрошайек, что толпятся в городе у дверей торговцев. Но она отдала Калебу листок, на котором была записка, сделанная как будто почерком леди. Кaleb приютил девушку и сделал разносчицей в закусочной. Она работала хорошо, и работа девушке нравилась, вполне соответствуя её характеру.

Так день проходил за днём. Прошло лето, наступила осень. И вот наконец Ледяной Дракондохнул на землю. Именно тогда Эльфра с проезжим торговцем сбежала назад в Клавенпорт. Кaleb, услышав об этом, пожал плечами и сказал, что она имеет право делать выбор.

Но Эльфра оставалась с торговцем только до городских ворот. Оттуда она отправилась прямо в палаты Хигбольда. Вначале, пока он слушал, с лица его не сходило какое-то неприятное выражение. Но девушка не вняла предупреждению, уверенная, что это просто из-за необычности её рассказа. И чтобы доказать свою правдивость, протянула руку к столу.

На большом пальце её было надето кольцо (такое большое, что соскакивало с других пальцев женщины) с крупным зелёным камнем, покрытом сетью красноватых прожилок, словно кровеносными сосудами. Держа кольцо перед Хигбольдом, Эльфра произнесла своё пожелание.

На столе появилось жемчужное ожерелье. За такое ожерелье в дни войны можно было выкупить целый город. Хигбольд затаил дыхание, лицо его потемнело, глаза он полуприкрыл веками.

Рука его метнулась и сжала запястье женщины. Эльфра посмотрела в лицо Хигбольда и захныкала, слишком поздно поняв, что она — только орудие, а теперь это орудие выполнило своё предназначение...

И девушка исчезла!

Хигбольд сжал кольцо в руке и злобно улыбнулся.

Вскоре гостиница сгорела. Никто не мог погасить жаркий огонь, который пожирал созданное магией Преежних. Снова Калек нищим стоял на холоде. У него ничего не осталось. Ничего, кроме железной воли.

Он не стал тратить времени на сожаления, не оплакивал неосторожность, из-за которой лишился своего сокровища. Просто повернулся и пошёл по дороге. Дойдя до определённого места, Калек свернул с дороги людей. И хотя его засыпал снег, а ледяной ветер дул в спину, он вновь направился к болотам.

Снова прошло время. Никто не восстанавливал — волшебством или по-другому — постоянный двор. Но положение Хигбольда чудесно изменилось. Те, кто был настроен против него, вдруг стали его горячими сторонниками или же испытали неожиданные несчастья. А леди его совсем перестала выходить из своей комнаты. Говорили, что она больна и вряд ли переживёт год.

В Верхнем Халлаке никогда не было короля, потому что все лорды считали себя равными. Никто не поддерживал другого, чтобы возвысить его над остальными. Но Хигбольд был не из их числа, и потому либо все должны были объединиться против него, либо признать его правление. И те, кто по общему мнению должны были возглавить сопротивление, вдруг начинали странно колебаться и не мешали ему.

Тем временем распространились слухи о человеке, живущем на краю болот. Этот человек приручал животных и даже продавал их. Один торговец, ищущий что-нибудь необыкновенное, заинтересовался этими рассказами и решил сделать крюк. И приехал в Клавенпорт с тремя странными животными.

Они были маленькие, но внешне очень походили на свирепых снежных кошек с высокогорья. Однако эти оказались прирученными и такими ласковыми, что жёны торговцев были совершенно очарованы, и вскоре все леди города желали иметь таких животных. Торговец дважды

возвращался из болот и привозил ещё кошек — и каждый раз оставался очень доволен прибылью.

Потом ему понадобилось разрешение на ввоз, и он отправился к Хигбольду. По обычаю торговец принёс подарок — одну из таких кошек. Хигбольд не был любителем животных. Лошади были для него только орудием, а собаки никогда не лежали в его зале или кабинете. Но он приказал отнести кошку в спальню леди. Может, он решил, что давно не обращал на неё внимания, и этот подарок как-то скроет его безразличие.

Однако вскоре Хигбольду начали сниться сны. В его прошлом было достаточно зла, чтобы снабдить кошмарами целое войско. Но снилось ему не прошлое, а скорее настоящее или даже мрачное будущее. Потому что в каждом сне (а они были настолько реальны, что он каждый раз вскакивал с постели и требовал, чтобы принесли свечи) он терял кольцо, которое принесла ему Эльфра, кольцо, ставшее средцевинной всех его планов.

Он носил его на цепи под одеждой. Но во всех снах оно ускользало. И теперь он спал, сжимая его в руке.

Тем не менее, однажды утром Хигбольд проснулся и обнаружил, что оно действительно исчезло. Страх измучил его, пока он не отыскал кольцо в складках постели. И он так свирепствовал всё это время, что все слуги попрятались, опасаясь за свою жизнь.

Но вот наступила ночь, когда ему снова приснился сон, и очень реальный. Что-то сидело вначале в ногах его постели, потом начало медленно, осторожно приближаться. А он не мог пошевелиться, лежал в поту и ждал этого приближения.

Неожиданно Хигбольд пришёл в себя от кошмара и чихнул. Кольцо отлетело и упало в ногах постели. И тут рядом с кольцом появилась кошка. Глаза её так горели, что он поклялся бы, что это не кошка, а что-то другое, более разумное и злое, поселившееся в том маленьком кошачьем теле. С холодной расчётливостью это существо следило за ним, а он лежал, не в силах пошевелиться и протянуть руку

к кольцу. И тут кошка спокойно взяла кольцо в зубы, спрыгнула с кровати и исчезла.

Хигбольд закричал и попытался схватить её. Но кошка была уже у дверей его комнаты и стрелой промелькнула мимо стражника, прибежавшего на крик лорда. Хигбольд оттолкнул солдата и побежал вдогонку.

— Кошка! — его крик поднял всю крепость. — Где кошка?

Но в этот предрассветный час все спали. А те, кого разбудил его крик, мигали и не могли прийти в себя.

Хигбольд хорошо знал, что в крепости имеются сотни, даже тысячи мест, куда может заползти маленькое животное, где оно может бросить кольцо, и его никогда не отыщут. Эта мысль сводила его с ума, так что вначале он походил на безумца, бегал взад и вперёд, кричал, приказывал схватить кошку.

Но потом пришёл посыльный от ворот и сказал, что стражники видели кошку. Она спрыгнула со стены и убежала из города на свободу. И Хигбольд ощутил в глубине растущий холод, подобный холоду смерти: это означало конец всем его планам. Если в крепости столько тайников, то что сказать о всей окружающей земле?

Он вернулся, погружённый в молчание тяжестью утраты, в свой кабинет. Здесь он бил кулаками по каменной стене, пока боль не прорвалась в его охваченный гневом мозг и он не смог снова рассуждать разумно.

Животных можно выследить. С его псарнях содержалось множество собак, хотя сам он никогда не развлекался псовой охотой, забавой высокорожденных. Он будет охотиться на эту кошку, как никогда ни на одного животного не охотились в Верхнем Халлаке. Придя в себя, он начал быстро отдавать приказы, и от его голоса вздрагивали и отворачивались в сторону слуги, стараясь держаться от него подальше.

Охота началась в предрассветный час, хотя из ворот крепости выехал довольно небольшой отряд. Хигбольд взял с собой только псарей со сворой лучших собак и оруженосца.

След был чистым и свежим, и собаки сразу взяли его. Но побежали они не по дороге, а сразу свернули в сторону. Всадники с трудом поспевали за ними, и вскоре собаки намного их опередили. Только лай впереди свидетельствовал, что они по-прежнему идут по следу. Хигбольд теперь держал свой страх под контролем, он не гнал лошадь, но тело его было напряжено; если бы он мог вырастить крылья, то сразу бы полетел вперёд.

Местность становилась всё более дикой и мрачной. Лошадь оруженосца захромала и отстала. Хигбольд даже не посмотрел в его сторону. Солнце взошло, и впереди показалась зелень болот. Холод в сердце Хигбольда усилился. Если кошка уйдёт в болота, преследовать её там будет невозможно.

Но когда они добрались до болота, след повернул и пошёл по его краю, как будто животное благоразумно решило не доверяться сомнительной безопасности топей.

Наконец охотники увидели маленькую хижину, построенную из материалов этой заброшенной земли: стены из камней и булыжников, крыша крыта тростником. Но когда преследователи приблизились, собак неожиданно отбросило, словно они наткнулись на невидимую стену. Они прыгали, лаяли, но их снова и снова отбрасывало назад.

Псарь спешил и побежал к собакам. Но тоже встретил сопротивление. Он споткнулся и чуть не упал, потом поднял руки, провёл ими направо, налево. Словно касался какой-то поверхности.

Хигбольд тоже спешил и прошёл вперёд.

— Что это? — он заговорил впервые с тех пор, как сел на лошадь.

— Это... здесь стена, лорд... — дрожащим от страха голосом ответил псарь и отшатнулся и от этого места, и от Хигбольда.

Хигбольд же шёл, не останавливаясь. Он спокойно миновал псаря и лающих, скулящих собак, подумав только, что тот вместе с собаками спятил. Никакой стены, только хижина и то, что он увидит в ней.

Он положил руку на покосившуюся дверь и со всей силой своего гнева распахнул её.

Перед ним оказались грубый стол, стул. На стуле сидел Калев. А на столе — кошка, ласково мурлыча под рукой Калева. А рядом с животным лежало кольцо!

Хигбольд подошёл и протянул руку. С того момента, как он увидел кольцо, он ни на что больше не смотрел. Ни человек, ни животное ничего не значили для него. Но вот Калев прикрыл рукой кольцо. И Хигбольд потерял способность двигаться.

— Хигбольд, — обратился непосредственно к нему Калев, не пользуясь ни вежливой формой, ни титулом, — ты злой, но сильный человек. Слишком сильный. И в прошлом искусно пользовался своей силой. А теперь даже корона в твоей досягаемости, не так ли?

Он говорил мягко, спокойно, без всякого страха. Никакого оружия у него не было, но сидел он без напряжения. Ненависть Хигбольда победила страх, и ему теперь больше всего хотелось превратить лицо этого человека в кровавые руины. Но он не мог даже пальцем шевельнуть.

— Я думаю, — продолжал Калев, — ты вполне наслаждался обладанием этим, — и он указал на кольцо.

— Моё!.. — горло Хигбольда заболело, когда он произнёс это единственное слово.

— Нет, — Калев покачал головой, по-прежнему мягко, словно говорил с ребёнком, требующим того, что не может ему принадлежать. — Я тебе кое-что расскажу, Хигбольд. Это кольцо — подарок, и дано оно мне было добровольно. Я облегчил предсмертные страдания существа не нашего рода, а смерть ему принесли такие, как ты. Если бы её не застали врасплох, она сумела бы защититься; её защиту ты сейчас испытываешь на себе. Но её обманули и использовали с такой жестокостью, что я постыдился бы назвать сделавших это людьми. Я попытался ей помочь, но мало что мог сделать. И вот мне достался этот подарок, и её племя подтвердило, что я владею им по праву. Я хотел использовать его в добрых целях. Эта мысль заставляет тебя улыбаться, не правда ли, Хигбольд?

Потом ты от имени своей леди обратился ко мне, чтобы я помог девушке, с которой ты якобы жестоко обошёлся. И вот в своей слепоте я сам навлёк на себя гибель. Я простой человек, но даже я кое-что понимаю. Хигбольд — верховный повелитель этой земли. Такое зло невозможно допустить, и эта невозможность превыше всех наших страхов и желаний.

И я снова обратился к жителям болот и с их помощью устроил ловушку, чтобы привести тебя сюда. И ты пришёл, пришёл легко. А теперь... — Калёб поднял руку и оставил кольцо лежать. Оно как будто засветилось, Хигбольд устремил на него взор и больше ничего не видел. И за пределами его зрения, за зелено-красным свечением кольца, слышался голос.

— Возьми кольцо, если ты так этого хочешь, Хигбольд. Снова надень его на палец. А потом иди и принимай своё королевство!

Хигбольд обнаружил, что может протянуть руку. Пальцы его жадно сомкнулись вокруг кольца. Торопливо, чтобы не лишиться его снова, он надел кольцо на палец.

Не посмотрев на Калёба, он повернулся и вышел из хижины, словно её хозяина и не существовало. Собаки лежали на грязных животах, скулили слегка и облизывали сбитые лапы. Псарь сидел рядом с ними и смотрел на возвращающегося хозяина. Две лошади стояли, опустив головы, их удила покрывала пена.

Однако Хигбольд не подошёл к лошади, не заговорил с ожидавшим его псарём. Он повернувшись лицом на юго-запад и как человек, идущий к долгожданной цели и ни на что не обращающий внимания, зашагал в сторону трясин. Псарь не остановил его. С раскрытым ртом он смотрел ему вслед, пока фигуру Хигбольда не поглотил туман.

Из хижины вышел Калёб, кошка сидела у него на плече. Он заговорил первым.

— Возвращаясь к своей леди, друг мой, и скажи, что Хигбольд отправился на поиски своего королевства. Он не вернётся.

И тоже направился в болота, и его тоже поглотил туман, и больше его не видели.

Вернувшись в Клавенпорт, псарь рассказал леди Исбель, что видел и слышал. После этого ей стало лучше (как будто какой-то яд покинул её тело), и она вышла из своей комнаты. И принялась раздавать милостыню из богатств Хигбольда.

А когда наступило лето, она выехала на рассвете, взяв с собой только одну служанку (ту самую, что пришла с ней из дома её отца и долго и верно служила). Сколько видели стражники, женщины двигались по большой дороге. Когда и куда они свернули, никто не знает, и больше их никогда не видели.

Ушла ли она в поисках своего лорда или другого человека, кто знает? Трясина Сорн хранит свои тайны.

МЕЧ НЕВЕРИЯ

1

Подгоняемая яростью

Глаза болели, но я заставляла себя всматриваться в жёсткую землю. От глаз в кости черепа, окружавшие их, волнами расходилась тупая боль. Крепкий, выросший в горах конёк, которого я спасла во время отчаянной схватки с волками, постоянно спотыкался. Я еле успела схватиться за седло: головокружение ударило, как неотражённый удар меча.

Я ощущала смерть, смерть и высохшую кровь, проводя языком по губам, где соль моего собственного пота смешивалась с пылью этой земли на давно не мытой коже. Снова

я пошатнулась. На этот раз мой пони споткнулся ещё сильнее. Он силён и специально тренирован для войны, но сейчас и его силы кончались.

Передо мной бесконечной серой скалистой равниной лежала Пустыня, где растут только редкие чахлые кусты, такие скорченные, будто на них постоянно нападает какое-то ползучее зло. Хотя в этой земле действительно щедро расплётано зло — все чувства предупреждали меня об этом, поэтому я и не заставляла Фаллона идти вперёд быстро.

Ветер, трепавший края моего плаща, вихрями пронёсся по Пустыне, в нём чувствовалось дыхание Ледяного Дракона. Он поднимал в воздух серые песчинки, и они обжигали мне кожу лица, не прикрытую шлемом. Мне нужно было найти убежище, и побыстрее, иначе ярость Бури-Движущей-Дюны, захватит меня и похоронит в могиле, которая просуществует день, неделю, столетие — в зависимости от капризов того же ветра и песка.

Слева от меня показалась прямоугольная скала. К ней я и направила Фаллона; он шёл, низко опустив голову. Под защитой этого высокого камня я сползла с седла, ступая только на скалу. Боль от головы перешла на плечи и спину.

Я слегка распустила плащ и, скорчившись рядом с пони, прикрыла плащом его и свою головы. Не очень прочное укрытие от жгучих песчинок, но лучше всё равно нет. Однако меня грыз другой страх. Буря уничтожит след, по которому я шла уже два дня. И тогда я должна буду рассчитывать только на себя, а в себе-то я как раз была не очень уверена.

Если бы я прошла полную подготовку, какая всегда давалась обладающим моими Даром и кровью, я смогла бы осуществить необходимое с гораздо меньшими усилиями. Но хотя моя мать была колдуньей из Эсткарпа, а Мудрые Женщины усердно обучали меня своим тайнам (и в прошлом я эту науку не раз с успехом использовала в схватках), теперь я ощущала один лишь страх, сильнее боли тела и усталости мозга.

Скорчившись рядом с Фаллоном, я чувствовала, как этот страх словно желчь заливает мне горло. Ах, если бы меня могло вытошнить! Но страх поглотил слишком большую часть меня, чтобы так легко от него избавиться. Я лихорадочно пыталась опереться на те меньшие искусства, которые мне были знакомы, стараясь замедлить биение сердца, снять с мыслей покров паники. Я велела себе думать только о том, кого ищу, и о тех, кто его захватил — хотя не могла представить, с какой целью. Потому что эти волчьи головы всегда убивают; они, правда, могут развлечься пыткой, если есть время и их не тревожат, но в конце концов всё равно убивают. А эти отступили в запретные земли и взяли с собой пленника, за которого нельзя получить выкуп. И я никак не могла догадаться, зачем им это.

Я постаралась навести порядок в мыслях. Только так могла я использовать тот Дар, которым обладаю с рождения. И нарисовала мысленную картину того, кого ищу, — Джервона, бойца, который значит для меня гораздо гораздо больше любых других воинов.

Мысленно я представила его таким, каким видела в последний раз, у нашего маленького лагерного костра, к которому он протягивал руки, чтобы согреться. Если бы я только не... Нет, сожаление может только ослабить. Я должна была думать не о том, что не сделала, но о том, к чему нужно готовиться.

Когда я вернулась к стоянке, на покрытой снегом земле была разлита кровь, а костёр погас и превратился в обгорелые холодные ветки. Рядом валялись два трупа разбойников, страшно изрубленных, но Джервон... исчез. Итак, они взяли его с какой-то целью. Этого я не понимала.

Мёртвых я оставила лесным зверям. Потом отыскала в кустах Фаллона, дрожавшего и мокрого от пота, и привела к себе с помощью призывающей силы. И не стала больше ждать, понимая, что моё желание осмотреть гробницы Пржежных, из-за чего я и уходила из лагеря, вполне может означать для Джервона смерть, и смерть ужасную.

И вот, спрятавшись за скалой, я прикрыла рукой глаза.

«Джервон!» — мысленно призывала я воина так же, как Фаллона. Но ничего не вышло. Между мною и тем, которого я должна была найти, повисло облако. Но я была уверена, что за этой тенью скрыт живой человек. Потому что когда две жизни так переплетены и одна из них кончается, весть эта ясно приходит от Последних Врат — для человека, изучившего даже простейшие из великих тайн.

Пустыня — мрачное место. Здесь много руин Прежних, и люди, истинные люди редко приходят сюда добровольно. Я сама по крови не из Верхнего Халлака, хотя родилась в Долинах. Мои родители родом из Эсткарпа за морем, земли, где сохранилось многое из Древнего Знания. И мать моя была из тех, кто владел этим знанием — хотя, выйдя замуж, она по закону должна была от него отказаться.

Почти всё, что я знаю, пришло ко мне от Ауфрики из Варка, Мудрой Женщины, хозяйки малого колдовства. Я знаю травы — и ядовитые, и целительные, могу призывать некоторые малые силы, и даже большие, как сделала однажды, спасая того, с кем родилась одновременно. Но есть такие силы за силами, которых я не знаю. А теперь я должна была идти этим путём и сделать всё, что могу, ради Джервона, который для меня больше чем Элин, мой брат, и который однажды, не обладая никаким Даром, пришёл мне на помощь в схватке с древним и могучим злом. Ту битву мы выиграли чудом.

— Джервон! — я произнесла его имя вслух, но голос мой прозвучал слабым шёпотом. Ветер, подобно легиону бес-телесных демонов, бесновался вокруг. Фаллон чуть не вырвался, и я спешно принялась его успокаивать, наложив на него заклятие против страха.

Казалось, мы уже долгие часы прячемся под скалой. Потом ветер утих, и мы выбрались из песка, который нам нанесло по колени. Откупорив одну из своих драгоценных фляжек с водой, я смочила край плаща, промыла ноздри

Фаллона и стёрла песок с его глаз. Он толкнул меня в плечо и протянул голову к бутылке с водой в безмолвной просьбе. Но я не осмелилась напоить его, не разузнав эту землю лучше. Можно ли найти здесь ручей или озеро?

Приближалась ночь. Но Пустыня, со своими странными тайнами, отгоняла тьму. Там и тут по равнине были разбросаны острые скальные шпильки, которые светились мерцающим светом, и это освещение позволяло двигаться дальше.

Я не поехала верхом. Фаллон ещё не отдохнул от веса всадника. Хотя телосложение у меня лёгкое, но в кольчуге, с мечом и шлемом вешу я немало. Поэтому я побрела по песку, ведя за собой Фаллона в поводу. Он время от времени фыркал, выражая недовольство тем, что я делала, уходя ещё дальше в Пустыню.

Снова я направила вперёд ищущую мысль. Но Джервона найти не смогла. Облако по-прежнему висело между нами. Зато я смогла определить, в каком направлении они ушли. Однако постоянное напряжение, которое потребовалось, чтобы удерживать связь, вызвало ещё более сильную боль в голове.

Вскоре я обнаружила, что Пустыня как-то странно играет тенями. Мне казалось, что кругом вообще больше нет чётких границ между светом и тенью, что было бы нормально. Нет, тени приобретали странные очертания, намекали на присутствие каких-то невидимых существ, чудовищных фигур и неестественных сочетаний. Можно было подумать, что если дать страху победить себя, эти фигуры станут реальны и смогут двигаться, не сдерживаемые игрой света и тьмы.

В то же время я не переставала думать о тех, кого преследую. В этих местах война идёт так давно, что трудно даже припомнить, что такое мир. Верхний Халлак почти целиком оказался во власти захватчиков; превосходное оружие и жёсткая дисциплина позволили им опустошить половину Долин, прежде чем началось организованное сопротивление. У нас никогда не было центрального

руководства; не в обычае жителей Верхнего Халлака повиноваться кому-либо, кроме своего лорда, во владениях которого они родились и выросли. И вот до тех самых пор, пока Четверо лордов на севере не забыли о своих разногласиях и не заключили союз, захватчики не встречали настоящего отпора. Люди сражались, каждый в отдельности по разьединённым Долинам, и умирали, чтобы навечно остаться в своей земле.

Но наступило время совместных усилий. Лорды Долин не только объединились впервые в истории страны, но и договорились с чужаками, жителями самой Пустыни, легендарными Всадниками-Оборотнями. И всё, что осталось от Верхнего Халлака, поднялось, собралось с силами и разбило собак Алисона, столкнуло их в море, где они и погибли. Но раздираемая войной земля привлекает всех, в ком есть склонность ко злу, сюда устремились стервятники и разбойники, готовые воевать на той стороне, которая заплатит больше. И на нашу истощённую войной землю легло проклятие.

Таковы были те, за кем я шла. И могло оказаться, что они не вполне люди. Скорее всего ими овладело Зло, давно обосновавшееся здесь.

Потому что Прежние, уходя из земель Долин, оставили за собой немало мест силы. Некоторые из них давали мир и здоровье, и тот, кто робко ступал в них, выходил обновлённый душой и телом. Но встречались и другие, посвящённые Тьме. И попавшему в такое место везло, если он погибал сразу. Хуже, гораздо хуже продолжать жить как создание тени.

Передо мной струился призрачный свет. Я подняла голову, посмотрела в одну сторону, в другую, как собака, ловящая запах. Теперь след был совершенно уничтожен ветром. Однако я была уверена, что иду правильно. И вот мы приблизились к двум стеллам, стоявшим друг против друга, словно в древности они были частью ворот. Но никаких стен, только эти столбы, и с их вершин струились облачные тонкие полосы зеленоватого света. Камни явно

были созданы людьми или какими-то разумными существами, похожие на сабли с толстыми лезвиями. А на боках их я увидела полустёршиеся от времени углубления и выступы; стоило присмотреться, и они напоминали лица, странные лица, длинные и узкие, с большими крючковатыми носами, нависающими над острыми подбородками. И ещё мне показалось, что глаза, эти тёмные углубления, поворачивались ко мне — не с интересом или предупреждением, а в глубоком вековом отчаянии.

Никакого излучения зла я не уловила, но проходить между этими столбами не хотелось. Однако именно туда уходила дорога. Я быстро начертала рукой определённые символы, потом пошла вперёд, ведя за собой на поводу Фаллона.

За столбами открылась узкая, словно разрез в земле, долина, уходящая вниз; её стены становились всё выше и круче. Здесь было совершенно темно, потому что призрачное сияние сюда не проникало, и поэтому я шла осторожно и медленно, как научилась за годы войны.

И всё время прислушивалась. За стенами долины слышался шёпот ветра, но здесь стояла полная тишина, хотя потом мой напряжённый слух уловил звук. Это могла быть только текущая вода. В воздухе почувствовалась влага, и я испытала облегчение. Фаллон протиснулся мимо меня, торопясь утолить жажду.

Но там, где в Пустыне имеется вода, мог быть и лагерь тех, кого я преследовала. Поэтому я не стала торопиться и сдержала пони. Он фыркнул, и звук этот отдался глухим эхом. Я застыла, прислушиваясь в ожидании ответа. Это означало бы, что мой приход замечен. Если хищники, за которыми я шла, — люди, у них зрение не должно быть лучше моего, даже хуже, потому что у них нет — я на это надеялась — Дара, который помог бы им.

Мы осторожно начали спускаться. И тут моя обувь, скользя по земле, наткнулась на какое-то препятствие. Я наклонилась, пощупала руками. Несколько камней, а за ними, не очень далеко, вода. Я старалась как можно лучше

нащупывать тропу. Ключ бил слева от меня, чуть выше на склоне ущелья, и из него вода стекала в бассейн, у которого, в свою очередь, должен быть сток с другой стороны.

Я набрала воды в горсть, понюхала. Запаха растворённых минералов не было, и злом не пахло. Плеснула водой в лицо под шлемом, смывая пыль. Потом напилась из руки и отодвинулась, уступая место Фаллону. Он пил громко, но я больше не боялась быть обнаруженной. Те, кого я искала, здесь проходили, да. Освежённый разум убеждал меня в этом. Но сейчас поблизости никакого лагеря не ощущалось.

«Джервон!» — я прижала руки к глазам, откинула шлем и снова послала ищущую мысль. На мгновение туман, с которым я столкнулась раньше, расступился. Я коснулась... Он жив! Ранен, но не тяжело! Но когда я попыталась усилить контакт, узнать через него число и природу тех, кто его захватил, связь снова прервалась, причём так неожиданно, словно её перерубили мечом.

Я догадывалась о природе этого вмешательства. Кто-то там впереди ощущал моё присутствие, но только когда я пыталась связаться с Джервоном. Потому что когда я воздвигла собственный барьер, его никто не коснулся. Страх мой уменьшился, пробудились другие эмоции. В прошлом мне пришлось однажды сразиться с очень древним злом, сразиться оружием любви за тело и душу человека. Тогда мой брат Элин оказался захваченным в проклятом месте. И я вступила в бой, хотя то, что я испытывала к Элину, родному мне по крови и рождению, — лишь слабая тень по сравнению с тем, что наполняло мою душу, когда на меня смотрел Джервон. Я не люблю говорить о глубочайших чувствах, но в такие моменты я понимаю, как прочно переплелись наши с Джервоном судьбы. И теперь я испытывала бешеную ярость к тем, кто пытался разорвать их.

Признавая эту ярость, я погрузилась в неё, черпала в ней новые силы. Страх ослабляет, а гнев может дать меч и щит,

конечно, если умеешь его контролировать. В темноте, у невидимого пруда, я создавала себе невидимое оружие, острила его. Этим оружием не сможет владеть никто, кроме меня. Потому что оно было сковано из моего разума и чувств, как кузнец куёт меч из чистого металла.

2

Охотник-призрак

Глупо было идти дальше в полной темноте. Я рисковала упасть и переломать кости — себе или Фаллону. И хотя чувства звали меня вперёд, разум и логика победили. Тьма была такой густой, словно её порождала сама земля. Тучи наверху закрывали даже свет звёзд.

Я порылась в седельном мешке и достала немного дорожного хлеба, такого чёрствого, что по неосторожности об него легко можно было сломать зубы. Размочив хлеб в воде, я большую часть его скормила Фаллону, который потом долго ещё тыкался губами мне в ладонь в поисках крошек. Потом напрягла волю и послала пони приказ не уходить. Наконец легла между двумя камнями и укрылась плащом — довольно слабой защитой от промозглого влажного холода.

Я не собиралась спать, но усталость тела победила дисциплину мысли, и я погрузилась во тьму, даже более глубокую, чем та, что окутывала меня. Во тьме двигались какие-то существа, и я чувствовала их присутствие, однако не настолько ясно, чтобы понять, кто они.

Проснулась я неожиданно в серости раннего рассвета; кто-то словно позвал меня по имени или рядом протрубила боевая труба. Теперь я смогла увидеть бассейн и ручеёк текущей в него воды. По другую сторону озера на жёсткой траве, не зелёной, а пепельно-серой, прихваченной холодом, пасся Фаллон.

С другой стороны бассейна действительно имелся сток, нечто вроде корыта, уходившего вниз, в туман. Двигалась я с трудом, тело затекло, но мозг отдохнул, и я снова

поискала черноту, в которой скрывались Джервон и его похитители.

Она была на месте, и на этот раз я не сделала ошибки, пытаясь проникнуть в неё и насторожить того, чьё присутствие я ощутила накануне. Во всяком случае пока впереди лежала только одна дорога — между крутыми каменными склонами, на которых и пальцем не за что уцепиться. И на этих стенах видны были изображения, выветренные, изъеденные временем, как и на охранных стеллах, — слишком правильные, чтобы быть созданием природы, и слишком необычные, чтобы я могла их понять. Однако общие очертания этих символов мне не понравились, потому что сама их форма вызывала дурные предчувствия.

Завтракая горсткой размоченного в воде хлеба, я решительно отводила взгляд от этих теневых каракуль. Напротив, старалась рассмотреть что-нибудь в тумане, заполнявшем этот разрез в земле. И снова прислушивалась, но ничего не слышала, кроме звука воды.

Заполнив седельные бутылки, я села верхом, но позволила Фаллону идти своим шагом. Дорога была усеяна камнями, тут и там её перекрывали осыпи, через которые мы пробирались очень осторожно.

Постепенно меня охватило ощущение новой опасности; я продолжала поддерживать контакт со странной чернотой, которая, как я считала, держала в себе Джервона. Вначале в воздухе появился просто неприятный запах, запах гнили, но со временем он становился всё сильнее, как будто я приближалась к месту, где разлагался чей-то труп. Фаллон фыркнул, покрутил головой и продолжал идти только по моему настоянию.

Странно, но в этой черноте я не ощущала древнего зла, хотя использовала все силы своего мозга и Дара, всё, чему научилась у Ауфрики, и что узнала сама. Источников этого барьера я не знала — но было ясно, что источник не в людях и не в Прежних. Впрочем, за всё время охоты в Пустыне я ни разу не встречалась с Прежними.

Холод тумана охватил меня, тело онемело. Страх пытал-

ся вырваться из железных пут, которые я надела на свои эмоции. А за страхом — отвращение и гнев.

Я заметила, что еду, положив руку на рукоять меча. И прислушиваюсь, всё время прислушиваюсь, хотя не слышала ничего, кроме топота копыт Фаллона и изредка звона железной подковы о камень.

Туман сомкнулся, капли влаги повисли на шлеме, масляно засветились на кольчуге, смочили плотную зимнюю шерсть Фаллона.

Потом...

Движение!

Фаллон поднял голову и резким ржаньем выразил свой страх. В то же мгновение мерзость, которую я почувствовала, устремилась ко мне.

Из тумана вынырнул спущенный с цепи ужас. Тоже всадник, как и я, однако из-за какого-то свойства тумана он казался крупнее меня. Но ехал он не на лошади из плоти и крови, а на груди костей, соединённых гниющей разлагающейся плотью. Да и сам всадник, как и его лошадь, был давно мёртв, хотя и наделён какой-то новой ужасной жизнью.

Его оружием был не меч, а ужас. Я застыла и обратилась к своему Дару. И тут же поняла, что это такое — порождение древнего страха и ненависти. Оно питается этими эмоциями, и каждый раз, поглощая их, становится всё материальнее.

Его вызвал и накормил мой гнев и мой страх. Я могла поклясться в этом, как будто коснулась вытянутой кости руки. И ужас Фаллона тоже добавлял ему сил. Ужас, глубочайший упадок духа окутывал это существо, как плащом.

Фаллон попятился, заржал. Скелет лошади в ответ широко раскрыл пасть. Я боролась с поражённым ужасом животным подо мной и радовалась этой борьбе, потому что она отвлекала мой мозг от страха, который нёс с собой этот призрак.

Возвысив голос, я, как боевой клич, произнесла определённые слова. Но всадник не дрогнул, его лошадь тоже.

Я собрала всю волю, чтобы овладеть своими чувствами. Этому существу для жизни требовались ужас и отчаяние, поэтому я должна была сдерживать свои чувства, тогда у него не будет силы...

Фаллон потел так сильно, что всю узкую расщелину, казалось, заполнил запах лошадиного пота. Моя воля распространилась и на пони, прочно сдерживая его. Он больше не ржал, лишь негромко хрипел, как смертельно раненый человек.

Это существо питалось страхом, а без страха... Я создавала укрепление, снова произнесла слова вызова. На этот раз не кричала, овладев голосом, как и Фаллоном.

Существо приблизилось на расстояние вытянутой руки, его зловоние заполнило ноздри, взгляд безглазого черепа был устремлён прямо на меня. И вдруг... оно растворилось в тумане. Фаллон снова закричал — не как животное, а как человек, и крупная дрожь пробежала по его телу. Я послала его вперёд, и он неуверенно пошёл, а туман продолжал клубиться вокруг, поглощая нас.

Но для меня в этот момент было достаточно того, что ужас исчез. Я смутно надеялась, что сведения, которые я знала о таких существах, были истинны: они тяготеют к определённым местам, где сильные эмоции впервые призвали их к жизни.

Проезжая берегом неширокого ручья, я услышала новые звуки — не спереди, а сзади. Вначале слабые, они постепенно становились сильнее. Послышался стук копыт, громкий и частый, словно какой-то всадник с безрассудной скоростью скакал по каменистому ущелью. Потом послышались голоса, зовущие из тумана, хотя слов разобрать я не могла, звуки доносились смешанные и искажённые. Но по-прежнему казалось, что сзади идёт охота. И мысленно я увидела странную картину: ко мне во весь опор несётся всадник, низко пригнувшийся к обездумевшей лошади, а за ним гонится невидимый ужас.

Так отчётлива и ясна была эта картина, что, добравшись до груды камней, к которой можно прислониться спиной,

я повернулась и обнажила меч. Что-то с шумом пролетело мимо, я изо всех сил ухватила за узду, потому что Фаллон готов был понести. Однако из тумана не показалось ничего материального. Снова древние тени обманули меня.

Я напряжённо ждала преследующего этого одинокого всадника из далёкого прошлого, но ничего не было. Ничего, кроме тревожного ощущения, что здесь, в тумане, навсегда заключены останки древнего ужаса. Устыдившись такой слабости и отсутствия самообладания, я двинулась дальше, на этот раз ведя Фаллона, глядя его голову и негромко разговаривая с ним, внушая ему уверенность, которой сама не ощущала.

Долина начала расширяться. А ветер, свистевший вдоль стен, разрывал туман, прибавал его холодом, который приносил с собой. Но ветер принёс и кое-что ещё — запах древесного дыма, запах недавно погасшего костра.

Мы приблизились к повороту стены, которая служила нам проводником в исчезающем теперь тумане. Я отпустила повод Фаллона, приказала ему ждать, а сама осторожно попозла вперёд, хотя мой Дар не обнаруживал присутствия человека. Но в Пустыне всё возможно; возможно и то, что у вставших лагерем есть какая-то защита от моего Дара.

Да, здесь был лагерь. Недавно потушенный костёр ещё сильно пах. С одной стороны его отмечал коновязь лошадиный помёт. Я ясно видела множество пересекавшихся следов, хотя не очень заметных на песке и гравии. Но взор сразу приковал рисунок на скале. Это не работа прошлых лет; символы были нарисованы недавно, они несколько не пострадали от ветра или песка.

Грубо набросанное изображение головы какого-то животного — волка или собаки, а может, то и другое, — переплеталось с другим, гораздо более сложным и качественным рисунком. Я обнаружила, что стою перед ним и чуть ли не прочерчиваю пальцем его линии в воздухе.

Осознав, что делаю, я отдернула руку назад, сжав в кулак. Этой науки я не знала, но она сильная. И опасная... В этом символе ощущалась какая-то неприятная чуждость,

он вызывал настороженность. И хотя полного его смысла я не понимала, мне показалось, что значение переплетения изображений ясно. В Долинах существует древний обычай: когда устанавливается длительный мир или союз, лорды обеих сторон совместно подбирают место на границе своих владений и вырезают символы своих родов, переплетённые таким же образом.

Так что передо мной было доказательство того, что разбойники, которых я преследовала, действительно заключили союз с каким-то обитателем Пустыни не своих крови и племени. И хотя я подозревала это, следуя за ними по ущелью, подтверждение не принесло облегчения.

Знать немного, недостаточно — это меня угнетало. Если бы я могла разгадать этот другой символ, может, поняла бы, с кем придётся иметь дело. И обыскивая оставленный лагерь, я настроила свой Дар на следы нечеловеческого. Но впечатления получала только о разбойниках, опасных и одновременно отчаявшихся.

Джервон был здесь, по-прежнему ещё живой. Я готовилась к тому, что найду его мёртвым, потому что пустынные волки не берут пленных. Что же им нужно от него? Или они всего лишь слуги и орудия другой силы? Я всё больше убеждалась, что последнее справедливо. Невозможно было отрицать, что они привели его сюда с какой-то целью.

За годы пребывания у Ауфрики я хорошо усвоила, что существуют две разновидности того, что не наделённые Даром называют «магией» или «колдовством». Волшебство контакта, которое я использовала, чтобы выследить Джервона, опиралось на амулет у меня на шее — странный камень в форме глаза; этот камень Джервон нашёл ещё мальчиком и носил его с собой на счастье, а потом, во время нашего обручения, отдал мне, потому что за все годы войны не приобрёл никакого другого подарка для невесты.

Но есть и симпатическое волшебство, которое действует в соответствии с законами совпадения, и теперь я приготовилась обратиться к нему. Из своей лекарской сумки я достала ясеневую палочку, очищенную от коры

при свете луны и перевязанную серебряной проволокой. Серебро — металл луны. И вот я встала перед этим символом на скале и направила на него палочку — не длиннее моей ладони вместе с пальцами.

Прут в моей руке немедленно ожил, но не стал прочерчивать линии символа, а изогнулся, стремясь повернуться. Будто скорее был готов был выскочить из руки, чем приблизиться к изображению. И я поняла, что заподозрила правильно, что это символ Тьмы, от которого отшатывается Свет.

Я коснулась прута камнем-глазом, который извлекала из-под кольтуги, потёрла камнем одну сторону палочки, потом другую. Потом снова протянула прут, легко держа его. И он опять повернулся, на этот раз указывая вперёд.

Битва в тумане со страхом слишком отразилась на моих внутренних силах; больше я не могла полагаться на мысленный поиск тех, за кем иду. Но теперь моим надёжным указателем стал прут, ему я могла верить. Поэтому я снова села верхом и, держа прут в руке, выехала из лагеря, повернувшись спиной к переплетённым символам нечестивого союза.

Долина расширилась ещё больше, вроде бы выходя на равнину. Я увидела деревья, такие же искривлённые, как кусты, увидела монолиты и груды камней. Это были выветрившиеся останки руин, таких древних, что их не могло оставить моё племя.

Снова показались следы, но очень скоро мы подъехали к месту, где следы резко поворачивали направо. Однако прут не изменил направления, он по-прежнему указывал прямо вперёд. Можно было сделать только одно заключение: Джервон больше не с бандой, захватившей его.

Может быть, под этими символами произошла какая-то встреча, и его передали Другому, чей знак был изображён на скале? Я спешила и с терпением следопыта стала осматривать землю. И была вознаграждена, обнаружив слабый след. Отряд действительно свернул направо, но две лошади продолжали идти прямо. И на одной из них ехал Джервон.

Если с ним остался стражником только один разбойник — я перевела дыхание... Это может означать шанс освободить его, причём вероятность успеха велика. Я снова села верхом и заставила Фаллона идти быстрее, напряжённо всматриваясь вперёд.

3

Застывшее пламя

Здесь, на равнине, ветер окончательно разнёс туман, и видимость улучшилась. И вскоре я увидела вдали вспышку света. Но ясно было, что это не костёр, а скорее какой-то маяк.

Камни древних руин приблизились, образуя обрушившиеся стены, кое-где возвышения, может, на месте стелл или даже статуй. Не очень сильно выветренные, они сохраняли сходство с древними чудовищами и производили слегка неприятное впечатление. Боги или стражники? Что может сказать человек, живущий сегодня?

Показалось солнце, но здесь это был даже не бледный свет середины зимы, а тусклое истощённое свечение, в котором ничто не согревало ни тело, ни душу. По-прежнему тени цеплялись за камни, хотя я решительно отказывалась смотреть на них. Я знаю силу иллюзий, потому что с ней многое связано в Даре.

Передо мной поднималась стена из массивных блоков, некоторые были выше меня, даже когда я верхом на Фаллоне. С нею время обошлось не так жестоко. Бледное солнце высекало ледяной огонь из серо-белых кристаллов на её поверхности. Я направилась к единственному проходу в этой стене, к воротам, таким узким, что одновременно через них мог пройти только один человек.

Прут в моей руке начал рваться так сильно, что я с трудом его удерживала. Его оплетённый серебром конец указал на тёмное пятно на стене на уровне моего бедра. Кровь — и кровь того, кого я искала!

Ободряло меня только то, что пятно небольшое и единственное. В том, что Джервона захватили после упорного сопротивления, борьбы, я была уверена. Он слишком опытный воин, чтобы взять его легко, и тела, которые я видела в нашем последнем лагере, свидетельствовали об его умении защищаться. Но это был первый знак того, что он ранен. Я посмотрела вниз, под ноги, ожидая увидеть новые пятна.

Стена оказалась первой из трёх. И они различались по цвету, потому что первая, несмотря на кристаллы, была серой, как вся остальная Пустыня. Вторая, в двадцати шагах за первой, — тускло-зелёная. Причём не от растительности, зелёными были сами каменные блоки.

А третья — ржаво-коричнево-красная, цвета высохшей крови, и камни её были гораздо меньше. А проход — ещё более узкий; здесь, несмотря на все дурные предчувствия, мне пришлось слезть с лошади и идти дальше пешком.

Если на этой стене и попадались кровавые пятна, обозначавшие проход Джервона, их скрывала естественная окраска камня. Передо мной оказалось прямоугольное здание, чуть выше стены, без окон, мрачное, построенное из чёрного лишённого блеска камня, словно из теней. И из крыши этого здания, бросая вызов угрюмому солнцу, поднимался луч бледного свечения, озарявшего окрестности.

Теперь, подойдя ближе, я заметила, что луч пульсировал, как вечно меняющиеся языки пламени. Но я была уверена, что это не отблески горящего дерева.

Окон в здании не было, зато в камне стены открывался глубокий дверной проём; такой глубокий и тёмный, что не было видно, есть ли там, внутри, какая-то преграда. Я остановилась, исследуя с помощью своих чувств, что находится передо мной, потому что если бы слепо рванулась навстречу опасности, то не помогла бы ни себе, ни Джервону.

Слух? Ни звука, не было слышно даже вздохов ветра в искривлённых ветвях и скользившем песке. Обоняние? Не

чувствовалось даже слабого запаха гниения, который насторожил меня в долине призраков. Зрение? Глубокий вход, пульсирующее пламя, поверхность между мной и дверью без всяких следов. Осязание?..

Я подняла руку с лежавшим на ладони прутом. Он снова зашевелился, начал всё быстрее раскачиваться из стороны в сторону, пока совершенно не развернулся и не показал на меня, вернее назад, на проход, через который я только что протиснулась. Достаточно ясное предупреждение. То, что находилось впереди, было исключительно враждебно силам, которые я призывала на помощь. И я была уверена, что если сделаю несколько последних шагов и пройду в дверной проём, то окажусь в опасности, большей, чем лезвие разбойника или призрачный охотник.

Если бы только я больше знала! Когда-то я вступила в битву с одним из злых Древних, не подозревая об опасности, не зная противника, вооружённая только своим бедным оружием. В тот час ко мне на помощь пришёл Джервон (а ведь ему, не обладающему Даром, нужно было опасаться гораздо больше), он рассчитывал только на свою храбрость и силу холодного железа.

Неужели я сделаю меньше? Стоя так, держа в руке бившийся в панике стержень, я думала о том, кем стал для меня Джервон. Вначале нежелательный спутник во враждебной земле: я опасалась, что он помешает мне достигнуть цели. Затем...

Моя жизнь теперь связана с Джервоном, больше я не могла этого отрицать. И какая бы сила ни привлекла его сюда, у неё могла быть только одна цель — уничтожить его — а, может, и меня тоже. Но я приняла это и направилась к двери.

Однако никакой двери не было. Как только я вступила в тень проёма, меня окутала густая тьма. Я поднесла прут к губам, дунула на него и произнесла три слова.

И в пальцах у меня вспыхнул крошечный огонёк, слабый, не больше мизинца, как язык свечи. Но когда он вспыхнул, я глубоко вздохнула. Пока я не испытывала

никакого давления. Пока я одержала победу, пусть даже символическую.

В тот, прошлый раз, мне просто повезло, потому что мой противник был могуч и не увидел во мне достойного соперника. И потому не успел использовать против меня всю свою силу, было уже слишком поздно. Теперь же я не знала, что меня ждёт, и не могла рассчитывать на такое же везение.

В местах Прежних время часто искажается и меняется. Память человечества полна легендами о людях, которые общались с обладающими Силой день или год, а вернувшись, обнаруживали, что в их мире прошло гораздо больше времени. И теперь мне показалось, что время замедлилось.

Сама тьма, которую почти не разгонял мой слабый огонёк, превратилась в поток липкой глины или зыбучего песка, который охватил мои ноги, и мне приходилось прилагать немалые физические усилия, чтобы всё-таки идти вперёд. Но никаких других посягательств на меня пока не оказывалось. У меня постепенно сложилось впечатление, что разум, создавший это место для своей защиты, чем-то занят, настолько поглощён своим занятием, что пока и не подозревает о моём присутствии.

И эта мысль, как и огонёк в руке, подбодрила меня. Но я не могла долго рассчитывать на эту сосредоточенность. В любое мгновение она могла быть нарушена какой-то невидимой сигнальной системой, и тогда он обратит на меня своё внимание.

Я боролась с липким потоком, с трудом делая шаг за шагом. Казалось, путь занял уже часы. Тело болело от усилий, с которыми приходилось продвигаться. Ещё один шаг...

Так стремителен был переход от полной тьмы к свету, что на два-три вдоха я совершенно ослепла. Потом, мигая, снова смогла видеть. Я находилась в круглом помещении с двумя большими креслами, предназначенными для гораздо более крупных существ, чем человек. Кресла стояли напротив друг друга, а между ними в середине сиял ослепительный столб.

Потом я поняла, что это не столб, скорее закруглённый поток непрерывного света. От этого света не исходило никакого тепла; только его переливы напоминали пламя.

Внутри у меня зазвенел сигнал тревоги. Я сразу отвела взгляд. Здесь находились сердцевина, цель и назначение этого места. Я стояла за ближайшим креслом, за его спинкой, но второе мне тоже хорошо было видно. Что-то упало с его широкого сидения и теперь лежало на полу, как груда изорванных тряпок.

Джервон?..

Сделав шаг к этому, несомненно мёртвому судя по положению тела человеку, я ясно увидела его лицо, обращённое к свету, широко раскрытые в ужасе глаза. И неровную бородку. Один из разбойников?

Тогда где Джервон?..

Тщательно отводя взгляд от манящего, притягивающего огня, я обогнула кресло перед собой. Да, тот, кого я искала, сидел здесь. Руки и ноги у него были связаны. Шлем исчез, лоб пересекала грубо перевязанная рана, а щека была вымазана кровью.

Он — жив?

Я протянула руку. Прут задрожал. Да, в нём сохранялась искра жизни, упрямо удерживаемая его волей и храбростью. Но неподвижные глаза его были устремлены к огненному столбу, и я знала, что человек, которого я искала, теперь там, в этом пламени.

Я могла сделать одно из двух. Вначале я безрассудно попробовала мысленный поиск. Нет, его сознание было слишком истощено, никакого ответа. Если же попытаться извлечь его из пламени, я могла помешать его собственным усилиям и потерять его. В Джервоне есть огромная сила. Я много раз видела его в действии за те годы, что мы провели вместе, как товарищи и любовники (редко такое совпадает, но именно так было у нас).

Итак... я должна была последовать за ним — в пламя. Встретиться с Силой на её территории.

Если бы только я знала больше! В бессильном раздра-

жении я стиснула руки. Передо мной стояла сила, с которой я раньше не встречалась. Я не знала, смогу ли устоять перед нею — со своим Даром. В своей собственной крепости она могла оказаться непобедимой.

Я медленно повернулась и посмотрела на мёртвого разбойника. Он был лишён всей жизненной силы, оказался более лёгкой добычей, чем Джервон. И упал так, словно его презрительно отбросили.

Но я знала Джервона. И теперь основывалась на этом знании. Бесплезно было уносить отсюда его тело, даже если пламя это позволит. Потому что тогда он не сможет вернуть то, что потерял. А это должно было к нему вернуться...

Вернуться — как?

Я была в отчаянии. Здесь легко было потерять всё: его жизнь, мою и, вероятно, даже больше, чем просто наши жизни. Но другого пути я не видела.

Я направилась ко второму креслу, стараясь не коснуться мёртвого тела, переступая через него. И радовалась, что не испытываю колебаний, что внутренняя сила, не колеблясь, ведёт меня туда, где сидел мертвец. Я села между резными ручками, в тени высокой спинки, взяла обеими руками прут и, преодолевая сопротивление силы, стремившейся предупредить меня, повернула его и нацелила на грудь Джервона.

Я не верила, что сила, которая противостояла мне, находится в моём мире. Напротив, мне казалось, что это застывшее пламя — лишь слабое её проявление в нашем мире. Я должна была уйти в его мир, только там у меня появится шанс.

Разбойник полностью принадлежал этой силе. Несомненно, он находился в её власти прежде, чем пришёл сюда. Может, он и послан был на поиски таких сильных людей, как Джервон. Но сила эта не смогла полностью овладеть Джервоном. К тому же, возможно, ей не пришлось иметь дело с обладающими Даром.

Конечно, надежда была очень слабая; теперь мне при-

дётся рассчитывать только на свои небольшие знания и решимость. Но я не собиралась покидать это место без Джервона. Мы победим или погибнем вместе.

Итак, поле битвы — внутри пламени.

Я железной хваткой держала прут. Намеренно медленно подняла глаза и посмотрела прямо в игру круглого столба пламени. Нужно было только чуть расслабить волю.

4

Где-то и когда-то

Я оказалась — где-то. Как найти слова для описания того, что было совершенно чуждо моему опыту? Цвета, названия которых я не знаю, ощущения, вызывавшие к самым корням моего Дара, моей решимости, разрывавшие меня на части. Оставалась ли я жива? Никакого тела я не ощущала, пять чувств больше не служили мне; я поняла, что не «вижу», а воспринимаю мир каким-то другим способом.

Только несколько секунд — один вдох — дали мне; потом мощное принуждение подхватило сознание, всё, что осталось от моей личности, и увлекло вперёд по фантастической и ужасной стране.

Потому что это была страна... Однако мой человеческий инстинкт говорил мне, что что-то тут не так. Растения, несколько не напоминающие знакомую мне растительность, — пронзительно жёлтого или грозного красного цвета. Эти растения дёргались и бились, словно пытаясь выдернуть корни, освободиться, но что-то, какой-то приказ их удерживал. Ветви вцеплялись в землю или взмётывались высоко в воздух в непрерывном движении.

Вскоре я миновала их, меня несла сила, которой я не могла сопротивляться. И я постаралась забыть о чуждости этого места и сосредоточилась на своём Даре и своей внутренней силе.

Но я должна была пока скрывать от того, что нёс меня,

эту жёсткую сердцевину сопротивления в себе. Я была уверена, что должна беречь силы до того, как предстану перед правящим здесь.

Ауфрика рассказывала мне легенды (она никогда не говорила, от кого их услышала) о том, что когда Прежние владели Долинами, они вмешивались в самую суть жизни, и самые могучие среди них раскрывали «врата» в другие измерения, такие же неестественные для человека, как страна, пронесившаяся сейчас мимо меня. И я начала верить, что прошла как раз через такие «врата». Но за ними оказалось нечто совершенно чуждое.

Впереди показалась полоска жёлтой земли без растительности. В неё глубоко врезались следы и тропы, некоторые были хорошо утоптаны, словно ими часто и давно пользовались. Но мои собственные ноги — если они у меня сохранились — не касались этих троп. У меня было стойкое впечатление, что я лечу высоко над этой поверхностью.

Тропы соединялись, направляясь к какому-то пункту впереди. И, пролетая, я видела медленно двигавшиеся фигуры, они неохотно шли по тропам. Однако видны они были неясно, их окутывали какие-то постоянно менявшиеся цвета, и невозможно было рассмотреть их истинные очертания. Некоторые были тускло-серые, одна или две — чёрные, и эта глубокая чернота напомнила мне тьму, через которую я прошла перед помещением с застывшим пламенем. Виднелись фигуры болезненно-зелёные или мрачные кроваво-красные. И когда я пролетала над ними, мне хотелось кричать, потому что от каждой исходила волна отчаяния и ужаса, как удар меча, который невозможно отразить. И тогда я поняла, что передо мной жертвы этого места. И что я могу стать такой же жертвой.

Я не могла понять, почему лечу, а не бреду подобно им. Может быть, то, что правило здесь, разобралось во мне и хотело побыстрее захватить. Думать так было не очень-то приятно. Но я сделала выбор и теперь должна была выполнить своё решение.

Медленно бредущих фигур становилось всё больше. И я начала думать, что их путь затягивается сознательно, что их бессильные страдания — еда и питье для чего-то...

Неужели один из них Джервон?

Я попыталась задержаться, зависнуть над одним из этих огней, который сохранял материальность настолько, что мог оставить след на равнине. Но тут мне пришла в голову мысль, что если я проявлю интерес к кому-то из этих путников, то тем самым выдам себя: кто я и зачем пришла.

Поэтому я решительно отвернулась от этих путников и позволила принуждению полностью овладеть собой. И наконец подлетела к месту, где жёлтая равнина сменялась пропастью.

Стены круглой пропасти были тускло-красного цвета, такого же, как последняя стена, окружавшая здание пламени. И по этим стенам вниз болезненно спускались огоньки, которые брели по равнине, теперь их стало так много, что эти огоньки сливались и смешивались. Но мне всё же казалось, что ни один из них не подозревал о наличии других, все были поглощены только своей участью.

Меня тоже увлекало вниз, мимо этих уныло бредущих жертв. Снова я погрузилась во тьму и утратила способность к восприятию. Только тут я начала использовать защиту, которой меня научили, но корни которой были даны мне при рождении. Я — это я, Элис, женщина, видящая, боец. И останусь собой, не позволю этому Другому забрать у меня мою суть и моё прошлое.

Я по-прежнему не сопротивлялась, только сохраняла упрямую веру в себя. И хранила её глубоко в себе. В этот момент я должна была даже Джервона убрать из своего сознания и сосредоточиться только на своей личности. Об этом говорил мне инстинкт, а для Мудрой Женщины такой инстинкт — это непререкаемый приказ.

Тьма начала рассеиваться, и я снова увидела свет. Но в болезненном жёлтом свечении нельзя было ничего разглядеть, видно было только то, что непосредственно проносилось подо мной или той моей частью, которая

пустилась в этот мрачный путь. Подо мной оказался трон.

Он был сделан из черноты, он — сама воплощённая тьма, и на нём дрожал красноватый туман, в котором мелькали яркие, как драгоценности, частицы.

«Добро пожаловать».

До меня донёсся не звук, а какая-то дрожь, пронизавшая форму, которая теперь стала мной.

Я медленно опустилась и оказалась прямо перед троном и той менявшейся фигурой, которая восседала на нём. Я была очень маленькая, а передо мной высился словно один из больших холмов Долин.

«Хорошо...»

Снова это слово отозвалось во мне дрожью, принесло с собой боль и — да простит меня Сила, которой я служу, — какое-то извращённое удовольствие. Но это удовольствие оскверняло самую суть моего сознания.

«Давно уже такого не случалось...»

Сверкающий туман на троне стягивался, превращался в более устойчивую фигуру.

«Неужели снова появились те, кто может пройти через Врата?»

Форма склонилась вперёд на троне. Сверкающие точки устремились вперёд и образовали два диска, которые могли служить глазами чужака. Эти диски сосредоточились на мне.

«Где же тогда твои дары, слуга...» — имя, которое произнесло существо, обожгло меня как огнём, такую мощь несло оно в себе, хотя я не была его последователем.

Прежде чем я смогла ответить, теневая голова кивнула.

«Дары пришли — но не думаю, что они от тебя. Ты считаешь, что меня так легко обмануть?» — и фигура затряслась в беззвучном ужасном смехе. Презрение, которое она испытывала ко мне и ко всему моему племени, как густое зловоние повисло в воздухе этого места.

«Твоё племя служило мне... — дрожь, служившая здесь речью, продолжалась. — Давно и верно служило. А я не скупился на награды. Когда я кормлюсь, кормятся и эти. Смотри!»

Он вытянул вперёд продолжение своего тела, которое могло служить рукой, и тут я увидела, что все, кого он пожирал, действительно становились его частью. Но не обрести мир. Мучения тех, кого он пожирал и которые потом пожирали вместе с ним, длились вечно, и вечно сознавали они, что с ними произошло, и длилось это века без всякой передышки. И как часть этого Существа, они вынуждены были сами кормиться, предавая себя ещё большим мукам, бесконечной пытке.

У меня на глазах придаток его тела вытянулся ещё дальше и вернулся, неся в себе одну из тех форм, что я видела на равнине наверху. Существо прижало эту форму к себе, поглотило её, и новая жизненная сила добавилась к ужасу и отчаянию.

И при виде этого у меня возникла мысль. Как всадник, которого я видела в долине, жил ужасом, который вызывал в других, так и это Существо — результат такого же процесса.

Я слышала, что люди создают богов по своему подобию, приписывают этим богам собственные эмоции, но считают их такими сильными, каких не может производить человеческий разум и человеческое сердце. Может быть, так же когда-то родилось это существо. Оно стало богом, которого кормили эмоциями много поколений. И наконец оно обрело независимость, больше не нуждаясь в добровольных жертвах, а само смогло контролировать человечество и расширять свои владения.

Но если это так, то оружие против этого — неверие. И, вопреки свидетельству собственных глаз, я должна попробовать пустить это оружие в ход.

Сверкающие глаза, устремлённые на меня, не менялись, меня охватили волны отчаяния и ужаса, которые создавали многие века преклонения перед этим существом.

«Ничтожное создание... — он снова затрясся от этого беззвучного дьявольского смеха. — Я есть, я существую — как бы ни мала была мысль, породившая меня. Смотри на меня!»

Теперь его вещество ещё более сгустилось и действительно создало тело. Богоподобное по красоте обнажённое тело — но с какой-то нечистой красотой — и в то же время подчёркнуто, до неприличия, мужское. Глаза его уменьшились, лицо стало нормальным, безупречным по очертаниям.

Но я помнила, что находится передо мной и как оно родилось. И я отчаянно цеплялась за это знание. Кости и разлагающаяся плоть у него не видны, но именно таково его истинное состояние.

«Смотри на меня! — снова прогремел его приказ. — В прежние времена женщины твоего племени любили смотреть на меня, пока мне не надоел ваш мир и я не остался за вратами, ведущими сюда. Смотри — и иди ко мне!»

И снова меня охватило грязное, низменное удовольствие, которое я уже испытала. Тогда я противопоставила ему свой Дар — аскетизм, к которому меня приучали, которому я должна подчинять все желания тела. И хотя чувствовала, что чуть шагнула вперёд, решимость удержала меня на месте.

И тут эти совершенные губы улыбнулись — злобно.

«Такого я давно не пробовал. Поистине роскошный пир, — он протянул прекрасную мускулистую руку, поманил меня длинными пальцами. — Иди — ты не можешь противиться мне. Иди добровольно, и велика будет твоя награда».

В ответ я произнесла имя, сообщённое мне, и с ним ещё несколько слов. Отчаянная — но бесполезная надежда. Голова откинулась назад и откровенно рассмеялась, и я поняла, насколько тщетна была эта моя надежда.

«Имена! Думаешь, меня можно остановить именами? Это имя дали мне люди... некоторые люди. Но это не то имя, под которым я сам себя знаю. А без него — ты безоружна. Но как это восхитительно — ты смеешь противиться мне. Возбуждающе! Я поел, набрался сил и ждал тех, кто закрыл Врата. Думал, они придут охотиться на меня. Но они не пришли, а пришла ты, ничтожная, и смеешь

противостоять мне. Те, кто закрыл меня здесь, на тебя даже и не посмотрели бы, ты им не ровня.

Но ты доставляешь мне развлечение, и это приятно. Ты пришла в поисках человека, не так ли? Другие приходили из гордости. Они получили достойную награду, как ты увидишь, когда присоединишься к ним. Но не называй меня именами, которые тут не имеют силы!»

На этот раз я и не пыталась ответить. Лихорадочно обыскивала память в поисках хоть малейших обрывков знания. Ауфрика поделилась со мной всем, что знала. Мы посещали забытые старинные гробницы и иногда осмеливались вызывать духов, ослабленных временем, когда-то живших в этих гробницах. Я знаю заклинания, но перед этим существом они всё равно что игры маленьких детей.

Нет... я не могла позволить отчаянию ослаблять свою решимость. Я должна была сделать всё, что могу!

Существо на троне рассмеялось в третий раз.

«Хорошо. Сопровитвайся, если хочешь, червяк. Меня это забавляет. А теперь — смотри, кто идёт...»

Он указал налево, и я осмелилась взглянуть. Медленно, с трудом, сопротивляясь принуждению, там двигался один из многих огоньков. Не чёрный, не серый, ещё не красный, но жёлтый, чистый и ясный. И в тот же момент я поняла, что во внешнем мире его назвали бы Джервоном.

Но он не полз презренно, как другие, к этому ложному богу, а шёл прямо, словно боролся с силой того, кто сидел на троне.

«Джервон!» — я осмелилась послать мысль-призыв. И сразу услышала храбрый ответ:

«Элис!»

Но существо на троне переводило взгляд с меня на Джервона и злобно улыбалось.

5

Вместе мы стоим

«Какой великолепный пир... — между губами прекрасного лица показался кончик языка и прошёлся по губам,

словно наслаждаясь изысканным вкусом. — Вы много даёте мне, козявки... много!»

«Но не всё!» — ответила я. И то жёлтое пламя, которое было Джервонем, больше не приближалось к чудовищу, но стояло рядом со мной, как много раз стояли мы вместе в те годы, когда нужно было обороняться и кровавить мечи. И я поняла, что Джервон не покорился, что в его околдованном теле упрямо держится личность, как и во мне.

Тот, что сидел на троне, слегка наклонился, повернув к нам своё прекрасное злое лицо.

«Я голоден — и я ем — всё очень просто».

Он неестественно далеко вытянул руку, подобрал какое-то ползущее пятно. Я услышала мысленно отчаянный крик.

«Видишь, как это легко?»

Я в свою очередь устремилась к Джервону. И действительно, мы встали рука об руку перед этим созданием, которого вообще не должно быть. Все чистая мужественная сила Джервона выступила против того, кто обитал в этой преисподней. И к этой силе я присоединила свою, сколь она ни ограничена. Я создавала символы и, как огнём, чертила их в воздухе.

Но существо рассмеялось, протянуло руку и легко стёрло мои символы.

«Мал твой дар, женщина. Думаешь, я не могу это стереть? Так, и так, и так...» — туманная рука двинулась вперёд, назад.

«Джервон, — воззвала я, — он кормится страхом».

«Да, Элис, и ещё душами людей», — ответ пришёл твёрдый, я словно нашла опору, в которой нуждалась.

Ещё дважды существо поглощало пятна, подползавшие к основанию его трона. Но не отрывало от нас глаз. Я не понимала, чего оно ждёт. Может, пока его пир не вызовет у нас страх?

Но эта передышка дала мне возможность собрать всё, на что я могла надеяться. Как убить бога? Неверием — ответила логика. Но призвать неверие теперь было почти невозможно.

Мы, наделённые Даром, должны верить, да. Потому что хорошо знаем: существует нечто непостижимое для нас, и доброе, и злое, и оно может быть призвано человеком. Но истинную природу тех, кого призываем, мы постичь не можем: нам мешают инстинкты и эмоции наших физических тел. И хотя мой Дар мал, я всё время ощущаю присутствие этого непостижимого. И Джервон тоже верит, хотя, может быть, не совсем в то же, что я. Потому что люди идут по разным дорогам, хотя в конце все они встречаются у неких Врат, самых великих из всех, а за ними скрыто то, что мы и представить себе не можем своим привязанным к земле разумом.

Но в это существо я не обязана была верить. Я не из тех, кто преклонялся перед ним в храмах, я не искала его злой помощи в своих делах. Поэтому — оно для меня — не бог!

«Так ты думаешь, женщина, — уловила я ответную мысль. — Но ты подобна тем, кто создал меня. И потому я могу и до тебя дотянуться».

Словно скользкий гнилой палец дотронулся до моей отшатнувшейся плоти. А вслед за тем — да! — во мне проявилось то, что готово было откликнуться на это тошнотворное прикосновение. У меня есть врождённые слабости, как и мой Дар, и эти слабости могут выступить против меня. И снова существо рассмеялось.

«Элис!.. — мысль того, кто был Джервоном, разрежала этот смех. — Элис!»

Это больше чем моё имя, оно прорвало унижительную склонность подчиниться ужасу. Я снова ухватилась за логику. Нет совершенного мужчины или женщины. В каждом из нас имеется много такого, на что мы должны смотреть с ненавистью холодным расчётливым взглядом. Но если мы не поддаёмся ненависти, не сдаёмся перед тем, что её порождает, но отстраняемся, позволяем одному уравновесить другое, тогда мы, особенно обученные Пути, можем справиться с его источником. Да, во мне есть такое, что откликается на призыв существа из тьмы, но дело не в этом, а в том, как я сама реагирую на эту слабость.

Я — Элис, Мудрая Женщина, и Джервон напомнил мне об этом, назвав по имени. И я не орудие того, кто восседает на троне. Я пришла сюда по своей воле, чтобы противостоять ему, меня не притащили сюда его тёмные силы.

«Элис...» — теперь моё имя произнесло существо на троне, и в имени этом звучал соблазн.

Но я стояла прочно, призвав на помощь всё, чему меня учили. И прекрасная голова надо мной слегка повернулась. Теперь, глядя на меня, существо одновременно видело и Джервона. Оно подняло руку и поманило.

Жёлтое пламя, которое так много значило для меня, покачнулось в сторону трона. Но не потускнело, как другие, когда начинали подползать. И Джервон не призвал меня на помощь, он сопротивлялся сам, и я без его слов поняла, что он боится истощить мои силы в этой схватке.

И тут то, что осталось от меня в этом мире, двинулось и встало между Джервоном и существом, протянувшим к нему свою руку-тень.

Снова я произнесла имя, которое дали ему люди в страхе, в ужасе своего злополучного поклонения. Но на этот раз я не стала рисовать символы, которые он мог легко смахнуть. Напротив, швырнула вперёд мысленную картину пустого трона, потрескавшегося и обвалившегося от времени. Сражаясь со страхом и гневом, и тот и другой я заставляла служить себе, подкреплять меня. Его — не существует!

Я не могла отказаться от восприятия, заверявшего, что это существо передо мной. Но упрямо держалась за своё оружие. Я не верю в него, Джервон тоже не верит! Поэтому его просто НЕТ!

А оно становилось всё материальнее, как я ни отрицала его. И манило!

Воображение бесчисленных человеческих поколений вызвало его к жизни; так неужели я могла надеяться уничтожить его одним своим отрицанием?

Пустой трон... не существует...

В эту картину я бросила все свои силы и все силы

Джервона, которые он охотно отдавал мне. Это не мой бог, я не кормлю его... он не существует!

Мучительным было это отрицание, потому что какая-то часть во мне отказывалась с ним соглашаться. Существо призывало эту часть, призывало её поклонение. Но я сопротивлялась. Это не мой бог! Должна существовать вера, чтобы бог ожил. Без веры он не существует.

Я понимала, что здесь нельзя призывать силы, перед которыми я поклоняюсь. В таком месте любое преклонение сидевшее на троне существо обратит на себя, какое бы имя оно ни носило. Нет, следовало рассчитывать только на веру в себя, на веру Джервона в него самого (а он целиком отдавал её мне). Я не признаю его, отказываюсь преклоняться перед ним, потому что его — НЕТ!

Существо утратило свою ленивую уверенность, злую улыбку и смех, даже квазичеловеческую форму, в которой пыталось искусить меня. Теперь на троне только полыхало пламя, с примесью глубокой злой черноты. Оно раскачивалось взад-вперёд, как голова огромной змеи над свитым в кольца телом, готовая ударить.

И гнев его был безумен. Долгие годы существования не подготовили его к такому. Оно спокойно жило здесь, оно могло хватать людей, поглощать их души.

Но может ли теперь?

Сознание человека многослойно, у него много уровней и много эмоций. Те, кто обладают Даром, знают это. Существо на троне питалось страхом и худшими нашими эмоциями. В жалких пятнах, которые оно вбирало в себя, и которые теперь тесно сгрудились вокруг меня, раскачиваясь в такт движениям пламени на троне, в них победили худшие черты человека, не лучшие. Их захватил в плен собственный страх и собственная вера, и теперь они, беспомощные, оказались здесь, во власти своего хозяина.

Хозяина, которого они сами создали и сами могут уничтожить — если найдут в себе волю!

Существо на троне действовало быстро. Оно подпрыгнуло, и в этом прыжке слизнув первый ряд пятен, раздулось, поглощая их энергию.

«Элис... Элис...»

Только моё имя, но в него Джервон вложил всё, что могло ободрить и поддержать меня. Я увидела, как чистое золотое пламя слева от меня вспыхнуло ярче.

А ложный бог продолжал свой пир. Но движения его стали излишне торопливыми, как будто время перестало быть его слугой, но превратилось во врага. Существо хотело набраться сил, увеличить свою мощь.

Но оно не может кормиться неверием. Я держалась за эту мысль, как за верёвку, которая остаётся единственной надеждой.

Пустой трон...

И это ржавое болезненное пламя испустило нечто вроде вопля — а может, эта дрожь, нацеленная на меня, должна была разорвать верёвку моей надежды. Пламя потянулось ко мне, к огоньку, который был Джервоном.

Мы не верим и потому не можем стать его добычей!

Я погрузилась во тьму, восприятие совершенно исчезло. Я в... Нет, я не могла находиться в том, что не существует. Это я, Элис, и Джервон. Мы не пища ложного бога, чьи создатели давно превратились в пыль, чьи храмы позабыты.

Моё обнажённое тело словно охватил холод, обжигающий, как пламя. Я одно с... Нет, это неправда! Я Элис. А Джервон — это Джервон! Я чувствовала его в этой холодной пытке, он так же упрямо, как и я, держался за свою сущность. Мы сами по себе, мы не слуги... и не жертвы существа, которому нет места в мире. Мы не боимся его, а ту нашу часть, что он может пробудить, мы держим под контролем.

Пустой трон — ничто. Ничего, кроме Элис и Джервона, которые не верят...

Боль, холод, боль, но я держалась, и Джервон призывал меня, и я находила в себе силы ответить ему. Мы стояли вместе и потому оба становились сильнее, потому что в нашем союзе наша сила, лучшая часть нашего разума и души.

Тьма, холод, боль — а потом ощущение перемены, утраты. Но я не позволяя пробудиться страху. Бог, который не существует, не может и убивать.

Я открыла глаза — и теперь смотрела своими глазами, а не тем особым чувством, которое было у меня в том месте. Передо мной мерцал столб света, но свет этот потускнел, и бледнел он очень быстро. Я шевельнулась; тело затекло, мне было холодно, руки и ноги ничего не чувствовали, но я сползла с широкого сидения, на котором пришла в себя, и осмотрелась в надежде увидеть что-то знакомое и привычное.

Это... это то самое круглое помещение, в котором я нашла Джервона.

Джервон!

Спотыкаясь, пошатываясь, я добралась до второго кресла и вытащила кинжал, чтобы перерезать верёвки, связывавшие его неподвижное тело. Глаза его были закрыты, но он не упал безжизненно, как тот разбойник. Онемевшими пальцами я разрезала кожаные ремни, кинжал дважды выпадал из рук, и я в полутьме отыскивала его на ощупь. Потому что столб в центре помещения теперь почти не давал света, он больше напоминал огоньки, которые иногда собираются над телами мертвецов.

— Джервон! — позвала я его и затрясла, как могла, своими неуклюжими руками. Тело его упало вперёд, голова легла мне на плечо, и от его тяжести я чуть не опрокинулась. — Джервон!

На мгновение мне показалось, что я его потеряла. Ибо если я покину это злое место одна, никакой надежды у меня не останется.

— Джервон!

Щеки коснулось слабое дыхание, раздался стон. Я схватила его в объятия, которые не смог разорвать ложный бог, и тут послышался его голос, хриплый, запинаящийся:

— Моя дорогая леди, ты сломаешь мне рёбра... — и слабый смех, от которого я тоже рассмеялась, и меня затрясло от всего пережитого.

Я не могла поверить, что мы выиграли битву. Но мы сидели вместе в широком кресле, а столб пламени перед нами окончательно погас. Вход в иное исчез. Снаружи нас, может быть, и ждали разбойники Пустыни, но мы вдвоём одолели большую угрозу, и сейчас с нас этого было довольно.

ЖАБЫ ГРИММЕРДЕЙЛА

1

Заиндевевшие сутробы громоздились один на другой. Герта остановилась перевести дыхание. Концом копья, которое служило ей дорожным посохом, она потыкала сутроб впереди. Древко с трудом пробило наст. Герта нахмурилась.

Кроме этого копья, которое она крепко сжимала рукой в рукавице, вооружение девушки составлял висевший на поясе длинный кинжал. В складках одежды был спрятан крохотный узелок с теми немногими вещами, которые Герта забрала с собой, покидая крепость Хорл. Но главную свою ношу она несла под сердцем, заставляя себя не отступать с намеченного Судьбой пути.

Губы её плотно сжались. Она вскинула голову — и сплюнула. Воздух с хрипом вырвался из груди. Чего ей стыдиться? Неужели Куно ждал, что она станет ползать перед ним на коленях, умолая о прощении, чтобы он мог показать своим приспешникам, какой он благородный?

Герта оскалила зубы, словно загнанная в угол лисица, и снова с силой ткнула копьём в сутроб. Ей нечего стыдить-

ся, она не какая-нибудь распутная девка. Война есть война, никуда не денешься. Куно сам, представься ему такая возможность, не удержался бы от того, чтобы не овладеть женщиной из вражеского поселения.

Всё бы ничего, однако добродетельный братец выгнал её из крепости Хорл! Выгнал потому, что она отказалась выпить приготовленный его ведьмами-поварихами отвар, который скорее всего убил бы и плод и её саму. Умри она — Куно наверняка, преклонив колена у алтаря Громовержца, объявил бы, что, дескать, такова воля Судьбы. И всё закончилось бы тихо-мирно.

На какой-то миг Герте стало страшно собственных мрачных мыслей. Куно — Куно ведь был её братом! Ещё два года назад она ничуть в этом не сомневалась. Тогда она вообще всех людей считала своими братьями. А потом её отправили в Сухой Лог, где молоденькой девчухе быстро дали понять, что мир вовсе не таков, каким она его себе воображала.

Герта порадовалась, что так скоро усвоила урок. Тихая простушка, какой она некогда была, ни за что не осмелилась бы перечить Куно, не выбрала бы эту дорогу.

Она ощутила нарастающий гнев. Ей вдруг стало жарко, словно за пазухой у неё внезапно очутилась жаровня с горящими угольями.

Герта двинулась дальше, твёрдо ступая по насту в своих грубых башмаках. Она ни разу не оглянулась на каменные стены крепости, за которыми вот уже пять поколений обитали её родичи. Солнце неуклонно двигалось к западу, и медлить было некогда. К тому же тропу начисто замело, и девушке то и дело приходилось нащупывать путь копьём. Но заблудиться опасности не было: Игла Мулмы и Драконье Крыло отчётливо проступали на фоне вечернего неба.

Куно убеждён, что она вернётся. Герта усмехнулась. Куно — он всегда такой уверенный! А с тех пор как успешно отразил нападение шайки дезертиров вражеской армии, которые хотели пробиться к побережью, полагая,

очевидно, что там безопаснее, он стал просто невыносим.

Да, Долины свободны. Но Куно ведёт себя так, будто все победы одержал он один! На самом же деле лишь напряжением всех сил, укрепив свои рати диковинными союзниками из Пустыни, сумел Верхний Халлак одолеть врагов, разбить их и загнать в море, из-за которого они явились. И ушло на это не год и не два.

Труздейл война обошла стороной — по чистой случайности. Однако если по твоим землям не прошли огонь и мечом, это ещё далеко не причина горделиво расхаживать по оставшимся неразрушенными стенам крепости. Хотя бы признал, что победил на три четверти обескровленного врага!

Герта добралась до водораздела и, не замедляя шага, устремилась дальше. Ветер поработал на славу — здесь, на тропе, совсем не было снега. Девушка подумала, насколько же старая эта дорога, одно из немногих сохранившихся свидетельств того, что её соплеменники — не первые обитатели Долин. В былые времена кто-то другой проложил все здешние дороги, тропы и тракты.

Впереди уже можно было различить очертания потрепанных погодой изваяний у подножия Драконьего Крыла. За долгие годы своего существования изваяния эти так выветрились, что теперь невозможно было сказать, кого они изображают. Тем не менее вытесавшие их когда-то существа явно преследовали определённую цель. И трудились они над скульптурами, по всей видимости, довольно долго.

Добравшись до статуй, Герта рукой в рукавице провела по боку одной из них. Вовсе не потому, что подобно местным крестьянам верила, будто изваяния обладают некой чудодейственной силой. Она лишь поблагодарила их за то, что они так хорошо указывали дорогу.

Тропа пошла под уклон, и ветер стих. Опять начались сугробы. До праздника Поворота Года остаётся всего-то дважды по десять дней. А потом на смену Году Шершня придёт Год Единорога, который обещает быть более удачным.

Идти снова стало труднее. Хотя Герта как следует затянула ремни на голенищах, снег всё равно набился ей в башмаки и насквозь промочил портянки. Однако девушка упорно шагала дальше.

Дорога скрылась в зарослях вечнозелёного кустарника. В свете заходящего солнца листва его казалась тёмной, почти чёрной. Тесно переплетённые между собой ветви не дали снегу засыпать тропу. Герта по ледяному мостику перешла через бежавший по кустарнику ручей и повернула на восток — к Святилищу Гунноры.

По пути она миновала рожицу зачахших от зимних холодов деревьев. В наружной стене святилища был проход в форме арки. Герта решительно ступила под его своды.

Оказавшись во внутреннем дворе, она увидела перед собой низенькое здание. У двери, по сторонам которой на девушку по-кошачьи сонно таращились два круглых оконца, висел тяжёлый металлический колокольчик или дверной молоток — определить наверняка было трудно. Он имел форму символа Гунноры — спелый пшеничный колос, обвивающий усыпанную плодами ветвь.

Поставив копьё у стены, чтобы не мешало, Герта позвонила. Раздался не звон колокольчика, а странный глухой звук, как будто кто-то произнёс фразу на незнакомом девушке языке. Однако Герта, хотя она и была тут впервые, почему-то не испугалась.

Створки двери разошлись. За ними никого не оказалось, но Герта поняла, что её приглашают войти. Внутри дома было тепло, сладко пахло травами и цветами. Походило на то, что, сделав один только шаг, она как будто перенеслась из холодной, мёртвой зимы в полную жизни весну.

На сердце сразу полегчало. Морщины на лбу Герты разгладились, и даже спина вроде стала болеть поменьше.

Помещение освещали два фонаря. Они висели на колоннах справа и слева от входа.

Девушка стояла посреди узкого коридора. Изображённые на стенах цветы были нарисованы так искусно, что на

мгновение ей показалось, будто она очутилась в саду. Внезапно цветочный ковёр впереди зашевелился, и она поняла, что там занавесь, узор которой повторяет рисунок на стене. По-прежнему никто не спешил навстречу Герте, и она протянула руку к занавеси.

Но прежде чем девушка коснулась ткани, та отдёрнулась сама собой, и перед Гертой открылась большая комната. Она увидела стол с придвинутым к нему стулом. Некоторые из стоявших на столе блюд накрыты были крышками — наверное, для того, чтобы их содержимое не остыло. Девушка заметила ещё хрустальный бокал, наполненный какой-то зелёной жидкостью.

— Ешь... пей... — прошелестел голос.

Вздрогнув, Герта обернулась. Никого. И тут она поняла, что безумно голодна. Она бросила на пол копьё, положила рядом свой узелок, уронила с плеч плащ и опустилась на стул.

Но прежде чем начать есть, она сказала, обращаясь неизвестно к кому:

— Благодарю тебя, податель еды. Спасибо за тепло и радушие. Хозяйка этого дома, желаю тебе удачи и ясного неба поутру.

Слова повисли в воздухе.

Герта улыбнулась неожиданной мысли. Ведь это — Святилище Гунноры. Неужто Великая нуждается в благодарениях смертных?

Тем не менее девушке показалось, что она поступила верно.

Ей никто не ответил, хотя она на это рассчитывала. Переборов смущение, Герта принялась разглядывать еду. Яства, которые её пригласили отведать, были под стать праздничному столу Лорда Долины. Зелёный напиток, тёплый и с привкусом трав, освежил её. Она пила его маленькими глотками, пытаясь определить, на чём он настоен.

Перепробовав всё, что было на столе, девушка подняла крышку с самого большого из блюд. Это оказался тазик с тёплой водой, на поверхности которой плавали лепестки

цветов. Цветы среди зимы! Герта вымыла руки, вытерла их лежавшим поблизости полотенцем и откинулась на спинку стула, гадая, какие ещё чудеса уготовила ей Гуннора.

В комнате как будто стало тише. Герта пошевелилась. Разве в святилище нет жриц? Кто-то ведь приготовил еду и пригласил её к столу.

Она же пришла сюда не просто так! Она не может попусту терять время!

— Великая! — Герта встала. Девушка обращалась к пустой комнате. В дальнем конце помещения, правда, была дверь, но она оставалась закрытой.

— Великая... — повторила Герта. Она никогда не была особенно верующей, хотя соблюдала пост, приносила жертвы, чтобы был богатый урожай, держалась советов оракула Астрона, которыми тот наделял прихожан на заутрене. Когда она была совсем ещё маленькой девочкой, мачеха подарила ей яблоко Гунноры, наказав носить его как амулет. Однако вступив в брачный возраст, Герта вынуждена была положить это яблоко на домашний алтарь, ибо таков был обычай. О таинствах Гунноры она знала только то, чем делились с ней подружки, когда мужчины оставляли их одних. Гуннора покровительствовала женщинам: так что, если носишь в себе другую жизнь, поневоле станешь прислушиваться...

Опять молчание в ответ. Нетерпение сменилось иным чувством — благоговением, а быть может, и страхом. Но что Гунноре до законов, установленных людьми? Её благосклонности может искать и порядочная женщина, и самая последняя шлюха.

Внезапно и бесшумно распахнулась та, другая дверь. Ещё одно приглашение? Оставив лежать на полу под плащом копье и узелок, Герта подошла к дверному проёму. Здесь аромат цветов и трав ощущался сильнее. У резной колонны возвышалась, подобно алтарю, кровать; в голове и в ногах её стояли две жаровни, из которых клубами поднимался к потолку пахучий дымок. Резной узор на колонне был всё тот же — колосья и ветви.

— Отдыхай, — вновь прошелестел голос. Герта, которой вдруг неудержимо захотелось спать, как некоторое время назад — есть, подошла к кровати, медленно улеглась и вытянулась во всю длину своего усталого тела. У неё болела каждая косточка. Загустевший дым накрыл её точно одеялом. Она смежила веки.

Ей привиделась комната, большая часть которой тонула в полумраке. Герта ощущала присутствие других людей: они приходили и уходили, оживлённо беседуя между собой. Однако никто из них не обращал на девушку ни малейшего внимания. Потом вдруг одна из фигур приблизилась, и она увидела хорошо знакомое, хотя и немного позабытое за годы разлуки лицо.

— Эльфреда! — воскликнула она. Или подумала? Трудно сказать. Мачеха улыбнулась Герте, сложив руки в древнем приветствии.

— Голубка моя, голубка, — слова успокаивали, словно исцеляющая мазь, наложенная на сверблящую рану.

Герте вспомнились вдруг все события прошедших лет, и она не смогла удержаться от слёз. Выплакавшись, девушка почувствовала, что ей стало легче. Тень Эльфреды повлекла её за собой мимо с головой ушедших в работу людей в залитую светом келью. Там их ждали. Герта невольно опустила глаза: таким ослепительно ярким было заполнявшее комнату сияние. Она услышала вопрос и ответила на него со всей искренностью:

— Нет, я не хочу лишиться того, что ношу в себе.

И прижала руки к животу.

Сияние сделалось ещё ярче. Герта заговорила снова, отвечая уже на другой вопрос:

— У меня две просьбы. Чтобы этот ребёнок был только моим, чтобы не унаследовал ни чёрточки от того, кто овладел мной. И чтобы тому, кто не будет его отцом, пришлось ответить за свои грехи.

Довольно долго ничего не происходило. Потом вдруг из самого центра сияния вырвался луч света. Хотя Герта не была искушена в таинствах Гунноры, она поняла, что это означает.

Её первая просьба услышана. Ребёнок, который родится, будет только её ребёнком. И судьба его в надёжных руках.

Герта подождала, но продолжения не последовало. Сияние померкло — Великая ушла. Но Эльфреда осталась, и девушка повернулась к ней:

— А как же вторая просьба?

— Мсть — не для Великой, — покачала головой тень. — Она дарит жизнь, а не смерть. Ты избрана породить нового человека, и в этом она тебе поможет. Что же до остального... Нужно идти другой дорогой. Но заклинаю тебя, не ходи — ибо тьма порождает мрак.

Произнеся эти слова, Эльфреда исчезла. Герта осталась одна. И погрузилась в глубокий сон, который не нарушали никакие сновидения.

Проснувшись, она почувствовала себя отдохнувшей душой и телом, как будто, пока она спала, кто-то поставил ей пиявки, которые вытянули все болезни и напасти. Сколько прошло времени, она не знала. Уголья в жаровнях остыли, аромат цветов был едва ощутим.

Герта опустилась на колени у колонны и коснулась лбом пола в безмолвной благодарности.

Но ни целительный сон, ни предостережение Эльфреды не смогли ничего поделать с пылавшей в её груди жадой мести.

Выйдя в соседнюю комнату, Герта обнаружила, что стол опять накрыт. Она перекусила, раздумывая, куда направиться. Родичи — ни ближние, ни дальние — не дадут ей приюта. Изгнав её, Куно тем самым объявил об её позоре всему свету.

В пояс девушки было зашито несколько бриллиантов, отнюдь не чистой воды, да горстка монет. Она умеет читать, различать травы, готовить мази, вышивать — но кому всё это надо?

Герта расстроилась, но лишь чуть-чуть. С самого момента пробуждения девушка ощущала в своём сердце тихую радость и странную уверенность, что всё будет в

порядке. Она решила заглядывать в будущее не далее, чем на день.

Если идти прежней дорогой, то вскоре доберёшься до двух крепостей. Сначала Нордендейл, маленькое поселение, скорее всего пришедшее в упадок. Его правитель погиб в битве у Милосердного перевала вместе с сыном-наследником два года назад. И кто там теперь заправляет — неизвестно. Быть может, крепость вообще заброшена. А дальше — Гриммердейл.

Гриммердейл! Герта поставила на стол пустой стакан. Гриммердейл...

Гриммердейл был местом не менее таинственным, чем Святилище Гунноры. И если верить ходившим про него слухам, куда более опасным. Быть может, горная тропа, древностью не уступавшая той крепости, изначально вела именно туда.

Герта стала вспоминать, что ей известно о Гриммердейле. Там, где-то высоко в горах, есть Жабий Круг. Люди поднимаются туда, чтобы попросить об исполнении своих желаний. По слухам, все просьбы выполняются. Что там говорила Эльфреда? У Гунноры требовать смерти бесполезно, надо избрать другой путь. Быть может, разгадка её непонятной фразы — Гриммердейл?

Герта с вызовом огляделась — не почувствует ли она осуждение в самой атмосфере комнаты. Но ничего подобного не случилось.

— Благодарю за еду, — произнесла она, как полагалось по обычаю, — благословляю приют и, выходя в дорогу, желаю только добра.

Скрепив плащ застёжкой у горла, она накинула на голову капюшон. И, держа в одной руке узелок, а другой сжимая копье, вышла на солнечный свет. Взгляд её устремлён был на далёкие горы — за ними лежал Гриммердейл.

К полудню она добралась до окружавших Нордендейл утёсов и задержалась, чтобы получше разглядеть крохотное поселение внизу. Оно было обитаемым: из труб поднимался дым, на снегу виднелись следы полозьев и

ямки, оставленные ногами людей. Сама же крепость выглядела заброшенной и не подавала признаков жизни.

Сколько ещё осталось пути до Гриммердейла, Герта не знала, а зимой темнеет быстро. Один из домиков внизу был побольше других. Некогда Нордендейл постоянно служил привалом пастухам, перевозившим тюки с овечьей шерстью на рынок в Комм Хай. Конечно, какой там нынче рынок, однако постоянный двор, быть может, ещё существует и ей не откажут в приюте.

Дорогу вниз развезло, и Герта совсем запыхалась, пока добралась до замеченного с горы дома. Она не ошиблась: над дверью была прибита поблекшая от времени вывеска, которая извещала, что здесь находится постоянный двор. Навстречу девушке попались двое мужчин. Они так уставились на неё, словно она была не она, а какой-нибудь дракон. Видно, чужаки редко заглядывали теперь в Нордендейл.

Едва Герта открыла дверь, в нос ей ударил запах пищи, крепкого деревенского эля и пота многих человеческих тел, долго пребывавших в непроветриваемом помещении.

В одном конце комнаты располагался камин, такой огромный, что в него легко поместилось бы приличных размеров бревно; в нём жарко пылал огонь.

Обстановка была небогатой: большой стол с лавками посреди залы да столик поменьше, заставленный посудой, у камина. Служанка в засаленном платье и двое сидевших возле камина мужчин воззрились на Герту, не пытаясь скрыть изумления.

Девушка откинула капюшон и, преисполненная веры в себя, улыбнулась им:

— Счастья вашему дому.

Какое-то время они молчали. Видно, их так ошеломило её появление, что они утратили дар речи. Потом служанка, вытерев руки об и без того уже жирный фартук, сделала шаг вперёд.

— И вам того же... — она помолчала, оценивая материал, из которого был сшит плащ Герты, и её манеру

держаться, — ...госпожа. Чем мы можем услужить вам?

— Мне нужна еда и постель — если она здесь есть.

— Еду-то мы найдём, но простую и грубую, госпожа, — пробормотала служанка. — Подождите, я позову хозяйку.

Она выбежала из зала, захлопнув за собой дверь с такой поспешностью, будто опасалась, что Герта пойдёт следом.

Но девушка, отложив копье и узелок, расстегнула плащ и подошла к камину. Зубами она стянула с замёрзших рук рукавицы. Сидевшие на лавке мужчины молча подвинулись. Взгляды их по-прежнему выражали изумление.

А ведь Герта считала, что одета просто. Её юбка-брюки для верховой езды, чуть укороченные, чтобы удобнее было карабкаться по холмам, уже изрядно пообтрепались. Шитьё на куртке было ничуть не пышнее, чем у какой-нибудь крестьянской дочки. Туго стянутые в пучок волосы перехватывала самая обыкновенная шёлковой ленточка. Однако судя по тому, как разглядывали её эти двое, им платье Герты представлялось праздничным нарядом.

Девушка попыталась принять безразличный вид.

В залу влетела дородная женщина. Чепец, шаль на покатых плечах, юбка немногим чище служанкиной.

— Милости просим, госпожа! Милости просим! Хенкин, Фим, а ну-ка вставайте! Пустите госпожу к огню!

Мужчины торопливо вскочили.

— Малка сказала, что вы нуждаетесь в ночлеге. Мы рады будем служить вам.

— Благодарю.

— Ваш муж, он снаружи? У нас есть конюшня...

Герта покачала головой.

— Я одна и пришла пешком.

Заметив выражение лица хозяйки, она прибавила:

— В такое время нужно покорно принимать дары Судьбы.

— Увы, госпожа, как это верно! Садитесь же! — женщина собственной шалью смахнула с лавки пыль.

Комната, которую ей выделили, похоже, довольно долго пустовала. Лёжа на подогретом у камина белье, понимая,

что лучшего ей никто здесь не предложит, Герта размышляла над тем, что ей удалось узнать у хозяйки.

Нордендейл и в самом деле пришёл в упадок. Вместе с правителем и его сыном погибло много достойных людей. Те, кто уцелел и вернулся, не способны были возродить некогда процветавшее поселение. Дорогой, по которой она пришла, пользуются теперь редко: если уж на то пошло, никто чужой здесь не появлялся с начала зимы. На востоке и на юге дела вроде бы обстоят получше, и потому словам Герты, что она, мол, идёт к живущим там родичам, довольно легко поверили.

Кое-что удалось выведать и о Гриммердейле. Там тоже имелся постоянный двор, побольше здешнего. Когда хозяйка упомянула про это, глаза её завистливо блеснули. Мимо тамошнего постоянного двора проходит с запада на восток дорога, по которой ныне возвращались домой рекруты. А жена хозяина тамошнего двора, ревнивая по натуре, выгнала из дома всех служанок.

Расспрашивать про Жаб Герта не рискнула, да и хозяйка мимоходом заметила, что дальше Гриммердейла по Старой Дороге лучше не ходить. А если уж так приспичило, куда спокойнее выйти на тракт и продолжать путь по нему, хотя там тоже не всё гладко и разбойники прячутся чуть ли не за каждым кустом.

Как ей поступить, Герта ещё не знала, но готова была ждать сколько надо, чтобы решение созрело.

2

Потолок в зале трактира был низким: посетители почти касались головами поперечных балок. С них свешивались масляные лампы. Света от ламп было чуть, а коптили они нещадно. В дальнем конце комнаты резная перегородка скрывала за собой стол, на котором горели сальные свечи. Смерд от них мешался со множеством других малоприятных запахов.

Народу в зале сидело достаточно для того, чтобы у

Улетки Рори развязался язык. Стоя у освещённого свечами стола и выказывая тем самым особое почтение гостям — о, уж благородную-то кровь она распознает с первого взгляда, будьте покойны, — хозяйка успевала ещё следить за двумя половыми, которые носились от стола к столу.

Однако Улетка обманулась, хотя и перевидала на своём веку немало путников. Да, конечно, один из троих — младший сын здешнего правителя. Но кровавая буря уничтожила его фамильную крепость, и в Корридейле не осталось никого, кем бы он мог править. Другой — прежде служил командиром лучников в дружине какого-то там князя, вернее, был назначен на это место после того, как погибли трое его предшественников, куда лучше справлявшихся со своими обязанностями. А с третьим — вообще непонятно. Он мало говорил, предпочитая отмалчиваться, и собутыльники его не могли сказать, откуда он взялся.

Возрастом он был где-то между своими товарищами. По крайней мере так хозяйке показалось сначала, но потом она засомневалась, поскольку он принадлежал к числу тех худощавых, жилистых мужчин, которых, начини они отпускать бороду, легко принять и за юношу, и за человека средних лет. Правда, бороды у него не было — подбородок и щёки такие гладкие, словно он побрился лишь час назад. Нижнюю челюсть, самую чуточку захватывая уголок рта, пересекал шрам.

Волосы его были острижены короче, чем полагалось по моде, — быть может, для того, чтобы удобнее было надевать тяжёлый шлем, который лежал сейчас на столе по правую руку от рыцаря. Вид у шлема был достаточно потрёпанный; гребень, некогда украшавший его сверху, снесённый мощным ударом, превратился в металлический обрубок.

Однако кольчуга, которая виднелась из-под поношенного плаща, прорех как будто не имела. Вложенный в ножны у пояса меч с простой рукоятью, прислоненный к стене боевой лук — всё говорило о том, что человек этот сделал войну своим ремеслом. Но если он и был наёмни-

ком, то явно не из тех, кому на войне повезло. Намётанный глаз хозяйки не заметил ни драгоценных запонок, ни искусной работы пряжек — вещей, которыми такие, как он, обычно расплачивались за ночлег. Однако когда рыцарь протянул руку, чтобы взять стакан, на запястье его сверкнул вдруг браслет — широкая полоска золота, усеянная драгоценными камнями и украшенная такой затейливой резьбой, что разобраться в её хитросплетениях с первого взгляда было попросту невозможно.

Он сидел, прикрыв глаза, словно погружённый в размышления. Но на самом деле внимательно прислушивался — не столько к полупьяной болтовне товарищей, сколько к возникавшим тут и там в зале разговорам.

В трактире этим вечером собрались обычные посетители: крестьяне, пришедшие посидеть за кружкой домашнего ячменного пива и поболтать с соседями, бродячие вояки, потерявшие службу из-за того, что их князья погибли или разорились настолько, что не в состоянии были содержать наёмные дружины... Война закончилась победой, но земля лежала выжженная, бесплодная. Потребуется немало времени и усилий, чтобы возродить Верхний Халлак.

То, что прибывшие из-за морей захватчики не успели утащить к себе на корабли, они уничтожили, когда стало ясно, что дело оборачивается против них.

Вместе с другими ратниками он оказался тогда в ещё дымящемся порту, чтобы преградить дорогу тем из врагов, кто не успел вернуться на корабли и остался на прибрежном песке: с одной стороны — угрюмое море, а с другой — люди из Долин.

Порт дымился: горели облитые маслом и подожжённые запасы провианта. Вонь стояла такая, что даже воины порой теряли сознание. Опустошив страну, враги устроили этот пожар, чтобы вызвать всеобщий голод, — дело ведь происходило посреди зимы. От лета жителей Долин отделяла долгая череда холодных дней, да и лето — не спасение: придётся дожидаться урожая. Если он будет, этот урожай, если найдётся достаточно зерна для сева, если в горных

долинах сохранились овечьи отары, если стада одичавшего скота смогут найти себе пропитание на границах Пустыни и снова начнут размножаться.

Многие долины совершенно обезлюдели. Мужчины погибли в боях; женщины, если повезло, бежали в глубь страны, иногда попадали в рабство к захватчикам — или тоже погибли. Быть может, погибшим повезло больше всех. Да, дела-делишки...

Он поставил стакан на стол. Другая его рука легла на рукоять меча, пальцы крепко сжались. Однако взгляд рыцаря был устремлён на перегородку.

В такое вот время человек, не обделённый умом и достаточно смелый, может начать новую жизнь. Именно эта мысль погнала его сюда, заставила отказаться от службы у Фритигена из Саммерсдейла. К чему командовать лучниками, когда можно добиться большего, гораздо большего?

До Гриммердейла захватчики не добрались, зато дальше лежат края, которые подобная удача обошла стороной. Он намеревался отыскать один из них — такой, где вряд ли объявится соперник. А если там обнаружится княгиня, которая не покинула родовую крепость, — что ж, тем лучше. Он облизнул нижнюю губу, словно в предвкушении особенно вкусного блюда. Он не особенно верил всем этим рассказам насчёт удачи или невезения. Он считал, что человек сам творит свою судьбу, зная, чего хочет, и не сворачивая ни на шаг с намеченного пути.

Однако сейчас он не мог отделаться от мысли, что если желает исполнения своей мальчишеской мечты, то должен действовать и пошустрее.

Он, Тристан ниоткуда, в конце концов станет Лордом Тристаном, правителем какой-нибудь не особенно захудалой долины. А чтобы так случилось, надо действовать — и немедленно.

— Наливай! — молодой Урре, сидевший рядом с Тристаном, с такой силой ударил пустой кружкой по столу, что одна из свечей покачнулась, брызнув вокруг каплями

горячего жира. Выбравшись, Урре швырнул кружку через перегородку, и она со звоном запрыгала по каменному полу общей залы.

Хромой служка наклонился и подобрал её, бросив испуганный взгляд на Урре и на хмурую хозяйку, которая уже спешила к знатым посетителям с подносом; на подносе в такт её шагам позвякивали полные кружки. Тристан отодвинулся от стола. Всё — как обычно, как бывало уже не раз. Урре напьётся вдрызг, и его развезёт, причём не столько от этого пойла, которое здесь, в горах, именуют вином, сколько от жалости к самому себе. Он начнёт сокрушаться о том, что потерял, и ему вовсе не приходит в голову, что он мог бы кое-что и приобрести.

Онсвэй будет внимательно прислушиваться к его бормотанию, разыгрывая из себя вассала. Но как только у Урре кончатся деньги и его родственные связи перестанут доставлять им пропитание и крышу над головой, Онсвэй тут же сбежит.

Пожалуй, пришла пора им расстаться, подумал Тристан. Толку от них никакого, да и попутчики они не из приятных.

Но трактир покидать ещё рановато. Ведь постоянный двор этот расположен на большой дороге, и даже дня, проведённого тут в безделье, хватит, чтобы разжиться полезными сведениями. Кроме того, он уже присмотрел себе двоих товарищей на будущее.

Кошелёк у него не такой пухлый, чтобы можно было повертеть золотой монетой перед носом лучника или копейщика и предложить им службу. Потому нужно искать людей наподобие его самого — перекаати-поле, готовых поймать удачу за хвост, способных оценить преимущества службы у человека, который жаждет возвыситься.

Чтобы покорить оставшихся без хозяина крестьян, вовсе не обязательно иметь под началом армию. Долине без правителя достаточно с полдюжины опытных, хорошо вооружённых бойцов — и дело в шляпе.

Его обуяло радостное волнение, как случалось всякий раз, когда он доходил до этого места в своих мысленных

рассуждениях. Но он давно научился не выказывать открыто чувств, чем резко отличался от большинства товарищей-наёмников, хотя всячески старался затушевать разницу. Он вовсе не был святым, он грабил, распутничал, убивал — но знал меру.

— Пойду спать, — он поднялся и взял лук. — Дорога была долгая...

Урре его скорее всего не услышал; внимание юноши целиком поглотил приближающийся поднос с кружками. Он свэй с отсутствующим видом кивнул — он, как обычно, во все глаза следил за Урре. Однако хозяйка отреагировала немедленно:

— Спать, достойный господин? С вас три монеты. Камин в комнате разжечь?

— Да.

Хозяйка кликнула служку. Тот подковылял к Тристану, вытирая грязные руки о чёрные от копоти лохмотья фартука, обязанного вокруг талии.

Если помещения в нижнем этаже трактира были довольно просторными, то наверху картина была совершенно иной. Комната, в которую служка привёл Тристана, походила скорее на конуру; единственное окошко закрывал ставень, удерживаемый тяжёлым засовом. На полу валялись сухие стебли тростника. Прямо на них стояла грубо сколоченная кровать с грудой наваленных постельных принадлежностей. Обещанный камин начисто отсутствовал. Комнатку кое-как обогревала жаровня на ножках, в которой тлело несколько угольков. Стулом возле кривобочного сундука явно пользовались в качестве стола. Служка поставил на него свечу и хотел было уйти, но разглядевший окно Тристан окликнул его.

— Эй, приятель, в какой осаде вы тут отсиживались? Посмотри, как заржавел засов!

Мальчишка прижался к дверному косяку. У него отвисла челюсть. Выглядит как полоумный, усмехнулся про себя Тристан. Но во взгляде служки, устремлённом на окно, было не только слабоумие — в нём отчётливо читался страх.

— Ж-ж-ж-а... жабы, — еле выговорил он. Подняв ладони на уровень груди, он так стиснул пальцы, что костяшки побелели

Тристану доводилось слышать разные прозвища врагов, но вот жабами их ещё никто не называл; и потом, насколько ему известно, до Гриммердейла они не добирались.

— Жабы? — переспросил он.

Мальчишка повернул голову так, чтобы не глядеть ни в окно, ни на Тристана. Он явно замышлял бегство. Мужчины лёгкими, бесшумными шагами пересёк узенькую комнатку и взял служку за плечо.

— Что за жабы такие? — тряхнул он парня.

— Жабы... те самые... — мальчишка, видно, думал, что Тристан понимает, о чём речь. — Они... они сидят посреди Стоячих Камней... те, что приносят зло людям...

Помолчав, служка вдруг выплюнул:

— Все знают про Жаб из Гриммердейла!

И внезапным движением, доказывавшим, что убегать ему не впервой, он вырвался и исчез за дверью. Мужчина не стал его преследовать.

Блики единственной свечи играли на его нахмуренном лице. Жабы, Гриммердейл — что-то смутно знакомое. Надо порыться в памяти. Что ему известно о жабах и о Гриммердейле?

Через долину эту ведёт один из торговых путей. Раньше им пользовались лишь пастухи, перегоняющие скот, но когда на южной, главной дороге в порт появились вражеские патрули, про этот тракт вспомнили и купцы. Три тропы с нагорий встречались у южной горловины Гриммердейла и сливались в одну дорогу.

Постой-ка... Однажды ведь ему довелось услышать о четвёртой тропе, которая вела напрямик через горы и которой почему-то остерегались. Тропа была очень древняя, проложенная ещё в незапамятные времена. Ну да...

Тристан кивнул словно в подтверждение собственных мыслей.

Жабы Гриммердейла! Одно из многих преданий о тех,

кто прежде населял Долины, о существах, которые в большинстве своём вымерли задолго до того, как у берегов страны бросили якорь первые корабли с поселенцами.

Однако в некоторых местах Долин ещё сохранилось былое колдовство, а отдельные безумцы среди людей — ибо только безумный может осмелиться на такое — рисковали призывать к себе этих демонов из прошлого. Даже лорды Верхнего Халлака вынуждены были сделать однажды подобный шаг: ведь если бы они не заключили торжественный договор со Всадниками-Оборотнями, вряд ли людям удалось бы одолеть вторгшихся из-за моря врагов.

Некоторые из тех демонов благоволили к людям, другие — держались от них в стороне, а вот третьи — замыслили зло. Не то, чтобы они преследовали людей, нападали на них и не давали житья, нет. Просто тот, кто отваживался зайти в их собственные места, рисковал очень и очень многим.

К числу таких мест относились и Стоячие Камни Жаб Гриммердейла. По слухам, Жабы охотно соглашались выполнять людские просьбы, но зачастую совсем не так, как того хочется просителю.

Многие годы люди избегали появляться у Стоячих Камней.

Да, но зачем всё-таки засов на окне? Может, ныне Жабы (да и жабы ли они на самом деле?) не сидят на месте, как уверяет предание, а шныряют по всей долине? И потому люди запираются на все замки? Но какая жаба допрыгнет до окна на втором этаже?

Побуждаемый непонятным ему самому любопытством, Тристан обнажил нож и потыкал им крепления. Слой ржавчины был очень толстым: окно явно не открывалось на протяжении многих лет. Тристан начал злиться. Наконец его упорство было вознаграждено: засов поддался.

Справившись с засовом, он вынужден был ещё какое-то время провозиться со ставнем, который словно прирос к окну. В конце концов, просунув в щель меч, Тристан

отодрал деревянный шит. Холод ночи проник в комнату. Только сейчас Тристан понял, каким спёртым был воздух в помещениях трактира.

Он выглянул наружу: снег, тёмная кучка деревьев, уходящие вверх склоны холмов. Между постоянным двором и подножием холмов не было больше ни единого здания. Густая, припорошенная снегом растительность говорила о том, что землю здесь никто не обрабатывает. Деревья были невысокими — скорее кусты, чем деревья; и Тристану они не понравились.

Богатый военный опять подсказывал ему, что кустарник этот представляет собой угрозу. Воспользовавшись им как прикрытием, враг мог бы подобраться к трактиру на расстояние броска копья, и никто бы его не заметил. Быть может, у них в Гриммердейле такого никогда не случалось, и потому они не выжили подозрительные кусты.

Склоны холмов были довольно пологими, и на них растительности было гораздо меньше. Хоть так, подумал Тристан, и то хлеб.

Дальше лежал снег, очень белый и гладкий. За ним проступали в темноте обломки скал. Опытный глаз Тристана сразу отметил, что это не естественные образования, а творения чьих-то рук.

Они вовсе не походили на единую стену. Нет, между ними виднелись широкие проёмы, как будто они служили столбами для некой изгороди. Но уж слишком были массивными.

Подобных каменных рядов Тристан насчитал пять, и если в первом ряду камни стояли друг от друга на довольно большом расстоянии, то дальше эти промежутки постепенно уменьшались. Тристан отметил две вещи. Во-первых, даже очень яркой луне не под силу так осветить камни. Значит, то ли они сами светятся, то ли земля вокруг них. А во-вторых, снежное покрывало внезапно и резко обрывалось у первого ряда камней. И потом, камни укутывала лёгкая дымка, словно укрывая их от любопытных взглядов.

Тристан моргнул, потёр глаза рукой, снова поглядел на

камни. Дымка стала более отчётливой. И чем дольше он смотрел на неё, тем плотнее она ему казалась.

Вот так Гриммердейл! Значит, он — одно из тех мест, где по-прежнему обитают древние силы. Наверняка именно эти камушки — убежище или логово «Жаб». Теперь Тристан понял, почему было закрыто на засов окно. Он установил на место ставень, но, как ни старался, не смог заново приладить засов.

Солдат неторопливо снял с себя кольчугу и другую одежду и положил её на сундук. Расстелил на кровати выделанную шкуру какого-то животного, потом принялся разбирать постель. К его удивлению, грубые простыни и два лоскутных одеяла оказались чистыми. От них даже исходил слабый аромат трав (теперь, когда свежий воздух очистил его лёгкие, он мог различать запахи).

Он вытянулся на постели, натянул одеяла на уши — и почти мгновенно заснул.

Разбудил его стук в дверь. Спросонья он хмуро уставился на покрытые паутиной стропила. Что ему такое снилось? В душе его гнездилась смутная тревога, ощущение того, что он упустил нечто весьма важное. Помотав головой, чтобы отогнать эти неприятные мысли, он встал, прошлёпал к двери, открыл её и впустил в комнату старшего слугу, худого как скелет парня с угрюмой физиономией, менее, впрочем, грязного, чем вчерашний мальчишка. В руках слуга держал накрытый котелок. Поставив его на сундук, он произнёс:

— Вода для мытья, господин. На завтрак каша со свиной и эль.

— Ладно, — Тристан приподнял крышку с котелка. Повалил пар. На горячую воду он совсем не рассчитывал, а потому решил, что её появление — залог удачного дня.

Общая зала была почти пустой. Хромой мальчишка протирает столы, при этом щедро поливая водой пол. Хозяйка, растопырив локти точно крылья и выставив вперёд острый подбородок с двумя волосатыми бородавками, разговаривала о чём-то с другой женщиной. Та была в

плаще, но откинутый капюшон позволил Тристану увидеть её лицо, лишённое какой бы то ни было привлекательности, испещрённое коричневыми пятнами. Однако плащ женщины был из добротного материала, какой не по карману обычной деревенской девчонке. В одной руке она держала узелок, в другой — охотничье копьё с коротким древком, конец его был весь в царапинах, словно им чаще пользовались как посохом, нежели как оружием.

— Ну что же, девушка, пожалуй, я возьму тебя. Но учти, денег не получишь, только еду да одежду.

Хозяйка метнула быстрый взгляд на Тристана и снова повернулась к девушке.

«А она молода, — подумал Тристан. — Но клянусь Волком-Оборотнем, при взгляде на неё сразу хочется убежать куда подальше!»

— Клади свои пожитки вон на ту полку, — махнула рукой хозяйка. — И принимайся за работу, коли ты и вправду того хочешь.

Не дожидаясь, пока девушка выполнит её приказание, она поспешила к столу, за который уселся Тристан.

— Отведайте кашки, господин. С кусочком свиной щеки, со свежим элем...

Он кивнул. Поза его в точности напоминала ту, в какой он сидел тут накануне вечером. Пальцы его поглаживали браслет с затейливой резьбой, глаза были полуприкрыты, словно он ещё досыпал.

Хозяйка удалилась.

Открыть глаза Тристана заставил стук поставленного на стол подноса. Его принесла та самая девушка. Она сняла плащ, под которым оказалась юбка в складку с тесным корсажем. Да, он был прав, одежда у неё не крестьянская. Пускай юбка была укорочена так, что из-под неё теперь видны стоптанные башмаки, из которых торчит солома, но эта юбка для верховой езды. Сама девчонка худющая, но фигурка у неё ладненькая. Поневоле призадумался,

почему при такой фигуре Судьба наградила её столь ужасным лицом. И зачем ей копъё? Стоит ей только открыть своё лицо, никто на неё польстится, и она будет ничуть не в меньшей безопасности, чем статуя Гунноры, которую крестьяне носят по полям в начале сева.

— Ваша еда, господин.

А она будет половчее хозяйки. Вон как проворно поставила перед ним тарелку с кашей и кружку.

— Благодарю, — услышал Тристан собственный голос и удивился: с чего бы это он ведёт себя так, словно перед ним благородная дама?

Он потянулся за стаканом — и увидел, как широко раскрылись глаза девушки, когда она заметила его браслет. И ему показалось, что во взгляде её скользнуло нечто большее, нежели простое любопытство. Но она совладала с собой, повернулась и пошла прочь от стола, опустив глаза долу, как и полагается прислуге.

— Ещё чего-нибудь принести, господин? — спросила она вроде бы равнодушно. Но голос предал её. Подобный акцент мог быть у девушки только из одной крепости.

Сейчас в долинах много случается всяких раздоров. Какое ему дело до того, что девчонку-замарашку выгнали из дома, отправили бродить по свету в поисках пропитания и крова? С таким лицом ей ни за что не найти себе мужчину — разве что слепой польстится на неё.

— Нет, — отозвался он. И она ушла лёгким беззвучным шагом лесного охотника; в движениях её чувствовалось изящество того, кто сиживал за высокими столами по праву крови.

Ничего, к концу будущего года он тоже сядет за господский стол. Тристан был в этом так уверен, словно заручился клятвой одного из Властелинов Сил. Но своего он добьётся собственными руками и умом, и потому возвысится над теми, у кого за душой — только право крови. Девица катится по наклонной, а он пойдёт в гору!

Встреча в трактире с бывшей благородной только придала Тристану решимости.

После Нордендейла, как убедилась Герта, дорога стала ещё хуже. Местами её разрушили оползни, и потому приходилось перебираться через ямы. Однако девушка продолжала идти, уверенная, что только эта дорога приведёт её к желанной цели.

Карабкаясь по камням, съезжая в овраги, отваживаясь порой на прыжки и используя копьё как шест, она думала о том, что ждёт её впереди. Разыскивая Гуннору, Герта знала, что соплеменники поймут её. Но что касается святилища Жаб — такой уверенности у неё не было.

На шее девушки висел небольшой мешочек с зерном и сушёными травами, талисман Гунноры для домашнего очага. Второй такой же был зашит в подол юбки. А среди соломы, торчавшей из башмаков, были стебельки других растений — из тех, что защищают путника. Прежде чем отправиться в дорогу, Герта основательно приготовилась.

Но вот помогут ли амулеты против чужеродного, не людского колдовства? У всякого народа своё собственное волшебство. Прежние — не люди, и потому их верования и обычаи могут быть совсем иными. Не подвергает ли она себя великой опасности?

Когда она доходила в размышлениях до этого места, ей постоянно вспоминалось одно событие. И воспоминание рвало душу, точно шпора — конский бок. Ведь именно Куно предложил ей тогда совершить поездку в аббатство, в Летендейл. Да, Куно предложил это сам и, быть может, именно поэтому впоследствии отвернулся от сестры, ощущая долю своей вины в случившемся.

Герта отчётливо, до мельчайших подробностей, помнила это путешествие в Летендейл. Она вовсе не хотела забывать этого, ибо иначе она может лишиться ярости, той ярости, которая придаёт ей мужества. Сопровождал её небольшой отряд ратников, поскольку Куно был уверен, что врагов опасаться нечего. Как оказалось потом, опасаться нужно было отнюдь не врагов.

Откуда ни возьмись дождём посыпались стрелы. В ушах

девушки до сих пор стоял хрип молодого Джаннеска: стрела пронзила ему горло, и он мешком рухнул на землю. Нападающих не было видно, а весь её отряд перебили буквально за несколько секунд. Она пришпорила жеребца — и он на полном скаку влетел в расставленную на дороге сеть. Она перелетела через голову коня...

Очнулась Герта в темноте. Руки у неё были связаны. Прямо перед ней, на полянке между скал, горел костёр. У костра, разрывая зубами полупрожаренное мясо, сидели несколько мужчин. Эти были из числа врагов. Она похолодела, поняв вдруг, что они с ней сделают, когда удовлетворят одно желание...

Поев, мужчины подошли к ней. Герта принялась отбиваться связанными руками. Они захохотали, начали швырять её туда-сюда, тискать, срывать с неё одежду. Однако для последнего оскорбления, последнего унижения им не хватило времени. Нет, насилие над ней совершил другой — КТО-ТО ИЗ ЕЕ СОПЛЕМЕННИКОВ!

Мысль эта согрела Герту и придала ей сил, что было очень кстати, поскольку солнце уже скрылось за склоном и поднялся холодный ветер.

Те, кто издевался над ней, тоже погибли, пали под ударами меча или сражённые копьём. А находившаяся в полубморочном состоянии девушка вдруг ощутила на себе тяжёлое тело; крепкие, сильные руки не давали ей шевельнуться.

Она не видела лица насильника, зато разглядела (и картина эта осталась в памяти, словно выжженная огнём) браслет на запястье, когда рука мужчины надавила ей на горло, чтобы лишить сознания.

Придя в себя, она обнаружила, что осталась одна. Кто-то набросил на неё плащ. Неподалёку стояла лошадь. И кругом на снегу валялись трупы. Герта никак не могла понять, почему её не убили тоже. Быть может, насильнику помешали его товарищи? Как бы то ни было, в первый момент она решила остаться тут, пока не замерзнёт. Но потом в девушке взыграла кровь предков и заставила её

подняться с земли. Где-то в Долинах живёт человек, который сначала спас её, а потом похитил то, что может быть отдано лишь по доброй воле. Ей надо выжить — хотя бы для того, чтобы погубить этого человека.

Потом, поняв, что носит под сердцем новую жизнь, Герта испытала ещё одно искушение — поступить так, как ей настойчиво советовали, избавиться от плода. Но не осмелилась. Пускай ребёнок зачат не по-доброму, но частью он принадлежит ей. Затем она вспомнила про Гуннору и про то, что волшебство может помочь. Именно поэтому удалось ей не поддаться Куно, не испугаться его животной ярости.

Она жила двумя мыслями, она цеплялась за них с упорством отчаяния: ребёнок, которого она носит, должен принадлежать ей одной, а тот, кто никогда не станет его отцом, должен получить своё. И вот теперь, когда Гуннора дала ей первое, она идёт за вторым.

Наступила ночь. Герта выбрала местечко среди камней, где можно было укрыться от ветра, и зарылась в сухие листья. Должно быть, она заснула, ибо открыв глаза, недоумённо огляделась, не понимая, где находится. А потом ощутила то, что её пробудило. Сам воздух вокруг был каким-то не таким, в нём чувствовалось напряжение.

Герта встала и, опираясь на копьё, вышла на дорогу. В лунном свете перед собой она увидела гладкий, нетронутый снег. За спиной чернели ямки её собственных следов. Девушка двинулась на огонёк.

Вдалеке что-то слабо светилось, причем это явно был не костёр и не факел. А вдруг это — конец её исканий?

Старая Дорога сузилась, с неё исчезли всякие препятствия. Потыкав снег перед собой — нет ли под ним трещин, — Герта устремилась на огонёк.

Внезапно из темноты поднялись высокие тени: длинными рядами поперёк дороги выстроились камни. Между камнями внешних рядов зияли широкие проходы, тогда как камни внутренних рядов стояли очень близко друг от друга. Дорога уводила в один из проходов.

На верхушке каждого из камней покоился маленький конус света, как будто это были не скалы, а гигантские свечи. Свет их был холодным, голубым вместо оранжево-красного, какой бывает у настоящих свечей.

Луна куда-то пропала, хотя Герта вовсе не была уверена, что вошла под крышу или под навес.

Она миновала три ряда камней, затем ещё четыре, и с каждым рядом промежутки становились всё уже, так что седьмой ряд представлял собой сплошную стену. В стене были ворота, и к ним бежала дорога, превратившаяся теперь в тропинку.

Герте почудилось, будто её влечёт невидимая или непреодолимая сила. Ноги её словно приклеились к тропинке, и это не она шла, а тропинка перемещалась вместе с ней.

Миновав последнюю стену, девушка очутилась на огороженной со всех сторон скалами площадке. Посреди площадки виднелось нечто вроде каменной изгороди, в каждом из углов которой на уровне земли горел огонёк. Герта остановилась; она не могла ни идти дальше, ни вернуться назад.

За изгородью возвышалось пять зелёных валунов. Они посверкивали в колдовском свете, точно громадные бриллианты. Верхушки валунов были плоскими, и на них сидели те, кто поджидал Герту.

Кого она надеялась встретить, Герта сама не знала. Но существа, представшие перед ней, были настолько чужеродными для человека, что она ничуть не испугалась, а только безмерно удивилась: как в том мире, где обитают люди, могут существовать этакие твари. Теперь-то она поняла, почему молва окрестила их жабами, — это было самое близкое сравнение, доступное человеческому уму.

Они сидели, нахохлившись, на валунах, опираясь на поверхность камней всеми четырьмя лапами. От жаб в них было одно название. Округлое брюшко, по сравнению с которым четыре ноги кажутся слишком худыми и тонкими. Шея начисто отсутствует, и голова переходит прямо в

узкие плечи. Сама голова — массивная, с большими золотистыми глазами, расположенными высоко на лишённом волос черепе. Щёлочка вместо носа; крупный рот над почти незаметным подбородком.

«Привет тебе, ищущая...»

Слова эти прозвучали у Герты в голове. Которое из существ к ней обратилось, девушка не поняла.

Она дошла до цели — и растеряла по дороге все слова; её несказанно смутил и поразил вид тех, кого она искала. Но, видимо, ответа от неё и не требовалось; беззвучный разговор продолжался:

«Ты пришла к нам за помощью. Чего ты хочешь, дочь людская, — избавиться от того, что тяготит твоё тело?»

Услышав такие слова, Герта обрела дар речи.

— Нет. Пускай семя вошло в меня не по закону, а через насилие и муку, я решила сохранить его. Я рожу ребёнка, который будет только моим, ибо так обещала мне Гуннора.

«Тогда зачем ты пришла сюда?»

— За мстью! За мстью тому, кто совершил налo мной насилие!

«Но почему ты, дочь людская, думаешь, будто ты и твои беды значат что-либо для нас, для тех, кто останется тут, даже если люди уйдут? Что нам до тебя?»

— Не знаю. Я поверила легендам и потому пришла.

Она испытала странное ощущение: впечатление было такое, что кто-то мысленно рассмеялся. Они развеселились; осознав это, Герта утратила часть своей решимости.

Снова то же ощущение, а потом — чувство свободы, словно чужак покинул её мозг, чтобы переговорить со своими. Герта убежала бы, если б могла. Ей стало страшно, так страшно, как не бывало ни разу с того ужасного дня в Летендейле.

«Кому ты хочешь отомстить, дочь людская? Как его зовут, где он проводит нынешнюю ночь?»

Она ответила искренне:

— Ничего не знаю. Я не разглядела его лица. Однако...

Она забыла про страх.

— Однако я помню одну вещь, которая поможет мне узнать его. Быть может, он тут, в Гриммердейле, ведь сейчас, когда закончилась война, много людей ходит по этой дороге.

Снова чувство свободы. И новый вопрос:

«Тебе известно, что мы помогаем за плату? Что у тебя есть предложить нам, дочь людская?»

Герта вздрогнула — она никогда не задумывалась, что будет после того, как она выскажет свою просьбу. Неужели она была такой глупой? Разумеется, придётся платить. Руки её сами собой бросили узелок и легли на живот, словно оберегая дитя.

Опять веселье.

«Не бойся, дочь людская. Эта жизнь обещана тебе Гуннорой, и нам она не нужна. Но твоя месть послужит и нам. Мы исполним твоё желание, но завершим его мы посвоему. Согласна?»

— Да, — ответила девушка, не совсем, впрочем, понимая.

«Смотри же — туда!»

Одно из существ приподняло ногу и указало куда-то ей за плечо. Герта обернулась. На поверхности валуна сверкало небольшое пятнышко. Она протянула руку, и от прикосновения человеческого тела из валуна вывалился маленький камешек и лёг в ладонь Герты.

«Возьми его, дочь людская. Когда найдёшь того, кого ищешь, положи камень в его постель перед тем, как он отправится спать. Тогда свершится возмездие — здесь! А чтобы ты не забыла и не передумала, мы дадим тебе с собой напоминание; ты увидишь его всякий раз, посмотревшись в зеркало».

Существо указало ногой на Герту. Из пальца его выползла тоненькая струйка дыма, приобрела форму мяча и устремилась на девушку. Герта попыталась увернуться, но мяч ударил её по лицу. Она почувствовала жжение, но оно тут же прошло.

«Ты будешь носить наш знак, дочь людская, пока он не придёт сюда. Так ты не забудешь наш уговор».

Что случилось потом, она не знала. Всё было как в тумане. Когда же туман развеялся, девушка выбралась из-под сухих листьев и увидела, что начинает светать. Неужели это только сон? Нет, в пальцах у неё был зажат какой-то предмет, да так, что пальцам больно. Она поглядела на руку: предмет оказался кусочком серо-зелёного камня. Значит, она и в самом деле говорила с Жабами Гриммердейла!

А вон и сам Гриммердейл, внизу, отчётливо виден в утреннем свете. Замок лорда на дальнем склоне, деревня, постоянный двор у дороги. Вот туда-то она сейчас и направится.

Несмотря на ранний час, постоянный двор уже проснулся. Мужчина прошёл в конюшню, не заметив вошедшую в ворота Герту. Девушка зашагала к полуоткрытой двери дома, твёрдо решив наняться на работу, какой бы стервой хозяйка ни оказалась.

Когда она вошла в общую залу, та была пустой. Но через мгновение туда ворвалась женщина со злым лицом. Герта направилась прямо к ней. Женщина поглядела на неё и злорадно ухмыльнулась.

— Да, девочка, с такой физиономией ты бед не натворишь, — сказала она, когда Герта изложила свою просьбу — Мне вообще-то как раз нужна пара рабочих рук. Кошелёк, правда, у нас не такой пухлый, чтобы швыряться серебром...

Пока она всё это говорила, по крутой внутренней лестнице в залу спустился мужчина. Он пересёк комнату и уселся за стол, наполовину скрытый перегородкой от остальных. Герте показалось, что его появление помогло ей, ибо хозяйка вдруг приказала ей положить узелок и приниматься за работу. И первым её поручением было отнести тому самому мужчине поднос с едой.

Он был высок ростом, выше Куно, хорошо сложен,

широкоплеч. На поясе у него висел спрятанный в ножны меч с простой рукоятью. Лицо его было худым, словно ему частенько доводилось голодать. Чёрные волосы ниспадали на лоб. Возраст его она не смогла определить, однако почему-то подумала, что он довольно молод.

А когда она поставила поднос на стол и мужчина потянулся за ножом, чтобы разрезать мясо, мир как будто застыл на мгновение. Герта увидела на запястье незнакомца браслет. И этот браслет приковал к себе всё её внимание. Она во все глаза глядела на него, уверенная, что со стороны её поведение никому не покажется странным.

Отходя от стола, она подумала: а не могущество ли Жаб привело насильника в её руки? Что они ей поручили — подложить камень в его постель? Но сейчас раннее утро, и он только что встал. А если он не собирается тут оставаться ещё на одну ночь и скоро уедет? Как тогда ей выполнить поручение Жаб? Придётся, видимо, последовать за ним, чтобы тайком подобраться к нему в ночи.

Ну да ладно, пока он вроде бы никуда не торопится. Тут, к своему немалому облегчению, она услышала, как мужчина договаривается с хозяйкой о ночлеге. Под благовидным предлогом она ускользнула наверх, прихватив с собой постельные принадлежности в одну из комнат. Спускаясь по узкому коридору, она размышляла, как бы ей половчее узнать, какая из комнат — его.

Глубоко погрузившись в раздумья, Герта не слышала, что кто-то крадётся за ней по пятам. Вдруг на её плечо легла тяжёлая рука.

— Ну-ка, поглядим, что за новенькая...

Голос был молодым и дерзким. Герта поглядела на остановившего её мужчину с обликом и повадками несформировавшегося ещё юнца. Густые нерасчёсанные волосы соломенного цвета, щетина на подбородке, налитые кровью глаза.

Когда он как следует разглядел девушку, лицо его исказила гримаса отвращения. Он с силой оттолкнул Герту от себя; она потеряла равновесие и упала на пол.

— Иди целуйся с лягушками!

Он плюнул, но плевок его до неё не долетел. Юнец внезапно оказался прижатым к стене коридора. На него внимательно смотрел человек с браслетом на запястье.

— Ты что? — заорал юнец, вырываясь. — Пусты меня, приятель.

— Приятель? — повторил владелец браслета. — Я не вассал тебе, Урре. И здесь не Роксдейл. Что же до девочки, то лицо — не её вина. Пожалуй, ей бы надо поставить свечку тем силам, которые сотворили с ней такое. Ведь иначе ей не дали бы проходу кобели вроде тебя.

— Жаба! У неё лягушачья рожа!

Урре хотел было ещё раз плюнуть, но выражение глаз другого мужчины остановило его.

— Пусты меня! — он опять дёрнулся. Человек с браслетом отступил. Бранясь, Урре направился к лестнице; его шатало из стороны в сторону.

Герта поднялась, нагнулась, чтобы поднять уроненные одежды...

— Он не обидел тебя?

Она молча покачала головой. Всё произошло так внезапно; особенно девушку смутило то, что этот человек защитил её. Она торопливо пошла прочь, но, дойдя до конца коридора, оглянулась. Он как раз входил в дверь, расположенную по соседству с той, где Герту остановил тип по имени Урре. Что ж, теперь она знает его комнату. Но почему «лягушачья рожа»? Тот мокрый мяч, который ударил ей в лицо прошлой ночью, — что он с ней сотворил?

Герта ощупала пальцами лицо. Вроде всё как обычно. Зеркало, надо разыскать зеркало! Не похоже, однако, чтобы здесь имелся такой предмет роскоши.

В конце концов она обнаружила зеркало на кухне. Им оказался поднос, который её отправили начищать. Отражение в нём было не ахти, но всё же отвратительные коричневые пятна проступали весьма отчётливо. Неужели они останутся навсегда, открывая всем и каждому, что она

связалась с тёмными силами, или исчезнут, когда дело будет сделано? Смутное воспоминание о ночном разговоре дало ей надежду, что верно последнее.

Если так, то чем быстрее она выполнит поручение Жаб, тем лучше для неё. Однако пока возможности ещё раз подняться наверх не представилось. Мужчину зовут Тристан. Хромой служка, который перед ним преклонялся, многое о нём знал. В своё время Тристан был командиром лучников и воеводой. Теперь он остался без службы и идёт в глубь страны — наверное, чтобы найти себе нового лорда. А быть может, он хочет создать собственную дружину; он уже говорил об этом кое с кем из других ветеранов, остановившихся на постоялом дворе. Пьёт он немного, тогда как его спутники, Урре, сын местного лорда, и его вассал заказывают столько вина, что хватит потопить корабль.

Герта с жадностью слушала эти отрывочные сведения, решив узнать всё, что только можно про наёмного солдата Тристана, которого она рассчитывала поймать в свои сети. Когда ей удавалось, она исподтишка следила за ним. Странно было глядеть на мужчину, который совершил над ней насилие и даже не догадывается, что она так близко от него.

Если бы не браслет на запястье, она, наверно, обратила бы на него внимание в последнюю очередь. Урре и двое или трое других пытались притиснуть её где-нибудь в углу, не разглядев сперва как следует лица. А Тристан, когда она проходила мимо, оказывал ей маленькие знаки внимания, как будто её уродство ничего для него не значило. Он вёл себя не так, как она вправе была ожидать, и это её беспокоило.

Но она не изменила своего решения. И когда наконец ей удалось ускользнуть наверх, она пробралась к нему в комнату. На постели в беспорядке свалены были одеяла. Она не стала расправлять их, а сунула камень глубоко под подушку и поспешила в залу, где уже собирались посети-

тели. На неё обрушился поток приказаний; она то бежала на кухню, то возвращалась обратно, неся полные кружки вина и тарелки с едой.

Начала сказываться усталость после целого дня непривычного труда. И потом, среди посетителей нашлись любители грубых потех, которым хотелось повеселить сотрапезников. Герте приходилось глядеть во все глаза, чтобы вовремя заметить подставленную ногу, стараться изо всех сил, чтобы не уронить поднос с кружками после внезапного толчка под локоть. Однажды у неё это не получилось, и дважды хозяйка отвешивала ей затрешины за испорченную еду.

Но в конце концов та же хозяйка отправила её из залы — вовсе не по доброте душевной, а для того, чтобы меньше проливалось вина и ронялось тарелок, — мыть посуду в крохотную клетушку, где стояла такая вонь, что Герта едва не потеряла сознание. Кое-как она дотянула до того момента, когда пришла хозяйка и отвела её в залу. Там она указала девушке на скамью-ларь у камина и пробурчала, что, дескать, это лучшая постель, на которую та может рассчитывать. Уставшая до полусмерти Герта улеглась на скамью. Остальные слуги тоже разбрелись по своим углам и конурам — комнаты в трактире были только для постояльцев.

Огонь на ночь прикрыли колпаком, но от камина ещё исходило тепло. Герта осталась в зале одна. Все косточки у неё болели, но она гнала прочь мысль о сне и ждала. Если всё пойдёт как надо, камень наверняка сделает своё дело нынешней ночью. Она должна увидеть это. А что дальше — там поглядим.

Герта нетерпеливо ёрзала на жёсткой скамье. Плащ и копьё — вот они, под рукой; набитые свежей соломой башмаки она даже не стала снимать.

Вдруг наверху лестницы появилась тень. Герта напряглась. Да, она оказалась права. Мужчина по имени Тристан прошёл мимо неё к двери. Завернувшись в плащ, Герта последовала за ним.

Опасаясь, что он обернётся, она держалась в тени дома. Однако он шёл решительным шагом человека, посланного куда-то по важному делу, не обращая внимания на то, что делается вокруг. Обогнув трактир с задней стороны, он направился к холмам.

Луна светила довольно ярко, но очертания её казались размытыми из-за лёгкой дымки на небе. Герта всё больше и больше отставала от Тристана, потому что юбка её намокла от снега и стала страшно тяжёлой, потому что каждый новый шаг давался ей много труднее предыдущего. Но её гнала вперёд мысль, что она должна быть рядом с Тристаном, когда он доберётся до места. Зачем? Чтобы увидеть, как Жабы отомстят ему? Не знаю, не знаю, подумала она, напрягая все силы, чтобы нагнать его.

Тем временем Тристан достиг уже первого ряда камней. Он ни разу не оглянулся. Герта давно перестала прятаться. Он скоро совсем пропадёт из виду! Она подобрала юбку и, тяжело дыша, побежала за ним.

Ага, вон он снова; но как до него далеко! Ладно, когда он доберётся до последнего ряда камней, до стены, ему придётся пройти вдоль неё до прохода. Поэтому ей удастся выиграть несколько драгоценных секунд, если она выберется на Старую Дорогу прямо сейчас. Сказано — сделано: проваливаясь в сугробы, Герта кинулась в направлении дороги. Дыхание со свистом вырывалось из её груди.

Копьё она оставила в зале и нащупывать дорогу теперь ей было нечем; кроме того, вдруг сильно заболел бок. Но, стиснув зубы, она продолжала свой путь. Уже видны впереди ворота. Тристан всё-таки немного опережает её.

Внезапно наверху одной из колонн вспыхнул холодный свет. В голубом сиянии собственные руки, которые она раскинула в стороны, чтобы не потерять равновесие, показались Герте изъеденными болезнью.

Тристан ступил в проход и остановился. Он словно в упор разглядывал то, что его поджидало внутри. На поясе

у него висел меч, через плечо перекинут был лук. Он вышел из трактира во всеоружии, но до сих пор почему-то не обнажил меча и не наложил стрелу на тетиву.

Герта подковыляла к воротам. Подъём по склону окончательно лишил её сил. Но она чувствовала, что должна быть на площадке. Совсем рядом — протяни руку и дотронешься — стоял Тристан. Он стоял с непокрытой головой, свободный капюшон плаща был отброшен на плечи. Руки мужчины безвольно повисли по бокам. Герта посмотрела в ту сторону, куда устремлён был его взгляд.

Знакомые зелёные валуны. Но никаких жаб на них. Над камнями кружились голубые огоньки всех оттенков — от бледно-бледно-голубого до ослепительного густо-синего.

Герта ощутила, как влекут к себе эти огоньки. С трудом удалось ей поднять к глазам отяжелевшие ладони, чтобы заслониться от пляски огоньков. И сразу девушка почувствовала облегчение. Однако спутник её явно находился под властью чар.

Стараясь не замечать огоньки, Герта поглядела на Тристана. Почему он стоит неподвижно, почему не идёт к каменной ограде у зелёных валунов? Может, он превратился в камень, пойманный заклятьем, которое наложили на него Вечные Скалы? Стоит — глазом не моргнёт и даже вроде бы и не дышит!

Неужто таково их наказание: превратить человека в изваяние? Почему-то Герта была уверена, что месть Жаб мужчине, которого она сюда завлекла, будет куда страшнее. В сердце у неё вдруг шевельнулась жалость. Девушка с ожесточением отогнала непрощенную гостью. Она призвала на подмогу память, стараясь припомнить всё вплоть до самых отвратительных, самых унижительных подробностей. Вот что он сделал с ней, вот что, вот что! Это из-за него её выгнали из дома, из родной долины, лишили всего, а наделили взамен лягушачьей рожей! Что бы с ним сейчас ни сотворили, он полностью того заслуживает. Она подождёт и полюбуется, а потом пойдёт прочь отсюда и в

назначенный срок, как и обещала Гуннора, родит сына или дочку, в которых не будет ничего от отца — ничего!

Наблюдая за Тристаном и прикрываясь одновременно от голубых огоньков сложенными ладонями, Герта заметила вдруг, что пальцы рук мужчины шевельнулись и медленно сжались в кулаки. Она заметила усилие, которого потребовало это движение, и поняла, что он, стоя неподвижно, ведёт отчаянный бой с околдовавшей его силой.

Отогнанное было чувство жалости возвратилось. Герта рассердилась на себя. Он не заслуживает иной доли, кроме мести, которую она выпросила для него у Жаб!

Медленно-медленно, словно тот был прикован цепью к тяжёлой гире, Тристан поднял один кулак. По лицу мужчины Герта увидела, чего ему это стоило. Она вжалась в скалу. Имей девушка верёвку, она привязала бы себя к камню — лишь бы не поддаться жалости.

Странный свет впереди, свет и что-то ещё, пока бесформенное, но таящее в себе угрозу, холодную угрозу, которая страшной запала самой жаркой схватки. Порождение ужаса, которому не найти равного во всей истории его народа. Как он попал сюда, во сне или не во сне, Тристан сказать не мог. Ему некогда было ломать над этим голову.

Чтобы противостоять тому, что пленило его, ему действительно необходимо собрать все силы. Нечто чужеродное хочет проникнуть в него, чего никак нельзя позволить, — пока не ослабела воля.

Откуда-то он знал, что, сохрани он контроль над телом, ему удастся изгнать чужака из мозга. Нельзя, нельзя повиноваться!

Тристан устремил всё внимание на пальцы рук. Сперва было такое ощущение, что плоть онемела... Однако он всё же сжал ладонь в кулак. Потом медленно поднял руку — еле-еле, ни на миг не позволяя себе расслабиться. Оружие... Что его меч, его лук против тех, кто обитает в здешних скалах? Он смутно сознавал, что те от души посмеются над людским оружием, направленным против них.

Оружие... меч... сталь... Подождите-ка, подождите... Память не подвела. Сталь! Что делал тот парень из пограничной с Пустыней долины: ложась спать, он положил в изголовье меч, а в ногах у себя воткнул в землю на глубину лезвия кинжал. Они тогда оставили его около каких-то весьма древних развалин стеречь лошадей. Он сказал, что между холодным железом человек может спать спокойно. Кое-кто, помнится, посмеялся над его суеверностью, но другие одобрили его поступок. Железо... вот чего опасаются древние Силы!

У него на поясе висит меч... и кинжал... железо... Спасение?.. Но схватка за кулак, за руку настолько обессилила Тристана, что ему подумалось: вряд ли я сумею проверить истинность верований предков.

Что им от него надо, тем, кто обитает тут? Им, им — он давно уже понял, что этих тварей тут несколько. Чего ради они привели его сюда? Тристан отмахнулся от вопроса. Думай о руке, приказал он себе, только о руке!

Безумно медленно рука его подползла к поясу; пальцы коснулись рукояти меча.

Да, меч у него простой, не какой-нибудь там аристократический клинок с рукоятью из серебра, отделанной бриллиантами, — боевой меч, испещрённый царапинами от множества схваток. И рукоять у меча железная, обмотанная толстой проволокой, чтобы не соскользнула вспотевшая ладонь. Кончики пальцев коснулись проволоки... Рука свободна!

Он немедленно покрепче ухватил рукоять, привычным движением выдернул меч из ножен и выставил его перед собой, лезвием к сумятице голубых огоньков. Пришло облегчение, но через какой-то миг Тристан понял, что передышка — временная. Затаившееся в этих горах зло победить совсем не так просто. Чужая воля обрушилась на руку воина. Меч задрожал в руке, он не в силах был держать его твёрдо. Скоро он вообще выронит его!

Тристан попытался сделать хотя бы шаг назад. Но ноги

как будто погрузились в трясину, которая вцепилась в них мёртвой хваткой. Значит, ему повинуются только слабеющая рука и меч, который становится тяжелее с каждой секундой. Тристан обнаружил, что уже держит меч рукоятью вперёд, словно намеревается пронзить себя самого!

Из суеты голубых огней выросло слабо светящееся щупальце, поднялось в воздух, изогнулось и застыло. Кончик его устремлён был на человека. Следом за ним, колыхаясь, поднялось другое. Потом третье, четвёртое...

Кончик первого щупальца, который был тонким, как палец, начал утолщаться. Затем из него устремились во все стороны маленькие отростки. Внезапно Тристан обнаружил перед собой воплощённое зло, гротескную копию человеческой руки, большой палец которой был слишком длинным и тонким.

Тварь начала опускаться к Тристану. Неимоверным усилием воли человек перевернул меч, выставив его лезвие перед приближающейся рукой.

И снова ощутил мимолётный восторг триумфа. Ибо движение чудовищной руки замедлилось. Потом она качнулась влево, вправо, словно отыскивая прорехи в его защите. Но каким-то чудом Тристану удалось удержать меч, и он отразил все атаки.

Герта широко раскрытыми глазами следила за диковиной дуэлью. Лицо её врага было мокрым, ручейки пота сбегали со лба на подбородок. Рот его кривила гримаса, зубы были крепко стиснуты.

Но меч по-прежнему был в его руке, преграждая путь эманации Жаб.

«Ты!»

Слово звоном отдалось у неё в голове, оглушительным пронзительным звоном.

«Забери у него меч!»

Если она хочет, чтобы отмщение свершилось, надо повиноваться. Но хочет ли она? Герта распростёрлась под скалой, наблюдая за колдовской битвой. Лезвие меча

перемещалось умопомрачительно медленно, но тем не менее всякий раз успевало отразить выпад голубой руки. Тристан еле двигается; почему же Жабы бессильны поразить его в быстрой атаке? Может, порождение этого шупальца стоило им очень многого?

«Меч!»

Снова боль в голове.

Герта не шевельнулась.

«Я не могу!»

Выкрикнула ли она эти слова, прошептала или только подумала? Девушка не знала, как не знала и того, почему месть уже не кажется ей приятной.

Темнота... связанные руки... шум сражения... один из воинов падает со стрелой в горле... победный клич... чья-то тень приближается к ней из мрака... видна лишь кольчуга... и меч...

Тяжёлая рука повергает её наземь... она слышит смех, грубый смех, который обжигает, хотя тело её, лишённое последней одежды, дрожит от холода... Ещё раз...

Нет! Она не хочет вспоминать! Не хочет! Им не удастся её заставить!

Герта пришла в себя. Увидела Тристана, продолжавшего свою отчаянную битву. Этот человек оскорбил её.

«Меч! Отними у него меч!»

Герта кое-как поднялась. Она должна была забрать меч. Тогда он на собственной шкуре узнает, что такое чувствовать себя беспомощным, униженным и.. И? Каким ещё? Мёртвым? Жабы намерены убить его?

«Вы убьёте его?» — спросила она. Она никогда не думала, что расплата будет именно такой.

«Меч!»

Жабы не ответили. Они просто подхлестнули её к действию. Смерть? Нет, Герта была уверена, что смерти он избежит — по крайней мере такой, которая известна роду человеческому. Да, но...

«Меч!»

Девушку как будто ударили кнутом, требуя от неё бездумного повиновения приказу. Но получилось наоборот — боль пробудила в ней чувство опасности. Она вызвала к жизни силы настолько тёмные, настолько чужие, что с ними, пожалуй, не совладает и самый могущественный колдун из числа её соплеменников. Да, Тристан заслуживает наихудшей участи. Но наихудшей по человеческим меркам, а вовсе не этого!

Левой рукой Герта коснулась мешочка с травами Гунноры, который был спрятан у неё на груди. Пальцы правой руки пошарили по земле, нащупали камень. Прикосновение к мешочку с травами как будто изгнало из её головы тот голос. Он затих, точно отдалённый крик. Девушка подобрала камень...

Тристан неотрывно следил за шупальцем. Руку воина, которой он держал меч, разрывала боль от кисти до плеча. Он чувствовал, что вот-вот потеряет над собой контроль.

Герта нагнулась, разорвала подол юбки. На ладонь ей выпал второй мешочек с травами. Девушка ожесточённо принялась натирать им камень. Мелочь, конечно, но что она ещё может сделать...

И она швырнула камень в голубую руку. Та, извернувшись, уклоняясь. Понимая, что это единственный шанс, Тристан со всей силой обрушил меч на шупальце, которое поддерживало руку.

Клинок прошёл сквозь него, как будто оно не имело субстанции, как будто оно было всего лишь порождением собственных страхов Тристана. Вспыхнул бледный свет. И вдруг — жадно разверстая рука исчезла вместе со шупальцем.

В тот же самый миг Тристан понял, что обрёл способность двигаться, и отступил на несколько шагов. Чья-то рука ухватила его, словно помогая идти. Он рванулся в полной уверенности, что это новая проделка врага, сбросил с себя руку. Раздался крик; Тристан резко развернулся в сторону.

Рядом с проходом у подножия скалы лежала какая-то тёмная куча. Тристан выставил меч, готовый отразить нападение, чувствуя, как возвращаются к нему силы. Куча зашевелилась. Из неё высунулась белая рука, ухватилась за колонну...

Его затуманенный рассудок прояснился. Женщина! И, значит, та штука, которая пролетела мимо мгновение назад, была направлена не в него, а в призрачную руку! Она на его стороне, она его друг.

Внезапно послышался новый звук, похожий на шипение потревоженной змеи. Причём не одной. Прижавшись спиной к скале возле женщины, Тристан бросил взгляд на середину площадки.

Щупальце, поражённое ударом меча, исчезло, но остались другие. Они больше не переплетались между собой; на концах их появились отвратительные подобию змеиных голов. И их было столько, что глупо было даже мечтать выстоять против них... Но ему не остаётся ничего другого.

Ощувив тяжесть на своём плече, он оглянулся. Женщина встала; одну руку она прижимала к своей груди, другой держалась за него. Тристан не мог разглядеть её лица, скрытого тенью капюшона. Но за шипением змей он услышал её голос. Слов он не понимал, но по ритму догадался, что она поёт какую-то песню.

Одна из змей бросилась на него. Он выставил перед ней меч. Коснувшись клинка, тварь исчезла. Первая из дюжины. Сжимавшая меч рука снова отяжелела, все движения его опять замедлились.

Тристан попытался стряхнуть с себя женщину. Будь у него возможность хотя бы на мгновение выпустить меч из рук, он бы просто оттолкнул её.

— Отпусти меня! — крикнул он, извиваясь всем телом.

Она не ответила и вообще никак не отреагировала на его требование. И продолжала петь. Тристану показалось, что он слышит в её пении жалобные ноты, как будто она умоляет кого-то помочь им обоим.

Внезапно из её пальцев перетекло в его плечо и устремилось дальше по руке, по спине, к ногам, к животу живительное тепло и чувство свободы — свободы не от её объятий, а от тех уз, которые приковали его к этому месту. А посередине площадки яростно задёргались змеиные головы. Они парами сталкивались в воздухе, мгновенно образуя единое целое.

Теперь на людей нападали уже не маленькие головёнки, но здоровенные головищи, однако Тристан успевал отражать их выпады. А они двигались всё быстрее и быстрее. Пасти их были разверсты, но там не видно было ни ядовитых, ни вообще каких-либо зубов. Тем не менее Тристан знал, что если хоть одна пасть коснётся его или женщины, — пиши пропало.

Развернувшись вполоборота, он отразил атаку с фланга. Нога его поскользнулась, он упал на колено, едва не выпустив меч. Ухватив клинок покрепче, он услышал крик. Оставаясь в прежней позе, Тристан повернул голову.

Нападение последней змеиной головы оказалось хитрой уловкой, ибо отражая его, он вырвался из рук женщины. Две другие головы тут же накнулись на неё и полонили. К своему ужасу, Тристан увидел, что одна из змей почти заглотила голову женщины. Вторая тварь кольцами обвилась вокруг её талии. Если женщина и кричала, то голос её заглушал мерзкий колпак на голове. Бледно светящиеся червяки волокли её к своему логову; она не сопротивлялась. Навстречу им вытянулись ещё два отростка. На Тристана они уже не обращали внимания.

Хрипло вскрикнув, он в мгновение ока вскочил и набросился на державшие женщину щупальца. И вдруг в голове его раздался голос:

«Отойди, сын людской, не мешайся в наши дела. Тебя это не касается».

— Отпустите её! — Тристан полоснул мечом по щупальцу на талии женщины. Оно вспыхнуло, но другое тут же заняло его место.

«Она привела тебя к нам, а ты хочешь её спасти?»

— Отпустите её! — ему некогда было думать о правдивости услышанного; он знал, что не должен позволить им увлечь женщину за собой, что иначе он — не мужчина. И потому ударил снова.

Змеи задвигались быстрее, стремясь укрыться за изгородью. Тристан не уверен был, жива ли ещё его помощница, голову которой по-прежнему скрывал отвратительный колпак. Тело её бессильно обвисло.

«Она наша! Иди — пока не раздражил наш аппетит!»

Не тратя дыхания на никчёмные разговоры, Тристан вскочил на изгородь. Оттуда он принялся крушить щупальца, тащившие женщину. Руки его были слабыми, даже ухватив ими обеими меч, он с трудом поднимал и опускал его. Но упрямо продолжал битву. Мало-помалу ему начало казаться, что он побеждает.

Он заметил, что твари, которые обвилились вокруг женщины, не тронули её руки, прижатой к груди. Поэтому Тристан обрушился на нижние кольца змеиных тел; он срубил последнее из них в тот момент, когда голова и плечи женщины оказались уже за оградой.

Впечатление было такое, что, как щупальца ни стараются, им не под силу втащить свою жертву к себе в логово целиком. Пока они были заняты этим, Тристан напал на них. Он перерубил всех змей, которые обвилились вокруг головы и плеч женщины. На смену им поднялись новые. Но женщина упала на землю так, что щупальцам, чтобы вновь схватить её, нужно было проползти по её груди, а этого они почему-то сделать явно не могли.

Усталое Тристан поднял меч и снова опустил его, чувствуя, что руки вот-вот откажут. И тут, буквально на миг, все до единого щупальца отступили. Лево́й рукой Тристан ухватился за руки женщины, которые она сложила на груди, и поволок её прочь.

Змеи злобно зашипели. Тела их заколыхались, задёргались. Они всё больше пригибались, прижимались к земле,

освещающая её бледным светом. Тристан взвалил женщину на плечо и, держась к врагу лицом, попятился дальше, готовый в любой момент отразить новую атаку.

5

Похоже было, что враги выдохлись. По крайней мере змеи так и остались за оградой. Внимательно следя за ними, Тристан отошёл на некоторое расстояние и рискнул остановиться и передохнуть. Положив женщину на землю, он притронулся к её щеке. Пальцы его ощутили холод и влагу. Мертва? Неужто её задушили?

Он сунул руку ей под капюшон, нащупывая пульс на горле. Ничего. Его ладонь опустилась ниже, туда, где сердце. Чтобы сделать это, ему пришлось разомкнуть её сложенные на груди руки. Когда он коснулся маленького мешочка, лежавшего меж её грудей, то ощутил тепло и торопливо отдернул руку — прежде чем успел сообразить, что в том мешочке не опасность, а источник жизненных сил.

Сердце её билось. Лучше оттащить её подальше, пока твари за оградой утихомирились. Вряд ли они отступят.

Подумав немного, Тристан сунул меч в ножны, чтобы обхватить женщину обеими руками. Тело её оказалось куда более лёгким, чем он ожидал по внешнему виду незнакомки.

Его походка напоминала движения морского краба; одним глазом он следил за скопищем голубых огней позади, другим — высматривал путь. Лишь миновав два ряда камней, он облегчённо вздохнул.

Тристан чувствовал, как нечто пытается задержать его, силится вернуть обратно. Но, напрягая волю, стиснув зубы, он всё дальше и дальше уходил от проклятого места.

Одна за другой оставались за спиной каменные гряды. Колдовской свет становился слабее. Вскоре темнота стуслилась до такой степени, что Тристан начал опасаться, как

бы им не сбиться с пути. Дважды он терял дорогу; приходилось обходить внезапно выставший из тьмы валун и тем самым возвращаться туда, откуда они бежали.

Зрение обманывало его, некий внутренний голос звал обратно. Он приноровился делать так: замечал какой-нибудь ориентир впереди, в нескольких шагах, и смотрел на него, пока он не оказывался рядом, а затем выискивал следующий.

Наконец он миновал последний ряд камней. Женщина мягко лежала у него на плече. Он чувствовал себя таким слабым, таким усталым, как будто целые сутки шагал без передышки да ещё участвовал в кратковременной стычке в конце пути. Опустившись на колени, он положил свою ношу на Старую Дорогу, которую ветер совсем очистил от снега.

Небо было покрыто облаками. Луна, видно, пряталась за ними. Лежавшая на дороге женщина выглядела тёмной кучей тряпья. Тристан присел на корточки, пропустив руки между колен, и задумался.

Каким образом он попал туда, наверх, он не имел ни малейшего представления. Накануне вечером он, как обычно, лёг в постель, а проснулся, только заведя тот мертвенный свет за оградой. Он ничуть не сомневался, что выдержал бой с древними Силами. Но что завлекло его туда?

Ему вспомнилось, как он открыл окошко в своей комнате, чтобы поглядеть на пейзаж. Неужто причина происшедшего с ним кроется в невинном любопытстве? А как же тогда слуги и хозяева постоянного двора? Не верится, что они спокойно живут тут, зная о столь грозной опасности. А может, будучи потомками первопоселенцев Гриммердейла, они нечувствительны к зову тёмных сил?

Подожди, подожди. Что там говорила эта тварь? Она сказала, будто его привела к ним та самая женщина, что лежит сейчас на дороге. Но если так, то зачем?

Тристан, подавшись вперёд, откинул край капюшона и

нагнул голову, всматриваясь в лицо женщины. Однако во мраке ночи невозможно было разглядеть что-либо, кроме общих контуров лица.

Вдруг её тело откатилось в сторону. Женщина вскрикнула. В голосе её был такой ужас, что Тристан вздрогнул и застыл как изваяние. Оттолкнувшись от дороги, она кое-как поднялась. Руки её что-то искали в складках плаща. Она больше не кричала. Тоненький лучик луны пробился сквозь облачную завесу, высветив то, что женщина сжимала в руке.

Сверкнула сталь, Тристан успел перехватить её руку, прежде чем кинжал вонзился в его тело. Женщина словно обезумела, она извивалась, вырывалась, пиналась, пробовала даже кусаться. Наконец он грубо облапил её, как обошёлся бы с женщиной, и ударил кулаком в подбородок. Тело её вновь обмякло и опустилось на дорогу.

Придётся тащить её до трактира. Может, пребывание в логове тех тварей помутило её рассудок и она теперь всех вокруг принимает за врагов? Оторвав от плаща полоску ткани, Тристан связал ей руки. Поднялся, взвалил женщину на спину и пошёл вниз, то и дело оскальзываясь, с трудом продираясь сквозь заросли кустарника. Дыхание женщины было еле слышным.

Который сейчас час, Тристан не знал. Однако над дверью трактира висел ещё ночной фонарь. Спотыкаясь на каждом шагу, воин подковылял к камину, опустил на пол свою ношу и потянулся за дровами. Больше всего на свете ему хотелось согреться.

Голова болела. Герте показалось, что источник боли — где-то в нижней части лица. Она открыла глаза. Свет, слабый, но не тот, не голубой. Да, это блики пламени. У камина на корточках сидит какой-то человек и подкладывает в огонь дрова. Тепло уже чувствуется. Она попыталась сесть. И только теперь заметила, что запястья её крепко связаны. Она напряглась, пристально следя за человеком у камина.

Голова его была повернута так, что Герта не могла видеть лица, но она ни капельки не сомневалась в том, что это Тристан. И последнее воспоминание: он зависает над ней, протягивает руки... чтобы ещё раз овладеть ею! От отвращения её едва не стошнило, и она торопливо сглотнула.

Очень осторожно Герта огляделась. Общая зала трактира. Значит, он принёс её сюда. Чтобы взять своё в тепле, а не на холодном ветру на Старой Дороге! Пускай только попробует подойти — она закричит, будет драться, пока кто-нибудь не прибежит...

Он глядел на неё, глядел так внимательно, что девушка поняла: он без труда угадал её спутанные мысли.

— Я убью тебя, — проговорила она.

— Как уже пыталась? — спросил он. В голосе его было равнодушие, словно он задал вопрос из праздного любопытства.

— В следующий раз я не промахнусь.

Он засмеялся. А засмеявшись, стал на мгновение как будто иным человеком — моложе и менее суровым.

— Ты вовсе не промахнулась, госпожа. Я перехватил твою руку.

Улыбка сошла с его лица, глаза сузились, губы плотно сжались.

Чтобы доказать, что он её не запугает, Герта вызывающе поглядела на него.

Он сказал:

— Или ты, госпожа, имела в виду другое? То, что случилось перед тем, как ты обнажила кинжал? Та — та тварь говорила правду? Я в самом деле очутился в их логове по твоей милости?

Наверное, в выражении её лица прочитал Тристан ответ. Нагнувшись, он схватил девушку за плечи; как она ни отбивалась, он привлёк её к себе, так что её глаза оказались на одном уровне с его глазами.

— Но почему? Во имя Боевой Руки Картера Справедли-

вого, почему? Что я такого сделал тебе, девчонка, что ты затащила меня в горы на верную погибель? Или тебе всё равно было, кого затащить? Кто тебе эти твари — ручные животные или хозяева? И как вообще человек мог связаться с ними? Но если ты связалась с Жабами, зачем тебе потребовалось помогать мне? Почему, почему, почему?!

Он затряс её, сначала несильно, а потом, с каждым новым вопросом, всё грубее и грубее, так что голова её болталась из стороны в сторону. Тело её обмякло, и это как будто отрезвило его. Он вроде бы понял, что девушка не может ему ответить, а потому снова привлёк её к себе, словно стремясь разглядеть ответ в её глазах.

— У меня нет родичей, которые согласились бы вызвать тебя на бой, — сказала Герта устало. — Потому мне пришлось делать всё самой. Я искала тех, кто сможет отомстить...

— Отомстить! Так, значит, я не случайный прохожий, выбранный в жертву твоим приятелям! Клянусь Девятью Мирами, мне незнакомо твоё лицо! Быть может, в какой-нибудь схватке от моей руки пал твой родич — отец, брат, возлюбленный? Но как такое могло случиться? Те, с кем я сражался, были врагами. Женщин у них не было — только рабыни, которых они захватили в долинах. Неужели женщина Долин способна мстить за того, чьей рабыней она была? А, девчонка? Они захватили тебя в плен, и ты нашла себе среди них господина, забыв про кровь в своих жилах, так?

Будь у неё силы, она плюнула бы ему в лицо за такое оскорбление. Он, видно, заметил её ярость.

— Значит, не так. Что же тогда? Я не из тех мерзавцев, которые шастают по округе, завязывая ссоры с товарищами. И нет такой женщины, которой я овладел бы силой, без её согласия...

— Да ну? — Герта наконец-то обрела дар речи; слова полились сплошным потоком. — Нет, стало быть, такой женщины? А помнишь ли ты, brave солдат, что случи-

лось три месяца назад на дороге в Летендейл? Видно, ты частенько так поступаешь, раз память тебя подводит!

Несмотря на обуревавшие её гнев и страх, Герта заметила, как вытянулось его лицо в гримасе безмерного удивления.

— Летендейл? — повторил он. — Три месяца тому назад? Послушай, девушка, я никогда не забирался так далеко к северу. А три месяца назад я командовал дружиной лорда Инграма — он погиб при осаде порта.

В голосе его было столько искренности, что она едва не поверила — но вовремя вспомнила про браслет.

— Ты лжёшь! Разумеется, ты не запомнил моего лица. Ты ведь овладел мной в темноте, перебив перед тем врагов, которые пленили меня. Все люди моего брата тоже погибли. А со мной враги рассчитывали позабавиться. Но пришёл ты — и овладел мной, воевода!

Последнее слово она точно выплюнула.

— Говорю тебе, я был в порту! — Тристан отпустил девушку. Она отползла к скамье. Теперь их разделяло довольно большое расстояние.

— Готова ли ты поклясться на Камне Истины, что то был я? Ты видела меня в лицо?

— Да, готова! А что до твоего лица, так оно мне ни к чему. Ты овладел мной в темноте, но я заметила одну вещь, заметила и запомнила её!

Он поднёс руку к подбородку, потёр застарелый шрам; браслет сверкнул в бликах пламени. Украшение это так разительно отличалось от простой одежды воина; ну как, скажите на милость, можно его забыть увидев хотя бы раз?

— Что за вещь?

— Ты носишь её на запястье! Вон он, сверкает, как и тогда. Твой браслет, лгун!

Он поглядел на золотую полоску.

— Браслет! Вот оно что. Вот почему ты привела меня к Жабам...

Он улыбнулся, но улыбка вышла жестокой, и глаза остались холодными.

— Ты привела меня к ним, так?

Он резким движением вытянул руку и, прежде чем девушка успела увернуться, сорвал с её головы капюшон.

— Что ты сделала со своим лягушачьим лицом? Что это было, краска или очередное колдовство? Крепко же, видно, хотела ты мне отомстить, если ради того так изуродовала себя.

Герта ощупала холодные щёки. Жаль, нет зеркала. Но раз он говорит, что мерзкие пятна пропали, значит, так оно и есть.

— Они сдержали слово... — пробормотала девушка, отказываясь что-либо понимать. Она много раз воображала себе встречу с ним, представляла, как он будет отпираться. Богатый, видно, у него опыт в подобных делах, если на все её обвинения единственная его реакция — весёлое любопытство.

— Они? Ты имеешь в виду Жаб? Объясни-ка, почему, передав сначала меня в их руки, ты потом пришла мне на выручку? Не понимаю. По-моему, связываться с теми, кто обитает там, наверху, настолько рискованно, что отважиться на это может лишь отчаявшийся человек. А отчаяние скоро не проходит... Почему ты спасла меня, девушка?

Она ответила вполне искренне:

— Не знаю. Быть может, потому, что обидели меня, а значит, и отомстить должна тоже я. Наверно, так. А ещё...

Она молчала так долго, что Тристан не выдержал:

— Что ещё?

— Я не могла допустить, чтобы им достался человек, пускай даже отребье вроде тебя!

— Отлично, вот это мне уже понятно. Ненависть, страх, отчаяние толкают нас на заключение таких сделок, о которых мы потом горько сожалеем. Значит, ты не смогла принести соплеменника в жертву чужакам. Зато на дороге ты попыталась убить меня собственной рукой...

— Ты... ты хотел овладеть мной... снова! — выкрикнула Герта. Щёки её пылали — не от жара камина, а от давнего стыда.

— Ты так думала? Что ж, с твоими воспоминаниями это вполне естественно, — кивнул Тристан. — Но послушай меня, девочка. Первое: нога моя никогда не ступала в Летендейл, три ли месяца, три ли года назад — никогда! Второе: вещица, по которой ты меня узнала... — он посмотрел на браслет, постучал по нему пальцами. — Три месяца назад у меня её не было. Во время последней осады порта к нам на подмогу пришло много рекрутов из отдалённых долин. Они занимались тем, что вылавливали бродячие шайки врагов.

Осада в основном — пора безделья, а если человеку нечего делать, он ищет развлечений. В нашу задачу входило только следить за тем, чтобы враги не бежали из крепости, пока не подойдут корабли из Гэнделсбурга и Веннеспорта и не атакуют их с моря. Ожидая эти корабли, мы забавлялись азартными играми. Даже я, за кем сложилась репутация осторожного человека, не увтекающегося подобными забавами, порой принимал в них участие.

В одну из игр я его и выиграл. Тот, кто поставил его на кон, был похож на Урре — сын убитого князя, наследник разорённого поместья. Два дня спустя он погиб, отражая вылазку врагов. Он просил меня не продавать браслет, надеясь отыграться, если повезёт, потому что украшение принадлежало к числу семейных драгоценностей. В битве я открыл, что оно не только красиво, но и полезно. Поскольку парень всё равно погиб, я решил оставить браслет у себя — как видно, себе же на горе. Имени его я не знаю, все звали его каким-то прозвищем. Будучи ходячим мертвецом, он половину времени пребывал вдребезги пьяным...

— Ходячим мертвецом?

Рассказ Тристана был очень убедителен, и Герта верила ему.

— Так я их называю. В Верхнем Халлаке их сейчас много. Одни — совсем юнцы, вроде Урре или бывшего владельца браслета, — он погладил украшение. — Другие

годятся им в отцы. По долинам прошлись огнём и мечом. Уцелевшие же края лишились людей и провианта: всё забрала та либо другая рать. У страны сейчас два выбора. Либо она превратится от истощения в пустое место, либо появятся новые вожди, смелые, решительные, которые отстроят её заново.

Герте показалось, что Тристан разговаривает не с ней, а отвечает своим собственным мыслям. Внутри себя она ощущала пустоту, как будто её лишили чего-то важного. Руки её инстинктивно легли на живот.

Дитя, которое она носит, — кто был его отец? Несчастный паренёк, который лишился всего и потому ещё при жизни стал мертвецом, который без надежды смотрел в будущее, ни в грош не ставя всякие моральные установления. Он жил одним днём и стремился за этот короткий день познать, что только можно. Девушка снова почувствовала странное облегчение. Она не потеряла ребёнка, ребёнка, который, как обещала Гуннора, будет только её. Она утратила лишь желание отомстить, которое погнало её в Гриммердейл, к Жабам.

Герта вздрогнула. Несмотря на плащ и огонь в камине, холод пронизал её до самых костей. Что она наделала, ослеплённая гневом и страхом! Едва не отдала невинного человека существам, о которых теперь и думать не осмеливалась! Что спасло её, что толкнуло её бросить тот камень, натёртый мешочком с травами Гунноры? Что удержало её совершить столь ужасное преступление?

И что она скажет этому мужчине, который сейчас отвернулся от неё и глядит на огонь, словно надеясь прочесть в нём таинственные руны? Герта подняла было связанные руки. Тристан повернулся к ней с улыбкой, с настоящей улыбкой, от которой она съёжилась точно от удара.

— Пожалуй, надо бы тебя развязать. Или ты всё ещё жаждешь моей крови? — он взял её руки, потянул державшую их верёвку.

— Нет, — тихим голосом ответила Герта. — Я верю тебе. Тот, кого я искала, мёртв.

— Жалеешь, что смерть настигла его не от твоей руки?

Она поглядела на свои руки, снова прижатые к животу. Что теперь с ней будет? Остаться ли ей прислугой в трактире или приползти на коленях к Куно? Нет уж! Она подняла голову, обретая утраченную гордость.

— Я спросил, жалеешь ли ты, что не прикончила сама моего бывшего товарища?

— Нет.

— Но тебя тревожат мрачные мысли, я же вижу...

— Они тебя не касаются.

Девушка хотела встать, но Тристан положил ей руку на плечо.

— Есть такой древний обычай. Если мужчина спас девушку от страшной опасности, он имеет право...

Сначала она не поняла, потом с вызовом поглядела ему в глаза:

— Так то девушки — а я не из их числа.

Он тихонько присвистнул, но в наступившей тишине звук вышел очень громким.

— Вот оно что! Значит, я не ошибся — ты не трактирная девка. Потому ты не смогла перенести того, что он сделал с тобой. Но разве у тебя нет родича, который защитил бы твою честь?

Герта хрипло рассмеялась.

— Воевода, у моего родича было одно желание: чтобы я выпила древний женский отвар и отвела бы позор от всей семьи. Согласись я на это, он позволил бы мне из милости остаться в доме, а вдобавок не меньше трёх раз в день похвалялся бы своей добротой.

— Понимаю. Но если ты так ненавидишь того, кто был отцом твоего ребёнка...

— Нет! — её руки потянулись к амулету Гунноры. — Я была в святилище Гунноры. Она обещала исполнить моё желание: дитя, которое я ношу, будет только моим и ничегошеньки не возьмёт от него!

— Это она послала тебя к Жабам?

Герта покачала головой.

— Гуннора охраняет жизнь. Про Жаб я узнала из старых сказок. В ослеплении пришла я к ним, и они дали мне то, что я подложила тебе в постель, чтобы зачаровать тебя. Ещё они изменили мое лицо. Но... с ним уже всё в порядке, правда?

— Правда. Не zapomни я твоего плаща, я бы тебя не узнал. Однако та штука в моей постели... Подожди здесь. И обещай мне, если я вернусь сам не свой, что запрёшь дверь и удержишь меня тут любой ценой.

— Обещаю.

Лёгкой походкой человека, привыкшего ступать неслышно, ибо от этого зависит его жизнь, Тристан поднялся по лестнице наверх. Оставшись наедине с собой, Герта вновь задумалась о будущем. Кто приютит её? Мудрые Женщины из Летендейла? Может, попросить воина, чтобы он проводил её туда? Но чем он обязан ей, кроме опасности, о которой и вспоминать-то не хочется? Да, пожалуй, Летендейл — единственное, что ей остаётся. Вдруг Куно как-нибудь соберётся... Нет! Про это надо забыть!

Тристан возвратился, держа в руках две палочки, какими обычно разжигают огонь в жаровне. Между палочками был зажат камень, который Герта принесла из логова Жаб. Подойдя к камину, Тристан кинул камешек в пламя.

Впечатление было такое, будто он подлил масла в огонь, пламя полыхнуло так, что они оба отшатнулись.

— Западни больше нет, — сказал Тристан. — Я не мог позволить, чтобы в неё угодила кто-нибудь ещё.

Герта напряглась, почувствовав, что слова эти относятся и к ней.

— Извиняться будет пустой тратой слов, однако...

— Не надо, госпожа, я всё понимаю. Когда человека погоняют кнутом, он всеми силами рвётся на свободу. И потом, я ведь остался цел.

— Ну да, сперва я завлекла тебя в ловушку, а уж потом

было «потом». Почему ты не отдал меня им? Это было бы только справедливо.

— Хватит! — он стукнул кулаком по лавке, рядом с которой стоял на коленях. — Что было, то прошло. Кончилось. Что толку предаваться воспоминаниям, терзать и себя и другого? Итак, госпожа, — Герта невольно отметила церемонность в его голосе, — куда вы направитесь, если не в крепость своего брата? Я так понял, что туда вы возвращаться не собираетесь?

Она повертела в руках амулет.

— Вы правы. Радужно меня встретят только в одном месте — у Мудрых Женщин из Летендейла. Я попрошу у них приюта.

«Интересно, — подумалось ей, — не вызовется ли он сопровождать меня: я ведь не решусь попросить его об этом». Однако следующий вопрос Тристана поверг её в крайнее изумление.

— Госпожа, пробираясь сюда, вы по Старой Дороге перевалили хребет, правильно?

— Да. Мне показалось, что так оно безопаснее, чем по тракту. Легенды говорят, что на Старой Дороге можно повстречать Прежних, но их я боялась меньше, чем соплеменников.

— Вы должны были миновать Нордендейл. Какая там обстановка?

Не понимая, что он задумал, она тем не менее поведала Тристану о том, что увидела в Нордендейле: лишившаяся лорда долина, немногочисленные жители, погружённые в сожаления о былой жизни. Он жадно слушал.

— У вас зоркий глаз, госпожа, если вы за столь короткое время успели увидеть так много. Послушайте меня, мне кажется, вам тоже будет интересно. По-моему, Нордендейлу нужен лорд, такой, который расшевелит людей и отстроит разрушенное войной и временем. Я пришёл на север, чтобы подыскать себе крепостцу. Я не Урре, который рождён был в благородном семействе, а теперь пьёт и

распутничает, не в силах оправиться от злых шуточек фортуны.

Кем был мой отец? — Тристан пожал плечами. — Мать никогда мне о том не говорила. Что не из простых, это точно; тем не менее в годы перед вторжением матери пришлось наняться на работу в купеческий дом, чтобы одеть и прокормить нас. Ещё мальчишкой я знал, что возвыситься смогу только благодаря ему, — он похлопал по рукояти меча. — В купеческую гильдию неизвестному пареньку путь заказан, а вот для лука с мечом всегда найдётся дело. Так что я начал учиться владеть оружием. Потом в Долины вторглись враги; я служил то одному лорду, то другому и в конце концов дослужился до воеводы. И постоянно меня преследовала мысль, что в нынешнее суматошное время, когда погибают древние семейства, передо мной открываются все возможности.

В стране сейчас сколько угодно оставшихся без предводителя людей; годы войны разбередили им душу, и они не в состоянии, как раньше, сонно тащиться за плугом. Некоторые из них уже стали преступниками. Так вот, с полудюжиной честных, но неприкаянных людей за спиной я смогу захватить лишённую правителя долину вроде Нордендейла. Тамошним жителям нужен лорд. Я не нарушу ни единого закона и стану охранять поселение от преступников — их теперь разведётся много. Через Гриммердейл проходит множество ветеранов, и среди них попадаются люди, которые годятся для моих целей. Причём попадаются довольно часто.

Он сделал паузу; Герта увидела по выражению его лица, что таково на самом деле желание всей его жизни. Поскольку он молчал, девушка рискнула спросить:

— Мне понятно, что решительный человек может этого добиться. Но причем же тут я?

Он пристально поглядел на неё. Она не совсем разобрала, что таилось в его взгляде.

— По-моему, госпожа, у нас много общего. Так много,

что нам лучше идти по одной дороге. Нет, я не прошу ответа прямо сейчас. Завтра, — он встал и потянулся, — нет, сегодня, я переговорю с теми, кто мне показался. Если они согласятся принести мне клятву вассалов, то мы отправимся в Летендейл, где ты на время останешься. Тут близко...

— Два дня пути на лошади, — ответила она с облегчением, — отсюда на запад.

— Неплохо. Оставив тебя там, я поскачу в Нордендейл. Хватит ему прохладиться без хозяина! А через, ну, скажем, трижды по двадцать дней я вернусь за тобой в Летендейл. Тогда ты мне и ответишь насчёт дороги.

— Ты забыл, — руки её легли на живот. — Я не девица, не вдова, и ношу...

— Разве Гуннора ничего тебе не обещала? Дитя будет только твоим. И да пусть счастье сопутствует вам обоим.

Она взглянула ему в лицо, желая узнать, искренне ли он говорит это. То, что она увидела... У неё перехватило дыхание, она прижала руки к груди, сдавила в ладонях амулет.

— Приезжай в Летендейл, — сказала Герта тихо. — Тебя там радушно встретят и ответом не огорчат.

ПОДМЕНЫШ

Летендейл не крепость, окружённая стенами, а скорее просто жилище женщин, которые дают убежище всем, кто его ищет, но в самом начале весны выглядит он довольно мрачно. Снег рваными полосами покрывает землю, и во дворе камни блестят от сырости. В окнах, обращённых на

запад, воеет и стонет ветер, дёргая за рамы пальцами, слишком слабыми, чтобы оторвать их и пробраться внутрь.

Герта прижималась лбом к одной из этих толстых рам. Она прислонилась к широкому подоконнику, словно это облегчало боль, разрывавшую её живот. Жизнь, которую она носила в себе, будто превратилась в война, и тот разрывал её тело в нетерпении вступить в битву с миром.

Её теперь не оставляли одну. Время от времени к ней подходит женщина и поддерживает её. Герте она казалась безлицей куклой, существом из сна или скорее тёмного ночного кошмара, которому нет конца. В руке девушка крепко, так что сглаженные временем края впивались в тело, сжимала свой единственный талисман, амулет Гунноры. Герта не молилась. Разве достигнет молитва Древней Великой, если она направлена из аббатства, посвящённого совсем другой силе?

Стиснув зубы, Герта отшатнулась от окна, сделала шаг, другой, но боль снова заставила её пошатнуться. Не помня как, она оказалась в постели, тело её изгибалось дугой. Волосы от пота прилипли ко лбу.

— Гуннора! — выкрикнула ли она или это имя прозвучало только в её сознании? Удар боли, словно копье, пронзающее тело, дёргающая боль. Потом...

Мир, конец всякой боли. Она погрузилась в беспамятство.

И в окутавшей её тьме услышала хриплый смех, злобный смех, угрожающий. И увидела во тьме...

Круг камней, к которым прижимаются... нет, не прижимаются, это только кажется из-за раздувшихся, разбухших тел. Они сидят, повернув чудовишные головы, и смотрят на неё выпуклыми глазами со злобной радостью и торжеством.

Герта вспомнила. И закричала, не взмолилась Древним, а закричала от страха, который она считала ушедшим, похороненным в прошлом.

Она хотела бежать, закрыться руками. Но знала, что

даже если закроет глаза, то не спасётся. Жабы Гриммердейла! Она безрассудно обратилась к ним, обманула их, и теперь они здесь!

— Миледи...

Слова прозвучали слабо, издалека, они не имели никакого отношения к этому ужасу. Но похоже, в них было какое-то заклинание от этих жабьих существ, потому что те исчезли. Герта, истощённая, дрожащая, открыла глаза.

Перед ней в свете двух ламп стояла Ингела, женщина, знающая травы, умеющая лечить. Значит, день, на который Герта смотрела сквозь толстые искажающие стёкла, кончился. Ингела прочно держала худую руку девушки. Глаза её смотрели внимательно и напряжённо, тёмные и чистые под складками головного убора.

Герта собралась с силами. Рот у неё пересох, словно она ела пепел.

— Ребёнок? — даже в собственных ушах голос её прозвучал слабо и хрипло.

— У тебя дочь, леди.

Дочь! На мгновение Герта испытала радость, сердце забилося чаще. Она хотела поднять руки, хотя они и казались закованными в свинец. Выполнилось обещание Гунноры — ребёнок, который не будет иметь ничего общего с разбойником, ставшим его отцом. Ребёнок Герты, только её одной!

— Дай её мне, — голос по-прежнему звучал слабо, но жизнь и воля быстро возвращались. — Дай мне мою дочь!

Женщина не двинулась с места. И в руках её не было тёплого свёртка. Девушке показалось, что взгляд женщины стал строже, в нём мелькнуло чувство, которого девушка не смогла разгадать.

Она попыталась приподняться в постели.

— Ребёнок умер? — она считала, что задала этот вопрос, не выдав отчаяния, которое рвануло её так же сильно, как боль перед этим.

— Нет, — только теперь Ингела пошевелилась. Герта

озадаченно смотрела, как женщина наклонилась и подняла с постели свёрток, который издал неожиданный пронзительный крик протеста против заключения в одежде.

Не умер — тогда что же? Что-то зловещее проскользнуло в том, как встретила женщина её вопрос. Герта была в этом уверена. Она протянула руки, заставляя их не дрожать, готовая встретить любое зло.

Ребёнок вовсе не был мёртв. Он яростно сражался с пелёнками. Герта схватила свёрток и решительно откинула простыню, чтобы взглянуть на то, что обещала ей Гуннора, на ребёнка, который будет принадлежать только ей.

Но едва она увидела маленькое сморщенное покрасневшее тело новорожденной, как всё поняла! Лишь на мгновение Герта ощутила отвращение, как будто хотела изрыгнуть зло, спавшее в ней с момента зачатия новой жизни.

Перед ней лежало доказательство её греха, её связи с силами зла, древнего и могучего зла, и эта кара пала не на неё, а на ребёнка. Она видела уродливое лицо. Девочка смотрела на Герту, её хриплые крики прекратились. Взгляд выпуклых глаз вонзался в неё, как будто маленькое существо знало, чья судьба так его искалечила. Кожа младенца шелушилась коричневатými чешуйками. Жабы, да, это их знак.

Герта яростно прижала к себе девочку, вызывающе взглянув на женщину.

Ингела сделала рукой ритуальный жест, предотвращающий зло, губы её шептали слова молитвы, но так тихо, что Герта их не слышала. Женщина, подхватив рукой молитвенные кольца на поясе, перебирала их одно за другим.

— Подменыш! — из-за госпожи показалась служанка, о присутствии которой Герта и не подозревала.

Это слово сразу насторожило Герту.

— Это моя дочь, — медленно и отчётливо заявила она, беря на себя в этот момент всё, что изуродовало ребёнка,

всю тяжесть греха, который в своём безумии привёл её к такой судьбе. — Это моя дочь Эльфанор, я провозглашаю её своим ребёнком, рождённым моим телом, она принадлежит моему клану.

Эльфанор? Герта удивилась этому имени. Откуда оно к ней пришло? Она раньше никогда его не слышала. А что касается других слов признания ребёнка, то они теряли теперь всякий смысл. Клана у неё нет, семьи нет, и никакой лорд не поднимет ребёнка в центре своего зала на всеобщее обозрение.

Она совершенно одинока, тем более из-за проклятия, наложенного на ребёнка. Слушая звон молитвенных колец, которые перебирала Ингела, Герта поняла, что дочь её уже осуждена, и она вместе с нею.

Упрямая гордость, позволившая ей отразить все требования семьи, которую она больше не назовёт своей, заставившая замыслить месть, которая так зло теперь отразилась на ней самой, эта гордость — по-прежнему её щит и оружие.

— Это моя дочь, — твёрдо повторила она, глядя прямо в глаза женщине, готовая отразить любое возражение.

— Подменыш... — опять это ужасное, проклятое слово.

Ингела быстро отвернулась, властно взглянула на служанку и отдала ряд приказов. Та отошла, торопливо принялась убирать грязные простыни, налила воды в ведро. И выбежала из комнаты. Ингела снова заняла место у постели и спокойно встретила вызывающий взгляд Герты.

— Ребёнок... — начала она медленно.

Герта чуть приподняла подбородок. Никогда, никому, ни одной живой душе не выкажет она свою печаль и боль.

— ...проклят. Это ты хочешь сказать? Если и так, то проклятие на мне, и мне отвечать.

Ингела не проявила никакой обиды при этих словах, которые в таком месте могли бы посчитаться богохульством. Последователи Пламени учат, что грех ставит свой

знак на грешнике. Слова Герты можно было считать признанием.

— Зло укрепляется, когда его семена поливают и холят, — всё также медленно проговорила Ингела. Но в её взгляде, устремлённом на Герту, не было осуждения.

— Ты знаешь мою историю, — хрипло сказала Герта. Эльфанор у неё на руках лежала спокойно, прикрыв большие выпуклые глаза, как будто всё слышала и понимала. — Да, я пыталась навлечь зло на своего врага, того, кто осквернил меня. Я открыто и добровольно обратилась к Древним за помощью в этом зле, и наполняла меня тогда только ненависть. Но злое деяние не свершилось. Я боролась за того, кого отправила к Жабам. И он остался жив.

— Но ведь это был не тот человек. Так ты сказала, — напомнила ей Ингела.

— Это я узнала только потом. Уже после того, как боролась за него. И вот это... — она прижала к себе маленькое тело. — Не знаю, какая древняя наука, колдовство или сила проникли в моё тело и заменили жизнь, которую я вынашивала, на это. Эльфанор — моя, и на мне вся тяжесть ноши, — может, не стоило этого говорить в таком месте, но ей хотелось сохранить хоть слабую надежду. — И, может быть, если одна сила принесла зло, то другая его исправит.

Снова Ингела пошевелила кольцами.

— Ты говоришь неправильно. Здесь мы следуем истинному учению. Ты уже видела, что бывает с теми, кто обращается к тому, во что мы не верим.

— Правда, — Герта сдержала дрожь от внутреннего холода, который охватил её не в ответ на этот выговор. И в то же время подумала: «Мои мысли не смогут оградить нас стеной. Есть силы и силы».

Она высвободила руку, нашла на груди амулет Гунноры. Снова вспомнила, как побывала в её святилище, неся в себе ребёнка, ища помощи. Как во сне, а может, и не во

сне, была приветливо встречена, как пообещали удовлетворить её просьбу. Потому что Герта верила: в Эльфанор действительно нет ничего от отца, девочка целиком принадлежит ей.

Проходили дни, но Герта не говорила о том, что собирается делать. Она хорошо знала, что её ребёнок стал предметом многих слухов и что её поздравляли с благополучными родами только по **обычаю**.

Неожиданно с юга подули **тёплые** ветры. Растаявший снег впитался в землю, и она просохла. Начиналась ранняя весна. Большую часть времени Герта проводила в своей комнате, голова её была занята больше, чем руки, хотя она нянчила дочь и заботилась о ней одна, отказываясь от помощи тех, кто, как она знала, считал ребёнка проклятым.

Через четыре недели, приняв решение, она попросила свидания с аббатиссой.

Держа на руках ребёнка, она провела церемонию приветствия во внутренней гостиной, бегло вспоминая, каким непохожим казалось всё, когда она впервые появилась здесь. Тогда она была спокойна и довольна — теперь она знает, каким ложным оказалось это спокойствие и довольство. Она на мгновение ухватила за это воспоминание, но потом отбросила его. Герта не дура, она понимает, что приходится платить за свою глупость, а может, придётся платить всю жизнь.

— Говорят, леди Герта, ты хочешь уехать из Летендейла, — аббатисса — невысокая женщина — неподвижно сидела на стуле из потемневшего от времени дерева, с высокой спинкой, **стул весь был покрыт резными символами Пламени**. Подозрения оставили Герту. Может, она не умеет судить о мотивах и мыслях других людей, но здесь она не чувствует ни злобы, ни обвинения, только искреннюю озабоченность.

— Я должна, — ответила она, садясь на край стула, на который указала ей аббатисса, и прижимая к себе Эльфа-

нор. Девочка никогда не плакала, когда Герта держала её. Она лежала неподвижно, не отрывая взгляда от лица матери. Герта старалась не отыскивать в этих слишком больших глазах отражения тех болотных огней, которые она видела в других глазах, столь похожих на эти. — Ваше преподобие, для меня,... и для моего ребёнка нет места за этими стенами.

— Тебе так сказали? — сразу же резко спросила аббатисса.

— Такое не нужно говорить. Нет, никто не сказал мне недобрых слов. Но это правда. Из-за меня тень зла упала на это место, которое должно оставаться святым и мирным.

— Мы должны стремиться к миру. Святость не нам провозглашать, — ответила аббатисса. — Но куда же ты поедешь? Лорд Нордендейла...

Герта сделала быстрый жест.

— Ваше преподобие, он был добр ко мне, хотя имел полное право перерезать мне горло. Я навлекла на него такую опасность, какую редко приходится встречать человеку. Ты ведь знаешь мою историю, как я просила помощи в мести у существ, чья природа — сама тьма, а потом завлекла лорда в их сеть.

— Но ты ведь и сражалась за него, — медленно проговорила аббатисса. — Разве ты не верила, сражаясь за него, что он опозорил тебя?

— Да. Но какое это имеет значение? Если бы я обратила против него свой кинжал, я была бы в своём праве, — прежний стыд и ненависть вернулись к ней при этом воспоминании. — Но ни один человек, каков бы ни был его грех, не должен быть отдан древнему злу.

— Но он не стал винить тебя. Напротив, оказал тебе честь за то, что ты сражалась против стыда. Этот Тристан говорил со мной перед отъездом, и разве с тех пор не приезжали сюда дважды его посыльные, подтверждая, что он совершил задуманное, принял под свою команду ли

шившихся предводителя жителей Нордендейла, принёс мир и надежду другим, что он хочет, чтобы ты стала его леди, и будет оказывать тебе все почести. Он сильный человек, жёсткий в своих правилах, но так же хорош, как сталь, которой он владеет. Как же он? Ты поедешь к нему?

— К нему в последнюю очередь, ваше преподобие. Он только что стал лордом. Он сильный и смелый человек, но если возьмёт жену с «подменышем», у него начнутся неприятности, как вода поднимается у перегородившего ручей камня. И со временем всё равно затопит его. Нет, я не поеду в Нордендейл. И покорно прошу Ваше Преподобие не слать вестников Лорду Тристану. И если он или его посыльный появятся здесь, скажите, что я вернулась к своей семье.

— Ты сама говорила, что у тебя нет семьи, — резко возразила аббатисса. — Ложь, даже ради добра, здесь недопустима.

— Леди аббатисса, я по своей воле противопоставила себя остальным людям. И пойду туда, где, вероятно, моё место.

— В Пустыню? Но это означает смерть. Добровольно искать смерти — тоже грех.

Герта покачала головой.

— Нет, если бы я хотела идти той дорогой, то ушла бы много месяцев назад. Я иду не умирать, а искать ответ. И если поиски приведут меня в странные места, что ж, придётся идти туда.

— Пути Прежних никогда не были нашими. В этом поиске ты подвергаешь опасности большее, чем своё тело.

— Леди, я подвергла себя опасности много месяцев назад. Ты считаешь, — лицо девушки вспыхнуло, глаза загорелись, как у боевого сокола, готового устремиться на добычу, — ты считаешь, что я не должна сражаться за этого ребёнка? Есть места, в которых зло появилось раньше, чем здесь поселился человек, но есть места мира и добра. Разве не правда, что небольшая порция опасной травы может

исцелить тело, победить болезнь, вызванную той же травой? Если на поиски уйдёт вся моя жизнь, я всё равно буду искать.

Аббатисса долго не отвечала. Она изучала лицо Герты, как будто силой воли могла проникнуть в её мысли.

— Выбор твой, — медленно сказала она. — Мы не пользуемся странными силами, но иногда Пламя даёт нам предвидение, как у Мудрой Женщины, глядящей в свою чашу предсказаний. Не знаю, почему, но верю, что если можно помочь в твоём желании снять проклятие, такая помощь тебе будет оказана.

— А если приедет Лорд Тристан? — Герта перевела дыхание. Она никак не рассчитывала услышать такое признание от женщины, поглощённой ритуалами, которые отвергают иные и древние силы.

— Ему будет сказана правда. Что ты родила ребёнка, за будущее которого нужно бороться, и что ты отправилась бороться, а куда, мы не знаем. Не знаю, примет ли он наши слова. Решать ему. Не могу благословить твой поиск, но как верующий в одно желает добра верующему в другое, так и я желаю тебе добра, леди Герта. Ты храбра, твоя воля как лезвие меча, побывавшего во многих битвах мира, но всё ещё прочного и острого.

У тебя есть лошадь, которую оставил тебе Лорд Тристан; советую тебе принять её, хотя твоя гордость может потребовать отказа. Мы дадим тебе ещё вьючного пони, их у нас много, их приводят беженцы. Многие из них не выживают и не оставляют родственников, которые унаследовали бы их добро. Дадим тебе припасов и дорожную одежду. Можешь выбрать, что хочешь, в наших кладовых.

Я пожелала тебе добра, — аббатисса помолчала. — Но не могу добавить чар благословения: там, куда ты идёшь, они могут оказаться не помощью, а помехой. И не спрашиваю, в каком направлении ты поедешь, хотя посоветую не ехать открытыми дорогами: эта земля в хаосе, и многие лишившиеся предводителей люди охотятся на ней сами по себе.

— Леди аббатисса, ты дала мне гораздо больше, чем я осмеливалась бы просить, — Герта встала. — И, может быть, самый большой твой дар то, что ты не сказала: «Не уезжай, это бесполезно!»

Аббатисса слегка улыбнулась.

— А если бы я так сказала, и развела руки, и воспользовалась своей властью — впрочем, ты не дочь этой крыши, и у меня нет над тобой власти, — разве ты послушала бы меня? Нет, я знаю, что ты много думала и считаешь это долгом своей жизни. Да будет так. Мы сами выбираем свои дороги, и многие это делают гораздо беззаботнее, чем ты.

Герта стояла очень прямо. В этой женщине есть что-то такое: в других обстоятельствах они могли бы стать друзьями. На мгновение она подумала, каково было бы стать «дочерью» в этом мирном жилище. Но это была беглая мысль. И Герта повторила старое прощание путника:

— За еду и крышу благодарю и благословляю. Пусть всё будет хорошо в этом месте, а я снова отправляюсь в дорогу.

Аббатисса слегка наклонила голову.

— Иди с миром, леди Герта. И да найти тебе всё, что ищешь, — и хотя она отказала в благословлении пламени, всё же подняла руку и начертала какой-то знак в воздухе между ними.

Так Герта и Эльфанор ушли из этого места мира. Аббатисса была щедра. Герта сидела боком на лошади, на которой её привёз сюда Тристан; из вещей, оставленных беженцами, она взяла широкие, похожие на юбку брюки, в которых благородные леди ездят на охоту. Лошадь была не очень видная, небольшого роста; Герта была уверена, что в ней течёт кровь диких горных лошадей. Но именно таких подбирают для трудного пути.

Чуть позади на узде шёл ещё меньшего размера пони, с вьюками на спине. К поясу Герты был привязан длинный нож-кинжал, который она также отыскала среди вещей в кладовой. К седлу она прицепила короткое копыё для

охоты на кабана с прочным наконечником, острым, как игла. Эльфанор ехала в похожей на колыбель корзине за спиной Герты, так что руки у девушки оставались свободными и она могла управлять обоими животными.

Она выехала ранним утром, потому что хотела миновать дороги до того, как на них появится много путников, и углубиться в холмы, как и советовала ей аббатисса. Земля поистине была полна людьми без вожakov и разбойниками. Многие лорды погибли в войне, их владения достались слабым, которые теперь оказываются лёгкой добычей для проходимцев. Только такие люди, как Тристан, могут в конце концов привести в порядок этот хаос. Герта подумала об этом, но потом отогнала подобные мысли. То, что она могла бы встать рядом с ним, может быть, помочь ему, — это фантастический рисунок из дыма, и мрачная правда её ноши быстро разгоняет этот рисунок.

Ещё до того, как солнце поднялось высоко, Герта съехала с дороги и углубилась в путаницу тропинок, которые вились между камней, выглядевших так, будто это случайный результат камнепадов; однако после тщательных расспросов в аббатстве Герта выяснила, что на самом деле это преграды или полуприкрытые ворота, которые скрывают начало иной, гораздо более древней дороги.

Прежние, некогда населявшие Долины, предпочитали дороги, которые поднимались на вершины холмов, а не вились долинами. Именно такой путь несколько месяцев назад привёл её вначале к святилищу Гунноры, а потом и к жилищу Жаб. Теперь Герте нужно было вернуться к святилищу. Только Гуннора может дать ей какие-нибудь указания. Потому что Великая Женщина любила детей и благосклонно относилась к их нуждам. Поможет ли она проклятой... Нет, твёрдо сказала себе Герта, согрешила она, а не ребёнок. И потому расплачиваться тоже должна она. Она приняла бы на себя чешуйчатую кожу, выпуклые глаза — всё то, что поразило Эльфанор. И надеялась, что Гуннора пошлёт ей сон и расскажет, как этого достичь.

Герта ехала медленно, временами останавливалась, ела с седла, кормила и пелснала Эльфанор. Девочка не плакала. И это её молчание выглядело довольно странно. Герта заметила, что иногда эти круглые глаза смотрели на мир как-то не по-человечески. Не может ребёнок такого возраста смотреть на окружающее так пристально.

Хотя древняя дорога проходит по вершинам, те, кто её создавал, позаботились, чтобы путников нелегко было заметить. Со стороны долин дорогу закрывали густые кусты и деревья, иногда они уступали место вертикальным разбитым скалам, сливающимся с местностью, так что и по ним нельзя заметить дорогу.

Герта и девочка провели ночь в месте, которое могло быть специально подготовленным для лагеря, потому что тут скалы наклонились друг к другу, концы их соединялись, образуя подобие крыши.

Здесь была даже яма, почерневшая от многих костров; Герта уложила в неё хворост и сухой мох, которые заранее собрала, разожгла костёр и села возле него, взяв ребёнка на руки. В огонь она бросила горсть сухих листьев, которые ей дала Ингела. И теперь от костра исходил свежий чистый запах. Но не ради него Герта бросала травы. Их комбинация должна не подпустить к лагерю тёмные сны. Запах прочищает голову, и об этом знают те, кто разбирается в растениях. А Герта нуждается в этом.

Путешествие по старинной дороге снова отдало её во власть всё ещё существующих древних сил. И она должна использовать любые средства защиты от зла.

Лошади тоже подошли поближе к огню и ели зерно, которое Герта достала из мешков. Отпустить их свободно пастись она не решалась. Но поблизости была вода, ключ, питавший небольшой ручей; лошадь и пони шумно напились, а сама Герта промыла две бутылки, наполнила их заново и утолила собственную жажду после сухого дорожного хлеба.

Спала она урывками, потому что сама включила в себе

внутреннего стража, который пробуждал её время от времени, и она подбрасывала дров в костёр; рядом с рукой всё время лежали наготове нож и копьё.

Хоть Герта и старалась облегчить себе путь, тело её болело. На рассвете, лёжа между камнями, она уже больше не могла спать и думала о направлении, в котором двинется дальше.

Дорога продолжалась, то опускаясь в неглубокую долину, то снова поднимаясь вверх. Герта проезжала скалы, на которых были вырезаны странные символы, вырезаны так глубоко, что даже время не смогло полностью стереть их.

На четвёртый день дорога разделилась, одна ветвь её повернула на юг. Герта никого не видела, хотя раз или два, приближаясь к долинам, слышали звуки шагов других путников. И при каждом таком звуке замирала с бьющимся сердцем.

Герта поехала по северной дороге и стала искать знакомые ориентиры. Если она права, именно по этой дороге несколько месяцев назад она направлялась к святилищу Гунноры. И теперь следовало найти какую-нибудь скалу или участок местности, которые она помнит.

У развилки не оказалось подходящего места для лагеря. Дул ветер, холодный, без всяких признаков весенней мягкости. Герта сняла колыбель с седла и поставила её перед собой, прикрыв плащом, чтобы хоть немного защитить ребёнка.

В начале вечера по склонам холма двинулись тени. Но Герта продолжала двигаться, потому что пока не находила места для отдыха. И вот, уже почти перестав надеяться, она увидела здание, которое искала. Из двери, на которой висел выкованный из железа символ Гунноры — сноп, перевязанный ветвью фруктового дерева, — виднелся свет.

Лошадь, шедшая с опущенной головой, вдруг заржала. Сзади отозвался пони. Герта сама произнесла голосом, хриплым от холода и долгого молчания:

— Удачи этому дому и тем, кто живёт в нём.

Дверь раскололась, половинки скользнули в стены. Вперёд устремился золотой свет. Лошадь не дала Герте возможности колебаться, она прошла в дверь и остановилась во внешнем помещении, а не на настоящем дворе. Оба животных казались спокойными и довольными, словно пришли к себе домой.

Герда, с затёкшим онемелым телом, чувствуя, словно проехала целую вечность, спешила.

«Входи с миром».

Голос доносился из воздуха. Герта вспомнила, что так же было и в её первое посещение святилища. Она с сомнением посмотрела на лошадь и пони. С них нужно снять груз. Они хорошо поработали и заслужили отдых.

«Входи, — перед ней открылась вторая дверь. — За добрыми животными присмотрят, как и за всеми, кто приходит с миром».

Герту уже заполнило ощущение тепла, освобождения от тяжести. Она больше не колебалась и прошла вперёд. У второй двери достала из ножен длинный кинжал и оставила его на полу, потому что в зал Гунноры не входят с оружием.

Вторая комната была точно такой, какой она её помнила: стол с едой, всё готово для подкрепления путника. Зашевелилась в своей корзине Эльфанор, испустив негромкий мяукающий крик. Большие глаза опять смотрели в лицо матери, и никогда ещё Герта не была так уверена, что в этом маленьком изуродованном теле живёт разум, гораздо более древний, чем плоть и кости.

Она ожидала протестов ребёнка, а может, и того, кто обитает в этой комнате. Можно ли приносить проклятое существо в свет, противоположность этого проклятия? Но кроме первого крика, Эльфанор не испустила ни звука, и других ответов тоже не было. Герта опустила на стул, левой рукой держа девочку, а правую протянула и взяла кубок, от которого поднимался пар: согретое вино, приправленное травами, привет путнику после долгого дня пути по холоду.

Она выпила. И стала есть густую похлёбку, сытную пищу, наполнявшую тело силой, успокаивающую мысли; ни разу после посещения святилища она не испытывала такого удовлетворения едой.

Наевшись, она откинулась в кресле и заговорила, обращаясь к огням двух ламп, освещавших комнату.

— Тому, кто дал еду, благодарность от чистого сердца. Благодарность за приют. Той, что правит здесь... — тут Герта заколебалась. Она не могла подобрать нужных слов. И впервые ясно осознала, что сделала. В это место мира и света она принесла грех и зло — собственный грех и собственное зло!

По другую сторону стола открылась вторая дверь. За ней свет был более тусклый. И комнату заполнил аромат цветов, как в самый разгар лета, слышался безголосый шёпот, какой можно услышать на берегу весёлого ручья, гудение довольных пчёл, занятых сбором урожая, лёгкое дуновение ветерка, шевелящего цветущие ветви.

Та, что живёт здесь, кажется, не осуждает её, как осуждает себя она сама. В сердце Герты вспыхнул лёгкий огонёк надежды. Волоча загрязнённую в дороге юбку, она пошла вперёд, не медленно и неохотно, но как человек, знающий свою цель и стремящийся к ней.

Её окружили щупальца дыма, аромат стал сильнее. И Герте показалось, что он приобрёл материальные очертания, навстречу ей двинулось множество рук. Спотыкаясь, чуть одурманенная сильным ароматом, Герта наткнулась на лежанку. И тяжело легла на неё. Глаза её закрылись.

Свет, золотой, как осенние яблоки, богатый, как то золото, что ценят люди. Он поднимается от пола и уходит высоко вверх, и Герта, как ни задирает голову, не может увидеть его вершины. Герта видит только, что столб света не сплошной, хотя взгляд её не способен проникнуть сквозь него. Свет пульсирует в ритме биения её сердца.

И хоть этот столб прекрасен, есть в нём что-то страшное, почти грозное. Герта, не отдавая себе отчёта,

преклоняется перед ним. Она хочет протянуть руки, просить прощения; но руки её не отрываются от того, что она несёт. И она отводит глаза от света и смотрит на свою ношу.

Ребёнок, человеческий ребёнок, с подлинно человеческой внешностью, но тёмный, мрачно тёмный. И на нём свет столба пробуждает ответ, искру, ясную и золотистую.

— Леди... — Герта не думает, что говорит вслух. В этом месте слова исходят прямо от сердца, от самой сердцевины разума, и в них может быть только истина. — Я согрешила против жизни, которая есть добро. И пусть наказан будет не ребёнок, а я. Невинные не должны страдать из-за виновных.

Свет вспыхивает так ярко, что обжигает ей зрение. Бегут слёзы. Или это слёзы, которые она не выплакала с тех пор, как люди совершили над ней зло и поймали в эту грязную сеть?

Герта ждёт ответа. И когда не получает его, в ней пробуждается страх. Ей приходится призвать всю свою силу и храбрость, чтобы не закрывать глаза и продолжать смотреть на этот обжигающий свет. Она дрожит, ей кажется, что её охватывает холод, отсекает её не только от милости света, но и вообще от жизни всех остальных людей.

Она начинает плакать. Если её ждет смерть, тогда...

— Не ребёнок! — её слова не просьба, а скорее требование. И тут же она пугается ещё больше, потому что здесь не требуют, здесь только умоляют и молятся.

Свет мгновенно исчезает. И Герта видит что-то ещё...

Перед ней скалы, размещённые определённым образом. Они образуют колесо. Она словно висит в воздухе над этим колесом. И хоть с поверхности оно выглядит по-другому, Герта узнаёт, что видит. Она дважды видела это место. Обиталище Жаб.

Дьявольские зеленоватые огоньки расцветают на скалах. Герта опасается, что вот-вот они устремятся к ней, что

всякая защита, которая могла у неё быть от этих Тёмных, теперь оставила её.

Но они как будто не подозревают о ней, если это действительно Жабы. Девушка начинается двигаться, словно у неё есть крылья и она медленно и размеренно машет ими. Она движется над скалами к центру круга. И видит ещё кое-что. Посередине нескольких путей, ведущих в паутину Жаб, прямо в центре прохода (словно закрывая эти проходы) стоят камни, которые светятся лёгким голубоватым светом. Три прохода закрыты, но три остаются открытыми. И тут в сознании Герты вспыхивают сведения, которые она как будто знала всегда, которые просто спали в её мозгу, а теперь проснулись.

Когда-то Жабы Гриммердейла были заключены в своём колесе, они не могли беспокоить сны людей, не могли привлекать к себе неразумных, как она, или злых людей. И они должны быть заключены снова. Герта перевела дыхание. Если такова возложенная на неё задача, она готова.

И тут же она получила предупреждение. Из-за того, что она уже пыталась использовать Жаб в своих целях, она уязвима перед ними. И для неё приблизиться к ним — это риск смерти, худшей, чем любая неудача или телесные страдания. Поэтому она должна сделать выбор. Спасёт ли она Эльфанор? Даже в этом она не может быть уверена, может только надеяться, но надежда эта сильна. Надежда поведёт её, станет её едой и питьём, её отдыхом и освобождением. И Герта уцепилась за неё со всей своей силой воли.

Снова девушке предстояли ветры высот. Когда она проснулась, её ждала добрая еда. Во внешнем помещении она нашла своих лошадей, накормленных, осёдланных, навьюченных, готовых к пути. Солнце уже коснулось вершин холмов, и девушка выступила, на этот раз двигаясь на восток и стараясь избегать заселённых долин.

По пути Герта отыскивала ориентиры, которые когда-то видела. Больше всего ей следовало опасаться случайной

встречи с охотниками или пастухами из Нордендейла. И ей помогало то, что жители долин обычно избегают мест Прежних и сторонятся их дорог.

Вначале дорога от святилища Гунноры была хорошо видна, потом, постепенно уходя на восток, она становилась всё менее заметна. И за пределами Нордендейла Герте придётся снова встретить бездорожье. У круга же Жаб, вероятно, вообще нет никаких дорог или троп.

Герта не решалась ехать быстро. Путь опасен, покрытые снегом и льдом камни были очень скользкими. Эльфанор в своей корзине-колыбели ехала за спиной Герты, и девушке часто приходилось спешиваться и древком копыа проверять надёжность пути. Иногда лошадь отказывалась идти, и Герта считала это добрым знаком: чувства лошади, более острые, чем у человека, предупреждали об опасностях впереди.

Целый день проведя в пути, Герта спала урывками. Она держала на руках Эльфанор, укрывая её плащом. Ночь они провели в гнезде из прошлогодних листьев и травы, которые Герта нагребла между согнутыми бурями деревьями. На второй день солнца не было, опустился густой туман, и от мелкого дождя плащ девушки совсем промок.

Она миновала Нордендейл — с чувством облегчения. Позволив себе лишь ненадолго посмотреть вниз, отметила перемены, которые произошли в этой полузаброшенной, лишившейся хозяина крепости с того времени, как видела её в последний раз. В садах и огородах работали люди, на склонах холмов паслись овцы. Но девушка прежде всего отыскивала взглядом башню крепости. И не увидела на резком ветру никакого знамени. Это означало, что лорд отсутствует. Где же он? Герта ударила рукой в перчатке. Есть только одно место, куда мог в такое время направиться Тристан, — Летендейл! Если же он отправился на поиски её — Герта покачала головой, словно могла так привести в порядок путаницу мыслей. Нет, теперь важно только одно: каменное колесо в Гриммердейле!

Для лошади и пони тут почти не попадалось корма. И они тянули в сторону позеленевших склонов холмов. Герте понадобилась вся сила и вся решимость, чтобы заставить их двигаться дальше. В полдень она подкупила животных кусками дорожного хлеба, они с радостью его съели и слизали крошки с камней.

Изморось так и не превратилась в настоящий дождь, но девушку со всех сторон охватила влажная серость. Одна из тех мелких неприятностей пути, которые могут уничтожить всякую решимость. Одежда липла к телу, теперь девушка непрерывно дрожала. К вечеру — если она нигде не задержится и не будет слишком долго отдыхать — к вечеру она окажется рядом с Гриммердейлом, а на следующее утро сможет начать выполнять свою задачу.

Хоть одно преимущество у неё будет, решила Герта. Силы Тьмы оживают ночью, в отсутствие света. И если она начнёт выполнять свою задачу днём, то выиграет какое-то время до наступления темноты. А может, даже успеет всё закончить.

Сумерки наступили рано. Заночевала Герта в таком месте, откуда видела фонарь над дверью гостиницы, в которой служила когда-то, ожидая возможности отомстить. Ей хотелось горячего питья, убежища, пусть даже такого жалкого, как этот постоялый двор, звуков голосов. Но она скорчилась в одиночестве, рядом две лошади. Герта сосала палочку сухого мяса и кормила ребёнка. И снова увидела в полутьме этот понимающий оценивающий взгляд Эль фанор. Какой-то нечеловеческий взгляд, коварный, злобный, предвкушающий.

Герта заставила себя считать это только своим воображением. Покормив ребёнка грудью, она укачивала девочку на руках, шёпотом напевая старую-старую колыбельную, которой ещё её нянька отгоняла тьму и всё остальное, что может таиться в тени.

Этой ночью она не спала совсем. Как будто близость цели вызвала в ней приток лихорадочной энергии, и ей

приходилось из всех сил заставлять себя не покидать убежища, не идти напрямик туда, где её ждут.

Так сильно было это желание, что девушка прижалась к земле и отчаянно боролась со стремлением двигаться, идти...

Ночь тянулась как год, как столетие, она была длиннее всей жизни Герты. Во всяком случае так показалось ей, когда над холмами показались первые лучи рассвета. Герта с трудом встала. Она оцепенела от холода, все мышцы болели, словно её избили. А впереди её ждала трудная задача.

Поставив на землю корзинку с ребёнком, Герта раскрыла мешочек, который ей дала Ингела. Там находились связки листьев, такие высохшие, что превратились в сухой порошок, и другие, тоже увядшие, но ещё державшиеся на ветвях.

Герта сделала выбор, поднося каждый пучок к носу, чтобы убедиться, что это именно то, что ей нужно. Пять таких пучков она растёрла, смешала с содержимым небольшого горшочка, добавила ещё три, потом ещё один, с самым сильным запахом, от которого она чихнула и даже подавилась, когда слишком близко придвинулась.

Получившейся мазью она широкими кругами обвела глаза. Мазь застревала в бровях, и девушка морщилась от сильного запаха. Потом сняла влажную шапку и нетерпеливо отвела волосы, чтобы добраться до ушей. Остатком мази натёрла ладони. Подготовившись таким образом, не завтракая, как требовал обычай, она взяла корзину с Эльфанор и спрятала в ближайшем укрытии — под густым кустом с нависающими ветвями. Сунув колыбель под этот грубый навес, Герта камнями прижала свисающие ветви.

Лошадь и пони пошли за ней. Она безрассудно собрала все остатки дорожного хлеба и выложила двумя кучками, чтобы животные сразу принялись есть. Встав, Герта выпрямилась, заставляя себя не оглядываться. Она сделала всё, что могла, для защиты Эльфанор. И не позволяла себе

поддаваться дурным предчувствиям. Теперь нужно думать только о том, ради чего она пришла сюда.

Ей хорошо был виден круг камней — внешняя сторона колеса Жаб. Герта сжала руки намазанной стороной наружу. И направила вперёд концы пальцев, ощущая сильный запах трав.

Поначалу она пошла, обходя колесо по внешней стороне. Не позволяя себе смотреть в эти проходы между камнями, ведущие к центру, она смотрела только в землю. И в третьем проходе нашла первый из «запирающих камней».

Герта споткнулась. Это был грубый обломок скалы, даже не обработанный, как другие камни, высотой ей до колена, и так глубоко погружившийся в землю, что на самом деле должен быть гораздо больше. Герта облизала губы кончиком языка, рассматривая камень, пытаясь определить его вес, оценить собственные силы. Сможет ли она его передвинуть?

Придётся постараться. Девушка сбросила на землю плащ, он влажно лип к её плечам и рукам, мешая двигаться. Она видела нужный ей камень. Вот он! Весь из острых углов, на фоне земли ярко выделяется его голубоватая поверхность. Герта протянула к нему руки, положила на камень и надавила. Камень оставался недвижим, прочно вкопанный в землю, как лесное дерево.

Да — но когда-то же его сдвинули. Он стоял на другом месте, и туда его нужно вернуть. Девушка, напрягая силы, раскачивала камень взад и вперёд, цеплялась за неровные края. И камень сдвинулся!

Небольшой успех, но достаточный, чтобы приободрить её. Тяжело дыша, напрягаясь, раздирая в кровь ладони, несмотря на защитную мазь (девушка знала, что в этом месте нельзя пользоваться перчатками, висевшими у неё на поясе), Герта перекатила камень на середину одного из незащищённых проходов и прислонила к нему, приходя в себя.

Что-то возникло рядом, что-то вроде беззвучного смеха, намешки над нею. Уверенности в её неудаче. Герта выпрямилась. Губы она плотно сжала, подбородок подняла. Один! Теперь следующий...

Второй камень она нашла быстро, но тот оказался погребён меж других камней. Ей пришлось откапывать, оттаскивать, дёргать, прежде чем она смогла снова попытаться передвинуть камень. Этот камень был настолько упрям, он с такой неохотой расставался со своим ложем, что Герта дважды приходила в отчаяние. Ладони её оставляли на поверхности камня кровавые отпечатки, но она всё же закрыла им проход. Два...

Её грыз голод. Она уже покачивалась от головокружения, но отправилась на поиски третьего камня. Конечно, она сможет отыскать его и установить. Широкая, разделённая, как брюки, юбка цеплялась за ноги. Герта словно шла по трясине из засасывающей грязи, приходилось бороться за каждый шаг.

И она никак не могла найти третьего камня! Но он должен здесь быть! Видение в святилище не могло обмануть её. Обладающие Силой не разыгрывают такие жестокие шутки. Они могут отказаться помочь, но не обманут сознательно. Где-то должен лежать этот камень. Герта двигалась медленно, тщательно осматривая землю. Там валялось множество упавших камней, больших и маленьких, но среди них не было голубых.

Может быть, он полностью погребён в какой-то груде? Но она не видела достаточно большой груды, которая могла бы скрывать камень такого размера. Снова обошла она по внешней окружности колесо. И в сознании её всё громче раздавался этот злобный коварный смех, который теперь бил её, как ветер начинающейся бури. Теперь она была уверена: жабы знают об её замысле, они следят за ней, забавляясь, уверенные, что все её усилия напрасны. Но так не будет!

Поиск охватывал всё большее пространство, Герта всё

дальше отходила от края колеса. Она сходила к Эльфанору и накормила хнычущую девочку, не сознавая собственной усталости: ноги под ней подгибались, руки оставляли на одеяле кровавые следы, а всё тело дрожало сильной, не поддающейся контролю дрожью.

Голод исчез, осталась только тупая боль в теле. Герта скорчилась, полная нетерпения. Но она понимала, что сначала нужно накормить ребёнка. Лошадь и пони стояли по обе стороны от куста. Всю пищу они уже слизали, но не ушли.

Неожиданно лошадь подняла голову и, прежде чем Герта сумела остановить её, заржала. Послышалось ответное ржание. Девушка застыла на месте, потом быстро отняла ребёнка от груди и уложила в корзину. Эльфанор открыла рот и отчаянно закричала.

Герта с огромным трудом встала и стояла, пошатываясь, одной рукой застегивая платье, а другую положив на рукоять кинжала. Дождь прекратился, но над головой нависали низкие тучи. Однако было не настолько темно, чтобы скрыть приближавшегося всадника.

В этой истощённой войной земле теперь шаталось много разбойников, у которых достаточно храбрости и даже склонности следовать по дорогам Прежних. Герта вспомнила также кошмарные рассказы о существах, которые, как говорят, скрываются в хребтах. Никто не придёт сюда, если у него нет какой-то злой цели, настолько мрачна и опасна репутация этой местности.

Всадник направился к вершине холма, и девушка увидела, что на нём кольчуга и шлем, закрывающий лицо. На роге седла висел щит с заново нарисованным гербом. Это было единственное пятно цвета, потому что лошадь была такой же тускло-серой, как и его доспехи; даже грива лошади не отличалась по цвету от тёмного плаща.

Раньше она могла бы узнать его по гербу на щите, но теперь лорды долин лежат во множестве неведомых могил, и поднялись новые люди, с новыми гербами. Герта не

могла определить имя человека с таким гербом. Рисунок грубый, словно делал его человек, не вполне владеющий мастерством. Изображение чудовищной головы, и поперёк неё гораздо лучше изображённый меч. Этот меч словно преграждает чудовищу дорогу к добыче. Холодное железо...

Эта мысль промелькнула у неё в голове, и тут всадник окликнул её. Холодное железо, оно противостоит магии Прежних, это оружие против них.

Какой-то разбойник, более безрассудный и смелый, чем остальные? Или путник, не подозревающий об опасности этого места? Под шлемом лица не было видно, как под маской. Но голос, которым он её окликнул! Герта набрала полные лёгкие воздуха... Да, она узнала его!

Его конь, боевой конь хорошей породы, осторожно двинулся вперёд. Поводья лежали у неё на шее, всадник не управлял её движениями. Герта хотела убежать, но рядом не было никакого убежища, ей негде спрятаться — ведь не прятаться же в логове Жаб, где они уже однажды побывали вместе.

— Леди... — его приветствие словно повисло в воздухе между ними, она отказывалась услышать его. Лошадь его спокойно стояла, а он с лёгкостью бывалого бойца соскочил с неё, оставив щит висеть на месте. И направился к ней, слегка скрипя сапогами по камням. Герта наконец обрела дар речи, смогла поднять руку и сделать предупреждающий жест.

— Нет!

Если он и услышал её, то не обратил внимания. Теперь она хорошо видела его загорелый подбородок, полнотелый рот под полумаской шлема. Он остановился, снял металлические перчатки, сунул их за пояс, потом проворно расстегнул крепления шлема, снял его с головы, и ветер подхватил его волосы. Слегка суженными глазами он разглядывал её так задумчиво, что Герте захотелось оказаться где-нибудь в другом месте, далеко отсюда, в

безопасности от мыслей, которые он пробуждает в ней. Ничто не должно отвлекать её от цели. Укрепив свою решимость, она в свою очередь сделала шаг вперёд, подняла обе руки, грязные, со сломанными ногтями, с окровавленными пальцами, и повторила предупреждающий жест.

— Милорд Тристан, зачем ты здесь?

Она не могла найти других слов, хотя её одолевало множество мыслей.

— Я был в Летендейле, ты ушла оттуда, — он говорил просто, словно с испуганным ребёнком. — Мне сказали, что ты будешь искать помощи в странном и опасном месте. Поэтому я и приехал сюда.

Герта языком облизала губы, почувствовав горький вкус мази.

— Это... моё дело... — она пыталась разжечь в себе спасительный гнев. Всегда, кроме одного случая, она сама защищала свою независимость, сама несла своё бремя.

— Я не сведущ в колдовстве, — серьёзно сказал он. — Может, ты права и только твои руки, — он посмотрел на её окровавленные пальцы, — могут совершить это. Но ведь может быть и так: двое, леди, легче и быстрее справятся с делом, чем один.

И прежде чем Герта смогла отступить, он быстрым шагом приблизился к ней и попытался взять за ладонь. Но она отдёргнула руку.

— Нет! — воскликнула она. — Они защищены.

— Защищены! — и Тристан слегка приподнял одну бровь: она помнила этот его жест. — Судя по их виду, защита мало помогла им сегодня. Расскажи мне, — теперь в его голосе слышались властные нотки, так говорит человек, много раз отдававший приказы другим. — Расскажи, что ты здесь делаешь и почему.

— Почему? — Она должна оттолкнуть его, и быстро, избавиться от него, он тут ни при чём, и его нельзя вовлекать в её беды. Взмахнув загрязнившейся одеждой,

она повернулась и наклонилась к корзине. Прижав её к бедру, Герта отвела покрывало с лица Эльфанор. Даже при низких тучах тусклый свет безжалостно показал ясные признаки проклятия. Девочка смотрела широко раскрытыми глазами, смотрела своим злым понимающим взглядом. — Видишь? — яростно спросила Герта, внимательно глядя на него, ожидая первых знаков отвращения.

Но нужно было признать, что он умеет держать себя в руках. Никакого проявления отвращения она не заметила.

— Мне рассказывали — подменённый ребёнок... — говорил он медленно, как будто опасался её встревожить. — И ты думаешь, леди, что здесь найдёшь ответ?

— Может быть, только может быть, — она чувствовала себя странно, не встретившись с отвращением, к которому готовилась. Что это за человек, который, не моргнув глазом, смотрит на результаты тёмного зла?

— Ну, иногда большего и нельзя просить, — и опять он сделал несколько быстрых уверенных движений, и она обнаружила, что корзина уже у него в руках, он прочно держит её и смотрит на ребёнка. — Что, по-твоему, следует сделать? — резко спросил он.

Она хотела отнять у него корзину, плотнее завернуть Эльфанор, уберечь и от его глаз, и от холода. Но усталость сделала её неуклюжей, и она покачнулась и упала лицом вниз, а он, держа корзину одной рукой, другой подхватил Герту, прижал к себе, поддерживая.

— Пошли, — он легко противостоял её слабым попыткам вырваться. Отвёл к груде камней, сел, держа корзину на коленях, усадил её рядом, а она настолько лишилась сил, что не смогла высвободиться.

Она дрожала, руки её бессильно лежали на коленях. И тут, к своему величайшему отвращению, она поняла, что плачет. Ей так хотелось сдаться, подчиниться кому-то. Но — достаточно было одного взгляда на Эльфанор, которая, как всегда, лежала спокойно, но теперь немигающим взглядом смотрела на мужчину и в глубине её глаз ожили злые коварные огоньки.

Герта собралась с силами, высвободилась и с трудом встала.

— Камни... остался последний... — она должна вернуться к своей задаче!

— Какой камень? — Тристан не пытался её удержать, голько тоже встал и осторожно поставил корзину на землю.

Но Герта уже пошла, и она так боялась, что он станет её удерживать. Если бы он попытался это сделать, она могла бы сдаться; какая-то предательская слабость пробудилась в ней, и это удивляло её и ослабляло решимость.

— Синий камень, последний... я искала, искала... Нашла два. Третий... не смогла, — она брела спотыкаясь, расставив израненные руки, словно заставляла землю выдать этот камень. — Камни... — она говорила больше с собой, стараясь вернуться к тому состоянию, когда, кроме задачи, ничего не существует, отрезать всё остальное. — Камни нужно поместить во входах, запечатать их. Такова возложенная на меня задача.

Она лишь отчасти сознавала, что он обошёл ее, встал у ближайшего из проходов и посмотрел на камень, который она с таким трудом установила здесь.

— Такой? — Тристан не стал ждать её ответа. Напротив, поглядев на камень, тоже начал искать среди скал, которые были разбросаны на склоне холма.

А Герта потащилась дальше, время от времени наклоняясь, чтобы вытащить небольшой камень, надеясь каждый раз увидеть под ним то, что ищет. Она почти на три четверти обошла колесо, но камня не нашла. Существует ли он вообще?

— Ха!

Она повернулась. Так стремительно, что потеряла равновесие и болезненно упала на колени. Сначала она не увидела Тристана, но вот его голова появилась почти на уровне земли, и она вспомнила, что видела там канаву.

— Мне кажется, он здесь, внизу!

Герта встала и подошла к нему. Тристан склонился,

энергично отбрасывая камни. Подойдя к краю разреза в земле, Герта тоже увидела его: из почвы выбивался только краешек, теперь расчищенный от камней. Синий, как и те, остальные. Но как она его поднимет?

Отбросив камни, Тристан извлёк меч и принялся рубить землю, откидывая в сторону комья затвердевшей глины. Но работал он неторопливо и осторожно, чтобы не повредить оружие.

Герта провела по лбу тыльной стороной ладони, смазав со лица защитное покрытие. Она в отчаянии смотрела вниз, где работал Тристан. Он может высвободить камень, да, но как она его оттуда вытащит? А потом ведь нужно ещё перетащить на место. А силы совсем покинули её тело.

— Вот он, леди! — Тристан отступил и снова сунул меч в ножны, довольно глядя на выкопанный камень.

Но Герта сумела только прохрипеть:

— Вверх... Как его поднять?

Она признала, что не в её силах поднять этот камень из расселины. Но ведь она одна должна это сделать, в этом она была уверена, знала это с самого начала.

— Есть верёвка, которой перевязаны вьюки твоего пони, — Тристан встал, поджав губы, и посмотрел на камень. — Можно вытащить с помощью лошадей.

Герта мигнула. В его словах есть смысл. Её так одурманила усталость, что такая возможность не приходила ей в голову. Почувствовав прилив энергии, она вскочила и направилась туда, где лежали вьюки. Да, верёвка есть, и прочная. Но достаточно ли прочная, чтобы выдержать вес камня, можно узнать, только попробовав. Обернув верёвку вокруг руки и плеча, Герта принесла её и бросила конец Тристану.

Он ловко подхватил его в воздухе и наклонился, обвязывая камень, используя все его выступы, чтобы закрепить шнур. Наконец поднял голову и посмотрел на неё.

— Приведи свою и мою лошадей, и посмотрим, как она выдержит.

Её собственная спокойная лошадь, не причиняя ника-

ких неприятностей, послушно подошла к канаве. Но конь Тристана попятилась, потянул назад конец узды, традиционный «земной конец» всадника-бойца, закатил глаза и фыркнул. Герта сильнее потянула за узду и обрадовалась: конь наконец-то послушался и неохотно пошёл за ней.

Тристан выбрался из расселины, он уже завязал один конец верёвки петлёй и надел на рог её седла. Потом, держа второй конец в руке, вскочил на своего коня и обернул верёвку вокруг рога своего собственного седла.

По его сигналу обе лошади потянули, и Герта увидела, как туго, словно тетива, натянулась верёвка и прижалась к краю расселины. Она так боялась услышать треск лопнувшей верёвки. Но этого не произошло. Конь Тристана шёл медленно, шаг за шагом, её собственная лошадь тоже шла вперёд, и верёвка оставалась туго натянутой. А камень высвободился из-под земли и поднимался по стене расселины, царапая эту стену и продельвая в ней борозду.

И вот наконец он перевалился через край и упал у ног Герты. Она торопливо подбежала к верёвке; кроме неё, никому тащить его нельзя. Тристан мигом оказался рядом, отодвинул Герту и принялся освобождать камень.

— Что теперь? Где тот проход, который нужно закрыть?

Герта покачала головой.

— Это должна сделать я! Мой грех, моё и наказание! — она попыталась протиснуться мимо него, ухватила руками за вымазанный землёй камень. Это должно быть сделано, и это должна сделать она!

— Нет, — голос его доносился словно издали. Голова девушки была так занята необходимостью завершить задачу, что она с трудом его слышала. — Если тебе нужно прикасаться, хорошо. Но помни, я тоже смотрел в морды Жабам.

— Потому что я заманила тебя, — Герта не понимала, что плачет, пока не почувствовала на губах солёный привкус слёз. — Всё сделала я. Отпусти меня. Камень нужно положить на место до заката!

Он не ответил. Напротив, наклонился, ухватил камень обеими руками, собрал все силы и катнул камень по земле. Герта с криком отчаяния рванулась за ним. Она первой добежала до камня, всю свою оставшуюся энергию вложила в толчок и почувствовала, что камень сдвинулся только на несколько дюймов.

Тристан снова оказался рядом с ней.

— Мы вместе сражались здесь, леди. И снова будем сражаться вместе. Я не для того отыскал тебя, чтобы снова потерять. Ты будешь двигать камень, но с моей помощью. Та сила, что послала тебя, не может отвергнуть мою помощь!

Герте не хватало дыхания, чтобы ответить ему. Она трудилась над камнем, и теперь он сдвинулся легче, раскачиваясь из стороны в сторону. Если она не выполнит возложенную на неё задачу, то пострадает её дочь. Но в одиночку ей не справиться, теперь она была в этом уверена.

Камень двигался так медленно. Становилось темнее, и это не тучи собирались перед бурей, просто приближалась ночь. А ночью Тьма обретёт силу, если они не сумеют до заката поставить камень на место. Герта дышала тяжело и прерывисто. Наконец слева открылся нужный проход. Тристан сменил положение и встал за Гертой, чтобы давить на камень с обеих сторон.

Герте казалось, что сама земля сопротивляется им, что от оснований камней ползут тени, скрывая неровную поверхность и препятствия.

— Осталось совсем немного, леди... — Тристан тоже дышал теперь тяжело. Потом опустился на одно колено, прижался к камню плечом.

— Отойди! — приказал он.

Она увидела, как напряглось его тело, побагровело лицо. Очень долго казалось, что камень намертво застрял на месте. Потом...

Медленно, качаясь из стороны в сторону (Герта смот-

рела с тревогой, прижав окровавленные руки ко рту), камень прополз вперёд и остановился в самом центре прохода.

Неожиданно налетел ветер, холодный и острый, как лезвие меча, взметнул одежду девушки, бросил в глаза пыль. Откуда-то в этом пыльном тумане появились руки, подхватили и поддерживали её. Послышалось ли ей или действительно в вое ветра прозвучал странный хор гортанных проклятий? Или она только вообразила это?

Она с трудом держалась на ногах. Тристан чуть ли не на руках вынес её из водоворота пыли и шума и понёс к кусту, под которым пряталась корзина с Эльфанор.

Ветер стих, и Герта услышала другой звук — отчаянный плач ребёнка. Тристан опустил её, и она заторопилась к колыбели. Было ещё не темно, сумерки только начали сгущаться. Герта схватила корзину в руки и опустилась на колени. Одной рукой прижимая к себе ребёнка, другой она отвернула одеяло. Эльфанор продолжала кричать.

Герта смотрела на неё — и ничего не видела. Из глаз её лились слёзы, должно быть, их воспалили песок и ветер. Герта отчаянно мигала, пытаясь прояснить зрение. Но вот она наконец смогла всё ясно различить.

Лицо её дочери покраснелось от усилий, глаза были плотно закрыты, она кричала и размахивала в воздухе сжатыми кулачками, которые умудрилась высвободить.

Красное лицо, но...

Страх Герты рассеялся. Это не подменыш! Она победила! Проклятие снято. Глаза ребёнка открылись. Тёмные, но никакого чуждого знания в них, точно так же, как на покрасневшей коже никаких чешуек.

— Свободна! Она свободна! — крикнула Герта, качая девочку вместе с колыбелью, прижимая её к себе. На плечи ей легли крепкие руки. Она смутно почувствовала, как в неё вливается новая сила, она больше не одна.

— Ты освободила её, — чётко прозвучали рядом слова Тристана.

Герта повернула голову и посмотрела на него, благодарность поднималась в ней, как пламя.

— Только с тобой я смогла это сделать.

— Ты думаешь, я мог не помочь тебе? — он смотрел на неё строго и жёстко в уходящем свете. Но на самом деле Тристан не таков, теперь она это знает. И впервые за многие дни, месяцы, даже годы, насколько она может помнить, Герта отказалась от своей независимости, погрузилась в безопасность его поддержки и присутствия..

— Только с тобой, — повторила она негромко. И по внезапно смягчившимся губам и блеску в глазах поняла, что он услышал. — Многим одарила меня Гуннора, и все её дары хороши.

— Да будет прославлено её имя, — сказал он тогда, хотя Гуннора — хранительница женской силы и мужчины никогда не поклонялись ей. — Она многое дала нам в этот час. Леди, темнеет, не пора ли нам идти?

Герта взглянула на Эльфанор. Гнев, охвативший её, когда она сражалась с силами Тьмы, прошёл. Девочка сонно мигала.

— Да! — воскликнула Герта. — Пойдём — домой!

И такая радость отразилась у него на лице, что Герта подумала: больше ей желать нечего.

КОШАЧЬИ ВРАТА

С благодарностью к Ингрид, без чьей помощи эта книга никогда не появилась бы.

1

Долгие вечерние сумерки отрастили у каждого куста длинные тени. Келси вздрагивала, хотя одета была тепло: в стёганое пальто и брюки поверх сапог. Обувь, казалось, с каждым шагом всё глубже погружалась во влажную почву торфяника, раскинувшегося до самых затянутых туманом холмов вдалеке. Местность выглядела какой-то нереальной, почти угрожающей, но она не собиралась поворачивать назад. Только крепче сжала зубы и плотнее взялась за небольшое ведро, которое несла в руке. Может, сегодня ей повезёт: она решительно отказывалась сдаваться и признать все эти рассказы.

Пока что она не видела в окружающем ничего прекрасного или внушительного, хотя с избытком начиталась излияний туристических брошюр-путеводителей об этих северных шотландских нагорьях. Напротив, ей даже казалось, что она находится в пустыне, в которой её ожидает какая-то неясная угроза. В таком месте вполне можно поверить в чёрных псов и бешеных коней ада, в существование потусторонних сил. Видит бог, она достаточно наслушалась таких историй, когда их рассказывали у очага. Но сейчас-то она не в тёплой и безопасной, хорошо освещённой комнате.

Девушка с опаской прислушивалась к вечерним шумам. Залаяла лисица, на какой-то далёкой ферме отозвалась собака. Эти звуки только обострили ощущение одиночества, и Келси негромко запела. Это была просто мелодия, без слов, которой она всегда успокаивает раненых или испуганных животных... Тут Келси снова почувствовала горячий гнев, который охватил её два дня назад, когда она увидела ту ужасную ловушку и в ней окровавленный клочок меха с двумя когтями: кошка перегрызла себе лапу, чтобы освободиться.

Она теперь ни на что не пригодна, сказали ей, охотники прикончат её ещё до того, как начнут ягниться овцы. Этот Нейл МакАдамс так самоуверен!

Но Келси видела хищника, на которого он охотился. Самка, причём скоро должна принести котят. Вчера девушка искала её следы в дикой местности на склонах холмов. Тетеревов множество, она вспугнула целый выводок, и это тоже противоречит рассказам об этих местах...

Келси упрямо сжала губы, вспоминая рассказы у каминна, не приносившие ей ни малейшего удовольствия. Выбраковка оленьего стада в прошлом году (так они это называют; почему бы сразу не сказать: убийство невинных). Или выпускают птиц в небо и стреляют в них... И это называется спорт!

Теперь она знает, что никогда не сможет жить здесь. Нужно будет продать дом и...

Чуть выше по склону холма из кустов появилась рослая фигура и целенаправленно двинулась туда же, куда шла и девушка. Невозможно ошибиться — это человек с ружьём. А охотится он на...

Келси побежала. Это всё-таки её земля, и у неё есть право решать, кто по ней может ходить, право не доверять побуждениям этого человека.

Впереди она увидела стоячие камни — так их называют в здешних местах, хотя в старину почти все они были опрокинуты стараниями церкви. Как урок тем, кто цепляется за старые времена и обычаи, и предупреждение тем, кто интересуется запретным. Стоячими остались только три камня, они образовывали угловатую арку: один грубо вырубленный камень лежал на двух других. Именно туда и шагал нарушитель её границ.

Теперь она почти поравнялась с ним.

Конечно, это Нейл. Она почему-то с самого начала это знала. Ловушка не сработала, и он решил прикончить раненое животное из ружья... На её земле! Никогда!

Позади камней раздался вой. В нём слышались и боль,

и ненависть, и решимость сохранить свободу. Человек поднял ружьё, Келси бросилась вперёд, но споткнулась. И едва успела задеть рукой ружьё, поэтому выстрел ушёл в сторону.

— Ты что это делаешь! — в голосе звучал гнев, но Келси смотрела не на человека: прямо перед аркой сидела дикая кошка. Слишком слабая или раненая, чтобы бежать, она смотрела на них с ненавистью и решимостью сражаться до смерти.

— Прекрати! — Келси, задыхаясь, встала. — Оставь эту беднягу в покое! Разве не достаточно ты её измучил?

— Прекрати, ты, девчонка! — гневно ответил он. — Твой зверь — вредитель. Он перепортит весной нам ягнят...

Он снова поднял ружьё, и в этот миг из-за облаков прорвалась луна и осветила арку и скорчившуюся под ней кошку. На этот раз Келси прочнее держалась на ногах. Она бросила свою корзину и обеими руками ухватила за ружьё. МакАдамс увернулся, и её башмак скользнул по глубоко погрузившемуся в торф камню. Кулак ударил её по лицу, девушку развернуло, и, крича от боли и гнева, она упала в арку, куда за мгновение до этого прыгнула раненая кошка. Ударившись головой о камень, Келси покатилась через отверстие в круг упавших скал.

* * *

Вначале Келси ощутила тепло и, не открывая глаз, чуть повернулась, чтобы всё лицо было обращено к этому теплу. Но даже от такого лёгкого движения в голове вспыхнула боль, и девушка застонала. Рядом что-то шевельнулось, шероховатая мягкая поверхность потёрлась об её щёку. Келси открыла глаза и тут же замигала: в них ударил солнечный луч.

Она весьма смутно помнила своё падение, после которого наступила тьма. Но ведь это не ночь на шотландском нагорье — это день! Неужели она пролежала так долго? А Нейл? Она приподнялась на локте и осмотрелась.

Как она сюда попала? Камни, веками валявшиеся на земле до того, как она упала между ними, теперь стояли прямо, словно стражники. От ближайшего камня, у которого она лежала, и исходило то приятное тепло. Вокруг трава — не жёсткая щетинистая и грубая, какую она помнит, нет, эта ниже и вся испещрена пятнами. Как будто мох. И жёлто-белые цветы, по форме похожие на тюльпаны, но таких тюльпанов она никогда не видела. Среди них мелькали яркие крылышки насекомых.

— Рррроуу... — Келси повернула голову и снова вскрикнула от боли. Рядом сидела кошка, вылизывая покалеченную лапу и время от времени поглядывая на девушку, как будто понимая, что может ей помочь.

Корзина валялась в футе от неё, и девушка протянула к ней руку, хотя каждое движение вызывало новый приступ боли в голове. Келси осторожно ощупала кожу и волосы на голове. Влажно. Поднеся пальцы к глазам, она увидела ярко-алую кровь. Девушка могла лишь чуть прикоснуться к ране, но ей показалось, что она поверхностная, скорее всего это просто царапина и содранная кожа.

Порывшись в корзине, она достала оттуда антибиотическую мазь и марлю — всё это она готовила для раненого животного. И сейчас первым делом поделилась с кошкой. Та только предупреждающе заворчала, когда девушка смазала ей лапу той же мазью.

Двигаться ей по-прежнему было трудно. Резкие повороты головы вызывали не только боль, но и приступы тошноты. Поэтому, покончив с сеансом военно-полевой хирургии, Келси прислонилась к камню, который каким-то невероятным образом вырос из земли, и с интересом осмотрелась. Кошка сидела на некотором удалении от неё, лизала раненую лапу, но не уходила.

Теперь у Келси появилась возможность осмотреться повнимательнее, и она принялась разглядывать окружающую местность, прищурив из-за солнца глаза. Пальто она уже сняла из-за необычного тепла, теперь хотелось снять и свитер.

Тёплый летний день, каких никогда не бывало в Бен Блэйр. Но там никогда не росло и таких цветов, которые здесь мягко покачиваются под дразнящими пальцами лёгкого ветерка. А камни — как они снова оказались вертикальными?

Конечно, всё это может оказаться иллюзией, а на самом деле она по-прежнему лежит с разбитой головой в темноте у камня, о который ударилась при падении. Но... всё казалось таким реальным!

Кошка перестала лизать лапу и издала негромкий горловой звук. Потом подошла к брошенному Келси пальто и стала царапать его, словно что-то искала.

А Келси, покончив с лечением, перестала бороться с ощущением глубокой усталости и закрыла глаза, но потом ещё дважды неожиданно открывала их, словно пыталась подглядеть, как меняется ландшафт. Однако тот оставался всё тем же: вертикальные синеватые камни, цветы, неестественное тепло. К тому же девушку начинала мучить жажда.

Если она действительно на холме Бен Блэйр, где-то недалеко от камней должен быть ручей. И мысль о воде, бьющей из-под земли, заставила её провести языком по пересохшим губам. Вода...

Келси не пыталась встать, даже передвижение на четвереньках вызывало у неё тошноту. Но девушка упорно заставляла тело двигаться от камней в сторону, где должен был находиться ручей.

Однако ручья не было. По крайней мере там, где она ожидала. Девушка снова легла — среди зарослей диких цветов, от сильного аромата которых голова кружилась ещё больше.

Вода — с каждым мгновением пить хотелось всё сильнее. И тут ей показалось, что она всё-таки слышит журчание. Может, она двигалась не туда, куда надо. Келси снова с трудом приподнялась и на четвереньках поползла на юг. И через несколько мгновений действительно увиде-

ла воду: прямо перед ней земля круто обрывалась к небольшому омуту, из которого вытекал ручеёк, журча среди поросших мхом камней.

Один раз болезненно упав, Келси добралась до края омута и стала пить из горстей чрезвычайно холодную воду, словно только что растаявший лёд. Холод прояснил ей голову, и она умылась, избегая притрагиваться к ране. И впервые с того времени, как пришла в себя, почувствовала, что снова стала сама собой.

На Бен Блэйр такого омута нет, как нет и стоячих камней. Тогда где же она? По-прежнему во власти галлюцинации, вызванной ударом головой о камень? Нельзя поддаваться панике, а паника возникает как раз от таких мыслей и вопросов без ответа. Она вполне в себе, хотя весь мир кругом изменился.

Келси сняла рубашку, которую носила под свитером, намочила в холодной воде, выжала и перевязала ею голову. И впервые обратила внимание на мелькание красок по другую сторону пруда. Там под грузом тёмно-красных ягод сгибались ветви куста — на них пировали птицы, не обращая никакого внимания на девушку.

Это не тетерева, она вообще таких птиц не видела. Один вид с золотой грудкой и розовыми крыльями, другой с ярко-зелёными перьями, а такие плюмажи девушка видела только на павлинах.

Ягоды... пища...

И — как раньше жажда — теперь на неё обрушился голод. Она поспешно обежала пруд. Птицы только слегка отлетели, но на крыло не поднялись, как она думала. Келси потянула за ближайшую ветвь и набрала полную горсть ягод. Сладкие и одновременно чуть терпкие. Попробовав, девушка принялась собирать ягоды и набивать ими рот. И с тех же ветвей клевали ягоды осмелевшие птицы.

Две или три птицы с голубыми с металлическим блеском крыльями чуть отлетели в сторону и наблюдали за ней — они вовсе не боялись девушки, а смотрели так, словно

она — загадка, которую они должны решить. Наконец одна из них взлетела и устремилась в небо, солнце освещало её великолепные крылья.

Кошка... Келси взглянула на птиц, которые бесстрашно клевали ягоды на расстоянии вытянутой руки от неё. Может, кошка ранена тяжелее, чем ей показалось вначале; девушка повернулась, собираясь вернуться к необъяснимому кругу камней. Вверх по склону она шла осторожно, шла уже не на четвереньках, хотя земля в глазах всё ещё чуть покачивалась. Добравшись до верха подъёма, Келси осмотрелась. Вот желтовато-чёрное пятно её пальто. Девушка заторопилась к нему, сосредоточившись на одежде, а не на том, что возле неё.

Однако когда её тень упала на край пальто, послышался тонкий писк и тут же предупреждающее рычание. И Келси увидела котят — двоих, маленьких, слепых, кошка только что кончила вылизывать их.

Келси понимала, что сейчас подходить к котяткам нельзя; кошка перестала рычать, но вряд ли позволит приблизиться к своему семейству. Девушка негромко заговорила, произнося те же слова, которые много раз использовала в ветеринарной лечебнице доктора Атлесса, где работала санитаркой.

— Хорошая девочка, умная девочка... — она присела на корточки, спиной к одному из камней, и разглядывала маленькое семейство. — Какие милые котята, хорошая девочка...

И тут девушка вздрогнула от вопля, который исходил не от кошки и её семейства. Похоже на крик измученной собаки, но Келси тут же поняла, что это не так. Вопль прозвучал дважды. Кошка прижала уши к черепу, сузила глаза. Келси задрожала даже под горячими лучами солнца. Она повернулась и посмотрела на холмы, на окружающие их камни. Крик послышался в третий раз, ближе и резче, словно охотник вышел на след. Девушка осмотрелась в поисках оружия, хоть какой-то защиты. Наконец подта-

щила пальто, на котором устроилась кошка, и высвободила пояс. Поблизости нет ни подходящей палки, ни камня, только это может послужить орудием защиты.

Крик послышался в четвёртый раз, и появилось само существо — вначале просто как чёрное пятно, отделившееся от куста. А когда оно приблизилось, Келси с трудом сдержала крик. Собака?

Нет, о таких собаках она не слышала! Почти скелет, рёбра ясно были видны под кожей. Пасть разрезала череп на две трети, из неё торчал красный язык, с него капала слюна и белая пена. Длинные ноги состояли будто из одних костей с натянутой поверх них кожей, и существо двигалось вперёд не стремительно, а украдкой, словно выслеживало добычу, не желая выпускать её из виду.

Келси приподнялась, прижимаясь плечом к камню, свободный конец пояса свисал из её руки, другой она плотно обернула вокруг кисти. Услышав рычание, она оглянулась на кошку. Та закрыла своим телом котят, шерсть её вызывающе ошетинилась. И хотя опиралась кошка лишь на здоровые лапы, ясно было, что она приготавилась к схватке.

Собака не устремилась сразу вперёд, как думала Келси. Напротив, хищник остановился в нескольких шагах от каменного круга. Откинув назад голову, зверь вновь испустил вой; как будто призывая товарищей по охоте. И хотя девушка и кошка были совсем слабы, Келси решила оказать хотя бы символическое сопротивление.

Послышался ответный крик — не вой, а скорее ответ словами, которых девушка не поняла. И из-за кустов появился всадник на лошади. Келси в изумлении затаила дыхание.

Лошадь — или какое-то другое, похожее животное — тоже напоминала ходячий скелет. Глаза в черепе — ямы, в которых пылало зеленовато-жёлтое пламя. А всадник был так закутан в плащ, что абсолютно невозможно было понять, что это за существо. Но у вновь появившегося всё-

таки были глаза, и Келси явно заинтересовала его. Рукой в перчатке он поднял какой-то стержень и нацелил его на девушку с холодной уверенностью — с такой МакАдамс целился в кошку.

У Келси не было даже времени спрятаться за камнем; из стержня вырвалось пламя. Однако жаркая струя до неё не долетела. Огонь словно ударился в непроницаемую стену сразу перед камнями, разлился по ней красными брызгами и исчез, оставив полоску маслянистого дыма, который, быстро растворяясь, поплыл в чистое небо.

Собака завывала и побежала, причём не прямо к девушке, но окружая камни, как будто искала дверь или отверстие, которое дало бы доступ к жертве. Секунду или две всадник оставался неподвижен. Потом с помощью узды повернул своё животное налево и присоединился к собаке в непонятном кружении вокруг крепости, в которую эти двое не могли проникнуть.

Келси крепко держалась рукой за камень и поворачивала голову, следя за этим кружением. Сама она без всякого труда покинула этот круг и потом вернулась в него, а эти двое словно наткнулись на стену.

Изумление сменилось паникой и страхом. Где она? Скорее всего в больнице, страдая галлюцинациями от удара по голове. Но ведь здесь всё так реально!..

Собака продолжала раздражённо, ворчливо лаять, как будто не понимала, что мешает этим двоим проникнуть внутрь круга.

Всадник остановился, его верховое животное время от времени принималось бить землю копытом, но он прочно держал его в узде. Свой стержень он держал небрежно, концом к земле. Похоже, они с кошкой попали в осаду. Может, враг ждёт подхода подкреплений. Но когда был нанесён следующий удар, первой встретила опасность не Келси, а дикая кошка.

Внезапно мох, покрывавший полоску земли внутри кольца камней, приподнялся как от подземного взрыва, во

все стороны разлетелись комья. И из рассыпающейся земли высунулось нечто похожее на птичий клюв, болезненного жёлто-серого цвета, и тут же кошка, сидевшая рядом с Келси, перешла к действиям.

Она прыгнула и, несмотря на свою раненую лапу, вцепилась в существо, пытавшееся выбраться из норы.

Среди земли заметалось волосатое тело, похожее на сухопутного омара. И тут зубы кошки со скрежетом сомкнулись сразу за клювом, и хотя многолапое существо продолжало дёргаться, оно явно проигрывало битву. Кошка продолжала отрывать его конечности, рвала брюхо, пока не прорвала хитиновый покров, и немедленно стала пожирать плоть, словно умирала с голоду. Келси, предупреждённая первым появлением врага из-под земли, обошла весь круг, внимательно приглядываясь ко всем возвышениям в почве.

И увидев подозрительное утолщение напротив продолжающей кормиться кошки, немедленно подготовила свой пояс. Поэтому, когда из пучка цветов высунулся клюв или нос, исследуя верхний мир, девушка сразу пустила пояс в ход. Больше благодаря удаче, чем искусству, она захватила конец клюва в петлю и сильно дёрнула, вложив в рывок всю силу руки.

Как рыба, заглотившая крючок, существо вырвалось на воздух, беспорядочно размахивая лапами. При этом высвободился длинный заострённый хвост, заканчивавшийся жалом. Хвост злобно хлестал, а существо, сильно дёргая головой, высвободило её из пояса, подскочило, перевернулось в воздухе и приземлилось на лапы. Лишь мгновение оно колебалось, потом вновь подскочило на три фута от вырванных цветов и устремилось прямо на Келси.

Девушка вторично взмахнула поясом и снова попала, отразив нападение. Но, отступая, она прижалась к одному из синеватых столбов, и тут же по телу пробежали уколы, словно от несильного электрического удара.

Левой рукой девушка ухватила за камень, который

оказался не холодным, как она думала, а тёплым и становился всё теплее. И при этом отломил кусочек каменного выступа.

Оставалась единственная возможность. Келси не могла сказать, откуда появилась эта спасительная идея, но она подтянула к себе пояс, закрепила обломок камня в пряжке и взвесила его в руке, продолжая внимательно наблюдать за подземным существом и действуя на ощупь.

Драгоценные секунды для этого ей дала кошка. Покончив с первым напавшим, она теперь отвлекала второго. И Келси ударила, на этот раз тщательно прицелившись.

Пряжка с камнем встретила существо в воздухе: оно прыгнуло как раз в тот момент, когда девушка размахнулась. Последовала яркая вспышка, столбы дыма и отвратительная вонь, от которой Келси затошнило. И существо, обгоревшее и почерневшее, ударилось о землю. Оно словно побывало в обжигающем пламени. Келси этот успех так подбодрил, что она повернулась, снова схватилась за каменный столб и попыталась оторвать ещё осколок. Но похоже, в тот раз ей повезло лишь случайно.

С рычанием кошка отпрыгнула от обгоревших останков и, вернувшись на пальто Келси, улеглась там, прикрыв телом двух пищавших котят.

Во время этой необычной схватки ни собака, ни всадник не шевелились и не проявляли никакого отчаяния от её результатов — если вообще подземные жители были их союзниками. Они как будто согласны были ждать: либо их добычу удастся вытряхнуть из убежища, как орех из скорлупы, либо подойдут подкрепления.

Келси подумала, что время действует не в их с кошкой пользу. Наверняка последует ещё нападение — или она придёт в себя от этого бреда. Впрочем, он так реален, что она цепенела от страха.

Девушка продолжала машинально тереть рукой грубую поверхность камня, переводя взгляд от всадника к собаке и обратно, ожидая того, что произойдёт дальше.

И тут сверху, из воздуха, послышался звонкий крик. Собака вскочила с рычанием, подпрыгнула, и Келси увидела, что над ней вьётся одна из тех синих птиц, которые вместе с ней кормились ягодами.

Слева послышались хриплые звуки, даже отдалённо не похожие на речь. Всадник развернул своё скелетоподобное животное, поднял жезл и нацелил его в птицу, но пламя не успевало за быстыми поворотами, спусками и подъёмами крылатого существа.

2

Кошка подняла голову и посмотрела на юг, на гряды холмов. Всадник, по-прежнему плотно закутанный, так что Келси не видела его лица, тоже повернулся и посмотрел в том направлении. Птицы резко закричали и начали кружить вокруг камней. Всадник рывком натянул узду, и лошадь устремилась вперёд, словно собиралась растоптать Келси. Но, не завершив нападения, встала на дыбы, и всадник какое-то время словно боролся с лошастью. Собака прижалась животом к земле и поползла назад, туда, откуда пришла. А Келси, хоть и смотрела внимательно, не видела ничего, кроме птиц.

Всадник больше не боролся с лошастью (если это существо можно было назвать лошастью). Он позволил ей повернуть в том направлении, откуда они появились. И лошадь, хотя он не подгонял её, пошла вначале рысью, а потом перешла на галоп и исчезла между двумя холмами; собака бежала рядом с ней.

Келси ждала. Птицы перестали кружить и полетели на восток. Девушка с кошкой остались в каменном круте, который действительно оказался убежищем.

Девушка опустила на землю и села, скрестив ноги, возле пальто, на котором лежали котят. Кошка совсем уже успокоилась и позволила ей это.

Впервые со времени своего пробуждения Келси получи-

ла возможность подумать, осмотреться не торопясь, примерить одну странность к другой. Она боролась с Нейлом МакАдамсом в летних сумерках на шотландском нагорье. Но теперь стало совершенно ясно, что она очутилась в каком-то другом месте. Кончиками пальцев она пригладила влажную повязку на голове. Всё так реально...

Она снова медленно поднялась на ноги и обошла весь круг камней, глядя наружу в поисках знакомых мест, чтобы убедиться, что она ещё в своём, знакомом мире. Ведь она даже не родилась здесь, на высокогорье. Хотя фамилия у неё местная, а эту землю она получила в наследство от двоюродной бабушки Эллен, сама она раньше здесь никогда не бывала. Ей хотелось вернуться к себе домой, в Эварт, штат Индиана, по-прежнему работать в ветеринарной лечебнице, мечтать о том, как она заработает достаточно денег и получит диплом ветеринара. Тот мир людей и животных она хорошо знает и понимает. А этот нет. Девушка взмахнула поясом с камнем в пряжке и попыталась привести в порядок свои мысли. Она боролась с Нейлом, хотела помешать ему прикончить раненую дикую кошку, а в следующее мгновение пришла в себя здесь...

Келси захотелось побежать, вскрикнуть, очнуться от кошмара. Но он продолжался и оставался по-прежнему реальным. Девушка не могла вспомнить, чтобы когда-нибудь раньше во сне она ела или пила, однако теперь руки у неё в пятнах от ягод, и, поднеся их ко рту, она вновь ощутила их сладкий вкус. Потом она посмотрела на кошку, которая кормила котят. Кошка вполне реальна. Но собака, всадник и всё, что случилось здесь с ней после начала осады, — всё это какой-то сон.

И далёкие, затянутые туманом горы вовсе не казались ей знакомыми. И кто поднял камни и превратил их в крепость, какой они некогда были, в защитный круг?

Кошка встала, стряхнула котят, подошла к Келси и принялась внимательно разглядывать её, так внимательно обычные животные не смотрят. Словно через кошачьи

глаза смотрело разумное существо, равное или близкое по интеллекту, словно животным двигало стремление к общению.

Келси наклонилась и протянула кошке руку.

— Куда же мы попали, старушка? — спросила она и тут же пожалела об этом, потому что слова её прозвучали как-то странно, они отразились от одного камня, от другого, обошли весь круг и вернулись к ней, уже не чётко, а хриплым шёпотом.

Кошка высунула кончик языка и лизнула палец девушки. И Келси испытала торжество. Значит, вот как нельзя приручить дикую кошку? Ведь так говорили ей только вчера вечером. Вчера вечером? Она покачала головой и сразу пожалела об этом, потому что вернулась боль. Неожиданно Келси почувствовала сильную усталость. Ей следует лечь на мох и немного отдохнуть. А ещё лучше уснуть и проснуться в своём времени и месте.

Но до отдыха, похоже, ещё далеко. Кошка неожиданно завопила, и Келси, затыкая уши руками, подумала, не испытало ли животное то же ощущение, что и она: на неё обрушилась какая-то новая боль, не такая, как после пробуждения. Словно крик о помощи, резкий и требовательный, такой, что девушка, не раздумывая, вскочила и выбежала за каменный круг, чтобы немедленно ответить на него.

Выбежала за круг, но не вернулась к знакомый мир. Окружающая местность оставалась прежней. Келси побежала быстрее. Она видела, что в её тени бежит пушистый зверёк, которого тоже, видимо, притянул этот крик, это требование; оно звучало скорее в голове, а не снаружи.

Кошка и девушка вместе обогнули заросшую мхом грудку камней, которая могла быть остатками очень древних руин, с которыми время обошлось далеко не так хорошо, как с каменным кругом. Затем Келси начала спускаться в долину, сжимая в руке готовый к использованию пояс. И замерла, увидев сцену трагедии. Там в лужах крови лежали

три тела, за плечами у них торчали оперённые стрелы. Стрелы!

Но девушка тут же забыла своё изумление, увидев четвёртого члена этой группы. Женщина в серой одежде, в разрывах которой виднелось окровавленное тело, лежала, опираясь о камень. Перед ней скорчилась либо та же чёрная собака, которая недавно угрожала Келси, либо её двойник. На челюстях её запеклась кровавая пена, но она не прыгала и не бросалась вперёд. Женщина держала что-то в дрожащей руке, от этого предмета свисала блестящая на свету цепь. Женщина на глазах теряла силы и не могла больше удерживать его.

Забыв свой ужас перед чёрным зверем, Келси набросилась на него, размахивая поясом. Камень в пряжке попал точно в костлявую голову. Собака отскочила — не к женщине, а назад — и испустила страшный вой. Келси снова взмахнула поясом; на этот раз удар пришёлся в переднюю лапу. Снова вопль, на этот раз зверь повернулся и отбежал, хотя и не далеко; он бегал взад и вперёд, словно ждал подкрепления.

Келси попятилась к женщине.

«Сестра...»

Слово прозвучало у девушки в голове, и она осмелилась на мгновение оторвать взгляд от собаки и посмотреть на теряющую кровь женщину, последнюю из уничтоженной группы. Рука женщины упала, но глаза её оставались открытыми; она смотрела на Келси с такой мольбой, что девушка опустилась на одно колено. И в это же время кошка подошла ближе и прижалась головой к руке женщины. К удивлению Келси, на бледном, искажённом болью лице появилась тень улыбки.

«И ты... пушистая сестра...» — слова звучали в мозгу. Келси бросила взгляд на рычащую собаку, но та не приближалась.

«Я... последние... врата...» — слова звучали с паузами. Не выпуская пояса из руки, девушка попыталась дотронуться

до тела женщины. Этот поток крови — она должна хоть что-то сделать. И как будто она произнесла это вслух, женщина медленно покачала головой из стороны в сторону.

«Последние... врата... — снова мысленно услышала Келси. — Сокровище... — женщина словно использовала последние силы. — Не позволяй... им... взять... его...» — с бесконечным усилием она подняла руку.

Кошка просунула голову в свисающую цепь. Женщина тут же разжала руку, и блестящий овальный камень, до того зажатый в её кулаке, выпал и повис на цепи, спрятавшись в пятнистой кошачьей шерсти.

— Нужно найти помощь... — Келси в отчаянии огляделась, как будто силой воли могла вызвать несуществующую медицинскую помощь.

Улыбка раненой не поблекла.

«Сестра... я — Ройлейн...» — в этих словах словно скрывалось какое-то большое значение. Стройное тело вздрогнуло, и улыбка исчезла. «Врата...» Раненая смотрела вдаль, за Келси, словно видела там что-то важное. Девушка, быстро повернувшись, ничего не заметила. Женщина вздохнула, и голова её упала на плечо. Келси редко приходилось видеть смерть людей — всего раз, да и то очень давно, — но она поняла, что незнакомка, умевшая говорить без слов, умерла.

Зажав пояс в зубах, она как могла распрямила стройное тело, вопреки своей решимости отстраняясь от прикосновения к крови. Потом осмотрела остальные тела. Перед двумя взад и вперёд бегала собака, но третье лежало ближе, и вытянутая рука, указывавшая прямо на девушку, сжимала шпагу. Не сводя взгляда с собаки, Келси быстро подошла и высвободила оружие из вялых пальцев. Оружие оказалось гораздо тяжелее знакомых ей фехтовальных рапир, и девушка едва не выронила его из руки. Но рукоять оружия придала ей храбрости: это гораздо лучше её пояса с камнем.

Издали послышался звук, похожий на карканье. Собака, услышав его, приободрилась, запрокинула голову и вновь испустила свой ужасный вопль. Кошка большими прыжками понеслась назад к убежищу меж камней. Келси задержалась у тела женщины. Но она ничего больше не могла для неё сделать, а подкрепление, которого ожидала собака, очевидно, приближалось. Поэтому Келси последовала за кошкой, но пятась, чтобы злобное существо не могло наброситься на неё сзади; к тому же она угрожающе размахивала своим оружием.

Однако собака и не думала приближаться к ней, она продолжала неумоимо кружиться взад-вперёд у распостёртых тел. Только выла, и этот звук сильно угнетал девушку. Наконец она повернулась и побежала.

«Врата...» — сказала умершая женщина. Неужели она и её спутники направлялись к единственным вратам, которые знает здесь Келси, — к каменному кругу? Возможно, это действительно врата, ведущие к спасению, но девушка каким-то образом знала, что «последние врата» сделаны не из камня и не они ждут её здесь. Нет, за ними то, о чём не может догадаться никто из живущих.

Камень, который несла кошка на цепи, сверкал настоящим пламенем. Кошка уже присоединилась к своему семейству на пальто. Келси побежала быстрее. Упав на влажную землю, выронив шпагу и тяжело дыша, она оглянулась. Пока не было видно ни чёрной собаки, ни всадника на лошади-скелете.

Но теперь она была твёрдо убеждена, что эта земля полна опасностей. Девушка вторично взяла в руки шпагу и внимательно осмотрела её. Лезвие сужалось от рукояти к острию, но не так грациозно, как у рапиры. Ручка простая, обмотанная жёсткой проволокой, чтобы удобнее было держать. И никаких украшений.

Келси медленно встала, попыталась нанести удар, парировать. И решила, что это не колющее оружие, скорее оно было предназначено для использования всего лезвия, а о

таком виде схватки ей ничего не известно. Схватка? А что она вообще об этом знает?

Девушка вторично медленно повернулась кругом, осматривая местность. Пытался ли погибший отряд добраться сюда, когда его перехватили? Но куда — сюда? Где это место расположено и что оно такое? Что с ней случилось? Почему-то она больше не верила в галлюцинации. «Последние врата». Означает ли это, что умирающая женщина знала и другие врата? Теперь она стояла перед вполне видимыми вратами: два каменных столба гораздо выше её, и поверх них третий. Это врата, да. Значит, те камни, в Бен Блэйр, тоже врата?

Келси вздрогнула. В шотландский горах рассказывают о многом... о людях, исчезнувших, а потом вернувшихся... по их мнению, они отсутствовали ночь, а на самом деле — годы!

Рассказы...

Девушка встала и направилась к вратам. За ними ничего, только скалы, поросшие мхом, белые цветы и поднимающиеся камни — стена между нею и мертвецами. А что, если она попытается пройти сквозь них?

Келси закрыла глаза и попыталась вспомнить груды камней, которую видела перед появлением здесь. Тогда был долгий летний вечер, и луна почти не светила. Один камень лежал так... она это помнит, потому что именно на него прыгнула кошка, когда она сама ударила по ружью Нейла. А здесь другой... Пытаясь удержать ускользающую из памяти картину, Келси сделала ещё два шага. И открыла глаза.

Да, она прошла ворота, но по-прежнему оставалась в неизвестном. Сзади предупреждающе мякнула кошка, и девушка заметила среди скал крадущуюся фигуру худой собаки. Келси быстро отпрыгнула назад, в своё единственное убежище среди этого мира, полного опасностей и смерти.

Кошка зарычала. Ей каким-то образом удалось сбросить цепь с шеи. Она стояла перед своими детьми, плотно

увидела большую чёрную птицу, широко раскинувшую крылья. Девушка отпрыгнула, думая, что птица нападает на неё. Но та улетела вверх так же быстро, как спускалась. Однако Келси успела заметить, что глаза у птицы были такими же, как у лошади чёрного всадника: глубокие ямы с кипящим зеленовато-жёлтым пламенем.

Снова птица устремилась вниз. Девушка взмахнула поясом и схватила шпагу, но птица опять не долетела до неё. Келси услышала рычание кошки, перекрывшее бормотание ползущего.

Келси так и не узнала, пыталась ли птица выманить её за пределы круга, потому что в воздухе блеснула голубая вспышка, за которой последовал треск, как от удара кнутом.

Прижимаясь спиной к одному из столбов, образующих врата, Келси посмотрела вниз по склону, туда, где раньше искала воду.

Там показались двое всадников. Но не такие, как первый. И у них не лошади, а блестящие красно-жёлтые животные в пополах, и у каждого на лбу один рог. А всадники... Келси заморгала. Неужели её подводят глаза?

Когда они только показались, волосы у них были тёмные, а кожа тусклая, почти цвета пыли, но едва они выехали на солнечный свет, как волосы у них стали золотыми, кожа кремовой, а зелёная одежда делала её ещё светлее. Поводьев у них в руках не было, они позволяли своим животным бежать вполне свободно. И у каждого в руках было что-то вроде хлыста, Келси хорошо разглядела, как женщина подняла руку, нацелила хлыст на птицу, и оттуда вырвалась огненная нить.

Птица хрипло закричала и поднялась высоко над вспышкой, а собака снова испустила кашляющий вой. Но ползущий остановился и теперь лежал неподвижно. Всадники обогнули камни. Женщина подъехала к лежавшему и наклонилась, всматриваясь, но не спешила и не попыталась оказать ему помощь.

Её спутник повернул к собаке, и той не удалось спастись, как птице: огненная линия, выпущенная всадником, ударила собаку в бок, взметнулся маслянистый дым. Последовал громкий звук разрыва, и собака исчезла, только на камнях, меж которых она пыталась спрятаться, осталось чёрное жирное пятно.

Женщина остановилась перед воротами и что-то громко сказала; её слова, хотя и непонятные, были явно обращены к Келси. Девушка свободной рукой сделала беспомощный жест, в другой она продолжала держать свой пояс.

— Не понимаю, — неуверенно сказала она. От этих всадников не исходило ощущение зла, как от других существ и чёрного всадника. И девушка верила, что они не хотят ей зла. Но они принадлежат этому, такому странному миру. Может ли она им доверять?

Женщина некоторое время смотрела на неё. К ней присоединился второй всадник. Когда его животное остановилось, Келси снова увидела удивительную перемену. Волосы их стали рыжими, а на носу у женщины появились золотистые веснушки. Как будто перед Келси прошло несколько человек, заключённых в одном. Женщина больше не говорила, она продолжала смотреть девушке в глаза напряжённым сосредоточенным взглядом.

«Кто...» — слово прозвучало слабо, за ним как будто следовало что-то ещё, но мозг Келси этого не воспринял. Но было ясно, что ей задали вопрос.

— Я Келси МакБлэйр, — медленно проговорила она, уверенная, что всадница её не поймёт. Потом с большими усилиями испробовала нечто другое — попыталась нарисовать мысленно картину: упавшие камни, схватка с МакАдамсом и пробуждение здесь. За собой она слышала мяуканье и поняла, что кошка тоже отвечает — по-своему.

«...ворота», — и снова Келси была уверена, что пропустила всё, кроме одного слова. А ведь это что-то очень важное для неё.

Келси кивнула, решив, что женщина имеет в виду арку,

под которой она стояла. Всадница положила свой прут на животное и обеими руками начала выводить в воздухе сложные пассы. И там, где проходили её пальцы, оставались лёгкие полоски голубоватого света, похожего на тот, что исходил из хлыста. Они образовали довольно сложный рисунок. Рисующая эти символы, по-видимому, была удовлетворена, потому что кивнула и обратилась к мужчине.

Тот отъехал и двинулся по кровавому следу, оставленному ползущим, который лежал теперь абсолютно неподвижно. Через мгновение всадник исчез за скалами в направлении места трагедии, на котором побывала Келси.

А женщина, волосы которой теперь потемнели, стали почти чёрными — словно солнце закрылось облаком, — спешила и подошла к девушке. Келси продолжала сжимать пояс. Женщина её не пугала, но что она знает об этом странном и страшном месте?

Её ног коснулась мягкая шерсть. Кошка вышла из гнезда, которое готова была защищать. В пасти её блестел камень, который она взяла у умирающей женщины, цепь тащилась по земле сзади, цепляясь за цветы или листья.

Кошка миновала каменный круг, подошла к женщине и опустила свою ношу у её ног, та опустилась на колени, бесстрашно погладила кошку, потом взяла цепь и подняла камень. Но не коснулась его, держа только за цепь. Лицо её стало удивлённым и встревоженным. Она снова посмотрела на Келси.

«Кто...» — на этот раз мысленный вопрос прозвучал отчётливей, но по-прежнему девушка слышала лишь одно слово.

— Ройлейн... — ответила она вслух, догадавшись, что означает этот вопрос. И тут же увидела, как у женщины широко распахнулись глаза, на лице появилось ошеломлённое выражение.

«Кто?...» — снова мысленный вопрос; рука, державшая цепь, дрогнула, камень закачался.

— Келси... — повторила девушка.

— Кел-Сей, — на этот раз женщина произнесла слово вслух. — Кел-Сей.

3

«...с...»

Женщина снова сделала жест, на этот раз подзывая. Её животное подошло ближе и остановилось в ожидании. Глаза этого зверя, устремлённые на Келси, абсолютно не походили на горящие огни злого пламени, какие она видела у собаки и лошади-скелета, они были тёплого карего цвета, и в них светился разум!

Келси снова угадала, чего они хотят от неё: сопровождать их. Но ведь круг камней означает безопасность от угроз этого мира — это она теперь хорошо знает. Осмелится ли она последовать приглашению? А может, приказу? Против огненных хлыстов этих двоих она не устоит.

Чтобы выиграть время, она указала на тело на земле.

— А как же он? — спросила девушка, тщательно выговаривая слова, в то же время стараясь ясно и чётко думать.

Ответ пришёл тоже чёткий и ясный.

«Мёртв!»

Келси услышала мяуканье и оглянулась. Кошка уже несла в пасти одного из котят. Высоко подняв голову, она приблизилась к выходу из ворот. Она явно была готова идти с незнакомцами, даже если Келси не пойдёт. И тогда девушка приняла решение. Подобрав своё пальто с лежащим на нём вторым котёнком, она наклонилась и протянула свёрток кошке. Мать опустила туда второго котёнка, и они вместе вышли за врата.

По склону поднимался второй всадник. Он вёз на руках тело Ройлейн; миновав их, всадник въехал в каменный круг. Его ничто не задержало, но когда он пересекал границу, голубоватые камни вспыхнули, как свечи, и от

одного к другому перебросилась ослепительная вспышка. Всадник спешил и опустил тело, которое на его руках казалось маленьким и хрупким. И осторожно положил его на землю. Келси была уверена, что он не случайно опустил тело на белые цветы. Потом из своего пояса мужчина достал яркие голубые перья, подобные тем, что сверкали в хвостах птиц, которых Келси видела раньше. Одно перо всадник воткнул у головы, другое — в ногах умершей, потом отступил и поднёс руки ко лбу в молчаливом салюте, а его спутница произнесла несколько слов — прощание или заклинание.

И когда всадник повернулся, собираясь уходить, от камней к центру круга устремились клубы тумана, закрывая хрупкое тело, и вскоре там была видна одна лишь волнующаяся поверхность тумана.

«Идём...»

Снова Келси призывают, и так как выбора у неё не было, она пошла. Неуклюже усевшись на спину верхового животного женщины, девушка продолжала держать в руках свёрток с кошками. Женщина подхватила кошку и сунула её в тот же свёрток. Потом, к удивлению девушки, туда же положила камень с цепью. Кошка подгрёбла его лапой под себя и основательно улеглась, поглядывая на девушку и легко ворча — словно предупреждая о чём-то.

Они пересекли долину, в которой тёк ручей, и верховое животное под девушкой пошло быстрым шагом, а второе тут же присоединилось к первому. Насколько Келси могла судить по положению солнца, они направлялись на юго-запад.

С каждым шагом девушке становилось всё яснее, что в этой стране она никогда раньше не была. Вокруг виднелись незнакомые растения, в траве на открытых полянах бегали мелкие животные, совершенно ей не знакомые.

Келси заметила, что всадник всё время держится чуть позади и иногда отстаёт. Должно быть, охраняет тыл. Но вой собак больше не было слышно, да и других звуков,

кроме криков ярко окрашенных птиц, до них не долетало.

Они пересекали открытую местность. Иногда попадались заросшие поля, с остатками каменных стен, некогда разделявших эти поля. Вся местность казалась давно покинутой.

И наконец они оказались на дороге со множеством отпечатков копыт и ног. Впрочем, вряд ли эту пыльную тропу можно было назвать дорогой. Местность по обе стороны пути начала подниматься, и Келси увидела, что они углубляются в узкую долину, зажатую двумя хребтами, за которыми видны были настоящие горы.

На каменных стенах, мимо которых они проезжали, были вырезаны какие-то знаки, может быть, слова неведомого языка. Женщина, вместе с которой ехала Келси, указывала своим огненным хлыстом на эти знаки.

За большим камнем, как корона, сидящем на скале, обозначилось какое-то движение, и показалась фигура, такая же причудливая, как собака и чудовищный скелет, на котором ехал чёрный всадник.

Часовой — девушка посчитала его именно часовым — ростом ниже человека, поднял копье, приветствуя всадников. Это была огромная ящерица, чешуйчатая, зелёно-золотистая, с куполообразной головой, довольно похожей на человеческую, безгубым ртом, занимающим две трети морды, и дрожавшим в воздухе красным языком (тот словно пробовал задувший в этот момент ветерок) — всё это гротескно напоминало человеческие черты. Женщина ответила на приветствие, подняв правую руку.

Келси была уверена, что в пути они миновали и других часовых, но показался им только один. И вот они наконец добрались до въезда в долину, где у девушки от удивления даже перехватило дыхание.

Со самого своего появления здесь она до сих пор видела только странное и ужасное. А теперь увидела подлинную красоту. Перед ней расстиралась местность, покрытая роскошной свежей зеленью, в которой повсюду мелькали

многочисленные цветы радужной окраски. В стороне мирно паслось небольшое стадо животных, таких же, как то, на котором ехали они. Кое-где виднелись и люди, которые не проявили никакого интереса к маленькому отряду.

Они продолжали спускаться, дорога исчезла, склоны покрывала мягкая бархатистая трава. И тут Келси впервые увидела дома — их выдали яркие крыши, а стены сплошь были покрыты массой цветущих вьющихся растений. Если бы у бесчисленных стай птиц выдернули перья из хвостов и воткнули в стены, это выглядело бы точно так.

Вскоре к ним приблизились и обитатели долины. Они собрались в небольшую группу. Немногие из них, подобно тем, кого встретила у каменного круга девушка, меняли цвет волос и кожи. Остальные больше походили на умершую женщину. Высокие и стройные, с тёмными волосами и светлой, хотя и сильно загорелой кожей.

Четверо из них — мужчины в тонких кольчугах; когда они двигались, кольчуги плотно прилегали к телам и казались такими же мягкими, как ткань. Две женщины, одна в зелёной одежде, точно такой, что и на спутнице Келси. Но другая была в длинном сером платье, касавшемся травы краем, перепоясанным лентой потускневшего серебра. Тёмные волосы были убраны назад и покрыты серебряной сеткой, а бледное лицо походило на лицо женщины, умершей от ран.

Именно эта женщина в сером первой двинулась вперёд, но смотрела она только на камень под лапой кошки. Губы её шевельнулись, нарушая неподвижность застывшего, как у статуи, лица; она взглянула вначале на женщину в зелёном, потом на Келси. И Келси показалось, что в этом взгляде мелькнули подозрение и угроза.

Она сама соскользнула со спины животного, продолжая держать в руках пальто с котятками. А кошка легко спрыгнула на землю и потёрлась о длинное серое платье, камень на цепи свисал из её пасти.

Женщина наклонилась, провела пальцами по пушистой голове, снова посмотрела на Келси и что-то сказала. Девушка с сожалением покачала головой.

— Не понимаю...

Встречавшие удивились, а женщина нахмурилась. И тут Келси снова уловила беспокойное ощущение в голове:

«Кто... что...»

Вторично она мысленно изобразила сцену на Бен Блэйр, стараясь припомнить все подробности. И если эти люди умеют читать мысли, то они свой ответ должны получить. Но женщина в сером продолжала хмуриться, а остальные обменивались тревожным шёпотом.

«Врата...» — это пришло от нашедшей её женщины. Та взяла Келси за руку, чтобы привлечь к себе внимание, и показала на себя.

— Дагона, — подчёркнутые движения губ сопровождали это имя, и на этот раз Келси ответила вслух:

— Келси.

— Кел-Сей... — Дагона кивнула, указала на женщину в сером и произнесла слово, которое Келси опять послушно повторила. Так её начали знакомить с встречающими.

После двух попыток девушка смогла произнести:

— Крита. Йонан (внешне самый молодой из мужчин), Кимок, Кайлан, — а тот, что выше всех остальных: — Урук.

Кошка приподнялась на задние лапы и требовательно вцепилась в Келси. Девушка опустила пальто, и кошка сразу занялась своим семейством, облизывая котят, словно проверяла, не случилось ли с ними что-нибудь в пути. Келси провели в ближайший из странных живых домов, в его внутреннюю часть, где за занавесом бурлил мелкими пузырьками бассейн. Дагона знаками показала, что нужно раздеться и освежиться. И начала показывать на разные предметы и произносить их названия. Келси повторяла их, стараясь справиться с произношением и интонацией.

К тому времени как она вышла из ванны и растёрлась насухо квадратным куском ткани, её словарь насчитывал

около двадцати пяти слов, и она продолжала повторять их, чтобы запомнить.

Келси поела с подноса, полного фруктов, орехов и небольших лепёшек, ощущая какую-то странную свободу в одежде, которую дала ей Дагона. Бельё было светло-зелёного цвета, а брюки походили на тесные джинсы. Сверху здесь полагалось носить длинную куртку без рукавов, зашнуровывающуюся спереди серебряными нитями и перетянутую поясом с металлическими украшениями и символами. На ногах как литые сидели мягкие полусапожки, до середины икр, удивительно хорошо подошедшие по размеру. Ей дали гребень, чтобы она привела в порядок растрёпанные локоны, и всё это время она продолжала учить язык.

Снаружи послышалось какое-то движение, которое не могло скрыть шуршание листвы. С разрешения Дагоны вошёл высокий мужчина в кольчуге. Шлем он нёс в руке, лицо у него было полное, с широким лбом. Оно сразу привлекло к себе внимание девушки. Обветренная, потемневшая кожа говорила, что человек явно почти всё своё время проводит на открытом воздухе; в очень тёмных волосах на висках мелькали серебряные нити. У него были серые глаза, и он пристально посмотрел на Келси, словно хотел вскрыть её голову, если бы смог, и извлечь ответы на вопросы, о которых она и не подозревает.

— Ты прошла врата...

Она вздрогнула и с открытым ртом посмотрела на него. Он заговорил на её родном языке!

— Врата? — запинаясь, повторила она. — Никаких врат не было, только камни. Нейл сбил меня с ног, когда я пыталась помешать ему застрелить кошку. У меня было полное право... — гнев снова вспыхнул в девушке. — То была моя земля, Лежачие Камни и за ними... А всё это... где мы?

Она указала на окружающее: дома, незнакомцев, всю эту землю.

— Ты в Зелёной Долине, — ответил мужчина, — в

Эскоре. И ты прошла через врата... Да отнесётся к тебе благосклонно леди.

— А кто ты такой? — она перешла прямо к делу. — И что такое врата?

— Ответ на первый вопрос — я Симон Трегарт. А на второй — нужен Великий, чтобы всё тебе объяснить. Да и он вряд ли сможет.

— Как мне вернуться? — теперь она задала самый важный вопрос.

Он покачал головой.

— Ты никогда не вернёшься назад. Нам известен только один Великий, и твои врата ему не подчиняются. Даже Хилэриэн не смог бы послать тебя назад.

За ним показалась женщина в сером и прошла вперёд, не приближаясь к мужчине, словно испытывая к нему какое-то отвращение. Потом она резко сказала ему что-то, он пожал плечами и снова повернулся к Келси. Стало ясно, что эти двое недолюбливают друг друга.

— Виттл хочет знать, откуда у тебя камень. Ты ведь не могла принести его с собой.

— Он был у женщины... умершей... у Ройлейн.

Наступило полное молчание, все смотрели на неё так, словно она произнесла какое-то ужасное слово.

— Она назвала тебе своё имя? — спросил наконец мужчина, назвавшийся Трегартом.

Келси вскинула голову, она почувствовала в этом вопросе недоверие.

— Да, когда умирала, — упрямо ответила Келси.

Трегарт повернулся к женщине в сером и быстро заговорил. Она его выслушала, но так ни разу и не отвела взгляда от Келси. И что-то в этом пристальном взгляде заставляло девушку всё больше и больше беспокоиться, как будто её обвиняли в смерти женщины и её спутников.

Но вот Трегарт снова обратился к девушке.

— Ты взяла камень с её разрешения?

Келси покачала головой, отвечая скорее женщине в сером, чем ему.

— Камень взяла кошка, — сказала она. Неважно, верят ей или нет, но это правда. К тому же, принявшись описывать, как кошка взяла камень у владелицы, она снова почувствовала, как зверёк трётся об её ноги. Кошка сидела рядом, прикрывая хвостом лапы, словно они вдвоём противостояли этому миру.

Женщина в сером вздрогнула при появлении кошки. Цепь по-прежнему лежала на шее у животного. Кошка опустила голову и снова взяла камень в зубы.

Женщина сделала шаг вперёд, издала какой-то звук, будто хотела отобрать камень у кошки, но потом остановилась, поражённая поведением животного.

— Это было вот так? — спросил Трегарт.

— Да. Кошка взяла камень... — Келси хотела разъяснить это дело побыстрее. Ей не хотелось, чтобы её считали грабительницей беспомощных мертвецов. К тому же, зачем ей такая безделушка?

— И кошка прошла врата перед тобой или вместе с тобой, — это был не вопрос, а утверждение. Девушка ответила:

— Да.

Теперь быстрой речью разразилась Дагона. Келси слышала, как несколько раз повторялось её имя и слово «врата». Вначале кивнул Трегарт, потом женщина в сером — неохотно, как показалось Келси. Девушка смотрела, как женщина в сером достаёт из глубокого кармана своего платья небольшой мешочек и развязывает нить. Сумка или кисет лёг на пол. Опустившись на колени, женщина расправила его и повернулась к кошке, глядя ей в глаза, хотя не произносила ни звука.

Если она и просила отдать ей камень, то не добилась успеха. Кошка отступила, продолжая смотреть на женщину. Между бледными глазами женщины под тёмными бровями появилась складка. Она размерно заговорила, что-то ритмичное, похожее на слова магического ритуала. Но кошка даже не пошевелинулась. Наконец женщина

подобрала мешочек и при этом пристально и угрожающе взглянула на Келси. И вновь властно заговорила.

Трегарт выслушал и перевёл Келси.

— Тебя просят заставить твою подругу отказаться от силы...

— Проят? — выпалила Келси. — Кошка мне не подчиняется. Она мне друг... — в голове девушки всплыли обрывки старых рассказов. — Животные подчиняются только ведьмам. Ну, я не знаю, что такое эта ваша Зелёная Долина, что такое Эскор, я вообще ничего здесь не знаю! И я не колдунья. Их вообще не бывает.

Впервые на губах мужчины появилась лёгкая улыбка.

— О, вот здесь-то они как раз и существуют, Келси МакБлэйр. Именно здесь родина того, что у нас называют колдовством.

Она неуверенно рассмеялась.

— Это сон... — сказала она скорее себе, чем ему.

— Нет, не сон, — теперь он говорил серьёзно и, как показалось Келси, смотрел на неё с жалостью. — Врата позади, и возврата нет...

Она подняла руки.

— Что это всё за разговоры о вратах? Я, вероятно, в больнице, и всё это из-за удара головой... — однако, даже говоря это, пытаясь приободриться, она знала, что это неправда. Произошло нечто невероятное, превышающее её возможности поверить.

Женщина в сером подошла ближе, протянула руку ладонью вниз и разразилась потоком слов. Голос её звучал властно, она словно приказывала.

— Она колдунья! — воскликнула Келси.

— Да, — спокойно ответил Трегарт, и его уверенность заставила девушку почувствовать, что он говорит правду. — Так кошка слушается тебя?

Келси яростно покачала головой.

— Я уже говорила, что это она взяла ту штуку у женщины... у этой Ройлейн, когда та умирала. И женщина

отдала ей камень. Не мне дала. Пусть эта... колдунья сама отберёт его у кошки.

Трегарт рассматривал животное. Потом повернулся к той, что привела сюда Келси, и задал вопрос на языке, похожем на щебетанье птиц. Настала очередь Дагоны повернуться к кошке, которая ещё больше отступила со спорным камнем.

Все молча и напряжённо ждали. Келси показалось, что кошка отлично понимает происходящее и собирается и дальше дразнить всех. Но вот животное опустило голову и положило камень на ткань, расстеленную предводительницей всадников. Колдунья сделала шаг вперёд, но Дагона жестом велела ей оставаться на месте. Она положила камень в мешочек и затянула нить.

— Это предназначено для гробницы... — обратился Трегарт к Келси. — Его сила умерла вместе с владелицей.

Дагона встала, оставив мешочек на земле, где его вновь подхватила кошка. Дагона обратилась к колдунье, бледное лицо которой теперь слегка покраснелось, а рот сжался в строгую прямую линию. Колдунья быстро повернулась — так, что её серое одеяние взметнулось клубом дыма — и вышла, обходя остальных.

Трегарт смотрел ей вслед, и теперь настала его очередь хмуриться. Он снова обратился к Келси.

— Она не согласна. Держись от неё подальше, пока она не примирится с тем, что сделала её сестра по силе, как рассказала ты и Быстроногая, — он указал на кошку. — Эти колдуньи из Эсткарпа правили слишком долго, они не любят, когда им перечат, даже в малом. И она очень рассчитывала на свою сестру по силе. На ту, что умерла. Как это произошло?

Это «как» прозвучало ударом хлыста. Келси рассказала о стрелах, убивших спутников женщины, о собаке, напавшей сначала на неё.

— Но я мало что видела...

А Трегарт тут же спросил:

— А всадник?

Когда же девушка начала рассказывать об осаде каменного круга, рука Трегарта легла на рукоять меча, а губы исказились в гримасе, вовсе не похожей на улыбку.

— Сарн! Разъезд Сарнов... и так близко... — он тут же перешёл на щебечущую речь жителей Долины, и Келси расслышала знакомые теперь слова: «близко», «камень», «врата».

Дагона неожиданно взяла Келси за руку, прежде чем та смогла увернуться, и резко кивнула одному из своих людей; тот откуда-то извлёк кинжал, в рукоять которого был вделан кусок сверкающего голубого металла, по цвету сходного с камнями, за которыми пряталась девушка. Он провёл металлом над ладонью девушки, не прикасаясь к ней, но близко, и Келси почувствовала тепло: металл словно сам собой разогревался. Не отрывая глаз от Келси, Дагона сосредоточилась.

В голове девушке снова вспыхнула боль. И она услышала слова, не свои, чужие.

«Ты... призвана... Предсказана...»

Келси знала, что воспринимает не всё, но эти слова заставили её мигнуть. Призвана... вообще-то, её привели сюда, да, но не звали... Разве можно так назвать её приезд сюда от камней? Предсказана... ну, это занятие колдунов, она не имеет к этому отношения. И девушка обратилась к Трегарту:

— Я не призвана... и как это могло быть?..

В его голосе, когда он ответил, прозвучало сочувствие.

— Врата открываются силами, которых мы не понимаем. То, что ты прошла через врата, которыми не пользовались много поколений, подчёркивает твоё значение. Эту землю разрывает война — война Света против Тьмы. И нам, которые знакомы с тем, что выходит за пределы обычного, легко поверить в то, что ты призвана. К тому же, это было предсказано в последнем гадании...

— Я не понимаю, о чём ты говоришь! И мне всё равно!

Если врата существуют, позвольте мне вернуться! — воскликнула Келси.

Он покачал головой.

— Врата открываются только раз. И лишь Великий может вновь открыть их. Возврата нет.

Келси молча смотрела на него, и её постепенно охватывал озноб.

4

Прошло две ночи, наступил третий день. Келси поднялась из Зелёной Долины на охраняемые высоты, затаилась между двумя скалами и принялась рассматривать неведомое. Ей пришлось признать правоту слов Симона Трегарта: они с кошкой прошли через какие-то загадочные врата во времени и пространстве и оказались в совершенно ином мире. И, как говорит Симон, возврата отсюда нет. Но остальное она принять не может: что её призвали и вовлекли во врата из-за какой-то необходимости здесь. Гораздо легче поверить, что всё это произошло с ней случайно.

Если возврата нет, следует как можно лучше узнать эту страну. Келси напряжённо работала, изучая щебечущий язык жителей Зелёной Долины, даже знакомилась с языками других обитателей этого островка безопасности. Ведь Симон уверял её, что здесь действительно самое безопасное место, в этой Долине. И только потому что её приход сопровождали определённые знаки, её сюда допустили. И всё равно тщательно допросили, раз за разом повторяя вопросы о чёрном всаднике и умершей колдунье.

Другая колдунья, эта женщина в сером, пугала её даже больше, чем всадник и его собака. Главным образом потому, думала Келси, что эта женщина принята тут как равная и легко может повлиять на Дагону и её подданных. И она не задумываясь воспользуется такой возможностью. Поэтому Келси старательно избегала колдунью в сером,

хотя ей показалось, что та по крайней мере дважды пыталась приблизиться к ней.

Мысли... или угрозы в форме мыслей... каким-то образом проникали в её сознание, и она отчаянно боролась с ними. Вскоре она обнаружила, что сосредоточивая внимание на каком-нибудь предмете, затрудняет вкрадчивое ползучее вторжение в своё сознание. Дважды ей пришлось вести настоящее внутреннее сражение, чтобы защититься, и каждый раз поблизости не оказывалось ни Дагоны, ни Трегарта. Не было и женщины в сером, во всяком случае Келси её не видела, но давление на сознание ощущала. Оба раза ей удавалось изгнать это вторжение, думая об умирающей колдунье, произнося её имя, как некий защитный талисман.

И каждый раз, как она отражала вторжение, бессильный гнев становился всё холоднее и грознее. Но колдунья в сером так и не получила камень, хотя очень этого хотела. Кошка унесла камень в своё логово, которое для неё и её котят соорудили по приказу Дагоны, и не выносила его оттуда наружу.

Келси начала вновь обдумывать то, что узнала за последнее время. Не все живущие в этом безопасном месте — люди, но все обладают разумом и общей целью.

Есть такие, которые вооружены холодным металлом, подобно Трегарту. Это и мужчины, и женщины. Есть люди Дагоны, их постоянные изменения, казалось, черпают силу из поясов и наручных повязок, которые они никогда не снимают. Пояса и повязки из ярко-зелёных камней, обладающих собственной — своеобразной — жизнью.

Живет здесь и народ ящериц, золото-зелёных, с гребнем на голове, с глазами жёсткими, как драгоценные камни; они мелькают среди других жителей или сидят, играя маленькими ярко раскрашенными камешками. И с ними рентаны, эти никогда не устающие животные, на одном из них она приехала в долину. А есть и другие существа, ещё более странные.

Например те, которых, как она узнала, называют флан-

нанами. Маленькие гуманоидные тела снабжены яркими радужными крыльями. Их танец в воздухе — одно из самых удивительных зрелищ этого мира. Есть здесь и огромные птицы или существа, похожие на птиц, которые регулярно облетают долину, словно охраняют её от какой-то опасности с высот. Ибо, несмотря на все уверения в безопасности, Долина находилась в осаде.

Дважды она видела отряды часовых, возвращавшихся с высот или уходящих туда. И среди возвращавшихся были раненые. Каждую ночь на открытом месте у реки, выходящей серебряной лентой по Долине, разводили большой костёр. И когда в него в определённом ритуале люди Дагоны бросали листья и ветви некоторых растений, от костра поднимался густой ароматный дым.

— Кел-Сей...

Она вздрогнула. Камень под одной из мягких подошв перевернулся и покатился.

Не Дагона, не Трегарт. Та, кого она так старалась избегать, женщина в сером. Она уселась на скале, выбранной так, что Келси теперь не может уйти, не протиснувшись мимо неё.

— Ты очень храбрая... или очень глупая... — женщина хорошо овладела языком Трегарта... или с помощью какой-то силы проникала в сознание девушки, — если так открыто называешь своё имя. Разве у тебя на родине не знают, что имя — часть существа? Или ты так защищена, что ничего не боишься? Каким искусством ты владеешь, Кел-Сей?

В голосе её слышалась насмешка, и Келси сразу почувствовала это. Поэтому негодование оказалось сильнее тревоги и страха, которые всегда вызывала в ней эта женщина.

— Никаким искусством я не владею, — упрямо возразила девушка. — Не знаю, почему я оказалась здесь, а твои ворота... — тут она перевела дыхание.

Колдунья покачала головой.

— Не м о и ворота. Мы в такие дела не вмешиваемся,

хотя когда-то... — она выпрямилась, и лицо её приняло гордое выражение, — когда-то наши дела могли соперничать с тайнами врат. Но... — неужели её плечи действительно слегка обвисли под серым платьем? — Но это время в прошлом. Скажи мне, девушка... Кел-Сей... — она произносила имя, как нечто очень значительное. — Кто правит искусством в твоём времени и на твоей земле?

— Если ты имеешь в виду колдуний, — горячо ответила Келси, — то их нет. На самом деле. Просто сказки.... О, некоторые их рассказывают, говорят о преданиях, верят в церемонии, будто бы пришедшие из прежних времён... но всё это только их воображение!

Наступила тишина, и Келси снова ощутила вкрадчивое проникновение в сознание, словно колдунья проверяла какой-то её щит.

— Ты веришь в свои слова, — наконец удивлённо проговорила женщина. — Веришь. Как могут исказиться подлинные знания! Однако Трегарт, — Келси показалось, что это имя было произнесено с отвращением, — Трегарт обладает определённой силой, а он говорит, что происходит из твоего мира. Хотя пришёл через другие врата.

Келси села на камень, обратившись лицом к женщине, но та на неё не смотрела.

— Не знаю, что ты называешь силой... — хотя правда ли это? Ведь каменный круг осаждали, и всадник пользовался далеко не обычным оружием, чтобы добраться до неё, но не смог провести свою лошадь в каменное кольцо, а сама она могла легко выходить и входить.

— Видишь? Ты тоже ею владеешь. В тебе есть сила, по крайней мере, здесь, — колдунья словно прочла её мысли. — Гадание предсказало твоё появление. А Ройлейн, — губы её искривились, словно она с трудом произносила это имя, — Ройлейн отдала тебе свой камень...

— Не мне, — напомнила Келси.

— Ах, да. Кошке. Но в чём значение этого, Кел-Сей? Отвечай мне правду, — она подняла руку и щёлкнула

пальцами. Голубая огненная лента устремилась к девушке, та увернулась, но недостаточно быстро: искра коснулась её виска, и в голове у Келси словно разорвался огненный шар. Она закричала и покачнулась.

— Аркврака!

Келси, всё ещё не обретшая равновесия, увидела, как откуда-то, словно с неба, пришла другая огненная линия и прорезала пространство между ней и колдуньей. Мужчина, один из воинов Дагоны, снова поднял руку, и второй залп, жар которого ощутила девушка, пролетел между ней и колдуньей.

Стрелявший приблизился, и Келси узнала в нём Эфутура, соправителя Дагоны в этом царстве мира; рядом с ним, отступив на шаг и не обнажая оружия, шёл молодой человек, имя которого Келси помнила: Йонан, один из разведчиков, которые уходят за пределы Долины для встречи с самым чёрным злом.

— Нам здесь такие трюки не нужны, — Эфутур обратился непосредственно к колдунье, и её прежде спокойное лицо исказилось в бессильной злобе.

Губы её шевельнулись, она словно собиралась плюнуть, как рассерженная кошка. Но ответила довольно спокойно:

— Она ведь тебе не родственница...

— Но она и не твоей крови, — возразил Эфутур. — И если что-то даёт, то добровольно и открыто. У нас свободное место, нет ни хозяев, ни слуг...

— Вы все слуги! — вспыхнула колдунья.

— Но служим мы великой Силе, которую ни ты, ни кто другой в этой Долине не может призвать!

— Тьма проникла во многие места, где некогда правил Свет. Даже твоя леди, связанная клятвой, не знает, кого впустила в сердце своей безопасной земли. Те, кто проходят через врата, приносят с собой дары, таланты, стремления, для которых у нас нет даже названий. Я бы многое узнала от этой. Может, она — ключ, которым Тьма откроет ваши замки!

— Ты правишь за горами... Вернее, правила, мудрая. Но

похоже, здесь ты не можешь собрать Мудрых Женщин. Ты явилась к нам в Эсмор за помощью и идёшь своим путём, тебя не сдерживают узы, наложенные на силу здесь. Ты ведь знаешь, что всякое применение силы пробуждает Тьму и тем усиливает её. Вновь говорю тебе: иди своим путём, который не совпадает с нашим!

— Ты мужчина! — на её губах появилась пена, щёки вспыхнули. — Что ты знаешь о силе, кроме таких вот игрушек? — она указала на его хлыст. — Высшая сила...

— ...принадлежит тому, кто может удержать её, мужчине или женщине, — ответил он. — Мы здесь не следуем обычаям Эсткарпа. В старину здесь жили могучие люди, и они были мужчинами. И не хвастай силами своих сестёр, ведь число их изрядно уменьшилось.

— Чтобы спасти наш мир! — щёки её побледнели, но глаза горели гневно, и Келси чувствовала, сколь сильные эмоции охватили это худое тело.

— Чтобы спасти ваш мир, — кивнул Эфтур. — И ты действовала ради своих. И снова говорю тебе: твои пути под нашим небом — не наши пути, помни об этом.

Он говорил спокойно, и колдунья, по-прежнему в сильном гневе, повернулась и ушла. А Эфтур не смотрел ей вслед, он словно вообще забыл о ней. Теперь он обратился к Келси:

— Ты умно поступишь, если будешь избегать её. Она принесла с собой всю узость мысли запада, и я думаю, не скоро она примет другой образ жизни. Это правда, что колдуньи Эсткарпа храбро сражались, чтобы защитить свою землю от двух зол, но в последней схватке они не только истощили свои силы, но и потеряли многих из своего числа. Сама жизнь ушла от них. Они ищут здесь возобновления того, что потеряли. Не только силы — она ещё живёт в их крепости, но и тех, кого они могут обучить, подготовить к своему образу жизни. И не думаю, леди, чтобы их путь принёс тебе добро...

— Это она пришла ко мне, а не я к ней, — возразила

Келси. — И я не знаю, что это за сила, о которой здесь так много говорят, и не хочу её.

Эфутур медленно покачал головой.

— Жизнь — это вовсе не то, что нам хочется; скорее, это то, что Великие дают нам в час рождения. В человеке — мужчине и женщине — может быть заключено нечто, о чём он и не подозревает; оно само проявляется, выходит наружу неожиданно в момент напряжения. И, появившись, может быть использовано как оружие, если владелец этого хочет, — он улыбнулся и указал на молодого человека, по-прежнему державшегося в шаге за ним. — Спроси Йонана, что он нашёл в себе.

Но Йонан не улыбнулся в ответ. Лицо его оставалось серьёзным, как будто ничего весёлого в мире он не видел.

— Это пришло непрощенным, — сказал он, когда Эфутур умолк. — И чтобы обрести Дар, приходится идти трудной дорогой, — тут он пожал плечами. — Мы пришли к тебе, леди, чтобы спросить, где пушистая, которая с тобой прошла через врата.

— Не знаю, — Келси удивилась перемене темы, и молодой человек, должно быть, понял это по её выражению, потому что добавил:

— Тому есть причина, — одну руку Йонан прижимал к груди, держа в ней что-то завернутое в ткань. Он протянул свёрток девушке, и оттуда послышалось тонкое мяуканье. Обёртка развернулась, и Келси увидела маленькую пушистую головку, плотно закрытые слепые глаза, раскрытую пасть и слышала мяуканье.

— Серый загнал снежную кошку, — голос Йонана звучал резко, — и позабавился с нею и одним котёнком. А этого нашёл и спас Тсали. Он умрёт, если его скоро не накормить.

— Но он такой большой, — Келси уже протянула руку к котёнку. — Больше обоих котят дикой кошки...

— Быстроногий, — поправил Йонан девушку, и она удивлённо взглянула на него.

— Ты уже дал ей имя?

— Так она сама назвалась Леди в Зелёном. Всё, что бегает, плавает или летает и не принадлежит Тени, всё дружно с Леди. Но детёныш умрёт...

— Нет! — слепая ищущая голова, крик голода и одиночества привели Келси в себя, заставили забыть о своём положении. — Она только вчера унесла своих котят. И я видела её, только когда она приходила поесть.

Едва взяв в руки найдёныша, Келси поняла, что должна найти кошку и посмотреть, примет ли Быстроногая приёмного ребёнка. Она знала, что иногда кошки делают это охотно.

Кошка, несомненно, нашла логово где-то в холмах, окружающих долину. Там её может привлечь множество расщелин и неглубоких пещер; и логово не должно быть слишком далеко от домов, куда кошка каждый вечер приходит за едой.

Келси прижала к себе завернутого в ткань котёнка и посмотрела на Йонана.

— Кто это?

— Снежная кошка, — коротко повторил он. — Мать далеко ушла из гор, охотясь. А серые за такой добычей могут тоже прийти издалека.

Детёныш тыкался ей в пальцы, голодно облизывал их и время от времени выпускал жалобный писк. Келси решительно повернулась спиной к домам и палаткам тех, кто не был рождён в Долине, и направилась в холмы. По дороге она начала звать — не «кис-кис», как в своей стране и времени, — а звать мысленно. До этого момента она о такой возможности и не думала. Но ей легко было представить себе дикую кошку и её котят, удерживать эту картину в сознании и продолжать звать — звать своего спутника по приключению способом, для описания которого у неё не нашлось бы слов.

Она чувствовала, что Йонан идёт за ней, но на некотором расстоянии, словно боится помешать. Они прошли через несколько каменных осыпей, миновали ручей, кото-

рый вытекал их холмов перед слиянием с рекой. И тут Келси остановилась.

Как будто к пяти чувствам, которые она пронесла через всю жизнь, добавилось новое. Не запах, не зрение, не слух — осязание, но какое-то особое. Она сконцентрировалась на этом новом чувстве, и тут же из-за камня, покрытого древней обветрившейся резьбой, показалась дикая кошка. Келси сделала к ней шаг, и Быстроногая предупреждающе зарычала. Хотя девушка и принесла и саму кошку и её котят в эту Долину, Быстроногая объявляла, что то была только временная мера, и что больше подобных вольностей она не допустит. Там, за воротами, говорят, что приручить дикую кошку невозможно. Похоже, это правда.

Келси дальше не пошла. Опираясь о камень, она опустилась на колени, положила перед собой свёрток и развернула его, открыв голодного кричащего детёныша.

Девушка старалась держать свои мысли при себе. Даже если бы она могла мысленно пригласить Быстроногую осмотреть этого найдёныша, то не решилась бы. Слишком мало она знает об этой своей новой способности.

Детёныш продолжал плакать. Быстроногая снова зарычала и посмотрела на него. Медленно, по дюйму за раз, словно приближаясь к добыче, она двинулась вперёд, прижимаясь животом к земле, время от времени останавливаясь и глядя на Келси, которая сидела неподвижно и терпеливо ждала.

Может быть, котёнок учуял приближение Быстроногой, потому что повернул к ней голову, хотя и не мог видеть, и писк его стал ещё жалобнее. Кошка прыгнула, и Келси протянула руку, опасаясь, что детёныш погибнет в результате её эксперимента.

Быстроногая присела над котёнком, который достигал не менее четверти её размера. Высунула язык и лизнула слепую голову. Потом попыталась схватить его за загривок и отнести в своё логово, как собственных котят. Но для неё это оказалось почти невыполнимой задачей. Кошка с

трудом потащила вопящего детёныша по земле и скрылась с ним за камнем. Келси повернулась и увидела, что Йонан внимательно смотрит на неё.

— Я думаю, она его примет, — сказала девушка. — Но выживет ли он, это другое дело.

Впервые она увидела лёгкую тень на его серьёзном лице. Эту тень можно было бы назвать и улыбкой.

— Выживет, — он казался уверенным. — Это место жизни, а не смерти.

Келси вновь подумала, как мало она знает о Долине и её жителях, как много нужно ещё узнать. Узнать? Снова мысли её пошли по привычному пути. Насколько справедливы слова Трегарта о вратах, через которые можно пройти только в одну сторону? Может, никакие расспросы не дадут ей ответа. Но то, что можно узнать, она узнает.

— Ты не из жителей Долины, — заявила она. Это был не вопрос, а утверждение. В Долине жили два гуманоидных племени, не говоря уже о крылатых, когтистых, копытных или чешуйчатых.

— Это так, — он сел лицом к ней, скрестив ноги. Между ними лежала скомканная ткань, в которой юноша принёс детёныша. — Во мне течёт кровь Карстена... и Салкаров...

Он, должно быть, понял по её выражению, что эти слова ничего ей не говорят, потому что разразился длинной речью. Такой она не слыхала со дня своей встречи с Трегартом.

— Мы Древней Крови — с юга — оттуда моя мать. Нас изгнали из своей страны, мы укрылись в горах и стали бороться с колдерами и с теми, кто обрёк наших родичей на смерть. А когда колдуньи перевернули горы...

— Перевернули горы! — прервала его Келси. Может, она и примет кое-что, но это «перевернули горы» для неё уж слишком.

— Все, кто правил Эсткарпом, — продолжал Йонан, — собрались вместе, соединили силы и обратили их против самой земли, так, что горы рушились и вырастали новые,

и впоследствии ни один человек не мог узнать границу.

Совершенно ясно, что он верит каждому своему слову, каким бы невероятным это ни казалось.

— Тогда мы отправились на поиски новой земли, — продолжал он, — и нас вёл Кайлан Трегарт. Он привёл нас в древние земли, сюда, в Эскор. Но и тут жило древнее зло, и оно проснулось с приходом Трегартов, потому что их сестра Каттея — выдающаяся колдунья, хотя и не носит камня; и то, что она делала в неведении, растревожило эту землю. И снова началась война против войск Тьмы, и это даже труднее, чем то, чему мы противостояли раньше. Странные нам приходится вести сражения... — он взглянул на свои руки, лежавшие на рукояти меча. Келси вспомнила, что люди, одетые в кольчуги, отличаются от тех, что меняют цвет; рука у них постоянно на оружии, как будто от жизни они не ждут ничего, кроме войны и тревоги.

— А кто же тогда Симон Трегарт? Ты говоришь о Кайлане...

— Симон — это тот, что прошёл через врата... как и ты, леди. Он занял высокое положение в совете Эсткарпа, когда началась война с колдерами, и лишь недавно вернулся из ещё одного похода, который предпринял без ведома других. Он женился на бывшей колдунье Джелит, и у них родились два сына: Кайлан и Кимок, и дочь Каттея — все одновременно. Такое чудо здесь не было известно раньше. Воин, колдун и колдунья. И все совершили великие деяния на этой земле.

Но нужно сделать ещё многое. И многое человек не может понять... — он снова нахмурился и провёл пальцами по рукояти меча, даже вытащил его немного и снова опустил в ножны.

— А с тобой такое случалось? — Келси подбодрила его, когда он замолчал; она хотела как можно больше извлечь из его памяти. Теперь она не могла отрицать, что по крайней на время застряла в этом мире. И чем больше о нём узнает, тем лучше для её будущего. Хотя она и не знает,

какую роль будет играть в нём, и не хочет думать об этом.

— Случалось, — согласился Йонан. — На какое-то время мы поверили, что отогнали Тьму и она скрылась в своей крепости. Но ты рассказала нам о всаднике-Сарне, который осмелился подойти так близко к Долине и принести смерть более могучей, чем он...

— Ройлейн?

Келси показалось, что он вздрогнул, когда она произнесла это имя.

— У колдуньи нет имени. У них назвать своё имя значит отдать свою силу. Но она назвала тебе своё имя, а камень взяла кошка. Это ещё одна перемена...

Келси пристально смотрела на него, удерживая взгляд, как никогда ни с кем не поступала раньше, как будто принуждая его к чему-то.

— Кто я такая, как ты думаешь?

Потребовалось четыре-пять медленных вдохов, потом он ответил:

— Ты призвана... леди Дагона предсказала это. Никто не может прийти, если на нём не лежит обет...

— Обет? — переспросила она.

— Дело или путь, намеченные судьбой. Нечто такое, против чего никому не устоять. Да, мы знали, что ты придёшь... И, может, они тоже знают, иначе всадник-Сарн не осмелился бы приблизиться к внутренним холмам. А каков твой обет, это ты узнаешь сама, леди...

— Ты прав, — мрачно согласилась она, заставляя себя хотя бы отчасти поверить в это.

5

Келси резко встала и повернулась к скале, на которой солнце ясно осветило спирали и углубления.

— Я ничего не знаю... об этих обетах...

Он пожал плечами.

— Иногда это действительно так, и ты только через

много дней узнаёшь, что ведёт тебя... Но всё равно тебе придётся идти.

— Ты говоришь так, будто что-то об этом знаешь, кроме пустых рассказней.

Йонан со своей лёгкой улыбкой-тенью взглянул на неё.

— И это правда. Однажды и мне выпало... идти туда, куда я не собирался, и делать то, чего я не хотел...

Может, он и собирался что-то добавить, но не смог, потому что между скал появился один из людей-ящериц. Йонан мгновенно вскочил, глядя на спускающееся в долину существо в яркой зелёно-золотой чешуе. Тот спускался с такой скоростью, словно падал. Келси увидела, что часовой пользуется при спуске всеми четырьмя лапами и вдобавок несёт что-то в пасти, неряшливый свёрток, похожий на тот, в котором Йонан принёс детёныша, и девушка подумала, не ждёт ли Быстроногую новое прибавление семейства.

Когда воин достиг относительно ровного места, где стояли двое собеседников, он сразу же бросил свёрток, так что тот ударился о камень с резбой. Послышался глухой звук, поднялось облако зловонного чёрного дыма. Йонан с криком извлёк меч, а человек-ящерица стоял, отдуваясь, и смотрел своими золотисто-чёрными раскосыми глазами на людей.

Конец меча коснулся грязной ткани, откинул край. Дым исчез, но вонь стала сильнее, казалось, она пропитала своей отравой весь воздух.

Под тканью оказался короткий стержень, длиной примерно с лапу человека-ящерицы с её длинными пальцами. Он был сероватого цвета, на каждом конце бугрились утолщения и, очевидно, полый, так как внутри завивалась какая-то дымка, будто рвалась на свободу.

Действуя с предельной осторожностью, Йонан полностью развернул ткань. Судя по выражению лица, он удивился не меньше девушки. Но она сразу подумала, что ни за что не взяла бы этот предмет голыми руками, даже

если бы за это пообещали возврат через врата. Быстрая тошнотворная реакция удивила и встревожила её.

Тут Келси мысленно уловила какую-то речь, и человек-ящерица исчез, быстро побеговав к домам у реки, оставив свою находку под присмотром меча Йонана.

— Тсали пошёл за помощью... — сказал молодой человек. — Он нашёл это в скалах на самом краю долины.

— Смотри! — Келси в страхе схватила Йонана за руку, потому что предмет на земле зашевелился!

И не от того, что его шевельнул конец меча. Наоборот, это выглядело так, словно он хотел уйти подальше от стали. Как будто это разумное существо, стремящееся бежать... бежать или напасть?

Келси почувствовала почти такой же гнев, как тогда, когда против неё обратилась злоба колдуньи. Какая-то воля была заключена внутри стержня или кто-то действует на него с расстояния. Стержень теперь полностью освободился от ткани, и Келси увидела, что на обращённом к ним конце стержня утолщение-кнопка имеет вид головы — гротескное подобие человеческой головы с глазными щелями, в которых горел тот же злой жёлтый огонь, который она видела в узком черепе собаки.

К удивлению девушки, Йонан быстрым движением перевернул меч и прижал этот катившийся предмет не концом, а рукоятью. На рукояти сверкнуло голубое пламя, и едва оно коснулось катящегося стержня, как...

До сих пор выглядевший прочным предмет задрожал, будто действительно охваченный пламенем. Казалось также, что немедленная реакция Йонана поставила его в тупик, он приподнял конец с головой и начал раскачиваться.

— Что это? — спросила Келси. — Он живой?

— Никогда такого не видел, — ответил её спутник. — Но он из Тьмы, может, даже из Великой Тьмы.

Не успел он произнести эти слова, как послышался гневный вопль. Такой девушка уже, несомненно, слышала.

Из-за скалы вышла кошка, таща за собой что-то очень яркое. В клыках она сжимала цепь, а камень колдуньи свисал на цепи и бился о землю. Он тоже весь переливался и кипел, словно обладал собственной жизнью. Кошка обошла стержень, который продолжал дёргаться, пытаясь освободиться от удерживавшего его оружия Йонана.

Подойдя к Келси, Быстроногая опустила цепь на носок её мягкого сапожка и, глядя в лицо девушке, снова пронзительно и требовательно закричала.

Девушка наклонилась к упавшей на камень цепи и тут же отдёргнула руку, чуть не закричав: цепь оказалась горячей.

Стержень усилил свои лихорадочные дёргания, он катался взад и вперёд, но Йонан был бдителен, и рукоять его меча не давала стержню уйти ни вправо, ни влево.

— Дура!

Злой голос колдуньи заставил Келси оглянуться через плечо. Подхватив юбку обеими руками, женщина из Эсткарпа бежала, на несколько шагов опережая Дагону и ещё двоих: мужчину древней расы в кольчуге и девушку из Долины с хлыстом в руке. Но перед этими тремя с огромной скоростью нёсся Тсали.

— Дура! — колдунья задыхалась, но прибежала первой и первым делом схватила Келси за руку, словно хотела вырвать у неё камень на цепи. — Ты хочешь сжечь в нём остатки жизни...

— Или сохранить жизнь, — Дагона говорила сдержаннее. — Что за напасть нашёл Тсали на наших границах? — она подошла ближе к дёргающемуся стержню и пригнулась, разглядывая его. Теперь все молчали и ждали её решения. Наконец она покачала головой.

— Никогда ещё не нарушалась древняя оборона Долины. Но Тсали нашёл это катящимся между скал, оно готово было упасть в ручей, может, чтобы спрятаться в воде и выплыть где-нибудь в другом месте. Это не от Сарнов, не от серых и определённо не от фасов — а может, просто

такое никогда ещё против нас не обращали. Это что-то очень древнее... и...

— И что же это означает, леди? — впервые заговорил мужчина в кольчуге. Келси вначале подумала, что вернулся Симон. Но за забралом шлема виднелось лицо гораздо более молодого человека. — То, что из Тьмы вырвалось какое-то древнее оружие? — мужчина сжимал в руках не меч, а что-то вроде тонкой палочки, как ветка с содранной корой; наполовину она была покрыта сине-зелёными птичьими перьями, как те, что покрывают крыши домов Долины.

— Ну, что ж, посмотрим, что может противопоставить этому Долина, — сказал он, и Йонан послушно отступил, убрав меч от дёргающегося стержня.

Мужчина заговорил. Он произнёс всего одно слово, не имевшее для Келси никакого смысла, но опять, как в столкновении с колдуньей, в голове её послышался ревущий гром, как будто сам окружающий воздух разрывался, выпуская неизвестно что.

Зелёная половина ветки, которую держал мужчина, вспыхнула настоящим пламенем, и он с громким восклицанием бросил её на стержень. Ткань под ним загорелась, огонь словно возбудил стержень, который закрутился в горящей ткани и сунул конец с головой прямо в пламя. Он словно жадно глотал огонь.

— Ха! — колдунья откинула голову и действительно хрипло рассмеялась. — Смотри, что ты наделал, Кимок, полукровка! Не тебе, с твоими знаниями, добытыми в Лормте, справиться с этим. Убирайся, пока не причинил ещё больших бед. Смотри: он кормится тем, что ты хотел обратить против него!

Дымка в стержне, найденном человеком-ящерицей, действительно словно набиралась сил. Келси показалось, что она даже начала светиться. Девушка неожиданно ощутила в руке резкую боль, взглянула на камень и увидела, что он сам собой дёргается и вращается на конце цепи, и это цепь врезалась ей в руку.

— Именем Рейт и Нейвы... — да её ли это голос? Откуда у неё эти имена? Конечно, с её губ, но ведь она их не знает!

Дёргающийся камень начал испускать искры, хотя ни одна из них не долетала до предмета на земле. Девушка обнаружила, что не может остановить вращение запястья, которое приводило в движение камень.

— Нет! — это уже крикнула колдунья. Она попыталась ударить Келси по руке, но Йонан перехватил этот удар, и, уворачиваясь, колдунья вынуждена была слегка отступить.

— Она же не колдунья! — голос женщины в сером перешёл на крик. — Она не смеет использовать силу. Вы хотите, чтобы на нас обрушилось то, что она ждёт? Останови её! — колдунья метнула уничтожительный взгляд на Дагону, которая не двигалась ни при попытках уничтожить стержень, ни при неожиданном нападении. Но теперь она заговорила.

— Мы не даём имена — их дают нам. И ей дано имя, возможно, той, что твоего рода...

— Она мертва! — судя по тону, колдунья считала, что этот исход заслужен.

— Она мертва, — согласилась Дагона. — Но, умирая, она могла передать...

— Это невозможно! — воскликнула колдунья. — У неё не было права, она не могла этого сделать. Откуда появилась эта? Она не нашей крови, она не обучена, она ничто, только опасность для всех нас. Дай мне камень! — последнее требование было обращено к Келси, которая только что совершила открытие.

Она не только не могла перестать вращать запястье, которое приводило в движение камень; не могла она и разжать руку. Напротив, её тянуло вперёд, тянуло с силой, которой она не могла сопротивляться. Колдовской камень вращался всё быстрее, хотя его обороты становились шире; он словно завис в воздухе над стержнем.

А стержень дёргался, пытаясь откатиться, словно действительно обладал собственной жизнью. Всё быстрее

вращался камень, и запястье Келси превращалось в центр огненного круга, и из этого круга к стержню на полусгоревшей ткани сплошным потоком устремлялись искры.

И снова губы Келси произнесли слова, которых она не понимала:

— Рейт... Рейт... огнём Рейт... волей Нейвы... да станет это безвредным!

Поток искр стал ещё шире, нацелен точнее. Наконец искры ударили прямо в стержень. Вспыхнуло ослепительно яркое пламя, вначале алое, потом голубое, и не осталось ничего, кроме кусочка расплавленного металла.

Рука Келси упала. Девушка оцепенела, будто только что поднимала огромный груз и держала его какое-то время на весу. Блеск камня исчез. Сам он стал пепельно-серым, словно остаток сгоревшего костра.

Первой нарушила молчание Дагона.

— Оно ушло. Ушло зло.

— К тому, кто его послал, — в резком голосе колдуньи слышалось облегчение. — И какое сообщение оно принесёт? Что мы пришли в поисках и готовы встать рядом с вами...

— Ты действительно пришла в поисках, — возразил Кимок. — Но не для того, чтобы объединиться с нами. Ты пришла брать, а не делиться.

— Молчи, полукровка, который не должен был явиться на свет, — она ответила хрипло, будто хотела крикнуть, но не имела сил.

— Может, я и полукровка, — гордо ответил он, — но эта кровь хорошо поработала для Эскора. А до того — для Эсткарпа...

— Мужчина! — плюнула она. — Противно природе, чтобы мужчина обладал силой. Всё из-за твоего отца, прошедшего врата, — подумай, что потом произошло?

— Да, что произошло? — повторил он. — Колдеры уничтожены, путь на Эскор открыт...

— Это вовсе не благословение, — прервала она. — Порождения грязной Тьмы бродят по горам и осмеливают-

ся спускаться в Долину. Ты и те двое, что родились в один день с тобой, заварили большую войну, уничтожение и смерть. А теперь... — она указала на Келси, которая пыталась растереть руку и вернуть в неё жизнь, — теперь пришла эта, забрала у одной из сестёр... украла... то, чего не знает, с чем не умеет обращаться... и потому...

— И потому, — прозвучал чистый и холодный голос Дагоны, — эта штука, которую мы никогда не видели раньше, обезврежена, — и она обратилась к Кимоку и девушке из своего племени. — Похороните его на этом месте, а потом, — она указала на камень, на котором видны были древние изображения, — потом поставьте поверх этот камень. Рейт и Нейва, — она подошла к Келси и взяла её онемевшую руку. — Давно, очень давно не слышно было этих имён... а в своё время это было могучее оружие. Ты по-прежнему связана с ними? — спросила она у колдуньи.

Та гневно и презрительно взглянула на всех и ответила: — О таких вещах не говорят. Это тайна...

Дагона покачала головой.

— Время тайн давно миновало. Когда поднимается Тьма, Свет должен объединиться, и все знания следует разделить.

Колдунья ответила презрительным восклицанием. Но если и отказалась от предложения Дагоны, то не сделала это открыто. Напротив, указала на камень, казавшийся теперь мёртвым. Камень по-прежнему висел на цепи в руках Келси.

— Это наше волшебство, не твоё. И его нужно было оставить на месте, не трогать. Не давать тому, кто не имеет должной подготовки. Откуда мы знаем, кто она такая на самом деле?

Невозможно было не увидеть гнева в её взгляде, обращённом к Келси. Девушка ответила немедленно. Пальцами левой руки она перехватила цепь и протянула её колдунье, радуясь возможности избавиться от неё, но женщина в сером сделала жест, словно отталкивала камень, она вся съёжилась.

— Возьми, — настаивала Келси. — Мне это не нужно...

— У тебя нет права... — вновь начала колдунья, не делая однако попыток взять камень.

— У неё право предсмертного дара, — сказала Дагона.

— Разве та, что умерла, не дала ей также имя Кел-Сей? И с именем перешла вся сила.

— Она тоже не имела права!

— Позови её и спроси об этом...

Женщина в сером вспыхнула.

— Ты говоришь глупости! Мы не имеем дел с такой тьмой.

— Если это так, зачем сомневаться в том, что сделала твоя сестра? — спросила Дагона. — Можно добровольно передавать силу, и она отдала её...

— Кошке! — выкрикнула колдунья. — Животное взяло вещий камень!

— И в нужное время отдало его той, которая сумела им воспользоваться...

Келси устала от этой перебранки по поводу того, что она сделала и не сделала. Она отбросила от себя камень, хотя для этого ей потребовалась вся воля. Казалось, тело не хотело подчиниться ей, не позволяя этого делать. Цепь пролетела в воздухе, ударилась об одну из скал и скользнула на жёсткую траву у подножия камня.

— Подними его! — Келси никогда не слышала, чтобы Дагона так говорила. И, несмотря на всё своё негодование и стремление освободиться, обнаружила, что идёт вперёд, что пальцы её сами собой тянутся к цепи, висящей на стебле травы. Она снова взяла камень в руки. Тот по-прежнему был непрозрачен, мутно-сер, и девушка начала верить, что в нём действительно перегорела эта загадочная «сила» во время столкновения со стержнем. Она слегка взмахнула цепью, как машут тлеющей веткой, чтобы разжечь пламя, но камень не ответил.

— Дай ей покров, — теперь Дагона обратилась к колдунье; та гневным движением извлекла кусок ткани, которую легко можно было превратить в мешочек.

Келси с благодарностью разжала руку, выпустив цепь с камнем. Как только она положила камень в мешочек, колдунья затянула нить и отошла, оставив оболочку с камнем на скале.

— Возьми его, — приказала Дагона.

Келси осмелилась покачать головой.

— Мне это не нужно...

— Предметы, обладающие силой, избирают тебя, а не ты их. Камень дважды пришёл к тебе: из рук той, что заслужила его, и благодаря твоему собственному использованию его. Возьми. Может, его сила действительно кончилась. Но я так не думаю.

Йонан мечом вырыл ямку и столкнул в неё почерневший изогнутый стержень. И неожиданно вскрикнул. Потому что на камне, на котором лежал сгоревший стержень, теперь появилось чёрное изображение... Улыбающееся лицо, больше похожее на человеческое, чем то, что видела Келси на самом стержне, но такое злобное, что девушка не поверила бы, что возможно существование такого зла. Стержень, погибая, нарисовал это лицо на камне, и когда Йонан попытался остриём меча убрать рисунок, он не смог стереть ни кусочка чёрной сажи.

Дагона зашла за камень и через мгновение вернулась, неся в сомкнутых руках воду. Волшебница склонила голову идохнула на жидкость, которую несла, произнося слова, может быть, имена. Потом повернулась к колдунье, которая — явно вопреки своему желанию — подошла, окунула палец в быстро утекающую воду и тоже произнесла какое-то заклинание.

Потом Дагона подошла к Кимоку, который тоже провёл рукой над её сжатыми ладонями и произнёс собственную молитву или слова ритуала. После чего Дагона вернулась к рисунку и вылила оставшуюся воду на изображение демонической головы. Келси была уверена, что видела, как злобные губы изогнулись, словно пытаясь что-то выкрикнуть. Изображение поблекло, побледнело, исчезло.

Ногой Дагона столкнула этот камень в яму, где уже лежали остатки стержня, потом достала из сумки на своём поясе какие-то высохшие листья и высыпала их на осквернённый камень. Йонан энергично заработал мечом. Каскад камней и земли обрушился в яму. Но потребовались усилия всех, кроме колдуньи, которая и не пыталась помочь, чтобы похоронить остатки зла. Дагона кончила последней, погладив древние вырезанные символы и знаки.

— Что же это за оружие? — спросил Кимок, когда они закончили.

Дагона пожала плечами.

— Такого я не видела. Но в дни, когда наш мир разрывался в войне, а Великие сражались с Великими, нигде, кроме этой Долины, не найти было безопасности, существовало разное оружие, ныне давно забытое. Кто оживил это... С последней битвы в горах у нас тут весьма тревожный мир. Мне кажется, что он кончается... почти. Само появления этого зла здесь, открывающее, может быть, дорогу Тьме, — угроза, которую я надеялась не видеть. Сарны и серые снова поднялись. Если они поднялись, то ожили и фасы и все прочие силы Тьмы. Нам нужно готовиться к новым встречам.

Келси несла мешочек с колдовским камнем. Всё её тело болело, словно её избили изнутри. Слишком многое произошло и слишком быстро. Теперь она знала, что это не сон. Теперь она верила Симону Трегарту, что благодаря какой-то случайности оказалась в ином мире с другими законами природы. Но с большим трудом она заставила себя признать это. Если она вернётся к стоячим камням и пройдёт через их круг, то, может быть, снова вернётся к реальной жизни.

Да, эта жизнь тоже реальна, но это не её реальность. Симон Трегарт как будто без колебаний принял её. Но она...

— Храни это! — её мысли прервал хриплый голос

колдуньи. Та подошла к Келси и своим длинным бледным пальцем указала на мешочек.

— Я не колдунья, — возразила Келси; неприязнь к этой женщине преодолела осторожность.

Та издевательски рассмеялась.

— Хорошо, что ты так говоришь, девушка. Но, похоже, в Эскоре всё, что мы знали в Эсткарпе, переворачивается с ног на голову. Мужчины владеют силой... — она сердито посмотрела на Кимока и Йонана, — а те, кто не имеет никакой подготовки, получают оружие Света. Но камень подчинился тебе однажды...

— Я ему ничего не приказывала! — сразу возразила Келси.

— Если не приказывала, откуда же имена, которые ты произнесла? Из воздуха, который окружает нас всех? Кем ты была в своём собственном мире, девушка? Ты владеешь силой, иначе камень не подчинился бы тебе. А неведомая сила... — она покачала головой, — кто знает, что скрывается в ней, когда придётся столкнуться с Тьмой?

На руку Келси опустилась рука Дагоны, отвела её от колдуньи и направила на узкую тропу, спускающуюся в Долину.

— Мы видели, как действует камень. Я сказала бы, что ты... и он... сражались великолепно, — шепнула Дагона девушке. — Не бойся — но будь осторожна. Теперь у тебя в руках и защита, и оружие. Каттея три десятка дней назад прислала предупреждение, что к нам придёт та, что уравновесит наши силы в предстоящей схватке. Похоже, она оказалась права...

— Болтовня полуколдуньи, предательницы, бежавшей с места учёбы, прежде чем её посвятили в сёстры, — прошипела колдунья. Слова из её рта истекали, как капли кислоты.

— Она выбрала свой путь, — ответила Дагона. — А теперь она леди Хилэриэн. Ты решилась бы повести против него даже объединённые силы Эсткарпа, Мудрая Женщина?

— Против Великого? Кто знает? В старину такие, как он, рвали нашу землю.

— А в наши дни он помогает залечивать её раны, — возразила Дагона. — Довольно, Мудрая Женщина. Ты сказала, что пришла помочь нам, но только и делаешь, что оспариваешь совершённое. Наверное, Эскор и Эсткарп слишком разошлись, чтобы быть союзниками.

Она говорила очень холодным голосом. Потом привлекла к себе Келси, они вдвоём обошли колдунью и начали спускаться в Долину.

6

Келси лежала на узком спальном матрасе. Покрывало она отбросила. Медленно, вопреки желанию, рука сама собой пробралась под конец матраса, служившего подушкой.

Да, он по-прежнему здесь, мешочек с колдовским камнем. Она пыталась отдать его Дагоне и теперь с дрожью — причём не от ночной прохлады — вспомнила, что тогда произошло.

Он двинулся, как какая-то медлительная неуклюжая черепаха или другое живое существо, — мешочек с камнем двинулся: и ни она, ни Дагона им не руководили. Вернулся и лёг рядом с её рукой. Хочет она того или нет, ей ясно дали понять, что камень останется с ней. Но откуда сознание у камня, пусть даже тщательно обработанного?

Голова болела. Келси потёрла её. Боль от удара во время перехода через «врата» прошла по крайней мере два дня назад. А эта боль появилась, когда она взяла камень. Как будто в её голове что-то шевелилось, билось о стены, стремилось занять всё больше и больше места.

Не понимая, почему она это делает, девушка подняла руку и вытянутым указательным пальцем начертила в темноте, как на холсте, знак. И...

Камень ожил, на мгновение он, голубой и яркий, стал

виден даже сквозь ткань. «Как» и «почему» — теперь это стало важнее, чем «где» среди множества осаждавших девушку вопросов. Но сколько бы она ни задавала их, получала либо отказ отвечать, либо уклончивый ответ.

— Кто... Нет, я Келси МакБлэйр, — произнесла она вслух. И снова мысли её потекли по протоптанному пути. Она протянула руку, чтобы остановить выстрел МакАдамса. Он ударил её, бросил вперёд, и она пришла в себя в каменном круге рядом с дикой кошкой. Почувствовала ли кошка то же, что она? Или Быстроногая, ожидавшая прибавления семейства, без вопросов приняла новую территорию? Без вопросов, которые много ночей подряд лишали девушку сна.

Врата — в этом околдованном мире они открываются и закрываются, случайно или намеренно через них могут пройти отверженные или такие, как она. Трегарт сказал, что возврата нет. Келси заставила себя лежать неподвижно, плотно закрыла глаза и попыталась силой воли перенестись в безопасное и хорошо знакомое прошлое.

Но это тоже оказалось очень трудно. Почему... Келси снова с дрожью села.

Где она оказалась в эти мгновения? Не на Шотландском нагорье! Нет! Она увидела зал со множеством сидений, на одном конце которого стояли четыре кресла с высокими спинками, эти кресла были похожи на троны, они стояли на помосте. Не все они были заняты, только два. А вокруг какое-то движение, чувство ожидания, подготовки к действиям, торопливый шорох.

Келси потёрла глаза, словно могла стереть эту сцену и чувство, оставленное ею. Там она была частью большого целого и чувствовала потребность быть... кем?

Девушка снова сунула руку под матрац, чтобы схватить закутанный камень и убрать его как можно дальше. На коленях она подползла к занавеске, отделявшей её матрац от остальной части помещения, отёрнула занавеску и бросила камень. Потом с облегчённым вздохом снова легла

спать — или думать, как выбраться из этого мира и всех ловушек, которые ждут в нём чужака.

Она вертелась, крутилась, старалась удержать в сознании сердитое лицо МакАдамса, обрушившиеся камни за ним. Это правда, реальность, а остальное...

Но вокруг неё снова встали стены зала. Она сидит в своём кресле, том самом, которое отвели ей, когда она дала клятву камня. Теперь камень многие-многие годы будет принадлежать ей. Слева от неё место пусто. Справа — доносится дыхание и шелест одежд сестры Вуделили. Она даже ясно ощущает запах цветов, которыми всегда пахнут одеяния старой женщины, этот запах заглушает аромат благовоний в жаровнях по обе стороны помоста.

Они должны погрузиться в размышления, но её собственные мысли разбегаются. Сегодня утром рядом с мёртвой матерью нашли ягнёнка и отдали ей для выращивания, а недавно обнаружили трех осиротевших детёнышей гази, и Вторая Леди хочет, чтобы она и их вырастила. Разве все они не поклялись спасти жизнь, как бы низко на шкале развития та ни располагалась? Нужно также варить тисан, который так помогает зимой смягчать боль в суставах. Это ей даже поручили на общем собрании. Она сама, сестра Мэйкизи — Ройлейн... Нет! Никогда, даже мысленно нельзя произносить это имя, следует похоронить его в себе.

Но мысли об ягнёнке, о травах, о той спокойной жизни, которую она так любит, исчезли после слов женщины, сидящей посредине помоста.

— Бросим жребий.

Перед ней стоит кувшин из старинного серебра с широким горлышком, и она указывает на него жезлом, появившимся из складок широкого одеяния.

В кувшине раздаётся шорох, там поднимаются маленькие белые кусочки, словно кто-то бросил в него обрывки бумаги. Кусочки поднимаются в воздух, образуют облачко, достигающее до головы сидящей женщины, летят быстрее

облака над помостом, над сидениями — теми, что (увы!) пусты, и теми, которые заняты. Над каждым креслом они делают круг и летят дальше. И опускаются на колени женщины, сидящей в пяти рядах от сестры Мэйкизи. Они выбрали кислотицу сестру Виттл.

Сестра Виттл! Она удивляется такому выбору. Хотя никто на него не оказывал давления, никак не влиял. Она много раз видела такой жребий, и очень часто он выпадал на сестру, которая казалась наименее подготовленной для выполнения задачи. Но в конечном счёте их всегда ожидал успех. Но чтобы сестра Виттл была послана от имени поредевшего Совета... такого странного выбора она уже много лет не видела.

Облако, сделав первый удивительный выбор, продолжало полёт. Оно миновало один ряд, другой. Теперь оно приближается к ней. В груди у неё неожиданно становится холодно, облако минует последнюю сестру, которую могло бы выбрать.

И вот оно над её головой, и белые мошки опускаются на её плотно сжатые руки. Нет! Но никакие мольбы невозможны. Она должна оставить тепло, покинуть сестёр, выйти в мир, из которого ушла, казалось, так много лет назад. Дикая земля, со шрамами, нанесёнными войной, земля, которой сестры овладеть не могли. Но сомнения в жребии невозможны, белые клочки лежат на ней, они тяжелы тяжестью выбора, от которого не уйти.

Она встаёт, и белые клочки растаяли, как снег. Сестра Виттл тоже встаёт, вместе они проходят к основанию помоста и смотрят в лицо Всеобщей Матери. У той замкнутое лицо, она в совершенстве владеет им и спокойно смотрит на перемены в бесконечном течении дней.

— Жребий брошен и выбор сделан, — говорит она бесстрастно. На мгновение у сестры Мэйкизи появляется запретная мысль: Всеобщая Мать так же, как и все остальные, удивлена таким выбором. — Лорд Хранитель обещал дать эскорт для проезда через горы. По результатам

гадания, самый благоприятный день — третий, начиная с сегодняшнего. Вы узнаете то, что знали наши далёкие матери, и извлечёте из этого знания то, что полезно для нас.

Никаких сомнений, справятся ли они с задачей; Мать так уверена в своих словах, словно посылает их в кладовую за припасами для обеда. Но Мэйкизи хочется закричать, что она не подходит для такого выбора, что она слаба в силе; она умеет только облегчать боль, но не знает, кто причиняет эту боль. А здесь, в Обители, ходит множество рассказов о существах, которые бродят в горах и опустошают землю. Они из-за этого жребия должны идти в самое сердце чёрной неизвестности и взять то, что им не отдадут добровольно и свободно, — самую суть силы!

— Решено, — вслух говорит сестра Виттл, но сестра Мэйкизи не может в ответ произнести ни слова.

Келси снова села на спальном матрасе. Она — не сестра Мэйкизи. Она опустила руку, чтобы опереться на неё, но что-то ей помешало. У неё в руке оказался тот самый камень в мешочке, который она только что выбросила. Но она — это она, а не та, другая, в этом-то она уверена. Девушка закрыла глаза, отдёрнула руку от камня и сосредоточилась на собственных воспоминаниях.

Она работала на псарне со щенками, когда пришла телеграмма. Умерла тётка её давно умершего отца, Джесси МакБлэйр, она ей казалась персонажем семейного предания. И завещала ей дом — последний остаток некогда обширного поместья. Адвокат объяснил ей, что она должна принять наследство.

И она отправилась в Шотландию, надеясь наконец обрести собственный дом, — и увидела развалины, только одно крыло было ещё обитаемо, да и то быстро разрушалось. Её окружали мрачные кислые лица, и ей не понравилось ни это место, ни населяющие его люди за те немногие дни, что она там провела, — прежде чем произошло это. Она не дочь силы...

Келси сжалась, прижала колени к груди, охватила их руками. Руку, которая во сне каким-то образом призвала камень, покалывало, и девушке казалось, что она видит слабый синеватый свет. Она пинком накрыла мешочек одеялом.

В темноте за её занавесом что-то шевельнулось, и девушка ощутила мускусный запах дикой кошки. С пола на неё смотрели жёлтые глаза.

— Иди к своим котяткам! — прошептала Келси. — Разве недостаточно ты натворила бед, принеся это... эту штуку сюда, в Долину?

Она никак не ожидала от кошки ответа, тем более такого сильного принуждения: она должна быть очень осторожна и внимательна, требуется всё её внимание. Девушка изо всех сил боролась с этим принуждением. Может, та, которую она видела во сне, которой была во сне, берёт власть себе. Потому что вопреки желанию Келси развела плотно сжатые руки, взяла мешочек и спрятала его в одежде. Он лежал там, тёплый, пульсирующий, словно обладал собственной жизнью. В прошлом ей случалось держать мелких животных, и от них исходило такое же биение и тепло жизни.

По-прежнему под действием приказа, который не могла нарушить, Келси встала и взяла плащ с капюшоном, который ей дали, обула мягкие полусапожки, плотно завязала пояс. Быстроногая нетерпеливо расхаживала взад и вперёд, однако молчала. Но вот она вытянула тупую мордочку, острыми зубами схватила край плаща и потащила девушку к двери.

Келси послушалась — сила, действовавшая на её мозг, подавила страх и упрямое стремление к свободе — и молча вышла в ночь. Луна стояла высоко и ярко освещала небольшую группу домов. Кошка, по-прежнему сжимая в зубах край плаща, двинулась в сторону холмов. Шаг за шагом, продолжая бороться с принуждением, Келси проделала тот же путь, что и днём.

Дважды она проходила мимо часовых, и они её словно не замечали. Никто не окликнул девушку, не заметил её прохода, а если бы и окликнули, она не ответила бы. Страх её усиливался, теперь он немного подавил принуждение, заставлявшее её идти. Она попыталась повернуть назад, но всё равно это оказалось невозможно.

Они уже миновали большой камень, который по приказу Дагоны передвинули на то место, где был погребён злой стержень. Тут кошка остановилась, выпустила край плаща, зарычала и лапами толкнула маленький камушек, отбросив его на большой. Но Келси пришла сюда не для того, чтобы быть свидетелем этого действия. Потому что кошка сразу двинулась дальше, она продолжала подниматься. А туда, куда шла Быстроногая, должна была идти и Келси.

В стене холма открылась узкая расщелина, из неё послышалось мяуканье. Быстроногая прыгнула туда, девушка последовала за ней. Пришлось пригнуться, чтобы пройти под нависающим камнем. Поначалу проход был узкий, а потом в темноте она ощутила вокруг свободное пространство. Откуда-то из тьмы ветер доносил зловонный запах. Девушка услышала кошачье рычание, звуки схватки и прижалась к стене, ничего не видя в темноте и не пытаясь добраться до сцены боя.

Внезапно в темноте её коснулось чьё-то тело, жёсткие волосы или шерсть прижались к руке, её старались подтолкнуть к месту схватки. Девушка свободной рукой раскрыла мешочек и извлекла колдовской камень.

Яркая вспышка ослепила не только её, но и существо, что напало на девушку. Келси увидела что-то напоминающее путаницу корней, прижавшихся к земле. Свет камня озарил и другую страшную кратину: Быстроногая, оскалив зубы, закрывала котят, детёныш снежной кошки был уже почти в половину её ростом, а перед ней застыли ещё два страшных зловонных создания тьмы.

Фасы! Келси до сих пор только слышала это название, но мгновенно опознала этих скрывающихся во тьме су-

ществ. Девушка взмахнула цепью с камнем, и три страшных фаса испустили гортанные крики. Тот, что замер у её ног, быстро пополз к двум другим, словно огромное насекомое, те тоже попятились, прикрывая лапами морды, пряча глаза.

Они пятились, а Келси резко отпрянула от стены, у которой так безуспешно пыталась спрятаться, и начала размахивать камнем на цепи, а камень с каждым взмахом светился всё ярче. Келси ощущала какую-то тягу в руке, словно она — источник энергии, передававшейся камню, оживившей его.

Напавшие в панике отступили, и Быстроногая начала облизывать котят, время от времени поднимая голову и рыча. А три существа устремились к груде земли в углу кошачьего логова. Очевидно, отсюда они и появились. Добравшийся до груды первым бросился в неё, как пловец в морской прибой на берегу, и отчаянно забарахтался, вверх фонтаном полетели земля и камни. Приободрившись при виде явного страха зловонных пришельцев, Келси решительно принялась прогонять оставшихся двоих, пока те не нырнули в дыру в земле, Девушка сама вовсе не собиралась лезть в неё, она встала рядом и продолжала размахивать цепью с камнем, пока рука окончательно не устала, словно ей пришлось долго нести большой груз.

И не только рука. Всё тело неожиданно охватила апатия, и девушка опустилась на колени перед дурно пахнущим отверстием, а свет камня сменился еле заметным блеском.

Фасы — подземные носители зла. Казалось, само это название приоткрыло в её сознании какую-то дверцу. Как посмели они явиться в Долину? Ведь её охраняют древние стражи, и племя Зелёной Страны считает, что миновать их невозможно. Но разве не проникли фасы в пещеру, которую избрала своим логовом Быстроногая? Что же ещё они могут сделать?

— Многое! — этот ответ на её мысль был произнесён вслух, и Келси чуть не упала, быстро повернувшись лицом к говорящей.

Перед ней стояла Виттл. Серая одежда сливалась с тенью, ясно видны были только белое костлявое лицо и худые руки, сжимавшие собственный камень. Впервые ёо времени их встречи Келси не ощутила враждебности в колдунье. Напротив, Виттл внимательно и несколько удивлённо рассматривала девушку.

— Ты... — голос её звучал не громче шёпота.

— Келси МакБлэйр! — выпалила девушка. Несмотря на все свои сны, она будет до конца держаться этого.

— Она... она избрала тебя... это правда. Она осуществила свой выбор.

— Я не Мэйкизи... — отказалась Келси.

— В тебе часть её, хочешь ты того или нет!

Руки Виттл упали с камня, и он загорелся ровным голубым светом. Вонь фасов рассеялась, и к Келси начали возвращаться силы, теперь она стояла, не опасаясь, что ноги откажут ей.

— Это нужно закрыть, — Виттл двумя шагами миновала её и остановилась перед отверстием. Размахивая камнем на цепи, как раньше это делала Келси, колдунья произносила слова, обращённые к самой земле, чтобы призвать её преградить дорогу злу. Воздух между её камнем и дырой в земле заполнился изменяющимися символами, они цеплялись друг за друга, и наконец образовалось нечто вроде сети, покрывшей груды выкопанной земли и стену возле неё.

— Да будет так! — три последние слова хлестнули, как бич молнии под грозовым небом. Камень и земля зашевелились, начали сами собой разбрасываться, смещаться, уходить внутрь, превращаясь снова в сплошную стену. В ней всё ещё видны были голубые сверкающие нити сети. Но колдунья уже повернулась спиной к стене и опять сужившимися глазами рассматривала Келси.

— С каждым годом сестёр становится всё меньше, — сказала она, как будто напоминая себе что-то. — Может быть, нам следует искать врата... и Мэйкизи, умирая,

увидела истину. Ты одна из нас, хоть получила свой камень не обучением, а благодаря дару...

— Нет! — Келси осмелилась отказаться. Та, что казалась ей противником, теперь изменилась, призывала объединить силы.

— Да, — та словно читала мысли девушки. — Мы были посланы, но ещё не исполнили то, зачем нас послали...

— Я не колдунья, — к удивлению девушки, та согласно склонила голову.

— По нашим законам — нет. Но Мэйкизи это знала. И, может, именно потому что она оказалась на краю гибели, ей стало ясно. Ты не можешь отрицать то, что заключено в тебе...

— Во мне ничего нет!

Келси попятилась, как во время нападения фасов, пока не прижалась плечами к холодному жёсткому камню. Наверное, нужно бежать... Но она не может! То же принуждение, которое привело сюда девушку, остановило её и сейчас. Она хотела закричать в страхе и гневе. То, что собственное тело ей не повинуется, оказалось хуже всего. Но она не могла сделать ни шага, чтобы миновать колдунью и выбраться отсюда.

Голосом, в котором она тщетно пыталась подавить дрожь, девушка сказала:

— Прекрати свои трюки и дай мне уйти.

Виттл развела руки, словно предлагая девушке полную свободу.

— Никаких трюков я не делаю. Посмотри в себя и увидишь, что там.

Посмотреть в себя? Келси попыталась, не очень понимая, что это значит. И обнаружила, что, не сознавая этого, надела цепь с камнем на шею, и тот, пульсируя, лежит у неё на груди, как камень самой Виттл.

Келси дышала тяжело и неровно.

— Чего ты от меня хочешь? — спросила девушка слабым голосом. Силы её ещё не восстановились, и она чувствовала, что если не будет опираться о стену, может упасть.

— Дыши так... — Виттл задышала медленно и глубоко. — Думай о своём теле, о ногах, которые тебя держат... о крови, которая несёт им питание, очищает. Твоё тело хорошо служило тебе, будь добра к нему... медленнее, сестра. Думай о ночном спокойном сладком сне, который не тревожат кошмары. Сейчас утро, и ты проснулась освежённая, полная сил, хозяйка себе самой, сестра своего камня, который будет тебе служить, хоть ты и хотела отказаться от него. Идём...

И, не глядя, повинуется ли ей Келси, Виттл наклонилась и вышла из пещеры, а девушка почувствовала, что её неудержимо тянет за колдуньей. По-прежнему над скалами висела луна, и колдунья быстро отыскивала хорошо освещённое место. Она встала там и подняла руки, как будто держала лучи луны, хотела притянуть её к себе. Девушка нерешительно последовала её примеру.

Её камень снова начал светиться. Не с такой силой, как против фасов, но чистым белым светом. От него исходило тепло, оно распространялось по всему телу и исчезали усталость и боль в пояснице. Келси действительно почувствовала себя так, словно проснулась ясным утром в начале хорошего дня, вымылась в чистой воде Долины и сейчас уже сделала многое из того, что должна была сделать.

Келси не могла бы сказать, долго ли они так стояли, но наконец Виттл опустила руки, когда к ним подползла тень от камня, а луну над головой начало закрывать облако.

— Хорошо, — сказала она со вздохом. — Так всегда с силой, когда пользуешься ею. Она истощает, о, как она истощает, — в голосе её звучала боль воспоминаний. — Но всегда наступает обновление. Как с тобой, Мэйкизи... — тут она заколебалась. — Нет, для одной одно имя, для другой другое. Ты ещё не получила имени...

— Я Келси! — в девушке вспыхнула старая враждебность.

— Ты не понимаешь... — девушка и не думала, что Виттл

способна проявить такое терпение. — Так смело использовать данное тебе при рождении имя значит навлекать на себя зло. Это даёт ключ тому, чего ты должна бояться. И Тёмный сможет воспользоваться твоим телом. Но ещё хуже, когда затрагивается внутренняя сущность. Может, с тобой по-другому, и для тебя имя — не опасность.

— Иногда и со мной такое возможно, — сказала Келси, неожиданно припомнив, что и в её мире, в её времени имя может принести опасность. Вероятно, не такую, как здесь, но всё же опасность. — Но мы не меняем имена... — хотя нет, и это не так. Люди меняют имя, меняют сам образ жизни. Свидетели преступлений, шпионы. Но она ведь не из их числа, и её имя — часть её самой, она не хочет отказываться от него. Сделав это, она только ещё больше погрузится в это невероятное приключение.

7

Колдунья протянула руку за камень и достала оттуда два мешка с лямками, которые можно надевать на плечи. Один из них она положила у ног Келси. Девушка попятилась от него.

— Что ты делаешь? — спросила она.

— Мы уходим, — спокойно ответила Виттл. — То, за чем мы посланы, ещё впереди. Если будем ждать благосклонности жителей Долины, никогда не доберёмся до него. Они сражаются, когда на них нападают, когда Тьма приближается к ним, но сами в другие места не вторгаются.

— Я не пойду! — Келси смотрела, как Виттл надевает на плечи свой мешок.

— Ты не можешь поступить иначе. Ты пользовалась камнем... он теперь твой, а ты одна из нас.

Келси хотела бежать от этой безумной женщины, спуститься по тропе в Долину. Но снова тело отказалось повиноваться ей. Тепло камня по-прежнему окутывало её, и она обнаружила, что тоже наклоняется, поднимает мешок и надевает его на плечи.

— Не борись с этим, девочка, — в голосе колдуньи зазвучали покровительственные и прежние слегка презрительные нотки. — Ты одна из сестёр, и на тебе лежит обет.

И вот, вопреки своему желанию, Келси начала подниматься, следуя за Виттл всё дальше и дальше по крутым склонам, цепляясь пальцами рук и ног, чтобы уравновесить тяжесть своей ноши. Вскоре они достигли верха преграды, которой природа — или те, кто может свободно призывать к себе силы природы, — окружила Долину. Дальше открылась местность, больше покрытая тенью, чем освещённая луной, полная опасностей. Виттл начала спокойно спускаться, ведя за собой девушку, а Келси по-прежнему не могла сопротивляться.

Если на этих высотах и были часовые и наблюдатели (а Келси была в этом уверена), колдунья сумела пройти сама и провести Келси незамеченными. Никто не остановил их, не спросил, куда они направляются.

По спуску зигзагами проходила хорошо утоптанная тропа, но спускались они неторопливо. Виттл проверяла каждый шаг, прежде чем поставить ногу, а Келси следовала сразу за ней.

Однажды над ними пролетел крылатый сгусток тьмы, колдунья остановилась, Келси застыла рядом с ней. Но существо не вернулось, и немного погодя — Келси всё это время дышала быстро и поверхностно — колдунья снова двинулась в путь. Потом она снова застыла, да так внезапно, что девушка чуть не налетела на её мешок. Снизу, оттуда, куда они направлялись, послышалось низкое рычание. На этот раз колдунья шёпотом приказала девушке:

— Серый. Спрячь свой камень! У них глаза, которые видят во тьме, — она и сама спрятала собственный камень, приоткрыв платье на шее и опустив туда сверкающий комок. Келси последовала её примеру и чуть не закричала. Камень был горячим, она словно прижала к обнажённой коже груди раскалённый уголь.

Казалось, Виттл считала, что это единственная необхо-

димая предосторожность, потому что снова двинулась вперёд. Келси, по-прежнему повинуюсь принуждению, следовала за ней.

Так они добрались до ручья, который прорывался сквозь горы навстречу реке Долины, здесь колдунья подобрала полы своего длинного платья, так что худые белые ноги обнажились до колен, и знаком велела Келси сбросить мягкие полусапожки, в то время как сама она сняла сандалии.

Сняв обувь, колдунья вошла в мелкую воду и уверенно пошла вперёд, Келси как привязанная шагала за ней. Может, чтобы окончательно утвердить своё превосходство, Виттл прошептала:

— Бегущая вода враждебна Тьме. Пока можно, лучше держаться её.

Стараясь говорить немного, Келси собралась с силами и спросила:

— Куда мы идём?

Правда, девушка шла за ней вопреки своей воле, но, может, с помощью камня ей удастся освободиться от принуждения. А пока не нужно раздражать колдунью.

— Куда нас ведёт... — последовал неутешительный ответ. — Как ты знаешь... нет, — тут же поправилась она. — Ты одна из нас и в то же время нет... и, может, вместе с камнем тебе не дано знание. Мы ищем источник древней силы — тот, что сформировал в самом начале наш союз сестёр; он снова должен собрать нас, чтобы мы смогли соединиться и воспрянуть. Мы знаем только, что он на востоке. Сестра Мэйкизи искала его...

— И она теперь мертва! — холод страха боролся с теплом камня. — Но была ли у вас надежда добраться?..

— Она шла с охраной, ехала открыто, хотя предупреждение было ясное. Но она не захотела прислушаться к словам жителей Долины... — Виттл снова заговорила резко и холодно. — Этот поиск нельзя совершить силой, с помощью неуклюжих мужчин. Она ошиблась и заплатила

за это. Мы будем искать ночами, и это... — она прикрыла рукой тусклое сияние, пробивающееся сквозь одежду, — это станет нашим проводником. Потому что свои камни в древности мы принесли из этой земли, и их влечёт туда, где они получили свою жизнь. В этом мы уверены. Внимательно наблюдая, как они разгораются и тускнеют, мы найдём путь.

— А что, если источник, который вы ищете, во власти Тьмы? — Келси смочила кончиком языка губы.

— Он может быть осаждён Тьмой, — согласилась Виттл, — но не взят, иначе наши камни умерли бы. Свет и Тьма не могут совмещаться.

— Но ведь тени и лунный свет совмещаются, — Келси пыталась найти подходящие слова для своих возражений.

— Луна полная, и в ней мы можем найти подкрепление. А вот когда она начнет увядать, — колдунья заколебалась, — тогда нужно быть осторожнее.

Ясно было, что она очень уверена в себе, и Кейси, хоть и очень опасавшаяся, всё же слегка успокоилась, узнав, что они будут двигаться по ночам и использовать ручей как указатель пути. Когда на горизонте появились первые признаки рассвета, колдунья указала вперёд, где в ручей вдавалась песчаная отмель. С трёх сторон она была окружена водой, и течение здесь было очень быстрое. А с четвертой стороны песчаная коса соединялась с сушей узкой перемычкой, на которой лежало много плавника: недавняя буря принесла сюда множество ветвей и деревьев.

Колдунья вброд зашагала на этот перешеек, и Келси последовала за ней, хотя старалась идти по гравию и песку. Оказавшись на отмели, Виттл сбросила мешок, Келси тут же последовала её примеру, чувствуя, как болят от напряжения плечи. Но если она устала от ночного перехода, Виттл, казалось, этого не чувствовала. Она уже подошла к плавнику и начала строить баррикаду в самом узком месте соединения с берегом. Келси не думала, чтобы такая

преграда могла их спасти. Но так как колдунья считала это важным, девушка тоже принялась за работу.

Только когда баррикада достигла высоты им по грудь, колдунья удовлетворилась и вернулась к своему мешку, развязала его и достала что-то завернутое в увядшие листья. Женщина сняла листья, и Келси увидела, что та держит в руках лепёшку из какого-то тёмного теста. Виттл стала отламывать небольшие кусочки лепешки и жевать их.

— Ешь, — сказала она с набитым ртом и указала на мешок Келси. Девушка нашла в нём такую же лепёшку и осторожно откусила. На вид не очень привлекательно, но вкус неплохой; Келси села и стала запивать еду водой из ручья.

Однако здесь, на открытой песчаной отмели, хотя и за изгородью из ветвей, она не чувствовала себя в безопасности. И когда колдунья улеглась, подложив под голову мешок, и собралась уснуть, Келси удивилась её беззаботности. Неужели она полностью уверена в их безопасности?

— Верь своему камню, девочка, — глаза Виттл оставались закрытыми, но она словно читала мысли Келси. — Тьма охотится по ночам...

— Тогда почему мы?.. — удивлённо начала было Келси.

— Тоже идём в темноте? — закончила за неё Виттл. — Потому что в полнолуние мы можем надеяться скорее отыскать тропу. Там, где собирается Тьма, и мы можем найти то, что ищем.

Виттл могла быть уверена в себе и своих методах поиска, но Келси с ней не соглашалась. Колдунья уже ровно дышала во сне, а девушка продолжала сидеть, глядя по сторонам с настороженностью, которая стала здесь частью её существования.

Ручей протекал по равнине и углублялся в холмы, которые они преодолели ночью. Видны были какие-то движущиеся крупные туши на востоке; Келси решила, что это пасутся животные. Небо было ясное, ни следа облаков, время от времени по нему неторопливо пролетала крупная птица.

В ручье тоже кипела жизнь. Время от времени поверхность воды разрывала рыба в погоне за просвечивающими крылатыми насекомыми, заполнившими воздух в нескольких дюймах над рекой; они были заняты каким-то сложным воздушным танцем. На берег выползло существо, похожее на ящерицу, длиной с руку до локтя, оно не обратило никакого внимания на двоих уже занявших эту территорию, свернулось головой к воде и, по-видимому, уснуло на быстро теплеющем песке.

Равнина уходила далеко на восток, но за ней видны были неправильные линии холмов или гор, тут и там росли небольшие рощи деревьев, словно сознательно посаженных. В полумиле виднелись каменные руины; Келси решила, что это развалины очень древнего здания; его очертания теперь определить было почти невозможно. Высокая трава на лугах уже начинала вянуть под жарким солнцем, время от времени она шевелилась, но не от ветра (утренний бриз стих, и теперь воздух стал совершенно неподвижен). Эти качающиеся ветви и листья обозначали движение каких-то небольших животных.

Солнце стало припекать, и Келси обнаружила, что голову тянет вниз. Глаза закрывались сами собой. Наконец девушка выбрала место поближе к барьеру, который они воздвигли, и, несмотря на всю свою настороженность, быстро уснула.

Какой кошмар разбудил её, вспотевшую и дрожащую, она, проснувшись, не могла вспомнить. Возможно, это и хорошо, что бодрствующий мозг прогнал это воспоминание, потому что девушка, дрожа от страха, прижалась к массе плавника.

Виттл лежала на том же месте, где уснула. Можно было подумать, что колдунья умерла, если бы грудь её не поднималась и опускалась в медленном дыхании. Существо из ручья исчезло и...

Келси огляделась в поисках оружия. Неподалёку валялся корень, сглаженный водой, с одного конца толще, чем

с другого. Она высвободила его, превратив в грубую дубинку. Должно быть, она проспала полдня: солнце уже склонялось к западу. И хоть местность по-прежнему выглядела мирной, девушка увидела, что что-то приближается к ним в высокой траве.

Прижимаясь к земле, она медленно повернулась, внимательно оглядывая местность. Тех лёгких движений, которые она приняла за следы движений мелких животных, больше не было видно. Вся земля охвачена тишиной, и инстинкт подсказывал девушке, что эта тишина неестественная. Но тут она услышала плеск воды и сразу повернулась вниз по течению.

К ним приближался человек; как и они с Виттл, он шёл по воде босиком, повесив связанную шнурками обувь на шею. Он был вооружён, и кольчуга под шлемом открывала только небольшую часть лица. Однако она узнала его.

— Йонан, — она произнесла это шёпотом, но он услышал, потому что поднял руку — в приветствии или предупреждении; в такое время и в таком месте она решила, что скорее в предупреждении.

Келси вскочила на ноги, по-прежнему держа в руках дубинку, и помахала ему. Его послали, чтобы он привёл их назад? Она приветствовала бы такой призыв, если странное принуждение позволит ей вернуться.

Как и они с Виттл, юноша нёс небольшой мешок на спине, и, увидев это, она сразу усомнилась, что его появление означает конец их пути. Сзади послышался гневный возглас, и Виттл, пройдя вперёд, встала на самом краю воды, глядя на Йонана.

— Что ты здесь делаешь? — спросила колдунья, когда он был ещё на некотором удалении; голос её, хоть и негромкий, отчётливо прозвучал сквозь плеск воды.

— То, зачем меня послали, — ответил он. Лицо его открылось, и Келси увидела, что он рассержен.

— Ты нам не нужен... — голос Виттл напоминал сердитое рычание Быстроногой.

— Может, и так, — ответил он, подойдя совсем близко и заставив колдунью отступить на несколько шагов. — Это опасная земля, и мы не хотим, чтобы она стала ещё опаснее... Возвращайтесь в Долину, иначе вас захватят. Тут действуют могучие силы.

— А кто делал предсказание и читал в чаше? — презрительно спросила Виттл. — Конечно, эта земля опасна. И, может, именно мы положим конец этой опасности. Дай нам только добраться до источника силы...

— И погибнуть из-за собственной глупости? Я согласен, если пострадаешь только ты. Но каждая частичка силы слишком ценна, чтобы рисковать ею в самом логове врага...

Келси увидела, как Виттл подняла руки и схватила цепь, на которой висел камень. Даже в свете дня блеск камня не уменьшился. Колдунья взяла его в руку и направила на Йонана.

Тот рассмеялся, извлёк меч и, держа его за лезвие, загородился рукоятью. Камень сверкнул, другой камень — голубой, в рукояти меча — тоже, лучи скрестились, и не осталось ничего, кроме клуба дыма.

— Ты... ты... — впервые Келси увидела, как колдунья потеряла дар речи, всё её обычное высокомерие исчезло.

— Да, я не нуждаюсь в твоём руководстве, леди колдунья, — сказал Йонан. — Мы сами нашли части силы. Металл в рукояти — для того, кто посмеет его взять. Это живой металл. Теперь ты видишь, что не так-то легко от меня избавиться. А теперь, — он опустил с плеч мешок, — давай поговорим. Леди Дагона отправила вестника к Хилэриэну. Ты веришь, что устоишь против Великого? Он испытывает сильные чувства к этой земле и не позволит, чтобы её подчинили тени и она вышла из-под нашего контроля.

— Что же ты будешь делать? — мрачно спросила Виттл.

— Пойду с вами. Разве ты не понимаешь, что мы не меньше тебя хотим найти источник силы? Мы должны знать, где он скрыт, и не отдать его Тьме.

— Это не дело мужчин...

— Это дело всех, кто посмеет! — возразил он. — Я разведчик и бывал уже здесь. И потому решил участвовать в вашем поиске. Ты идёшь к Спящим...

Голова Виттл резко дёрнулась, словно её ударили по губам.

— Откуда ты это знаешь? — спросила она, и в голосе её зазвучал не холод, а жаркий гнев.

Йонан пожал плечами.

— Ты думаешь, что можешь сохранить такую цель в тайне в Долине? Мы всё время знали, пока ты ждала свою сестру, куда ты отправишься.

Она сердито смотрела на него, сжимая в руке камень, словно снова собиралась померяться силами. Но он уже повернулся к Келси.

— Ты идёшь по своей воле? — спросил он.

— Нет, только из-за принуждения, — ответила девушка.

— Камень требует этого от меня.

— Сними его! — прозвучал скорее приказ, чем просьба, и руки её двинулись исполнять приказ... но лишь ненадолго. Камень под платьем предупреждающе вспыхнул.

— Не могу, — вынуждена была она признаться.

Йонан нахмурился.

— Притронься... — держа меч за лезвие, он протянул рукоять. Голубая лента в ней горела собственным огнём. Келси протянула руку и с лёгким криком отдёрнула её. Рука онемела, оцепенение распространялось по ладони и выше.

Он кивнул, словно ожидал этого.

— Ты под обетом.

— Что?

— Приказ какого-то Древнего или Великого. Возможно, он заключён в камне, который ты носишь. Ты должна подчиниться тому, что возложено на тебя.

Виттл неприятно рассмеялась.

— Думаешь, можно носить камень силы и избежать его

требований? Ты должна идти по этой дороге, хочешь того или нет.

Келси теперь казалось, что всё это приключение навязано ей ещё до того, как умирающая колдунья отдала ей камень.

— Я не одна из вас, — возразила она. — Зачем меня в это втягивают? — этот вопрос она могла задавать и раньше, но приход Йонана дал хоть какое-то подобие ответа.

— У тебя нет выбора, — Виттл отвернулась, отошла на несколько шагов и села на песок спиной к ним, собираясь снова лечь спать. Келси посмотрела на молодого человека

— Я не выбирала... — начала она, однако юноша покачал головой.

— Леди, в этой земле наш выбор ограничен. Я сам прошёл необычными путями, прежде чем меня захватило нечто более сильное, чем моя воля. Это место населено призраками, призраками древних схваток и приказов; однажды произнесённые, эти приказы продолжают жить. Мы уже много лет обороняемся от Тьмы, но всегда существовали предания, что в глубине суши, — держа меч в обеих руках, он подбородком указал вверх по течению, — хранится древняя сила, не присоединившаяся ни к Свету, ни к Тьме. Наша цель — найти её, а то, что ты носишь, — ключ к ней.

— Цель, но не выбор, — с горечью ответила девушка. Невозможность дотронуться до меча вызвала у неё шок и вывела из оцепенения, которое, как она теперь поняла, охватило её после выхода из Долины.

— Цель, но не выбор, — спокойно согласился он. — А теперь отдохни, леди. Сегодня последняя ночь полнолуния, после этого мы пойдём днём. И кто может сказать, сколько нам придётся идти?

Келси яростно растирала руку, и к ней постепенно возвращалась чувствительность. Девушке хотелось спорить, но то, что Йонан полностью принял случившееся с ней, показывало, что споры бесполезны. Она вернулась к

своей постели в песке, положила голову на мешок и позволила себе расслабиться. Не думала, что уснёт, но на самом деле сразу уснула.

Проснулась Келси от того, что её трясли за плечо, увидела небо, покрытое быстро летящими облаками, и почувствовала первые капли дождя. Над ней стояла Виттл, с мешком на спине, держа в руке кусок сухой лепешки.

— Пора идти, — сказала колдунья, проглотив кусок. Обувь висела у неё на поясе, и она зашагала по воде. Йонан уже стоял в воде по колени.

— Мы не можем здесь задерживаться, — подтвердил он, пока Келси отыскивала своё продовольствие и торопливо жевала сухие куски, царапавшие язык и дёсны. — В верховьях прошли сильные дожди, вода поднимается.

Но начали они ночной переход всё-таки по воде. Капли постепенно перешли в сплошной поток, промочивший одежду Келси насквозь и заставивший её дрожать, но спутники девушки, казалось, не замечали дождя.

Быстро наступила ночь, небо затянули тучи, изредка освещавшиеся вспышками молний, за ними следовали раскаты грома. Вода поднялась Келси до середины бёдер, и теперь девушка испытывала тягу течения. Однажды она болезненно поскользнулась на камне и упала бы, если бы её не подхватил Йонан.

Наконец они выбрались на берег и скорчились под ветвями ивы, чтобы обуться. В темноте ночи и дождя девушка едва видела своих спутников и думала, почему они должны идти, а не переждать непогоду в каком-нибудь укрытии.

Она почувствовала, как шевельнулся Йонан, и сквозь шум дождя и плеск воды в ручье услышала его негромкий голос.

— Чувствуешь запах?

Она послушно принюхалась, но ощутила только запах влажной земли. Йонан встал и куда-то пошёл. При свете молнии она увидела, что он обнажил меч и держит его в

руке. В то же время колдунья жёстко схватила её за руку, удерживая на месте.

Послышался короткий крик, внезапно прервавшийся, и Йонан исчез в земле. Келси вырвалась и побежала вперёд, но поскользнулась и упала лицом вниз. Она подумала, что сейчас закричит, камень вспыхнул ярким сиянием, и она приземлилась, придавив Йонана ко влажной земле. Острый запах, теперь хорошо знакомый ей, здесь ощущался очень сильно.

Фасы! Они упали в один из подземных ходов этих обитателей тьмы. Виттл не повторила ошибку Келси и не упала. Но едва они успели встать, на них обрушилось что-то грязное и вонючее, и они снова упали на колени, чуть не утонув в грязи.

Келси пыталась бежать, и тут из тьмы показалось щупальце, похожее на корень, схватило её с такой силой, что она вскрикнула, и плотно прижало её руки к телу.

8

Ещё одно жёсткое щупальце ухватило Келси за бёдра, и, как она ни боролась, девушка постепенно приближалась к месту, куда её тащили, а тащили её к тёмной стене ямы, где зияло полное мрака отверстие. По звукам схватки она понимала, что и у Йонана дела обстоят не лучше.

На груди у неё светился камень, и Келси уловила похожий слабый блеск впереди, должно быть, от рукояти меча Йонана. При этом свете она увидела, что удерживавшие её щупальца напоминают два толстых корня. Но эти корни были подвижны как змеи, и грубо тащили девушку, ударяя её о стены, по проходу, рассчитанному на гораздо меньших существ. Вскоре она вся перемазалась влажной землёй, которую постоянно приходилось выплёвывать изо рта.

Зловоние сгущалось, от него выворачивало внутренности, и Келси приходилось бороться с тошнотой. По звукам

она решила, что Йонана теперь тащат за ней, слышались его возгласы, полные отворачивания и гнева.

Ей показалось, что тащили её целый час, хотя на самом деле этого, конечно, не могло быть. И вот она, как пробка из бутылки, выскочила в большое пространство, освещённое призрачным фосфоресцирующим светом, какой может исходить от гнили. Светились концы высоких брёвен, вкопанных прямоугольником, в который и бросили её корни. И тут же о неё ударился Йонан.

Послышался скрежещущий звук. Камень, больше и шире её тела, опускался, закрывая отверстие в этом частоколе из холодного огня. Йонан уже вскочил на ноги и смотрел на выход.

Келси тоже встала. Верхушки частокола, светившиеся этим призрачным сиянием, были гораздо выше её головы. Свет собирался в нездоровую дымку, которая как будто нависала непосредственно над ними. Девушка скрестила руки и принялась растирать плечи, где корни врезались сильнее всего. Под прикосновением пальцев царапины на коже заболели ещё сильнее. Йонан благодаря своей кольчуге должен был пострадать гораздо меньше.

Тем временем юноша быстро осматривал камень, загородивший вход в частокол. В руке он держал обнажённый меч, словно ожидал нападения. Наконец он просунул меч в щель между двумя брёвнами частокола и нажал, но ничего не произошло.

— Может твой камень вывести нас отсюда? — неожиданно спросил Йонан.

Камень по-прежнему светился, но девушке показалось, что свет стал более тусклым, как будто его заглушало свечение частокола. Однако она послушно подошла к ближайшему зловонному бревну и поднесла к нему камень, нацелив луч на ствол.

Ей показалось, что материал — дерево, корень или металл, из которого был сделан частокол, — чуть дёрнулся под этим лучом. Но когда Йонан с восклицанием нажал

своим мечом, то встретил только твёрдую неуступчивую поверхность.

— Где мы? — Келси пыталась подавить страх, задавая вопрос обыденным тоном.

Йонан пожал плечами.

— В руках фасов. Где? Да можем быть в любом месте.

— А Виттл?

— Мне кажется, она не захвачена.

— А кто эти фасы?

— Они служат Тьме, — резко прервал девушку Йонан.

— Охотятся стаями. А их корни-верёвки чрезвычайно прочны.

— А что им нужно?

— Помимо обычного стремления ко злу? Я бы сказал, что твой камень. Вероятно, не для себя, потому что они служат более могучим хозяевам и теперь, наверное, отправились к ним с докладом. Скоро мы узнаем, какой Тьме они служат.

— Мой камень... — Келси сняла цепь с шеи, зажала в пальцах, начала раскачивать и мысленно целиком сосредоточилась на камне. Её ослеплял его яркий свет, такого у камня она ещё не видела.

Её сердце забилось быстрее — в такт камню? Она не была уверена в этом. Но это неважно. А важно держать камень на виду, сосредоточиться на нём, забыть обо всём остальном.

Вначале эта сосредоточенность давалась ей трудно. Но потом она увидела, что в луче света, исходящем от камня, начало что-то формироваться. Невозможно было не узнать эти жёсткие черты. Виттл! Самой колдуньи здесь, конечно же, нет, в воздухе повисло только её изображение. Келси сосредоточила всё внимание на её лице, и ей показалось, что Виттл тоже их видит.

— Выход! — Келси произнесла слово, которое сейчас для неё значило больше всего.

Она видела, как Виттл открыла рот. Но даже если заговорила, девушка не услышала слов слухом. Однако в

сознании она уловила ответ. Как выйти и даже как причинить вред врагу. Она остановила раскачивание камня. Лицо Виттл сразу исчезло.

Теперь Келси, несмотря на жар, который, казалось, легко мог сжечь её плоть, держала камень на раскрытой ладони. И сквозь испытывающие мучительную боль пальцы направляла луч не на основание бревна, которое Йонан пытался сломать, а на его верх, где от какого-то невидимого пламени поднималась желтоватая зловонная дымка.

Луч света пробил эту дымку, буквально прорезал её. И Келси увидела на верхушке бревна чашу. Именно к ней устремился луч. На боку чаши появилось светлое пятно, оно становилось всё ярче и больше. Потом что-то упало на пол, стенку чаши прорезала трещина. В это отверстие Келси и направила луч. Но этого было недостаточно. Откуда-то она это знала, хотя девушка не обладала нужными знаниями, слишком мало для колдуньи ей было известно.

Не поворачивая головы, она сказала:

— Дай мне свой волшебный металл. Приложи к моему запястью.

Всё равно что попросила прижать к руке горящую ветвь. Келси закусила нижнюю губу, сдерживая крик. Она должна забыть телесную боль, сосредоточиться только на том, что сделано и ещё должно быть сделано.

Полоска голубого металла вливалась ей в руки, державшие камень, дополнительную силу. Боль она могла выдержать, но вспышки света становились всё ярче и чаще, луч из камня усиливался.

А потом...

Послышался рокот — слышала ли она его на самом деле или это просто последнее столкновение сил в её теле? Из разбитой чаши вверх на мгновение вырвался луч, яркий, как вспышка молнии в небе, таком далёком от них теперь. Дымка подпитывалась этим лучом, она была уже не жёлтой, не голубой, а ярко-белой, и у Келси так заболели глаза, что она вынуждена была закрыть их. Что-то ударило

её в плечо, потом какой-то предмет задел бедро. Она услышала крик Йонана. Рука в металлической перчатке сильно сжала её талию и оттащила назад. Её руки дрогнули и опустились, но камень она не выпустила, продолжая держать его за цепь.

Над головами у них замелькали полосы света, они сплетались вокруг брёвен, из которых были сделаны стены их клетки. Брёвна начали гореть, гореть с треском, словно в открытом огне. Жар обрушился на двоих, прижавшихся друг к другу в середине огненного круга. Сквозь треск пламени Келси услышала голос, произносящий гортанное заклинание, но ничего не видела, потому что закрыла глаза рукой. Она даже не знала, прекратил ли камень своё бешеное вращение.

Треск стал громче, а зловоние сильнее. Келси дышала с трудом и чувствовала, как тяжело вздымается рядом грудь Йонана. Они дышали в круту сплошного пламени.

Но горящие обломки падают наружу, подумала девушка, а жар, исходивший от остатков брёвен, уносит вверх воздух. Огонь медленно спадал. Наконец Келси смогла открыть глаза и оглядеться. Остатки брёвен ещё тлели. А снаружи дёргались и метались корни, которые притащили их сюда. Время от времени что-то вспыхивало, и в этом свете Келси показалось, что она видит каких-то существ, похожих на спутанные клубки корней. Может быть, хозяева клетки срочно готовят для пленников новую, более прочную?

Рядом пошевелился Йонан — медленно, словно после долгого дня пути. А она так устала, что вообще не могла двигаться. Йонан подошёл к стене клетки, где бревно сгорело до самого основания, и мечом вырубил остатки дерева, которые ещё виднелись над поверхностью. Потом протянул руку к Келси.

— Пошли!

— Разве ты не понимаешь, что они только и ждут этого? Они ждут нас там, — ответила девушка. Она очень

сомневалась, что сможет идти — разве что ползти на четвереньках. Так она станет лёгкой добычей для ожидающих за клеткой.

Он двумя быстрыми шагами вернулся к ней, взял за руки и поставил на ноги.

— Они пока в замешательстве, — сказал он и наполовину повёл, наполовину потащил Келси к выходу из клетки. — А хозяина, которому они служат, сейчас здесь нет.

Келси не понимала, откуда он это знает. Но слишком устала, чтобы спорить; оставшиеся силы не стоило тратить на пустые споры, нужно было готовиться встретить то, что ждёт их снаружи. Она очень сомневалась, что, выйдя из клетки, они окажутся на свободе.

Они протиснулись в узкую щель, проделанную мечом Йонана. В тусклом свете от догорающего частокола Келси увидела, что действительно по полу ползут корни, приближаясь к ним.

Йонан сделал резкий выпад влево и, используя не острие меча, а рукоять, ударил ею по ближайшему корню. Тот сморщился и отскочил. В том месте, где его коснулась рукоять, появился светлый овал. Свет быстро распространился вдоль всего корня.

И тут Келси услышала удары. Ритмичные, похожие на барабанный бой. И ещё звуки пения.

Корень, охваченный свечением, отступил, но появился другой; его словно бросили из какого-то укрытия, и он змеей быстро полз к ним по полу, готовый сбить их с ног. Келси взмахнула цепью, на которой висел камень, теперь почти погасший. И корень отскочил.

Девушка попыталась сосредоточиться на камне, как делала это в клетке, но не смогла вызвать ту же силу. Камень только раз или два слабо вспыхнул. Но и этого оказалось достаточно, чтобы корни больше не приближались. Келси подумала, знает ли Йонан, куда идти. Ей казалось, что он направляется прямо в темноту. А он словно прочёл её окутанные усталостью мысли.

— Впереди выход. Попробуй воздух... — и в слабом свете камня и рукояти она увидела, как он высунул кончик языка, как будто на самом деле пробовал зловонную атмосферу. Девушка последовала его примеру.

Там действительно что-то есть! Словно ей предложили чашу воды в центре пламени и ужасных испарений этого мрачного места. Девушка видела, что её спутник продолжает пробовать воздух языком. К ней отчасти вернулись силы, и она смогла идти самостоятельно.

Устойчивый бой далёких барабанов и свистящий шум заполнили всё это место, и Келси показалось, что она теперь слышит голоса, поднимающиеся и опускающиеся в пении. Она даже определила направление, откуда эти голоса исходили, — справа от них. Корни продолжали ползти за ними, время от времени один или два пытались снова схватить своих прежних пленников. Но Йонану достаточно было показать им рукоять с полоской металла, и те отступали.

Через некоторое время Келси почувствовала, как каменная дорога у них под ногами поднимается, впереди показался какой-то бледный свет. Потом наступила неожиданная тишина. Барабаны и голоса смолкли, даже свист корней утих. Девушка снова попробовала языком воздух...

Свежесть по-прежнему ощущалась, но одновременно ноздри уловили запах грязи, влаги, ещё чего-то, что она не могла назвать. Впереди вполне мог быть выход, как считает Йонан, но там же их ждёт и опасность.

Келси взяла в руку свисавший на цепи камень и прижала ко лбу. Она не могла объяснить, почему сделала это: просто так казалось правильным.

И хоть глаза её были устремлены во тьму впереди, мысленно она увидела другую картину: плотную толпу уродливых существ, которых она мельком видела в пещере, освещённых огнём горячей клетки. Впереди стояли трое, они били кулаками в барабаны, которые зажимали

меж колен. И они пели, оскаливая полные клыков челюсти. Нет, не пели — звали. Кого? Келси отшатнулась от этого знания, но не отпустила камень ото лба.

Красно-жёлтый туман за клубился впереди, втягиваясь во что-то, и превратился в нечто материальное. Келси ожидала увидеть лицо или же фигуру, но увидела знак, состоящий из точек и линий, рисунок, который почему-то подействовал на её сознание, и он предвещал большую опасность, чем горящая клетка. Девушка выпустила камень, но перед этим успела почувствовать, что тот, кто сделал этот рисунок, знает о ней, что они вовсе не освободились ещё из рук его слуг — фасов, а может, и гораздо более могучих союзников Тьмы.

Йонан продолжал идти вперёд, и Келси увидела, что всё его внимание устремлено к металлу на рукояти, как будто тот служил ему разведчиком и часовым. Равен ли металлу её камень?..

Камень вспыхнул, и вспышка заставила девушку снова разжать пальцы. Камень повис на цепи. На этот раз не корни показались из тьмы. Свет камня отразился от множества пар красных точек на уровне пола... глаза?..

— Раста, — нарушил молчание Йонан.

Целая река красных глаз разлилась на уровне пола, однако этот поток не пытался поглотить их, как вначале испугалась Келси. Казалось, новые обитатели темноты сами опасаются их, подобно фасам. Но они, хотя и не приближаясь, толпились впереди, отрезая дорогу к выходу во внешний мир. Девушка махнула цепью на всю длину и увидела, что цепь глаз дрогнула перед ней.

Послышался резкий хихикающий крик, он перекрыл шум барабанов. Поток раста расступился, оставив проход, по которому двинулось существо, более высокое и сильное, чем фасы, и гораздо более злобное, как определила Келси по мгновенно возникшему отращиванию.

Тот же желтоватый свет, что исходил от верхушек частокола, загорелся снова; на этот раз его испускал конец

стержня, который несло существо. В этом свете Келси увидела фигуру ростом с Йонана, но без кольчуги, вообще без одежды, покрытую шерстью.

Существо не шло, а прыгало, словно исполняло какой-то неведомый ритуал. Кривые волосатые ноги заканчивались копытами, расколотыми на половину длины, которыми существо небрежно пидало расти, отбрасывая их, визжащих, в стороны.

Существо согнуло спину, потому что из-за своего роста и ширины не могло идти прямо. Непристойно, дрожа, как испуганный зверь, свисал и раскачивался огромный живот.

А над согнутым телом с вспученным брюхом показалась голова, такая невероятная, словно два различных создания каким-то святотатственным заклинанием слились воедино. Голова была не мужская и не женская, но необыкновенно прекрасная, с застывшими чертами маски или статуи. И волосы — не жёсткая шерсть, как по всему телу, а шелковистый, ярко-рыжий поток тончайших нитей.

Но самым странным Келси показалось, что хотя глаза существа были закрыты, шло оно не как слепое, а словно повинаясь каким-то правилам, не имеющим отношения к зрению.

Келси почувствовала движение рядом с собой. Йонан развернулся к существу, одновременно плечом отстранив девушку. Камень снова засветился, и Келси чувствовала, как он черпает её силы.

— А, Толар. Что-то ты ныне расхрабрился. Или забыл Вархум за годы своего изгнания? — это зашевелились совершенной формы губы, закрытые глаза обратились к спутнику Келси.

— Толар мёртв, и уже давно, — мрачно ответил Йонан. — Я не помню.

— Смертные! — существо покачало головой, в голосе её звучал чуть ли не смех. — Почему вы так боитесь того, что вам предлагают? Когда мы встречались в последний раз, ты

был Толаром. И должен был ждать нового рождения по капризу Великой Силы. Но отказаться помнить, ах, Толар, какая это глупость! Стены Вархума были пробиты...

— Армиями Пласпера, — хрипло прервал Йонан. — А ты...

— Глаза и рот, а иногда и оружие более великого, чем вы, сторонники Света, можете предположить. Но когда-то я был одной с тобой крови.

Наступила тишина, прекратился даже шорох расти. Келси почувствовала, как вздрогнуло тело её спутника, теперь прижавшегося к ней.

— Вок? — это прозвучало скорее как вопрос, чем имя.

Прекрасные губы сложились в жестокую улыбку.

— Превосходно! Видишь, когда хочешь, ты можешь вспомнить! Не пытайся скрыться от памяти, Толар! Ты же знаешь, кто я такой... Назови меня по имени, раз уж осмелился вспомнить о Пласпере.

Снова Келси почувствовала, как дрожит Йонан. Но лицо воина, когда Келси взглянула на него, оставалось таким же спокойным, как у того, другого.

— Лорд Райн.

— Наконец-то! Но в те дни меня называли и другими именами, не так ли? Предатель, Изменник, Тёмный! По-твоему, я был всем этим, разве не так? Но, как видишь, мудрость моя возросла — и тогда я понял, что мы сражаемся не на той стороне — что сила будущего за Калринқаром. И потому... — фигура пожала согнутыми плечами, и снова лёгкая улыбка только на губах, — я остался жить...

— В таком обличье! — взорвался Йонан.

— Я пугаю тебя, мой прежний товарищ? Да если я захочу... — тут изо рта существа вырвалось облако дыма, оно всё росло, завивалось вокруг уродливой фигуры, пока не скрыло её из вида, хотя Келси была уверена, что она по-прежнему здесь. Вспыхнуло жёлто-красное пламя, и дым исчез. Вместо волосатого раздутого туловища стоял величественный мужчина со стройным телом, которое вполне

соответствовало прекрасной голове и чертам лица. Тем не менее Келси посчитала, что это всё иллюзия. Но этот человек был так же реален, как его предыдущее полуживотное обличье.

— Видишь, — даже голос его теперь звучал по-другому, он стал более человечен, в нём не чувствовалось лёгкого презрения, как раньше. — Я поистине Райн...

Но Йонан медленно покачал головой.

— Ты был Райном. Кто ты теперь для тех, кто стоит в Свете?

Келси — опять не отдавая себе отчёта, почему она так поступает, — взмахнула цепью с камнем. Голубоватый луч коснулся прекрасного тела. Воздух вздрогнул, словно разбилось тонкое стекло, и снова показалось уродливое тело, а Йонан громко сказал:

— Даже наши глаза ты теперь не можешь околдовать, кем бы ты ни был раньше...

Но внимание Райна переместилось от мужчины, которого он называл своим прежним товарищем, к Келси, и взгляд его стал таким же отвратительным, как и тело.

— Колдунья! — выдохнул он, и капля слюны упала на землю между ними. — Итак, ты теперь служишь женщине, Толар. А ведь когда-то ты принадлежал только себе. Мало же они платят тем, кто идёт с ними. Они лишены подлинной женственности, у них одна только жажда власти. А ты, колдунья, поймёшь, что то, чему ты посвятила жизнь, не имеет никакой цены. Давным-давно Эскор постиг такие тайны и силы, о каких вы и мечтать не можете.

Сила — девушка чувствовала, как от камня к ней устремляется тёплый поток. Вначале камень питался её силой, теперь он возвращал долг. Она медленно пошла вперёд, обходя Йонана и чувствуя, что он идёт за ней. Потом Келси поднесла руки к груди и зажала в них камень, вначале неуклюже, потом искусней, как будто каким-то образом узнала, что и как нужно сделать. Сосредоточив всю свою волю на камне, она снова повернула поток, отдавая назад то, что получила.

Вначале она смутно слышала шорох расти, но потом убрала из сознания этих существ, кишаших у ног хозяина, изгнала звуки барабанов фасов. И полностью сосредоточилась на камне, радуясь его яркому свечению, несмотря на свою слабость.

Тот, кто называл себя Райном, несмотря на все громкие слова, отступал шаг за шагом. Его прекрасное лицо всё больше и больше искажалось, он ещё больше согнул плечи и теперь, продолжая отступать, скованно, запинаясь, переставлял копыта.

Он издал крик, и Келси почувствовала движение в массе расти, но от луча не отрывалась. Йонан размахивал мечом, расчищая пространство перед нею. Райн снова крикнул, громче и требовательнее.

Из темноты показались живые корни фасов — но как только луч касался их, они морщились и исчезали.

— Так это всё, что ты можешь сделать, лорд? — хрипло, но спокойно спросил Йонан. — Ты, некогда командовавший войском? Твои паразиты гораздо слабее.

Райн наклонил голову, и из его горла вырвался рёв, как у огромной кошки. Камень в руке Келси дрогнул, и первые его луч мигнул.

9

В воздухе что-то мелькнуло, сгустились тени. Но какое-то побуждение в Келси велело ей продолжать идти вперёд, и она не отрывала взгляда от человека-зверя перед собой. Казалось, он снова и снова пытался встретить луч камня, но не мог даже смотреть на него. Он поднял руки и закрыл ими лицо, так ни разу и не подняв ресниц. А из искажённого рта доносились резкие звуки, такие же отвратительные, как и кошмарное тело.

Воздух сгустился в фигуры-тени, человекоподобные, но Келси видела их только краем зрения, потому что не отрывала взгляда от Райна. Он начал меняться, а Йонан всё это время произносил одну и ту же фразу.

Райн поднял одну руку, словно призывая воинов в битву. Келси услышала громкие крики расти. На них накатилась волна маленьких тел, но в свете камня они тут же съжигались и превращались в тёмные пятна, которые исчезали в огне.

Снова Райн запрокинул голову и выкрикнул — на этот раз не ритуальный призыв, а, как показалось Келси, имя. Он звал на помощь, призывал последний резерв.

Тени ещё больше сгустились, встали на полу пещеры. Это были воины, вооружённые, готовые к битве, у каждого в руке оружие; они шагали, не обращая внимания на расти, топтали и разбрасывали их.

Могучий взмах топора, нацеленного ей в голову. У девушки не было времени уклониться или нагнуть голову. Но лезвие отскочило, не задев её. Справа послышался лязг металла. Это Йонан наконец нашёл что-то прочное, по чему можно ударить. По-прежнему под влиянием камня (ей казалось, то теперь не камень служит ей, а её превратил в свою слугу), Келси шла вперёд, а Райн шаг за шагом невольно отступал.

И тут...

Он исчез мгновенно, словно вспышка молнии. И с ним исчезли все его теневые воины. Оставались только расти, а из-за них доносились звуки барабанов фасов. Но Келси знала, как будто кто-то громко объявил ей об этом, что нападение на них закончилось и путь к выходу открыт — сейчас. В то, что Райн или те, кому он подчиняется, от них отступились навсегда, она не верила. Теперь ей больше всего хотелось свежего воздуха, встать под открытым небом, при свете дня или луны, уйти из этой норы. После исчезновения Райна она опять ощутила сильную усталость и шла с большим трудом. И тут же почувствовала, что её поддерживает крепкая рука: Йонан помогал ей идти, продолжая отмахиваться мечом от расти.

И вот они оказались перед осыпью из камней и земли, а сверху в отверстие пробивался солнечный луч. Камень в

руке девушки потускнел, она надела цепь на шею и начала карабкаться по осыпающейся земле, стараясь поскорее выбраться из этого места ползучего страха и необычных встреч.

Ей помог выбраться Йонан. Потом они вцепились друг в друга, как будто боялись, разъединившись, упасть от слабости. Мужчина снова двинулся вперёд, таща за собой девушку, в обход двух больших камней, поросших отвратительными оранжево-жёлтыми грибами.

Наконец-то они выбрались! Перед ними встали заросли кустов, через них протекал ручей, такой чистый, что на его дне были хорошо видны даже мелкие камушки. Келси торопливо освободилась от поддержки, наклонилась к воде и трижды погрузила в неё лицо, чтобы смыть остатки подземного запаха и пыли. Она увидела, что Йонан рядом подносит воду в горсти к губам, по-прежнему держа другую руку на рукояти обнажённого меча, лежавшего между ними; он настороженно, как часовой, беспрестанно осматривал окружающую местность.

Освежившись и немного придя в себя, Келси оглянулась. Вход в подземный мир располагался среди груды камней. Она вспомнила такие же руины на шотландском нагорье. Может, они прошли через другие врата?

— Где мы? — полушёпотом спросила она; на другое не хватало голоса.

Она увидела морщину меж бровей Йонана. Тот встал, медленно повернулся на месте. Потом поднял меч и указал направо.

— Это гора Холвег. Там север. Мы зашли дальше, чем заходят патрули Долины. Тень лежит к северу и востоку.

Келси сидела, разглядывая его. До начала пути он ей казался всего лишь одним из часовых Долины. Он был моложе Симона Трегарта и стройнее. Но Келси не сомневалась, что он не менее искусен и опытен в игре оружия и заговоров, как и тот, кого она встретила первым, — пришедший из её собственного мира. Теперь, после того

как они выдержали столкновение с ужасами подземелья, Келси задумалась над прошлым Йонана. Сейчас он по крайней мере в одном убедил её: они не прошли через другие врата, не вернулись к упавшим камням.

— Он тебя знал... — неожиданно начала она, намеренная понять смысл слов, которыми они обменялись внизу.

К удивлению девушки, её спутник покачал головой.

— Он знал Толара, — Йонан сжал губы и выставил подбородок вперёд, словно снова стоял перед врагом. — А я не Толар...

— Тогда почему?...

Он впервые прервал осмотр местности и обратился непосредственно к ней.

— Похоже, человек может родиться снова, после того как прошёл через последние врата. У меня есть доказательства, что когда-то, давным-давно, я был Толаром, боровшимся со Тьмой — и проигравшим. Если это так, то новая жизнь даёт возможность сровнять счёт и стать другим человеком. Клянусь именем, данным мне при рождении, я — Йонан, а не тот, кто потерпел поражение...

— Но ты же помнишь... — Келси не смела отрицать, что такое возможно в этом мире. — Ты назвал этого... это существо по имени.

— Помню... иногда, — согласился юноша и тут же сменил тему, быстро задав вопрос:

— Ты можешь идти, леди? Мы ещё слишком близко к ним, — он помог ей встать, держа в одной руке меч, и снова подбородком указал на путаницу камней, через которую они выбрались.

— Да! — и она сразу вспомнила не отдалённые времена, а расти и фасов. Тот, кто называл себя Райном, исчез вместе со своей теневой армией, но существа, которые остались, по-своему не менее опасны. Но сможет ли она идти? Камень так истощил силы Келси, что она сомневалась, сумеет ли дойти хотя бы до ближайшей рощи в нужном направлении.

Но она дошла, только время от времени опираясь на протянутую руку Йонана. Вода из ручья слегка подбодрила девушку, но теперь она чувствовала сильный голод, в висках отдавалась боль, словно Келси выполняла задачу, превосходящую её силы.

— Куда мы идём? — спросила она. — Мне кажется, я долго не выдержу.

Он по-прежнему обнажённым мечом указал на несколько небольших растений под деревьями, к которым вёл её.

— Это илбейн. Любой охотник из тёмных сил сторонится его. Мы можем переждать под его защитой... — он смолк, и Келси спросила резче:

— Чего ждать? Мы пойдём назад к твоей Долине, и гора будет нашим ориентиром?

— Ты сможешь пойти?

Он ответил вопросом на вопрос, и девушка вспомнила принуждение, которое заставило её начать этот путь по неизвестной стране, полной опасностей. Она повернулась лицом к далёкой горе. На западе садилось солнце, но Келси не хотелось добираться до убежища в темноте.

Она сделала один шаг, другой и сразу почувствовала движение камня, который начал раскачиваться на цепи слева направо на её груди. Девушку не покинуло принуждение идти дальше, она не могла вернуться назад, к безопасности, вынуждаемая идти в противоположном направлении.

Келси попыталась взять цепь в руки, сорвать её, отбросить от себя. Но рука дрожала и не могла ухватить цепь. Та, словно намазанная жиром, выскальзывала из кулака.

— Так ты можешь вернуться? — Йонан остановился на краю рощи, к которой привёл её. Он стоял за Келси на расстоянии вытянутого меча. Только это пространство она смогла выиграть у принуждения.

— Нет! — Келси снова попыталась освободиться от цепи, камень становился всё горячее, она ощущала его

тепло сквозь одежду. Теперь это был карающий жар, не знающий милосердия.

— Не могу! Он не отпускает меня! — девушка ощутила гнев против камня, против Йонана, против всего этого мира, заманившего её в ловушку.

— Тогда воспользуемся убежищем, какое есть, — нетерпеливо ответил юный воин, и она обернулась, готовая к резким словам. Но он уже повернулся к ней спиной и шёл к тем растениям, которые назвал самым мощным оружием против Тьмы. Она видела в Долине сухие листья и стебли илбейна, их тщательно собирали и берегли целители.

Теперь эти листья рвал Йонан. Он набирал полную руку листьев и перерезал стебель внешним краем кольчуги. Его волосы, завивающиеся над лбом, потемнели от пота, хотя он был гораздо легче по телосложению, чем другие мужчины. Когда юноша набрал полную охапку листьев, он растёр часть их между ладонями и натёр лоб, оставив зелёные следы.

Не понимая, что он делает, но надеясь, что это ослабит головную боль и усталость, Келси последовала его примеру. Острый чистый запах растёртых листьев прояснил голову, прогнал последние остатки зловония подземного мира, и девушка почувствовала себе крепче, свежее и решительнее в достижении цели.

Йонан осторожно сорвал с какого-то другого растения два больших листа, завернул в них листья илбейна и спрятал в сумку на поясе. Келси опять повторила его действия.

Деревья рощи росли не густо, хотя иногда приходилось петлять, чтобы пройти. Но наконец путники выбрались на открытое пространство — поляну посреди рощи. Йонан сунул меч в ножны, а Келси пожалела о своём мешке, оставшемся где-то в подземельях фасов. Голод мучил всё сильнее, а она не видела здесь даже ягод, которые могли бы облегчить его.

— Что мы будем есть? — спросила она у Йонана. В конце

концов он больше привык бродить по бездорожью. Юноша достал длинный нож и направился к одному из деревьев; на стволе дерева виднелся коричнево-зеленоватый нарост размером с ладонь. Йонан осторожно срезал нарост, разделил его пополам и протянул одну половину Келси. Она колебалась, тогда он сказал:

— Это фогмот, его можно есть. В этих местах люди жили и на худшем, — и как бы подбадривая её, поднёс свою половину массы ко рту и откусил.

Келси была слишком голодна, чтобы сомневаться в его словах. Кожица у нароста была твёрдая, но внутри оказалась рассыпчатая мякоть, как у спелого яблока. Правда, мякоть эта была совсем безвкусная, словно жуёшь и глотаешь мягкое дерево. Но даже совсем немного её, той небольшой порции, что дал ей Йонан, вполне хватило утолить голод. Больше Келси есть не хотела.

Йонан первым прикончил свою долю и бродил теперь по краю поляны, на которую они вышли. Он опять надел шлем, и у него был вид часового. Келси слизнула с губ последние остатки пищи и спросила:

— Мы здесь заночуем?

Она внимательно наблюдала за его действиями, и потому сразу увидела, что он приподнял рукоять меча и направил её в сторону рощи. Келси посмотрела на свой камень. Слабое свечение свидетельствовало, что сила в нём жива, но не проснулась, как делала это, когда им угрожала опасность.

— Безопасно, — сказал он, завершая свой обход древесной стены. — Здесь действительно спокойно... — он прошёл к центру поляны и провёл рукоятью меча над травой. Металл слегка засветился. Йонан вонзил острие в землю, свечение усилилось. — Это убежище, — объявил он. — Испытай свой камень.

На этот раз цепь не противилась её прикосновению, не выскальзывала из пальцев. Келси подошла к тому месту, где стоял Йонан, держа в пальцах камень. Он засветился заметно ярче.

— Иногда попадают и такие места, — объяснил ей юноша, словно уверяя самого себя. — И многие рядом с опасностью... хотя мы не знаем, что придёт первым: благословенный мир или Тьма.

Он опустил на землю, снова спрятав меч в ножны. Девушка, скрестив ноги, села напротив.

— Итак, мы в благословенном месте, — вызывающе произнесла Келси. — Но мы не можем унести его с собой и...

Продолжение её слов заглушил вой, такой громкий, что кроме него ничего не было слышно. Келси схватила камень и почувствовала, каким он стал горячим: камень проснулся. С другого направления на вой ответил второй, такой же.

Подобное Келси уже слышала. Собака, которая вместе со всадником атаковала её у каменных врат. Неужели они снова осаждены; здесь, далеко от помощи из Долины?

Йонан внимательно прислушивался. Уже стемнело, и тени начали выползать из-под деревьев и подбираться к ним по открытой местности. Вой раздался в третий раз — и опять с нового направления! Вокруг целая свора этих существ!

— Они... они придут сюда?

— Думаю, нет, — ответил Йонан. — Помни, это благословенное место. Проклятия и благословения слабеют с годами, но то, что бережёт это место, ответило нам. А вот сможем ли мы благополучно уйти отсюда — это другое дело, — выражение лица у него было мрачное, и Келси вздрогнула. Она не хотела застрять в этом месте, каким бы безопасным оно ни казалось. Йонан снова вскочил, взял в руки меч и начал копать.

Полетели клочья травы, земля. Неужели он собирается выкопать ход? Келси отшатнулась: чего-чего, а снова попасть под землю она не хотела. Но тут она услышала, как меч обо что-то ударился, и Йонан ещё быстрее стал раскапывать то, что лежало под землёй. Он был так

поглощён своей работой, что Келси не решилась спрашивать: всё равно не услышит.

Он рубил и копал, а потом опустился на колени, отложил в сторону меч и продолжал с помощью ножа и рук. Откопал же он звезду из белого камня, достаточно большую, чтобы человек смог на неё встать. Теперь Йонан работал осторожнее, горстями выбрасывая почву, ножом отколупывая глину, прилипшую к поверхности звезды.

— Что это? — Келси больше не могла сдерживать любопытство. Почему её спутник считает необходимым это делать, когда вокруг собираются силы Тьмы, а вечерние тени становятся всё гуще? Она этого не понимала.

В центре звезды было углубление. Его Йонан очищал особенно осторожно. Потом он взял меч и вставил острие в отверстие. И как будто оживил тлеющий факел. Металл в рукояти осветил всю поляну, на ней стало светло, как днём.

Сверху послышался хриплый звук и шелест крыльев в воздухе. Но Келси ничего не видела: мешал свет меча. Если вверху и собирались силы врага, они теперь явно не решались нападать.

— Что это? — вновь требовательно спросила Келси.

Йонан посмотрел на неё сквозь яркий свет. Казалось, глаза его сверкнули, как у той собаки, от которой она спасалась, но на этот раз зрелище её не оттолкнуло.

— Я видел раньше такое, — уклончиво ответил он. — Это место, где собирается сила. Если бы мы обладали древними знаниями, с помощью этого, — он указал на меч, по которому пробегали огненные струйки, — мы могли бы победить любую армию. Но мы знаем так мало! — и он в замешательстве ударил кулаком по ладони.

Если звезда оживила меч, то что она сделает с камнем? Келся неожиданно сняла цепь с шеи и поднесла камень к звезде. И сразу последовал мощный взрыв света. В её пальцы, руку, плечи, во всё тело устремился поток такой силы, что девушку буквально отбросило на траву, при этом

камень вырвался из рук. Поток энергии прекратился, но камень продолжал сверкать. Может, именно это место искала Виттл? Или здесь собирается древняя сила, которая способна укрепить любое оружие?

Йонан схватил Келси за руку и отвёл назад цепь с камнем.

— Не призывай этого! — голос его прозучал резко, как приказ. — Ты не знаешь, с чем сможешь справиться, и что — использовать.

Конечно, он прав, но она негодовала из-за его вмешательства. Она ведь не мешала ему использовать свой меч.

— Ключ, — он словно читал её мысли. — Меч послужил ключом. А теперь... — он не только не отпустил её руку, а сжал крепче, напрягая все силы, чтобы совершить задуманное прежде, чем она поймёт и начнёт сопротивляться.

Одним движением он поднял девушку на ноги и поставил её прямо на звезду. Потоки энергии пронизывали его тело. Келси могла бы отскочить, но Йонан продолжал удерживать её, и его сила стала частью той силы, которую они пробудили. Другой рукой Йонан схватил свой меч и сквозь лай собак произнёс громко только одно слово:

— Найнутра!

Шум стих, наступила тишина. Лая собак больше не было слышно. Келси вздрогнула в ожидании. Что он призывает?

— Найнутра! Хилэриэн! — теперь к первому он добавил и второе имя.

От концов звезды начал подниматься дым, как от горящих свечей; дым светлый, а не тёмный. Потоки дыма наклонялись внутрь, теперь дым затянул весь центр поляны над звездой. Йонан не разжимал рук, напротив, сжимал Келси ещё сильнее, и пальцы его болезненно впились в тело девушки. В тени шлема глаза Йонана были закрыты, лицо напряжено, он полностью на чём-то сосредоточился, и ничто не должно было нарушить эту сосредоточенность.

— Найнутра!

Меч вспыхнул ещё ярче, пламя охватило руку Йонана,

но он не разжал её. Потоки тумана вызывали у Келси слабость и головокружение. Она закрыла глаза. Порыв холода, ощущение такого ужаса, что она даже крикнуть не могла. Они оказались в таком месте, где нельзя быть людям. Но сила несла их... всё дальше и дальше. Келси цеплялась за эту силу, только ей доверяла она в таком месте.

Потом... темнота... полная и ужасная темнота... но сила продолжала держать их...

Ушла... они затерялись в этом... в этом...

— Келси! Келси!

Она слепа, её тошнит, она заблудилась...

— Келси?

Но девушку охватила такая усталость и слабость, что невозможно было даже открыть глаза и увидеть, действительно ли вокруг темнота. Но она открыла их и увидела освещённое луной лицо Йонана. Она у него на руках... Нет, она лежит на камне, а Йонан качает её голову, прижимает к груди.

— Келси... мы выбрались!

Долго эти слова не имели для неё никакого смысла. Сознание продолжало оставаться захваченным пустотой, в которой они побывали. Но вот за головой Йонана она увидела не стену из деревьев рощи, но настоящую каменную стену, усеянную пятнами лунного света.

Келси глубоко вздохнула, и ещё раз. На груди что-то тепло пульсировало, и ей не нужно было прикасаться, чтобы понять, что это камень.

— Где... где мы? — голос девушки прозвучал слабым шёпотом.

Он приподнял её, чтобы она могла лучше видеть. Рядом с ним лежал меч, уже не охваченный пламенем, но всё ещё светившийся. Келси увидела ещё стены, а над головой луну и звёзды. Ясно, что они теперь не в роще, в которой их осаждали.

— Где мы? — юноша повторил её вопрос. — Не знаю...

но только далеко от тех, кто вынюхивал наш след. Мне кажется, здесь когда-то была могучая крепость, — он тоже осматривался, словно стараясь представить, что же стояло здесь некогда.

— Но как мы попали сюда? — быстро спросила Келси. Не скоро забудет она этот проход через Иное, где её ждали страшные опасности, о которых она никогда и не подозревала.

— Мы нашли ключ... и воспользовались им... — Йонан снова взял в руки рукоять меча. — Год назад Урук нашёл такое же место, когда серые готовились захватить его. Но им пришлось разочароваться. У древних были свои способы путешествия; мы ими редко пользуемся, на них любого может ждать смерть.

10

В новом убежище не было ни зловония пещеры фасов, ни неопишемого запаха, заполнявшего рошу, из которой они так неожиданно спаслись. Было темно, только луна светила сквозь щели в стенах, и очень холодно. Они прижались друг к другу в поисках тепла и не спали, а только дремали, просыпаясь и снова начиная дремать, пока в сером свете утра не смогли лучше разглядеть, где оказались.

Стены этой крепости, должно быть, складывали гиганты. Основания стен — из огромных блоков без следа извести. Они держались одним лишь своим весом. Эти грозные стены поднимались довольно высоко. Выше шли меньшие камни, большинство из них обрушилось в большое помещение, в которое они так таинственно попали. При свете дня Келси увидела, что они провели ночь в центре другой звезды, гораздо больше той, которую обнаружил Йонан, но по форме точно такой же. Между концами лучей в каменный пол были врезаны символы. Один из них пробудил у Келси смутные воспоминания — такой символ чертила в воздухе Виттл.

Йонан встал, первым делом подошёл к ближайшей стене и подпрыгнул, схватившись за грубый камень сверху. Потом с помощью только силы подтянулся и взобрался наверх, обрушив на пол поток мелких камней в облаке пыли.

— Куда мы попали? — Келси разглядывала звезду и помещение. Звезда была расположена вблизи стены, но за нею оставалось ещё много пространства. Вход в это помещение она не видела — вокруг только стены.

Йонан, с трудом сохраняя равновесие и поворачивая голову из стороны в сторону, прошёл по предательской поверхности стены, чтобы лучше осмотреться.

— Крепость... как мне кажется... — он был не очень-то в этом уверен. — Но очень старая и давно покинутая. Такие встречаются, хотя мы обычно их избегаем. Но вот это, — он кивнул в сторону звезды, на которой всё ещё стояла девушка, — не думаю, чтобы это была ловушка Тьмы. Посмотри на свой камень... он предупреждает светом? — одной рукой Йонан взялся за край стены, другой нащупал рукоять меча. Её камень был тёплым на ощупь, но не светился. Келси сообщила об этом.

Он кивнул.

— Здесь очень древняя сила... она почти исчезла... — юноша неожиданно повернул голову, и она увидела, как нагрягло его тело.

— Что там? — девушка скользнула к стене непосредственно под ним.

Но он жестом велел ей молчать. Келси было ясно, что он прислушивается, прислушивается и осматривается в поисках источника звука.

Она тоже прислушалась. Отдалённый лай — не такой яростный, как у тех собак. Потом в воздухе послышалась звонкая трель, вовсе не похожая на хриплые крики летающих существ, дружных с Тьмой.

Йонан свистнул, свист его очень напоминал эту трель. И Келси увидела вспышку радужных крыльев и лёгкое

тело, которое несли эти крылья. В воздухе завис один из фланнанов, маленькое гуманоидное тело поддерживали быстро бьющие крылья. Келси часто видела таких в Долине и слышала, что о них рассказывают: они капризны, с короткой памятью, могут переносить сообщения, но при этом могут легко свернуть, забыть о своём задании, если что-то другое привлечёт их внимание.

Фланнан приземлился рядом с Йонаном, оставив крылья полусложенными, словно сразу собирался взлететь, недовольный ответом на свой сигнал. Снова свистнул, и на лице его проявилось нетерпение.

Келси чувствовала враждебное отношение летающего существа: оно словно человеческим языком говорило, что не желает иметь ничего общего с этими двумя. Но в свисте Йонана слышались успокаивающие нотки, потом он произнёс несколько певучих слов, которых девушка не поняла.

Фланнан яростно покачал головой, подпрыгнул и почти мгновенно исчез из поля зрения Келси. Йонан ещё пошвистел, но фланнан не вернулся.

— Он не из Долины, — в голосе Йонана звучало разочарование. — Не связан клятвой. А это означает... — тут он замолчал.

— Что означает? — спросила девушка, когда Йонан не стал продолжать.

— Что мы слишком далеко зашли на восток... может, так далеко, как не заходил никто из жителей Долины.

— Но ты ещё видишь свою гору?

Он шевельнулся, взглянув вверх.

— Может, это и она. Но до неё так много лиг... — теперь он смотрел в угол помещения.

Келси ждала резкой вспышки принуждения, которое всегда возникало, стоило ей только подумать о возвращении в безопасную землю. Да, даже здесь она это ощущала. Не раздумывая, она повернулась лицом в направлении, противоположном тому, куда смотрел Йонан. То, что влечёт её, лежит там, в неизвестном.

Но заговорила она о гораздо более практичных вещах.

— Нам нужны пища и вода... — голод и жажда уже давали себя знать.

— Пошли! — Йонан лёг на живот и протянул вниз руки. Келси подпрыгнула и ухватилась за одно его запястье, но другой рукой промахнулась и царапала камни стены, пока он не перехватил и эту руку. Он оказался гораздо сильнее, чем выглядел, этот воин из Долины: почти без помощи девушки он втащил её наверх и поставил рядом с собой на обрушившуюся стену.

Во все стороны вокруг них тянулись стены, обозначавшие комнаты и коридоры, длинные и лишённые крыши. Вдобавок крепость располагалась на невысоком холме, и вокруг неё тянулись поля, некогда разделённые стенами, ныне рухнувшими. Слева видно было что-то вроде дороги, ведущей сюда, к этому лабиринту из комнат. Но нигде ни намёка на воду.

— Сюда... — Йонан указал на север и осторожно встал на ноги. Как ни осторожно было его движение, вниз, в комнату со звездой, обрушился целый поток камней.

— Странно, здесь нет никаких дверей, — почти сразу сказала Келси. Стены отделяли одну комнату от другой, но выбраться на свободу они могли только по верхушкам этих непрочных перегородок.

— Это правда. Поэтому придётся идти по стенам и очень осторожно. Следуй за мной и, если сможешь, ставь ногу точно на то место, куда и я.

Солнце уже взошло и начало пригревать, когда они добрались до места, где когда-то могли быть ворота. Келси не только проголодалась и хотела пить, она дрожала от напряжения этого пути. Дважды им приходилось совершать обход, и это заняло у них много времени: кое-где верхние кромки стен были настолько ненадёжны, что по ним наверняка нельзя было пройти.

Девушка по пути с надеждой заглядывала во все комнаты, но проходов так и не увидела. Пришлось продолжать

опасную дорогу. Никаких дверей, ни следа прохода из одного помещения в другое. Это очень удивило Келси.

— У них могли быть другие способы входа, — заметил Йонан, когда она сказала ему об этом. — Например, они могли летать.

— Фланнаны? — она не могла в это поверить. Маленькие летающие существа — строители этих массивных стен?

— Может быть... или были когда-то... летающие существа, помимо фланнанов, — серьёзно ответил он. — Хорошо известно, что Великие играли с силами самой жизни, создавая новые существа для своей пользы или забавы. Таковы кроганы, живущие в воде, и даже фасы. Мало здесь осталось принадлежащих к истинной крови, когда древние отказались от таких неестественных дел, удалились в Эсткарп и наложили забвение на эту землю, чтобы больше никогда не пользоваться силой безрассудно. А те, кто воздвиг эти стены, давно исчезли. Ага, сейчас пройдем по этой стене, потом по той и окажемся наконец за пределами крепости.

Келси следовала за ним, хотя путь был по-прежнему опасен, она дважды чуть не упала, прежде чем они достигли указанного им места, и она смогла глянуть вниз.

Йонан выбрал в стене наименее изношенное место и лёг на него животом. Потом приказал Келси:

— Дай мне руки и соскользни вниз. Ты упадёшь, но тут невысоко, и мы справимся. Другого выбора нет.

Конечно, она упала, ударилась о землю и покатилась, болезненно задев один из камней разрушенной полевой стены. Что-то мелькнуло у неё перед лицом, она вздрогнула и вскрикнула, и две птицы поднялись из травы прямо перед нею, пролетели немного и снова скрылись в траве.

Йонан, присоединившись к ней, достал с пояса верёвку с грузом на одном конце.

— Окружай, — еле слышно приказал он и указал на место, где скрылись птицы. — Выйди на них с юга, если сможешь, и подними их.

Она повиновалась, несмотря на свои ушибы, и постаралась двигаться бесшумно сквозь высокую, по пояс, траву; кое-где виднелись колосья дикорастущего зерна.

Ещё раз взметнулись пернатые тела. Что-то промелькнуло в воздухе, и одна из птиц упала, лапы и крылья ей связала верёвка Йонана. Мгновение спустя Йонан с ножом в руке добрался до птицы и точным ударом прервал её метания.

Тем же способом они добавили к первой добыче ещё двух птиц. Потом Йонан, неся птиц за лапы, выбрал место на одном из полей, где в углу сходящиеся стены образовали небольшую полупещеру. Он сразу начал поторошить дичь, сказав:

— Набери сухих дров, — и рукой указал на деревья. Келси решила, что когда-то это был сад, но теперь в живых оставалось только два или три дерева, покрытые чахлой рваной листвой. Остальные свалили бури, и девушка принялась отламывать сухие ветви и носить их туда, где занимался своим кровавым делом Йонан.

Она наблюдала, как он уложил грудой небольшие веточки и зажёг их камнем из сумки на поясе, ударяя им о лезвие ножа, так что искры полетели прямо в горсть сухой травы в центре будущего костра.

— А вот так мы избежим видимого дыма, — пояснил он свои новые действия, и девушка подумала, что он сознательно делится с ней знаниями, добытыми долгой жизнью в этой земле, где опасностей не меньше, чем травы на лугу. Одни куски птиц он насадил на прутья и держал непосредственно над огнём, другие расположил повыше, где до них добирался только дым.

Он был прав: дым поднимался рваными струйками, которые ветерок разносил в разных направлениях. Келси, набрав достаточно дров, внимательней осмотрела в полях растения с колосьями. Растерев колосья между ладонями, она была вознаграждена горстью настоящих зёрен. Девушка попробовала их и обнаружила, что они съедобны и

сладковаты на вкус. Тогда она принялась набирать их побольше, при этом внимательно оглядываясь по сторонам.

Птицы отрывались от кормёжки и перелетали на соседние поля. Келси слышала запах жареного мяса, и её тянуло туда, но больше всего ей хотелось пить, смыть во рту сухость съеденного зерна.

Она вернулась к импровизированному очагу и обнаружила, что воин кроме мяса занимается чем-то новым. Он держал в руках предмет жёлтого цвета, похожий на тыкву-бутылку из её мира, хотя и больше по размеру. Срезав верхушку, Йонан ножом вырезал внутренности, время от времени выбрасывая мякоть с чёрными семенами.

Келси увидела у его ног ещё два этих странных овоща. Она сняла с головы шарф, который повязала, уходя из Долины, и принялась ссыпать в него зерно. Йонан посмотрел, что она делает, и кивнул.

— Разотри их в муку, — посоветовал он, — и с их жиром, — он кивнул в сторону птиц, — у нас будут отличные лепёшки.

— А вода?

Он хлопнул по тыкве, над которой работал.

— Там внизу ручей. Видела со стен тростник?

Келси призналась, что не видела: всё её внимание было отдано стенам и необходимости не свалиться. Он не стал дожидаться её ответа, отложил тыкву и осмотрел мясо, поворачивая прутья с кусками с видом человека, искушённого в таких делах.

Потом, видимо, удовлетворённый, снял мясо и разложил на широкие листья, сорванные с того же растения, с которого снял и тыквы. Потом взял одну из тыкв и вопросительно посмотрел на Келси.

— Подсади меня. Вода за той стеной.

Она согласилась, пересохшее горло и рот заставили встать к стенке и подставить плечи. Он лишь на одно мгновение опёрся и был уже на стене.

Солнце уже спускалось к неровной чёрной линии, обозначавшей горизонт. Келси стояла, прижимаясь к

грубому камню, и думала, сумеют ли они найти убежище на ночь. Она хорошо помнила воющих собак и чёрного всадника. Они попали в эти развалины благодаря знаниям какой-то древней расы, но это вовсе не значит, что преследование закончилось. Она вовсе не думала, что то существо, которое Йонан назвал его прежним именем — Райн, — так покорно признает своё поражение.

Келси потрогала рукой цепь с камнем, услышала скрежет на верху стены, означавший возвращение Йонана, и еле успела отпрыгнуть от падавших со стены камней. Йонан на той же верёвке, которой ловил птиц, спустил полную воды тыкву. Девушке потребовалось всё самообладание, чтобы тут же не поднести тыкву ко рту и всё выпить. Йонан оказался рядом с ней и сказал:

— Пей небольшими глотками, — и отмахнулся от тыквы, когда она протянула ему эту импровизированную бутылку.

Она послушно набрала в рот воды и какое-то время удерживала там влагу, наслаждаясь, прежде чем проглотила. Йонан принёс с собой ещё кое-что — связку тростника, и когда они вернулись к костру и ожидающей пище, он подобрал два небольших камня, которые удобно легли в руку. С их помощью начал мять стебли, и они быстро превратились в нити. Йонан сплёл из них ещё одну грубую верёвку.

Уже опустилась ночь, и они сознательно позволили костру почти умереть, превратиться в уголья, которые заслоняли камни очага. Но даже при слабом свете Йонан продолжал работать. Сплетя верёвку, которой, по мнению Келси, нельзя доверять, он взял две палки и начал методично переплетать их, действуя почти на ощупь.

Келси сидела, скрестив ноги, по другую сторону костра размером с ладонь. Наконец любопытство победило.

— Что ты делаешь?

— Нам нужен мешок для этого, — он лёгким жестом указал на копчёное мясо. — И обувь...

— Обувь? — изрядно удивлённая, она коснулась рукой своих полусапожек. Они были исцарапаны, утратили блеск, но ещё крепки. Менять их на то, что плетёт Йонан, будет глупо, и она едва удержалась, чтобы не сказать это.

— Серые охотятся при помощи зрения и нюха, — продолжал юноша, — но ночные псы — только по запаху. Мы дадим им запах, который надолго собьёт их со следа.

Он отложил грубо сплетённую пару обуви. Потом достал из сумки листья илбейна и начал натирать ими верёвку. Закончив, он стал обвязывать этой верёвкой свои ноги, так что вскоре металл его обуви был целиком закрыт.

— Это поможет? — Келси хотела быть уверенной, хотя уже понимала, что он делает.

— Хотелось бы... Илбейн бывает полезен по-разному. Теперь испытаем...

И вот, когда они устраивались на ночь: один спать, другая сторожить, ноги их были закутаны в верёвки из тростника и обрывки растительности. Принимая первую вахту, Келси ощущала чистый запах илбейна. Костёр догорел и превратился в пепел. И развалины и поля освещались только луной.

Келси прислушивалась — одновременно слухом и сознанием. Это всё равно что пробуешь воздух в поисках незнакомого запаха: свободно бродящая мысль может первой показать, что скрывается в ночи. Девушка напряжённо ожидала собачьего воя — тех собак, что по ночам бегают за Чёрным Всадником.

В ночи слышались звуки дикой жизни. Келси различала шуршание в высокой траве, однажды резкий крик заставил её вскочить на ноги; потом она догадалась, что это голос какого-то воздушного охотника. Но воя, от которого ползут мурашки по коже, воя собак не было слышно. Девушка не знала, далеко ли они от той рощи, в которой их осаждали. Если Йонан и знал это — а она подозревала, что тоже не знает, — то не говорил. Впрочем, то, что он организовал дежурство по сменам, свидетельствовало, что он не видит в их нынешнем положении безопасности.

Хотелось спать. Келси, борясь с сонливостью, встала и пошла по камням, стараясь, чтобы шелест травы не выдал её приближения. Она подошла к внешней стене крепости без крыши. Постояла там немного, пытаясь представить себе разумных существ, которые построили эту мощную крепость и не сделали ни одной двери, ни одного прохода из одного внутреннего помещения в другое. Крепость молчала, она принадлежала к такой же древней истории, как разбитый каменный круг на Бен Блэйр.

Бен Блэйр... с неожиданной дрожью нового страха Келси подумала, что Бен Блэйр далёк теперь от неё, как сон. Она расспрашивала Симона Трегарта о возвращении. Он уклонился от ответа, но когда она стала настаивать, сказал, что ему ничего не известно о возврате через ворота. В этом мире можно отыскать ворота и через них уйти ещё дальше в странные земли и места, но вернуться к себе, в свой собственный мир...

Свой собственный мир. Теперь она вспомнила, как неуверенно Симон говорил об этом. Он сказал, что большинство проходили через ворота, спасаясь. И для таких людей «собственным миром» стал этот мир, многие сознательно искали его.

Но она нет! И она хотела бы...

Глядя на едва видные в лунном свете чёрные развалины, она стала думать о здешних воротах. Если она пройдёт в них, то где окажется? Где-то в ещё худшем месте? Келси сжала левой рукой колдовской камень и ощутила его успокоительное тепло. Но тут мысли её прервались, она отвела от себя камень и посмотрела в центр костра, где последние искорки стали ярче. Сделав шаг туда, где она оставила Йонана, девушка почувствовала какое-то изменение. Но не в окружающей местности.

Камень, который начал было светиться, снова потемнел, хотя Келси по-прежнему ощущала его тепло. И тут она увидела шар кипящего света. И на нём тень, которая становилась всё темнее и отчётливее.

— Виттл! — она выдохнула это имя вслух, и тут же изображение стало устойчивее. Келси смотрела прямо в глаза колдуньи и ощутила всё то же принуждение, которое всегда было с ней с того самого момента, как она взяла камень.

Колдунья открыла рот. Но Келси услышала не слова, скорее до неё долетела острая направленная мысль.

«Где?»

Келси правдиво ответила:

«Не знаю».

«Дура! Осмотрись! Отдай мне твои глаза, если не можешь ответить сама».

Давление оказалось таким сильным, что Келси почувствовала: вопреки своей воле она поворачивается, вначале глядя на развалины, потом на поля, потом снова на развалины.

На лице колдуньи появилось раздражённое мстительное выражение, и Келси застыла.

«Мужчина по-прежнему с тобой?» — ударение на слове «мужчина» делало его ругательством.

Келси мысленно представила себе спящего Йонана.

«Уходи, пока он спит! Иди вслед за камнем... он ищет большую силу».

Келси упрямо покачала головой.

«У меня никого нет в этой земле, тут опасно», — в какой-то упрямой внутренней убеждённости, в своём всегдашнем отталкивании от Виттл она черпала силы, чтобы сказать это — сказать или подумать.

Она видела, что колдунья пытается удержать её взгляд, подчинить её себе. Но Келси всё-таки выпустила камень из руки, и он повис на цепи на груди девушки. Огненный шар исчез. Виттл со всеми своими знаниями испарилась — пока. Но у Келси появилось ощущение, что если бы они встретились физически, она не отделалась бы так легко. Чем больше она пользуется камнем, тем большую внутреннюю силу ощущает. Но она вовсе не хочет стать колдуньей — такой, как Виттл. Она каким-то образом подчинена

камню, но тем не менее остаётся сама собой, она не из числа сестёр, для которых камень — центр всей жизни.

Келси быстро вернулась к лагерю у развалин. Она не могла определить время, но тени стали длиннее, и она была уверена, что должна разбудить Йонана. По крайней мере он не подчиняется влиянию Виттл... она поколебалась. Должна ли она рассказать ему о встрече при помощи камня? У него тогда появятся причины не доверять ей, а она была уверена, что выживет, только если Йонан останется рядом с нею. Только его знания и опыт привели их сюда.

11

Келси лишь слегка коснулась плеча Йонана, и он сразу проснулся. Но только когда юноша повернул к ней лицо, она поняла, что не станет рассказывать ему о Виттл, потому что не собирается выполнять её требование. Ложась на его место в охапке травы, из которой они устроили постель, она приказала себе спать. Но видеть сны она себе не приказывала и так никогда и не узнала, колдунья из Эсткарпа или собственное воображение сразу погрузили её в один из самых реалистичных кошмаров.

Келси снова оказалась в комнате со звездой, в которую их так бесцеремонно переместили. Но теперь стены были совсем ещё не тронуты временем, а сама звезда сверкала в полу живым огнём. А в центре её защитного поля находилось нечто совершенно чуждое. Худое тело с серой кожей напоминало скелет с одной лишь туго натянутой кожей поверх костей. Никакой плоти. Два кожистых крыла прикрывали тело, как человека накрывает плащ.

Но всё внимание девушки захватила голова этого существа: узкое лицо, нос сильно напоминает клюв, подбородок резко скошен. Доминировали на этом лице глаза — огромные и фасеточные, как у насекомого, всё видящие и — всё знающие.

Это не слуга какого-нибудь Великого, который своей силой привлёк его в это царство. Нет, это сам Великий! И существо знало о Келси, потому что быстро повернулось и устремило на неё свои непроницаемые глаза.

В руках, больше похожих на когти хищной птицы, чем на человеческие ладони с пальцами, существо держало тонкий стержень с верхушкой из того же металла, что и в рукояти меча Йонана, он горел синим огнём. Существо повернуло стержень и направило его концом прямо на Келси.

Маленький рот под клювообразным носом задёргался, раскрываясь и закрываясь, словно существо произносило какую-то речь, задавало вопрос или цитировало слова ритуала. Но Келси ничего не слышала — ни ушами, ни сознанием. Она только видела, как изменилось выражение этого птичьего лица. Жезл-копье прочертило в воздухе следы из голубого дыма. И в этом дыме высветилось лицо.

Лицо — и в то же время не лицо. Его неподвижность скорее свидетельствовала о том, что это маска, однако гораздо более человекоподобная, чем у вызвавшего её существа. Маска скользнула вперёд, к своему создателю. Существо встало и распахнуло свои крылья вперёд. Больше не серые, крылья превратились в туманный ореол вокруг человеческого тела, а само существо трансформировалось в женщину.

И хотя руки, державшие стержень, изменились, само это оружие или источник силы осталось прежним. Снова оно замелькало в воздухе, образуя светящуюся линию, линия распрямилась и направилась к Келси.

Удивление и настороженность девушки постепенно сменились страхом. Она немного боится Виттл, но может устоять против неё. А эта птица-женщина гораздо сильнее Виттл, Келси инстинктивно ощущала это. И невозможно определить, стоит ли она на стороне Света или Тьмы.

Кто... или что... теперь требует её покорности?

Келси ощутила тепло рядом с собой и приободрилась.

ей всегда казалось, что зло сопровождается холодом. Или, возможно, это камень просыпается при новом проявлении колдовской силы.

«Путница издалека...»

В сознание Келси проникли слова. Как будто часть вопроса. Келси перестала осознавать своё физическое тело, поэтому не кивнула, а просто приняла эти слова как правду.

«Пробуждающая спящих...»

«Не по своей воле!» — возник ответ в её сознании.

«Вернись назад, — продолжал мысленный голос. — Был выбор, и ты совершила его...»

На мгновение она опять оказывается на Бен Блэйр и бьёт по ружью, нацеленному на дикую кошку. Неужели именно этот выбор привёл её сюда?

«Был выбор, — подтвердило крылатое существо эти обрывки воспоминаний. — Как были и другие и будут ещё. Ты осмелилась пройти по одному из древних путей, осмелишься и на другие... и ещё...»

«Ты хочешь мне зла?» — мысленно спросила Келси.

«Для меня нет ни добра, ни зла. Но ты пробудила силу в том месте, где она некогда жила. И потому усилила борьбу. Просыпается то, что долго спало, будь теперь осторожна с этим, женщина из другого мира. Будь очень осторожна».

Стержень наклонился, освещение, из которого соткалась женская фигура, померкло, и Келси снова увидела серый скелет, а на неё смотрели глаза насекомого. Смотрели издалека, из-за быстро вырастающей непроходимой стены. И если Келси хотела обратиться к этому существу за помощью, то не успела. Создание не Света и не Тьмы, оно по своей воле отстранилось от битвы. Но что же они разбудили, что теперь пришло в Эскор из-за нечаянного вторжения Келси и Йонана в переплетение сил?

«Что ты будешь делать?» — осмелилась она напоследок спросить у чуждого существа, сидящего на сверкающей звезде.

И у девушки сложилось впечатление холодной ус-
мешки.

«Выбор принадлежит мне. А я не выбираю...»

Помещение в руинах, крылатое существо — весь этот яркий сон мгновенно исчез. Напротив, Келси окружила тьма и промозглый холод. В темноте что-то двигалось, приближалось, чтобы взглянуть на неё, что-то просыпалось ото сна, длившегося века. Существует какое-то равновесие. И то существо, которое приближалось теперь к Келси, — обратная сторона крылатого. Существо не пыталось обмениваться мыслями, а было просто сосредоточено на ней и посредством неё проникало в этот мир.

Опасность! Нельзя позволить проникать в себя — надо бороться! Единственное оружие девушки — камень. Но она не решалась использовать его здесь. Келси стояла в центре какого-то пространства, враждебного всему её роду, и её лениво и апатично созерцало нечто такое, чего она не видела — а только чувствовала лёгкие прикосновения его любопытства.

Думать о камне — нет! Это последнее, что она будет делать. Думать о... Бен Блэйре в другом мире... её собственном мире, где жизнь так легка. И Келси стала представлять себе холм, его запахи, восстанавливать его существование.

Обманулось ли существо из мрака? Девушка не могла сказать, но что-то быстро унесло её из этого места. Она проснулась и увидела склонившегося к себе Йонана, он держал её за плечи, словно вытаскивал из того отвратительного и опасного места.

— Тебе снилось... — голос его звучал чуть обвинительно.

— Ты прогнал сон! — она почувствовала тепло — тепло не ночи, а подлинной дружбы. С того времени как к ним присоединился Йонан, Келси много раз думала, что только его знания и опыт помогут им достигнуть цели, к которой влечёт её камень. Но то, что он разбудил её сейчас, — самая большая его услуга.

— Мы разбудили что-то своим приходом, — торопливо

объяснила она юноше, так как хотела поделиться с другим человеком, освободиться от страха, от чувства общности с чем-то, чего она не понимает.

В свете луны девушка увидела, как Йонан нахмурился и указал пальцем на её камень, не касаясь его.

— Такой символ может призвать...

Тепло исчезло. Разве не его меч открыл эту дверь?

— Ключ был твоим, — возразила она.

Даже при лунном свете стало видно, как вспыхнуло его лицо. Вначале Келси показалось, что Йонан не станет отвечать, но потом он сказал:

— Каждый раз, пользуясь силой, мы нарушаем равновесие. И результат касается не только нас, — юноша положил руку на металл в рукояти. — Тебе просто снилось — или ты отвечала на чей-то призыв?

Тогда она рассказала ему о крылатом существе и о том, что жило во тьме. Рот его разгладился, рука крепче сжала меч.

— Мы уходим, — Йонан повернулся к развалинам. — Это трюк, через который они добираются до тебя. Если же мы уйдём... — он уже начал собирать их скромные пожитки. Сложив копчёное мясо в плетённый мешок, он помог ей надеть плетёнки поверх обуви, неуклюжие и никак не застёгивающиеся.

Когда они закончили приготовления к пути, горизонт на востоке посерел. Йонан показал на далёкую гору, на которую показывал и раньше.

— Если двинемся к этому знаку...

— Знаку чего? Куда он нас приведёт? — возразила она, всё ещё возясь с завязками своей неуклюжей обуви. — Назад в Долину?

Лицо его было мрачно.

— У Долины есть своя защита, но не бывает неуязвимых крепостей. И мы можем привести за собой то, что следит за тобой, прямо в сердце места, которое должны защищать. Ты говоришь, нас ведёт твой камень... Очень хорошо... Пойдём за ним...

— И отвлечём на себя опасность? — не вопрос, а протест.

— Если и так, то да!

Она вспыхнула. Кто такой этот воин, который хочет использовать её как приманку, чтобы защитить свой дом? У неё нет никакого долга перед Долиной, прежде всего ей надо думать о своей безопасности. Идти по этой проклятой земле, причём не в состоянии делать выбор... Её словно заставляют оказываться в злополучных местах в самый критический момент. А она хочет всего лишь вернуться назад в Лормт. Лормт? Ей кажется, она никогда о нём не слышала. Но если закроет глаза, то легко увидит сумрачные залы, где медленно движутся призрачные фигуры, как будто ошеломлённые своим окружением.

Ещё один сон? Где этот Лормт и почему ей нужно снова добраться до него?... Снова? Она никогда там не была!

Она не была, но кто-то другой был. Губы её сложились, готовые произнести имя Ройлейн, но вслух она его так и не выговорила. Взяв камень, унаследовала ли она воспоминания его подлинной владелицы? Келси так хотелось задать эти вопросы. Человеку, которому она могла бы довериться. Такой могла бы стать Дагона из Долины, но они далеко от Долины и её соправительницы.

— Куда ты идёшь? — она пошла рядом с Йонаном. Тот коротко ответил:

— Скорее, куда ты идёшь, леди?

Келси коснулась рукой камня и ощутила его тепло. Она сняла с шеи цепь и подвесила её на мизинце. Мелькнуло какое-то воспоминание, но такое смутное, что девушка не смогла его воспринять. Она стояла так когда-то... нет, не она — другая.

Без всяких действий с её стороны камень начал раскачиваться — не по кругу, как раньше, а скорее вперёд и назад, указывая вначале от неё, потом на неё. И указывал он на восток. Ей отдавали приказ, которому она не могла не подчиниться. Келси повернула в ту сторону и пошла,

зная, что она действительно связана и путём её управляет камень.

Они вышли на древнюю дорогу среди полей, когда на небе вспыхнули яркие полосы рассвета. На ветвях колючих кустов, которыми поросли рухнувшие стены, висели ягоды, и Келси, следуя примеру Йонана, принялась срывать их и отправлять в рот. Ягоды были сладкими и терпкими в одно и то же время, они освежали, но, конечно, это не настоящий завтрак.

Забывая дорога пересекала открытые поля, но постепенно по краям её стали появляться деревья, и вскоре путники уже шли по лесу. Из укрытия выбежало небольшое животное с ярко-рыжей шерстью и скрылось, прежде чем Йонан смог бросить свою верёвку. Здесь жило много птиц — однако они не летали, а сидели на ветвях и смотрели на путников, щебеча и окликая друг друга, словно возвещали о прибытии чужаков какого-то своего повелителя, которому принадлежит эта местность.

Вскоре дорога сузилась и превратилась в тропку, над ней нависали ветви кустов, а поверхность её поросла густой травой. Через некоторое время Йонан схватил Келси за руку и не дал притронуться к ветви куста с тускло-зелёной листвой и цветами, испускавшими одуряющий аромат.

— Фаркилл, — объяснил он. — Запах вызывает сон, а если коснёшься, получишь язву на коже, и даже с помощью илбейна её трудно бывает залечить. А вон то, — он указал на мрачное, похожее на скелет дерево несколько в стороне от пути, — это тоже опасность. Быстрее! — юноша неожиданно крепко схватил Келси за плечи, и девушка упала; она только услышала свист в воздухе.

— Поползли на животе! — приказал её спутник. — Если не хочешь получить такую же, — он указал на торчавшую из куста серую стрелу. Стрела всё ещё дрожала. Если бы Йонан не уложил Келси, стрела торчала бы у неё в плече.

Она была похожа на шип, но размером с руку. Девушка

решила, что стрела вполне могла бы проколоть её насквозь. Такие стрелы каким-то образом пускало дерево, казавшееся мёртвым.

Поэтому им пришлось ползти, и девушка морщила нос от кислого запаха гнилой листвы, покрывавшей тропу. Дважды ещё миновали они деревья со стрелами, пока наконец не вышли снова на открытое место — поляну, точно такую же, как та, на которой Йонан использовал свой меч как ключ. На середине поляны Йонан разрешил Келси остановиться, и они поели мяса и напились из тыквы, но пили немного, потому что в этот день так и не встретили источников воды.

Келси клонило ко сну, ей хотелось лечь на землю и уснуть от усталости. Но Йонан не собирался оставаться на месте, и из упрямства и гордости девушка не стала предлагать отдохнуть.

Время от времени она справлялась с камнем и убеждалась, что они движутся в нужном направлении. Но Келси всё больше и больше хотелось лечь на землю, закопаться в густую траву и вернуться... Куда?

Днём Бен Блэйр казался очень далёким, вся жизнь до того момента, как она прошла через эти камни, которые Симон Трегарт называл вратами, превратилась в сон, больший сон, чем её ночной кошмар. Келси начала думать о Йонане. Его-то никакое принуждение не гонит в это путешествие. Но только его знания пока спасали их. К тому же сам он не родился в Долине. Это она знает. И он не похож на большинство людей, живущих в ней. Волосы у него светлее, а глаза на обветренном лице кажутся поразительно голубыми. Кто же такой Йонан? Впервые сознание её отвлеклось от непосредственного окружения и сформулировало этот вопрос. Дагона, очевидно, высоко ценит его, если послала в качестве охранника — или проводника. Келси видела ещё одного из Трегартов — Кимока, но в Йонане ничего не свидетельствует, что он один из Трегартов. Чаще он разделял общество воина с огромным топором

— Урука. И ещё она вспомнила один странный разговор: он верит в перевоплощение душ и в то, что когда-то был Толаром, участвовавшим в какой-то отчаянной игре много столетий назад.

— Далеко ты заходил в эту землю? — неожиданно спросила Келси.

Он помолчал, прилаживая петлю своего мешка, и, не смотря на неё, ответил:

— Эта земля для меня новая. И на картах, которые я видел в Долине, её нет.

— Но ты пошёл со мной...

— Я пошёл с тобой, — ответил он, — потому что такова возложенная на меня обязанность. Когда колдуньи Эсткарпа установили контакт с Долиной, то они договорились, что мы будем служить им проводниками. Колдуньи не понимают, что Свет мерцает во многих местах и существуют силы, о которых даже в записях Лормта ничего не сказано.

Лормт! Место из её полусна-полукошмара. Теперь ей нужны прямые ответы.

— Что такое Лормт?

— Место, где хранятся древние знания. Именно там Кимок Трегарт узнал об Эскоре — или о земле на востоке, которая стала запретной для древней расы, когда они бежали от войн Великих.

Йонан встал, глядя на Келси сверху вниз.

— Что говорит твой камень? В какую сторону?

От неё юноша перевёл взгляд на окружающие деревья. Келси не хотелось снова углубляться в опасную полутьму, но не было смысла и оставаться на открытом месте. Она торопливо подвесила камень. Тот снова указал — на этот раз, как показалось Келси, скорее на север, хотя у неё не было опыта жителя леса или путешественника, чтобы утверждать это.

Тростники и илбейн, покрывавшие их обувь, истёрлись и изломались в пути, от них оставались одни только обрывки. А поблизости этих растений не было видно,

чтобы возобновить защиту. Снова по обе стороны тропы возвышался лес. Тропа вскоре вообще исчезла, и Келси заметила, что Йонан пошёл медленнее. Время от времени он останавливался и поднимал голову, ловя ветер, как животное, которое идёт по незнакомой территории и пытается учуять опасность.

Идти приходилось зигзагами из-за деревьев со стрелами и зарослей фаркилла. Однажды, ползя мимо очередного дерева, Келси рукой наткнулась на круглый камень. Тот повернулся под её весом, и на неё злобно уставился череп! И хотя бугры над глазами и широкие скулы выглядели довольно необычно, череп был очень похож на человеческий. Девушка негромко вскрикнула от отвращения, и Йонан повернул к ней голову. Но она уже увидела ещё два сероватых выступа перед собой... Они продвигались по мостовой из черепов!

Когда она спросила, кому мог принадлежать этот череп, какие существа умирали здесь... и здесь... и ещё впереди, образуя отвратительный путь, Йонан покачал головой. И продолжал двигаться вперёд, хотя она чуть не отказалась следовать за ним. Наконец они приблизились к первому из монолитов.

Столб того же серого цвета, что и черепа и деревья со стрелами, возвышался из зарослей, как гигантский палец, указывающий на небо, — если бы можно было разглядеть небо под нависающими ветвями.

Камень был выше Йонана и массивнее, и хотя он весь зарос, легко можно было разглядеть изображение слегка наклонившегося вперёд существа, одна массивная рука которого или лапа с когтями была протянута вперёд — к добыче.

Келси затаила дыхание. С того времени, как началось это её невольное путешествие, она видела множество странных форм жизни, но эта была самая злобная: с согнутыми плечами, так что существо казалось горбатым, и едва заметной шеей с огромной головой, над которой

конусом поднималась голая макушка. Но хуже всего в этом уродливом существе были глаза — глубокие, как ямы. И это оказались не просто дыры в камне, даже не вставленные в камень драгоценности...

Она посмотрела прямо в эти глаза и ахнула. Точно как у той собаки у врат, эти ямы были полны желтоватого пламени. Несмотря на то, что это чудовище высечено из камня, глаза у него — живые! Неужели в камне заключён кто-то живой — пленник без надежды обрести свободу?

Неосознанно Келси подняла колдовской камень, не глядя на него, потому что, не отрываясь, смотрела на жёлтое пламя в этих глазах-ямах.

— Нет! — Йонан схватил её руку с камнем. — Нет!

Келси дёрнулась, страх её усилился стократно. Но воин крепко держал девушку за руки, прижимая их к бокам, так что она не могла пошевелиться, не могла использовать своё единственное оружие.

— Это наблюдатель. Не надо ему ничего показывать, — сказал Йонан. Он повернул девушку, она оторвалась от жёлтых глаз и освободилась. Освободилась, вероятно, от одной из самых страшных опасностей этого места.

По-прежнему держа её за руку, словно опасаясь, что она не прислушается к его предупреждению, Йонан потащил девушку за собой, ноги их в обрывках илбейна скользили по дороге из черепов.

— Оно наблюдает... оно живое!

— Не оно, а то, что смотрит через него, — возразил воин. — Показав камень, ты могла бы уничтожить наблюдателя, но подняла бы тревогу...

Он остановился на полуслове. Рядом с гибельной тропой стояло ещё одно существо. Похожее на первое, но вырезанное не из камня. Нет, это второе было из дерева. Для этого использовали какое-то гигантское дерево, и остатки его коры, заросшие мхом, образовывали шкуру существа. Те же самые глаза-ямы... Бросив беглый взгляд, девушка отвела глаза. Они тоже живые.

Она высвободилась из хватки Йонана и как можно

быстрее пошла по дороге из черепов, чтобы избежать новой встречи с наблюдателями. И по пути лишь изредка бросала взгляды по сторонам, чтобы убедиться, что больше наблюдателей нет.

Воздух под деревьями был неподвижен, сильно пахло гнилой листвой, среди которой лежали черепа. Откуда-то повеяло теплом — но не тем защитным теплом, как от камня, а болезненным липким теплом, разлагающим дух и тело.

Однако дорога тянулась прямо, и девушка видела остатки срубленных при её прокладке древних деревьев. Тут и там виднелись новые ростки, они расталкивали улыбающиеся черепа. Но статуй им больше не попадалось.

Не попадалось, пока они не прошли через заросли и не вышли на открытое место. Дорога черепов не кончилась на опушке, им даже показалось, что черепа уложены здесь плотнее.

— Дорога завоёванных, — впервые со своего предупреждения в лесу заговорил Йонан. — Очень старый обычай. Если выложить дорогу, по которой идёшь, головами врагов, это делает победу наиболее полной, — но Келси едва слышала его. Она смотрела вперёд, на массивное изваяние... существа, воздвигнутое там.

Если те два, что они видели в лесу, показались ей огромными и тщательно вырезанными, то что же можно сказать об этом?

Дорога черепов вела прямо к чудовищному брюху статуи, почти такой же огромной, как развалины, которые они обнаружили раньше. Руки её были вытянуты и упирались в землю, как столбы, они поддерживали гигантское тело; существо наклонилось вперёд и словно разглядывало приближавшихся людей.

12

В том месте, где громоздкое брюхо чудовища касалось земли, темнела дыра таких правильных очертаний, что

была похожа на дверь... Дверь куда? Келси осмелилась бросить на неё быстрый взгляд. Но никакого адского огня не увидела — только тёмную пещеру.

От внезапного резкого звука девушка и сама чуть вскрикнула. Ведь этот зверь перед ней не живой, он не может кричать. Нет, кричали крылатые существа у него над головой: ярко-алые, хотя уже начинался вечер, только клювы и лапы чернели, подобно отверстию в конце дороги черепов.

Существа образовали круг над головой чудовища, но вот круг разорвался, и они устремились вниз. Йонан, в свою очередь, закричал, может, желая подбодрить себя, и взмахнул над головой верёвкой с грузом. Но на этот раз охотился он не ради еды. Верёвка полетела так быстро, что Келси с трудом различала её, и обернулась вокруг длинной шеи одного из летунов, сбросив его на землю. Там он забился, пытаясь освободиться.

Однако Йонан уже приготовился и одним взмахом меча отрубил ему голову. Но тут же должен был увернуться от нападения другого летуна, устремившегося к нему с вытянутым клювом-кинжалом. И этот остался лежать на земле без головы, хотя и продолжал дёргаться.

Третий устремился сверху на Келси. Девушка закричала и подняла камень. Она не надеялась отбиться: существо было в половину её роста, а крылья такие широкие, что их трудно охватить взглядом.

Камень вспыхнул, и существо отвернуло в сторону. Келси, со страхом глядевшая ему вслед, заметила в этот миг кое-что ещё. Из широкого клюва, занимавшего треть головы, показались два облачка красноватого дыма, никакое пламя не питало их; они поднялись вверх, не рассеиваясь, и образовали отчётливо видимое облачко. Уже сгущались сумерки, но этот дым — или дыхание — был вполне различим.

Птицы снова напали на Йонана, решив, по-видимому, что с этим противником им легче справиться. Отмахиваясь мечом, он, чуть задыхаясь, крикнул Келси:

— Не позволяй им замкнуть круг. Разрывай!..

Она взмахнула камнем, не надеясь отогнать летунов, но заметила, что они отшатываются от искр, которые испускало её единственное оружие. И девушка встала спиной к спине Йонана.

— Назад в лес? — отбиваясь, с трудом спросила она.

— Нельзя. Наступает ночь, — ответил он. И Келси поняла мудрость этого решения. От птиц-то они под деревьями спасутся, зато станут лёгкой добычей других в этом месте Тьмы. По крайней мере на открытом месте они видят нападающих.

Ещё три птицы пали от меча Йонана, но остальные по-прежнему пытались выстроить вокруг голов путников круг. И только постоянные удары Йонана не давали им замкнуть его.

Келси не понимала, почему они просто не улетят повыше, чтобы Йонан не смог до них дотянуться. Но, очевидно, им нужно было держаться возле земли и тех, кого они хотели захватить.

Девушка глубоко вдохнула и закашлялась, горло и глаза у неё горели. На них опускался дым, выдыхаемый чудовищами. Она отчаянно взмахнула цепью. Птиц это отпугивало, но на воздухе никак не сказывалось. Келси снова закашлялась, она чуть не задохнулась от воздуха, которым вынуждена была дышать. В носу и гортани всё горело. Глаза заслезнились, так что она почти перестала видеть что-либо. Но девушка удерживалась на ногах и продолжала отгонять новую опасность — только камень тут ей не помог. Неужели она слишком надеялась на него, потому что раньше он её не подводил? Всему есть границы, и они, вероятно, достигли своего предела.

Потому что Йонан тоже сильно закашлялся. Он отступил, прижавшись плечами к спине Келси, и она чувствовала, как кашель рвёт его тело. Птицы снова закричали, как в самом начале, но теперь в их резких криках слышалось торжество.

Она ощутила, как обмяк Йонан, и едва успела взмахом цепи остановить злобный клюв, нацеленный на лежавшего на земле воина. Часть лица, видная ей, была покрыта кровью, шлем сдвинулся набок. Птица, напавшая на Йонана прямо на земле, попыталась клювом ударить человека, старавшегося встать.

— Не давай... круг... — выдохнул он.

Но было уже поздно. Келси кашляла и испытывала такую боль, словно у неё выворачивало лёгкие. Она могла только согнуться над Йонаном, держа над ними обоими колдовской камень. Птица, жаждавшая пронзить её спутника, отступила.

Какие-то капли упали из носа Келси на Йонана, и она увидела, что по его кольчуге течёт кровь. Теперь горло разрывалось так, что всё остальное казалось неважным: хотелось только одного — найти спасение от этого ядовитого облака.

Впереди она увидела открытое пространство, проход в заполненном танцующими красными мошками тумане. На коленях, держа камень в одной руке, а другой таща Йонана за пояс, девушка поползла в ту сторону, к призрачной свободе.

Поначалу Келси не понимала, что её туда направляют. Но совсем скоро она обнаружила правду. Облако поднялось, и впереди девушка увидела чёрное отверстие, и только в нём имелась возможность дышать — теперь это уже было вопросом жизни. Последнее усилие... Ещё одно усилие и мгновенное осознание опасности: она у зловещей двери в огромное брюхо чудовища, она ползёт туда, таща за собой Йонана.

Келси попыталась повернуть, но тут же перед ней заслоном опустился красный туман. Кашляя, ощущая вкус собственной крови, она упала вперёд, в полную темноту, и потеряла сознание.

Когда Келси пришла в себя, её окружал полный мрак. В первое мгновение девушка не могла вспомнить, а потом

её охватил ужас, когда она поняла, куда их загнали. Но она очнулась не там, куда попала вначале, испуганная и одинокая. Теперь, когда девушка полностью пришла в себя, она оказалась в каком-то тёмном месте, принадлежащем этому миру. Тело болело. Руками Келси нащупала камень, грубый и влажный. Потом дотронулась до какой-то слизи и брезгливо отдёрнула руку.

Келси сглотнула, горло по-прежнему саднило от красного тумана. Но темнота вокруг была такая полная, что девушка похолодела от нового страха: может, она ослепла. С трудом она подняла руку: силы, казалось, совершенно оставили её, потёрла закрытые глаза, снова открыла: густая темнота.

Густая... у неё как будто имелись свои, особые качества... давящая, сжимающая. Девушка упёрлась руками в пол и чуть приподнялась, рассчитывая только на слух. Ни звука. Может, слух тоже оставил её, как и зрение?

— Йонан! — никакого ответа на её крик. Где бы она ни находилась, она одна.

Келси ощутила тяжесть на груди. Это то, на что она уже привыкла надеяться. Рука её сжала холодный камень. Таким может быть любой бульжник. Жизнь и тепло, которые она ощущала в нём с самого начала, исчезли. Он мёртв...

Мёртв? Может, это и есть смерть, и она погрузилась из жизни в вечный мрак?

И только тут, когда от страха она уже начинала терять контроль над собой, Келси уловила не звук, а какую-то дрожь, становившуюся всё сильнее, проникавшую в её тело. Откуда-то пришла серия ударов, но не регулярного ритма, какой был у барабанов фасов, а словно биение сердца, сердца такого мощного, что его удары отдаются во всём огромном теле.

Чёрные ворота в брюхо чудовища... Может, то, во что она вошла, обладает собственной жизнью? Она отшатнулась от этого предположения: даже в земле, полной

необычного и призрачного, такого существовать не может.

Девушка села и в темноте руками ощупала своё тело. Последние обрывки илбейна исчезли с ног, но на поясе в ножнах висел длинный нож — часть вооружения любого жителя Долины. Келси извлекла его из ножен, опасаясь выронить в полной темноте своё единственное оружие: по-видимому, камень оставил её.

Она и не пыталась встать. Держа нож наготове, Келси развела руки. И всё время в ней жил страх, что она ослепла, и что все её движения видят те, кто устроил её пленение. Но она не могла вечно сидеть тут, в ожидании нападения неизвестного.

Её камень задел за стену, послышался негромкий треск, и это каким-то образом нарушило ритм ударов, которые становились всё сильнее. Неожиданно рука её ударилась о какое-то препятствие, и Келси быстро ощупала каменную преграду: она не могла дотянуться до её верха, а в стороны стена уходила дальше её рук.

Держась руками за эту стену, она встала. Пол был холодный, неприятный, покрытый слизью, а стена тёплая, причём чем выше, тем теплее. Стена уходила далеко вверх, и даже встав на цыпочки, она не доставала до конца.

Дрожь здесь ощущалась ещё заметнее, и Келси подумала, что её сердце отвечает биениями в том же ритме.

Она осторожно двинулась направо, ощупывая каждый шаг протянутым носком ноги, а пальцами руки держась за стену. Тьма заставляла её терять уверенность в себе, и Келси снова и снова пыталась вообразить, что же ждёт её впереди.

И тут рука её соскользнула с камня — дверь? Она медленно и осторожно повернулась. Пол казался достаточно надёжным. Руку с ножом девушка протянула дальше вправо и одновременно услышала и ощутила новое препятствие. Итак, дверь. Но по-прежнему никакого света, и дальше идти придётся с теми же предосторожностями. Может, лучше предварительно обойти всё помещение,

прежде чем углубляться в это отверстие, которое может привести только к новому заключению.

Келси миновала отверстие и снова нащупала стену. Теперь она начала считать и вскоре обнаружила угол, там повернула и пошла вдоль новой стены. В трёх шагах дальше оказалось ещё одно отверстие, и из него донеслось дуновение воздуха. Но не чистого освежающего ветра, какой дует во внешнем мире. Здесь пахло влагой и разложением. Нет, сюда идти не стоило.

Вскоре Келси установила, что очнулась в комнате, в трёх из четырёх стен которой имеются проходы; третий был точно таким, как и два предыдущих. Итак, она должна была выбрать один из двух.

Она вернулась к первому и немного прошла вперёд: осязание подсказывало, что она движется по коридору. Ей не хотелось пользоваться руками: участки слизи на стенах встречались здесь чаще, иногда они соединялись друг с другом, и она часто проводила по ним пальцами. Келси очень старалась мысленно представить себе это место, но без помощи зрения её воображение было ограничено, и она вынуждена была признать, что ничего не может сделать, только идти, слепо нащупывая путь в этом тёмном лабиринте.

Пальцы её коснулись какой-то массы, зацепившейся за стену, массы влажной, сочащейся жидкостью, и от неё повеяло тем же запахом разложения, что и из второго прохода. Девушка торопливо вытерла руки о брюки, но теперь запах разложения сопровождал её всюду.

Дрожь становилась всё сильнее и... Келси мигнула, потом мигнула ещё раз. Она не могла ошибиться: впереди показался какой-то источник света, тьма больше не была такой плотной, как раньше. Она ускорила шаг и вздохнула с облегчением, когда темноту сменила серость. Теперь она видела стены и больше не боялась прикоснуться к тусклой чёрной массе, растущей на стенах, как мох на статуе в лесу.

Йонан! В сознании её всё время был воин Долины,

каким она видела его в последний раз: кашляющий в тумане. Исследуя комнату, в которой она пришла себя, девушка установила, что его там нет. Где же он?

Серый свет теперь пронизывали красноватые лучи, и Келси испугалась новой встречи с дымом, который чуть не погубил их обоих, но уйти от света и снова погрузиться во тьму просто не могла. Красное становилось всё ярче. Казалось, что руки Келси покрылись кровью, выступившей из жил на поверхность. Стало теплее, гораздо теплее. Усилилась и вонь, но ни следа удушающего дыма, который выдыхали чудовища.

Ещё десять шагов, и Келси оказалась у нового отверстия. Опустившись на колени, девушка заглянула в пространство, заполненное красным светом. Она находилась на балконе или антресоли над большим помещением, открывшемся перед нею, и девушка застыла, прижавшись животом к камню, пытаясь сжаться и стать невидимой. Потому что она больше не была одна.

Их здесь разгуливало не меньше полудюжины, она не могла сказать точно, потому что они приходили и уходили, и только трое оставались постоянно на месте — на балконе, таком же, как её, но только у противоположной стены.

Но больше всего изумила Келси картина внизу. Среди человекоподобных фигур там возвышался огромный чан или цистерна размерами с большой бассейн. Он был заполнен не до самого края веществом, похожим на красную слизь, слизь постоянно булькала, выделяя зловещие пузыри, словно кипела на большой печи. И когда пузырь лопался, из него вырывался красноватый туман, который плавал как облачко, постепенно становясь всё прозрачнее, а из него назад в бассейн капала жидкость.

Те, кто приходил и уходил, просто стояли и смотрели... Келси перевела дыхание и постаралась сжаться, стать как можно меньше и незаметнее. Чёрный всадник, который атаковал её на лошади у камней... тут он повторялся снова

и снова. Сарн! Даже в записях Долины совсем немного говорится о деяниях всадников-Сарнов... кроме того, что они полностью во власти Тьмы и отчаяния. На них постоянно надеты плотно облегающие чёрные плащи, которые кажутся приросшими к телам, с капюшонами, закрывающими лицо и оставляющими только отверстия для глаз. Руки в перчатках двигались дёргающимися жестами, как будто это был их способ общения.

Келси протянула руку к колдовскому камню. Но он, как и в тот раз, когда она только пришла в себя, казался холодным и мёртвым. Сила, на которую она могла рассчитывать, покинула её.

Дважды один из Сарнов в маске смотрел вверх, туда, где она пряталась. Келси плотнее прижималась к полу, но не могла решиться вернуться в тёмный лабиринт. Внизу началось движение, и она увидела, как из бокового отверстия выходят ещё четверо всадников, ведя перед собой пленных. Келси никогда не видела фасов при хорошем освещении, но сомнений не было: существа, которых тащили за верёвки, обвязанные вокруг шей, были фасами. Их втаскивали на карниз над бассейном, фасы упирались, и их приходилось тащить. И даже в непрерывном шипении лопающихся пузырей слышны были тонкие, мяукающие, полные ужаса крики.

Но фасы тоже принадлежат Тьме, почему всадники берут в плен тех, кто на их стороне? Или эти злые существа действуют вместе, только когда их заставляют?

То, что она увидела, потрясло её. Первого из фасов освободили от петли и столкнули в бассейн концом длинного шеста, который держали два всадника. Фас несколько мгновений висел на самом краю и упал. По-лышался лишь громкий крик, когда это существо исчезло в пламени. Остальные ждавшие своей очереди быть принесёнными в жертву пытались разорвать верёвки на горле, вырвать их концы у мрачных всадников. Однако, как и первого, всех их поглотил жидкий огонь, и никто не показывался на поверхности.

Келси сглотнула — раз, другой, чувствуя жжение в горле. Если Сарны так поступают со своими союзниками, какую же смерть они готовят врагам? Она дюйм за дюймом начала отползать от края балкона, хотя по-прежнему не хотела блуждать во тьме. На другом конце балкона видно было ещё одно отверстие; немного поколебавшись и решив, что возвращение туда, где она пришла в себя, ничего ей не даст, Келси поползла в направлении второго отверстия, посматривая на всадников и пытаясь понять, заметили ли они её. Но они, казалось, были совершенно заняты своими пленниками.

Девушка добралась до второго отверстия и вползла в него, обнаружив, что вскоре оно круто поворачивает вправо и идёт как будто параллельно залу с бассейном. Вскоре и здесь воцарилась темнота. Достаточно удалившись от входа, Келси встала: кое-где на стенах виднелись желтоватые пятна, они слабо светились, но постепенно глаза девушки приспособились к их свету. В стенах не было никаких боковых отверстий, а через некоторое время ей встретилась ведущая вниз лестница. Келси снова заколебалась и притронулась к камню. Он всё так же оставался мёртвым. Придётся опираться на собственные силы и выбор. Где же Йонан? Келси почувствовала отчаяние при мысли, что его могли скормить бассейну и тому свирепому существу, что обитает в нём. Теперь, отделившись от этого помещения, она снова уловила устойчивую вибрацию.

Итак, либо спускаться, либо возвращаться, а Келси знала, что в обратном направлении у неё нет никаких надежд. Поэтому она пошла по лестнице, придерживаясь рукой за стену, потому что местами жёлтые разрастания совсем скрывали ступени.

Келси снова начала считать, пытаясь вспомнить, в каком направлении лежит бассейн и находится ли она под ним. Она досчитала до двадцати и в этот момент уловила мысль, которая изгнала у неё все воспоминания о всадниках.

«Направо... всё время направо...» — Келси чуть не упала, споткнувшись о неровность и еле удержавшись обеими руками: ей показалось, что она сейчас начнёт бесконечное падение.

Йонан? Может это указание исходить от него? Голос мозга, пославшего мысль, словно прятался за каким-то искажающим шумом. Приманка в ловушку? Она не могла не думать так. Но что, если это помощь какого-то другого пленника? Разве можно её игнорировать? В ней всегда жила надежда, что другие больше знают об этом месте, чем она; если она откажется, то, может быть, отвернётся от той самой цели, за которой была послана во тьму.

«Направо...»

Слово побледнело и исчезло. Келси осторожно и медленно сделала один шаг, другой. Жёлтые наросты превратились в желе, издававшее зловонный запах. И тут перед девушкой открылся поперечный коридор. Конечно, он уходил и вправо, и влево.

Впервые с того времени, как пришла в себя, Келси ощутила слабое тепло в камне и тут же выхватила его. В самом сердце камня пробежала искорка, слишком слабая, чтобы помочь ей. Но сам факт, что камень ожил, подбодрил девушку. Она повернула направо, крепко сжимая в руке камень, шагая в направлении, указанном молчащим теперь голосом. Она однажды сделала попытку послать собственную мысль-вопрос и тут же остановилась. Среди всех ужасов этого места может существовать какой-то способ проследивать обмен мыслями, а у неё нет помощи камня, чтобы мысль была достаточно сильной.

Путь снова разделился, и Келси снова пошла направо. Теперь к призрачному свечению растительности добавился свет спереди, но не страшный красный, как в помещении с бассейном, а всё тот же жёлтый, словно в сто раз усиленный от растений. Неожиданно перед девушкой открылось отверстие в стене, но такое, что ей пришлось опуститься на четвереньки, чтобы пролезть в него. Съжив-

шись, испытывая тошноту от зловония, Келси оказалась в весьма странном помещении, но не в коридоре.

Тут тоже присутствовала растительность, вероятно, грибы, но размером с небольшие деревья. Между ними теснились меньшие растения, грибообразные и различной расцветки, своими искажёнными формами они напоминали цветы верхнего чистого мира.

Была здесь и вода — вернее, какая-то жидкость, ручейком струившаяся по большому помещению. Но жидкость была опять-таки красного цвета и подёрнутая дымкой.

В этой дымке Келси заметила смутное движение. Кто-то ходил взад и вперёд в тумане по краю ручья.

Йонан! Она не решилась позвать его по имени, даже мысленно произнести его. Но двинулась вперёд, пытаясь избежать прикосновения растений, которые, раздавленные, только добавляли зловония к общему отвратительному запаху этого места.

13

Однако человек за туманным ручьём оказался не воином в кольчуге, он был одет в серое, а не в чёрное, как Сарны. Длинное одеяние свисало измятыми складками, волосы до плеч. Аккуратность и сдержанность в одежде давно утрачены, но не узнать было невозможно — Виттл!

Когда Келси приблизилась к ручью, колдунья остановилась и стояла, сжимая собственный камень с такой силой, что костяшки её пальцев побелели.

— Итак, это ты... — ни тени радости в голосе, никакого выражения на угловатом лице.

— Как ты сюда попала? — в ответ спросила Келси. Неужели Виттл способна пользоваться камнем?... Как она оказалась в этом зловонном жилище Тёмных Сил?

— Был след... Он оказался ложным, — коротко ответила колдунья. — А ты как?

— Нас захватили снаружи, — она считала, что дверь в

животе чудовища привела её сюда. — Камень помогает тебе теперь?

На худых щеках Виттл появилась краска — причём не отражение красного ручья. Несколько мгновений Келси казалось, что колдунья не ответит. Но потом та проговорила:

— Сила его уменьшилась, но он жив. А как тот, что не принадлежит тебе по праву, пришлица из чужого мира?

— Он жив, — Келси была уверена в этом слабым тепле, которое ощутила, покинув помещение с бассейном. — Но призвать его я не могу.

— И это хорошо! — выпалила Виттл. — Ты хотела бы, чтобы создания Тьмы поняли, что они захватили? Иди сюда, может быть, наши два камня, соединившись, дадут нам истинное зрение, вопреки окружающему.

Келси вовсе не хотелось идти вброд через парящий ручей. Она повернулась и пошла вдоль ручья, чтобы отыскать узкое место и перепрыгнуть. Вскоре она его нашла, хотя растительность на противоположном берегу свидетельствовала, что приземление будет нелёгким. Но из-за того, что почти пообещала Виттл, стоило попробовать.

Келси отступила, разбежалась, перепрыгнула и упала на груды грибов, которые лопнули от её тяжести, окутав девушку облаком липких спор и зловонием. Келси еле удержалась от того, чтобы стряхнуть эти споры: она подумала, что они могут оказаться ядовитыми. Виттл ждала её, хотя и отступила на несколько шагов, когда до неё донеслось зловоние, которое распространяла каждым своим движением Келси.

Виттл указала на лишённое растительности место, по которому расхаживала. Келси набрала земли и стёрла липкие грибы с тела.

— Камень! — Виттл не дала ей много времени на очистку. Колдунья подошла, держа собственный камень в раскрытых ладонях, и Келси послушно проделала то же со своим. Камни соприкоснулись, и сразу в каждом вспыхнул огонёк.

— Так, значит, их действительно можно подкрепить, — Виттл была возбуждена. — Посмотрим...

Она села на голую землю, по-прежнему стараясь не касаться грязной одежды Келси. Всё ещё держа одну руку на камне, она положила его и знаком велела девушке сделать то же. Келси заколебалась.

— А если мы пробудим Тьму? — спросила она. — Ты ведь сама сказала...

— Ты хочешь просто ждать её прихода? Какой в этом прок? Они уже знают, что захватили колдунью из Эсткарпа, — Виттл гордо выпрямилась. — Теперь они ждут, что я померяюсь с ними силой. Но если сила моя удвоится... что ж, может, она проникнет через их барьеры.

Келси медленно положила свой камень рядом с камнем колдуни, стараясь не касаться Виттл. Результат оказался подобен маленькому костру; пламя от каждого камня устремилось вверх, потом перешло в устойчивое сияние.

— Выход... — Виттл склонилась вперёд, облизывая языком нижнюю губу, словно упиваясь восстанавливающей силы жидкостью.

Но Келси сразу высказала своё требование.

— Йонан!

Колдунья заворчала и протянула руку к камню, но не стала его брать.

— На выход! — она говорила так близко, что капелька слюны попала девушке на щёку. — Этот мужчина нам не нужен... мы должны идти своим путём.

— Йонан, — упрямо повторила Келси. Если бы ей предстояло сделать выбор между спутниками, она знала, кого выбрала бы.

Казалось, Виттл не чувствовала в себе достаточно сил, чтобы отказать ей, потому что когда Келси пристально посмотрела на камни, пытаясь вызвать в сознании образ Йонана, колдунья не стала возражать. Но девушка не могла сказать, присоединила ли Виттл свои силы к её призыву.

Два камня окутались пламенем. Сами они исчезли, и

вместо них появилась поверхность, гладкая и блестящая, как зеркало, а на ней тень. Постепенно эта тень превратилась в настоящее изображение. Пятно света во тьме показало руку, держащую рукоять меча. Свет этот пробивался сквозь пальцы, и Келси поняла или догадалась, что Йонан держит руку на металле в рукояти. Тень сменялась тенью, и Келси показалось, что воин из Долины идёт таким же тёмным коридором, по какому шла она сама после пробуждения.

Она наклонилась вперёд и приказала колдунье:

— Зови! Зови вместе со мной, если хочешь, чтобы я тебе помогла.

«Йонан! — она произнесла это слово мысленно и неожиданно ощутила сильную поддержку. Всё-таки ей удалось подключить Виттл. — Йонан!»

Она увидела, как тёмная тень остановилась, пальцы сползли с рукояти меча. Металл засверкал сильнее, и тень — несомненно, это был Йонан — повернула направо. Келси протянула руку и сильно сжала руку Виттл.

— Зови!

«Йонан!» — с каждым повтором имени — она при этом пользовалась помощью и прочно удерживала картину в сознании — тень двигалась всё быстрее, словно шла по следу, не обращая внимания на опасность.

В темноте показался свет, тусклый, его трудно было разглядеть; какое-то время девушке казалось, что это светятся грибы на стене. Потом она увидела человека с мечом. Ему оставили не только меч, но и кольчугу. Может, испугались оружия, не острия (хотя она знала, что Йонан прекрасно владеет мечом), но талисмана, вделанного в рукоять. Точно так же, как у неё не отобрали камень.

«Йонан!»

Послышался слабый ответ:

«Иду!»

— Дура! — если Виттл вначале помогала звать, то больше она этого не делала. — Зачем он нам? Нас вполне могли

вывести они, — и колдунья слегка коснулась своего камня.

— Я зову одного из нас... — начала было Келси, но опомнилась; она могла сорваться и совершить глупость, такую же, какая привела её в самом начале в эту опасную землю. — Он...

— Он мужчина! — прервала её колдунья. — Какая у него сила, кроме силы рук? Нам не нужно оружие...

— Кроме этого, — Келси указала на два камня.

Виттл скорчила гримасу.

— Их сила перекрывается теми, кто нас окружает. Вся энергия ушла на призыв. Если бы ты была одной из сестёр... — она умолкла, но в глазах её легко читалась та же враждебность, что и вначале.

— Но я не сестра! — быстро ответила девушка. Она не знала, почему камень ожил в её руках, но отказывалась признавать, что в ней есть нечто родственное этой женщине.

— Где мы? — спросила она.

Виттл поджала губы, словно сомневалась в необходимости такого вопроса. Но всё же ответила:

— Это жилище Сарнов. Мы мало о них знаем...

— И знаем только плохое, — закончила за неё Келси. — Но кто же они?

— Они служат Великому Тёмному. Кто они и почему служат... — она пожала плечами. — Но и у Света и у Тьмы могут быть странные помощники. В Эсткарпе мы бы знали. Здесь... — колдунья сделала лёгкий жест рукой, державшей камень, — не могу сказать. В Долине знают только одного истинного Великого. Но есть и другие. Не все погибли или ушли в другие миры, — впервые она, казалось, стала разговорчивой. Келси была довольна. Чем больше она узнает, тем лучше, пусть даже это только догадки Виттл.

— А кто эти Великие? — подталкивала она.

— Те, кто правят всем. Некоторые из них отстранились и теперь не принадлежат ни Свету, ни Тьме, но идут

своими собственными путями. Другие боролись за власть, и были войны, такие войны! Даже земля раскалывалась от сил, вызванных ими. Можно изменить саму ткань жизни, если воля достаточно сильна.

Келси вспомнила слышанные в Долине рассказы.

— А разве твои сёстры не стремились к власти? Разве не двигали они своим словом горы, так, чтобы враг не смог пройти к ним?

— И потому они погибли, — мрачно ответила колдунья. — Ибо сила, которую мы вызвали, погубила многих сёстер. И потому мы должны найти источник, который сделает наши камни ещё сильнее, такими сильными, какими они никогда не были.

— И ты думаешь, что найдёшь здесь эту силу?

— Она влечёт нас: подобное притягивается подобным; камни заряжены той же энергией и приведут нас к её источнику. Нет, эта энергия не лежит где-то рядом, иначе ничего из этого, — она опять сделала лёгкий жест рукой, — не существовало бы. Вот так, — она сунула руку за спину и сняла изношенный мешок, такой же, как тот, что Келси оставила в норе фасов. — Ешь и пей...

И как будто её слова послужили сигналом, Келси ощутила сильный голод и жажду. Она вытащила металлическую фляжку и позволила себе сделать несколько глотков безвкусной затхлой воды. За ней последовали куски сухой дорожной лепёшки. Но слишком сильно было окружающее зловоние. Даже то небольшое, что съела и выпила девушка, вызвало у неё тошноту.

Виттл наклонилась вперёд, внимательно всматриваясь в светлый ореол вокруг камней. Она начала говорить что-то шёпотом и указательным пальцем чертила в воздухе знаки. Хотя на этот раз голубые линии ей не ответили.

Келси проползла чуть вперёд, чтобы увидеть, какую картину показывают камни. Но увидела только строчки какой-то непонятной рукописи. И обеспокоилась из-за того, что эта рукопись появилась в самом сердце крепости

врага. Виттл продолжала свои заклинания шёпотом. Келси резко повернула голову и оглянулась через плечо. Неожиданно она испытала ощущение, что за ними наблюдают, и не удивилась, увидев в красном тумане фигуру. Фигура направлялась к ним.

Келси выхватила нож. Она свистящим шёпотом предупредила Виттл, но та даже не подняла головы и не оторвала взгляда от камней. Но тут Келси вскочила, схватила свой камень и побежала сквозь дымку навстречу туманной фигуре.

— Йонан! Сюда!

Её возглас заглушил громкий вопль, который испустила Виттл, когда была разорвана связь камней. Колдунья прыгнула на Келси и схватила цепь в её руке. Девушке пришлось повернуться и отразить это нападение; и потому она не видела, как Йонан перепрыгнул через ручей в том же месте, где и она, и оказался на участке, свободном от зловонной растительности.

— Камень... дай его мне! — рычала Виттл. — Я почти узнала, глупая девчонка! Я почти коснулась того, кто правит здесь!

— А я рад, что ты этого не сделала, — сказал Йонан. Его лицо было покрыто запёкшейся кровью; когда он заговорил, кровавые чешуйки начали отваливаться. Одну руку воин прижимал к груди, обвязав её поясом, и лицо его было искажено болью. Но в другой руке он крепко держал меч, и свет металла рукояти был ясно виден.

— Это Нексус, — объявил он, подойдя ближе.

Келси это слово ничего не говорило; она решила, что и колдунья его не знает, но лицо Виттл неожиданно затуманилось.

— Это же легенда... — ответила она кислым голосом, каким всегда разговаривала с Йонаном.

— Многие из легенд оказались истиной в Эскоре, — проворчал Йонан. — Как ты сюда попала? Неужели ты не заметила чудовище-Фуджера?

— Уснула, потому что устала. А проснулась уже здесь, — ответила колдунья и скривилась, словно откусила что-то жёсткое и неприятное. — Фуджер!..

— Фуджер. Мы в нём, колдунья. И не думаю, чтобы нас могла вывести отсюда твоя сила.

Виттл указала на камень, свисающий с руки Келси.

— У нас их два, и ещё вот это, — на этот раз она показала на меч Йонана.

— Это пустяк для того, кто создал Фуджера... — и губы Йонана вздёрнулись не в улыбке, а скорее в насмешке.

— Маленькие камушки против врага, обладающего оружием, о котором мы ничего не знаем. А ты как попала сюда, леди? — он резко повернулся к Келси, и девушка, запинаясь, начала отвечать. Но быстро, как могла, рассказала о своём путешествии вниз по тёмным коридорам и о том, как пришла в это место.

Он хмурился всё сильнее.

— И я пришёл сюда, когда вы меня позвали. А вы не подумали, что тот, кто нас захватил, хочет, чтобы мы собрались вместе, чтобы понаблюдать за нами, узнать, какими силами мы владеем, а потом легко сломить нас?

Келси приняла его логику, но Виттл яростно покачала головой.

— Тот, о ком ты говоришь, воин, не захочет, чтобы даже слабое оружие Света использовалось в его крепости. Всё держится в равновесии, и если оно нарушается, хоть на ширину пальца, то затрагивается всё окружающее. Почему, ты думаешь, нам оставили это? — колдунья махнула своим камнем перед лицом Йонана. — Потому что они не справятся с тем, что оживёт, если они свяжутся с этим. Да, правда, нас могли собрать вместе нарочно, но одновременно это испытание. Посмеём ли мы сразиться с их мощью?

— Ты говоришь «они», — возразил Йонан. — Но кто такие эти «они»? Сарны? Фасы? Этих мы знаем. Но Фуджер...

— Он, скорее всего, мёртв! — выпалила Виттл. —

Смерть. — только врата, а нам, знатокам тайн, известны многие врата. Разве не был призван назад через такие врата, которые он сам же и открыл, Великий Хилэриэн, когда предательница Трегарт начала совать свой нос не в свои дела? Поэтому я говорю «они», и ты должен знать, о ком я говорю. Подумай о своих самых мрачных кошмарах, воин.

— Если они хотят испытать нас, то зачем собирать вместе? — задумчиво проговорил Йонан, словно спрашивая самого себя, а не Виттл. Но Келси решила, что может ему ответить.

Девушка снова села на чистый участок гравия и перекладывала свой камень из одной руки в другую.

— Они хотят посмотреть, как мы будем защищаться, все трое вместе...

Виттл подарила ей новую гримасу.

— Разве я уже не сказала это? И разве мы уже не показали им знамя, под которым пришли?

Йонан стоял, осматривая пещеру. Она, вероятно, была даже больше, чем та, с огненным бассейном, но большую часть её занимала растительность. Из-за зловония Келси мучили позывы к рвоте, так что даже то небольшое, что она съела, могло вот-вот выйти назад. Первым зашевелился Йонан. Ни слова не сказав Виттл, он концом своего оружия начертил вокруг них троих пятиконечную звезду, глубоко погружая меч в песок и гравий, чтобы линия была без разрывов. Колдунья следила за ним, и впервые Келси заметила на её лице удивление.

— Что ты делаешь? — спросила девушка. Он не ответил и не взглянул на неё, но достал из сумки у себя на поясе какую-то массу, завернутую в увядший лист. Келси почувствовала незабываемый запах илбейна. Йонан, поворачиваясь к концу каждого луча, клал кусочек раздавленного растения на острие своего оружия и осторожно опускал его на землю.

— Глупец! — Виттл ожила и как будто собралась стереть

ближайшую к ней линию. Йонан быстро развернулся и взмахнул перед ней мечом, словно отрезая её.

— Они придут! — завизжала колдунья, обеими руками сжимая камень. — Устанавливать место силы в их собственной крепости — ты сумасшедший!

— Нет, — возразил Йонан, — просто я хочу увидеть своих противников. Схватка вслепую ничего нам не даст. Возьми свой камень, — он обратился непосредственно к Келси, — а ты, — тут он повернулся к Виттл, — знаешь знаки, так твори их, а она пусть повторяет. Мы закрыты в их крепости, нам нужно узнать, кто к нам придёт...

Вначале Келси показалось, что Виттл откажется. Но колдунья неохотно, словно не по своей воле, наклонилась и вытянула вперёд худую руку. Она начала камнем на земле чертить линии и круги, а потом и более сложные символы. Когда она сделала это в конце одного луча, Йонан дал Келси знак, девушка присела на корточки и постаралась точно скопировать рисунки, хотя сильно сомневалась в своих способностях. Они вдвоём ползали внутри звезды, и Келси старалась как можно тщательнее повторять то, что делала Виттл.

Девушка по-прежнему ожидала, что колдунья вот-вот откажется выполнять приказы Йонана, но та послушно следовала им. Может быть, подумала девушка, то, что они делают, на время приведёт к заключению перемирия.

Но Виттл так не считала. Закончив работу и встав — Келси стояла за ней, — колдунья вовсе не в улыбке показала Йонану свои пожелтевшие зубы.

— Итак, приманка готова, воин. И чего ты надеешься достигнуть, нарушив здесь равновесие?

— То, что ты и сама хочешь увидеть, как и я, — ответил юноша. — Я не сражаюсь вслепую, когда есть возможность увидеть противника.

— Увидишь! — усмехнулась она. — О, да, увидишь!

Келси, медленно поворачиваясь, принялась рассматривать окружающую их растительность. Она хоть и нелепая, но очень густая, и в ней можно незаметно подобраться к

самому краю открытого пространства. Девушка поверила, что теперь они стали приманкой.

Проходили минуты, Келси постепенно успокаивалась. Она не видела никакого движения, растительность оставалась прежней. И из реки ничего не появилось. Первой заговорила Виттл.

— Они знают, насколько мы беспомощны, — мрачно прошептала она. — Зачем им возиться с нами?

— Равновесие, — твёрдо ответил Йонан. — Равновесие. Терпеть в самом сердце своей крепости такое... — мечом он указал на звезду. Келси показалось, что свежий аромат илбейна разгоняет вонь подземной растительности.

Из дымки, нависшей над ручьём, показалось щупальце тумана. словно верёвка с грузом, которой Йонан ловил птиц, только эта полоска была нацелена на них. Она свернулась в воздухе, как хлыст, но едва коснувшись звезды, отпрянула.

Виттл опять испустила резкий хриплый звук — так она смеялась.

— Думаешь, это всё, что они могут послать против нас? — спросила она.

Йонан не ответил. Он наклонился и поднял с земли небольшой камешек. Подул на него, плюнул, растёр слюну большим пальцем. Потом трижды провёл камнем по металлу в рукояти своего меча и выкрикнул имя, которое Келси уже слышала.

— Найнутра!

И бросил камень в полоску тумана. Камень пролетел сквозь туман, тот на мгновение рассеялся, и Келси увидела, как камень упал в красную речку. Жидкость закипела, брызги разлетелись на ближайшие растения, которые тут же почернели и превратились в жидкую гниль. А туман вернулся к своему источнику.

— Детские игрушки! — сказала Виттл. — А кто такая Найнутра? Давно ушедшая Великая?

— Даже если она и ушла, — ответил Йонан, — то

оставила силу. И я служу леди, которая говорит иногда её голосом. И...

— Смотрите! — прервала его Келси.

Из реки в том месте, где упал камень, поднималось что-то. Девушка почувствовала страх и головокружение. Может, когда-то это и было живым, но сейчас это представало воплощением самой смерти. Полускелет, с обожжённой и прокипячённой плотью, оно было выброшено на берег, словно река послала одного из своих рабов спорить с пришельцами. Неужели это человек? Был когда-то человеком? Келси хотелось закрыть глаза, не видеть, но она не смогла.

Медленно, неуклюже оно поднялось на ноги и впервые повернуло ком головы в их направлении. И Келси увидела распухшие, разбухшие, но знакомые черты — Йонан!

И услышала, как Йонан рядом с ней прошептал:

— Урук! НЕТ!

А Виттл схватила свой камень и закричала:

— Мэйкизи!

Полуразложившееся лицо дёргалось и менялось. Келси увидела Дагону, затем Симона Трегарта. А спутники её давали всё новые имена этому кошмару.

Существо побрело на ногах-костях к звезде. Келси тоже вцепилась в свой камень. Сознание её отказывалось принимать такое. Неправда! Существо снова стало Йонаном, и Келси закричала:

— Нет! Неправда!

Не Йонан, не Дагона и не старший из Трегартов. Распадающаяся фигура обрела её собственное сожжённое лицо.

14

Существо раскачивалось на ногах-костях и продолжало приближаться; Келси закрыла лицо, но Виттл успела схватить её за руку, прежде чем девушка вышла за пределы звезды.

— Иллюзия! — прохрипела колдунья, хотя Келси видела, что Виттл сама едва удерживается от крика. — Они играют иллюзиями! — она протянула руку, нацелив камень на существо из ручья.

Не яркий луч, как раньше, а лишь небольшая светящаяся дымка появилась вокруг камня. А ужас продолжал приближаться. Йонан поднял меч. Но существо, подойдя к звезде, остановилось и начало переступать с ноги на ногу, словно наткнулось на непреодолимый барьер.

— Ага!.. — Виттл облегчённо вздохнула. — Пока древнее знание выдерживает!

Неуклюжая фигура двинулась направо, потом налево, как будто искала доступ к добыче. Келси казалось, что с каждым мгновением она становилась всё прочнее и материальнее. По-прежнему девушка видела собственное лицо, хотя теперь понимала, что остальные видят каждый своё. Существо задрожало, откинулось и бросилось вперёд, словно его подтолкнула в спину гигантская рука. И когда оно упало на один из лучей звезды, вспыхнул такой яркий свет, что Келси на несколько мгновений ослепла.

На месте упавшей фигуры теперь растекалась зловонная масса, она ещё слегка пошевеливалась, как будто сила, давшая ей псевдожизнь, по-прежнему посылала её вперёд. Но потом превратилась в жирный чёрный пепел. Однако эта масса прорвала крепость, воздвигнутую Йонаном, и Келси почувствовала, как холод мрака, через который она проходила, устремился в прорыв. Она ничего не видела, но холод охватывал её, окутывал, и какая-то липкая сеть сделала её беспомощной и неподвижной. Виттл рукой с камнем била по воздуху, Йонан размахивал рукоятью меча, держа его за лезвие. Но бесполезно.

Келси потеряла способность двигаться. Невидимая сеть теперь полностью сковала её, она не могла даже провести пальцем по поверхности своего камня. Келси видела, как рука Виттл упала, словно по ней сильно ударили. Перестал размахивать мечом Йонан. Они все оказались во власти

того, что прорвалось в пределы звезды. И тут, но вовсе не по своей воле, девушка начала трясти рукой с зажатой в ней цепью. Пальцы её, державшие цепь, не разжимались. Вперёд, назад — взмахи руки становились всё сильнее, цепь раскачивалась, но не падала. Мысленно Келси представила себе, как камень летит в ручей, тонет в нём. И она должна это сделать, чтобы спастись. Однако тут же девушка увидела другую картину: молодая волшебница умирает на склоне холма, называя своё тайное имя Келси. И рядом другая голова, голова дикой кошки; кошка рычит на МакАдамса, готовая сражаться за жизнь своих котят и за свободу.

Рука вращалась всё быстрее, от этого бешеного вращения уже болели мышцы. Келси чувствовала, как её руку дёргают, сгибают. Но цепь по-прежнему не расставалась с ней, словно превратилась в часть её тела, и теперь неизвестный враг мог только отрубить её с костью. Дважды Келси вскрикивала от приступов боли, несмотря на то, что обещала себе всё вытерпеть.

Виттл и Йонана она видела. Они стояли неподвижно, как статуи, и как будто не подвергались нападению. Может, то, что нападало на них, посчитало её самой слабой, готовой раньше других сдаться? Сквозь страх, охвативший девушку, когда уродливое существо вышло из ручья, пробился гнев. Он рос, переходя в ярость.

Келси теперь сознательно вызывала в памяти погибшую молодую колдунью. Она не могла позвать Виттл: вероятно, та сейчас тоже подвергалась нападению. Но Виттл обучена обращению с камнем, а Келси нет. Как кошка перед МакАдамсом, девушка зарычала и начала сражаться с неизвестным за обладание собственным телом.

Келси ощутила гнев и раздражение — не свои собственные, но исходящие от кого-то другого. И тут что-то ударило её в спину, бросило на колени, и она ощутила резкое зловоние — признак зла.

Кто-то крикнул, высоко и пронзительно, что-то удари-

ло девушку по голове, и она упала с тяжестью на спине. Гравий врезался в щёку, тело изгибалось под градом ударов. Руку схватили и весьма болезненно изогнули. Снова задрожало её запястье. Но цепь оставалась словно частью тела, и пальцы не разжимались. Келси попыталась сбросить с себя тяжесть, она умудрилась повернуть лицо и увидела, кто напал на неё — волосатый, похожий на пучок корней фас.

Слуга Сарнов держал её за руку. В тело впились острые зубы, Келси ощутила острую боль от укуса, но тут фас конвульсивно дёрнулся и упал рядом с ней, засучив конечностями, похожими на корни. Келси мельком увидела красные глаза на уродливой морде, они быстро затуманивались. Конечности вяло упали на гравий, перестали шевелиться.

Йонан — он вырвался на свободу и пустил в ход свой меч. Келси увидела Виттл, та по-прежнему стояла, глядя не на борьбу у своих ног, а на туман, затянувший реку, как будто ожидала оттуда нового нападения.

Келси попыталась встать. Холод по-прежнему цеплялся к ней, но нападение фаса не удалось, и теперь сеть словно разорвалась и остатки её распадались.

Девушка подтянула к себе руку и увидела, как следы зубов на запястье медленно заполняются кровью, кровь стекала по цепи и камню. Тело болело, но Келси медленно поднялась на колени, прижимая раненую руку к телу.

Йонан, как и Виттл, смотрел наружу. Но Келси увидела его лицо, не застывшее, как у колдуньи; он пытался поймать её взгляд. Йонан широко раскрыл рот, словно в воинском кличе, который она не могла услышать.

Девушка порывисто протянула окровавленную руку и прижала её к кольчуге на бедре воина — самому ближайшему к себе месту. Дрожь пробежала по телу Йонана, он повернул голову и посмотрел на Келси. И тут же наклонился, подхватил её и прижал к себе, отпихнув при этом мёртвого фаса. Может, Виттл и была ещё связана, но он явно освободился.

Йонан взял её раненую руку и тут же выронил, словно его ударили. То, что держало цепь и камень во время нападения, продолжало действовать. Йонан осторожно поднёс рукоять меча, прикоснулся к цепи.

Металл спокойно прорезал защиту, прошёл в завиток цепи и отвел её от раны, которая продолжала сильно кровоточить.

Келси ощутила, как в руке закололо, словно она отходила от паралича. Она пальцем коснулась цепи. При этом прикосновении рука её наконец разжалась, и девушка смогла перехватить цепь и камень другой рукой.

Когда она села, пульс в руке ощущался почти так же, как окружавшая их вибрация. Йонан перевязал ей руку обрывком одежды, вытряхнув из мешка на рану пыль от листьев илбейна, и положил руку ей на колени. Виттл замигала, повернула голову и посмотрела на них, как будто только что проснувшись. Йонан вытолкнул тело фаса за пределы звезды, снова начертил луч остриём меча, но травы для укрепления звезды у него больше не было.

— Ты не победил... — Виттл нарушила молчание, продолжавшееся с момента нападения фаса. — Это просто ложный выпад, чтобы испытать наши силы.

«И для этого выпада выбрали меня, — подумала Келси, — как самую слабую». Но не стала говорить этого вслух. Йонан, должно быть, догадался, о чём она думает, потому что сказал:

— Однако они послали фаса. Чего никогда бы не сделали, если бы считали, что могут справиться с нами одной волей и силой. Они...

Келси снова надела на шею цепь, камень лежал у неё на груди, рядом с раненой рукой.

— А кто они? — раньше она пыталась узнать это у Виттл, теперь спросила Йонана.

— Древние... может, даже Великий, привязанный к этой земле. Но он застрял, со всей своей силой, в чём-то таком, чего не может ни переварить, ни подчинить, — Йонан

снова начал прочерчивать линии звезды. — И вот в самом сердце его крепости... мы!

Виттл повернула голову. Лицо её было лишено выражения, но глаза сверкали. Обратилась она к Келси, игнорируя воина:

— Что в тебе есть такого, чужестранка, что ты так противостоишь Тьме? Какими силами ты обладаешь?

Келси покачала головой.

— Я об этой силе ничего не знаю. А они вернутся? — одну схватку она выдержала, но выдержит ли вторую?

— Как он сказал, — Виттл подбородком указала на Йонана, который стоял, слегка расставив ноги, словно готовился к схватке, внимательно глядя на туман над ручьём, — мы на территории, повелитель которой, кто бы он ни был, хочет нас уничтожить — или выгнать. Воин! — она чуть повысила свой скрипучий голос. — Смотри на свой меч. Худшее нам ещё предстоит. Что делает человек с куском грязи на обуви? Страхивает её. Может быть, тот, кто владеет этой крепостью, не может здесь пользоваться всей своей силой, иначе будет повреждена его крепость. Поэтому он просто стряхнёт нас...

И тут, словно её слова были заклинанием, туман на ручье вновь неожиданно изменился: расступился, обнажил берег, тот самый, куда прыгнула Келси, — и застыл в таком положении. Это было ясное приглашение уходить.

Уходить, чтобы с ними легче справились в одном из коридоров, которые отходят от этой пещеры? Запястье у Келси пульсировало, другой рукой она сжимала камень, который совсем потускнел.

Йонан медленно пошёл к тому месту, с которого произошло нападение зловонного существа из ручья. Он осторожно обогнул всё ещё подёргивающуюся массу, лежавшую на песке, и встал на самом краю ручья. И протянул рукоять меча к ближайшей поросли грибов.

Те зашевелились, отступили от магического металла. Виттл, словно не желая отставать, взмахнула своим кам-

нем, и слабое излучение точно так же подействовало на другое пузатое растение. Под рукой Келси её собственный камень стал чуть теплее.

— Можешь заглянуть вперёд? — Йонан повернулся к колдунье. — Может твой камень вывести нас отсюда?

Она пожала плечами.

— Кто знает? Но если останемся на месте, никогда не узнаем.

Келси прикусила губу. Покинуть этот единственный островок безопасности, пусть даже ненадёжный, — нет, она с этим не согласна. Теперь боль от запястья перешла на всю руку, медленно прокладывая себе дорогу в тело. Келси не была даже уверена, сможет ли снова встать и идти. Но колдунья, как бы доказывая силу своего колдовства, миновала Йонана, двинулась вперёд и, приподняв полы юбки, перепрыгнула через ручей. Йонан повернулся к Келси, протянул руку и снова поставил девушку на ноги.

— Она права, — сказал он. — Оставаться на месте и просто ждать, что ещё выплут против нас, глупо.

Келси позволила воину провести себя к краю ручья. Там она закрыла глаза в страхе, что из воды появится какой-нибудь новый ужас, прежде чем они последуют за колдуньей. Но они перебрались без всяких помех со стороны того, что здесь жило. Однако окончательно выйти наружу — это совсем другое дело, и в глубине души Келси сомневалась, что это им удастся. Они будут бродить по лабиринтам коридоров, пока голод и жажда не ослабят их, и тогда людей легко одолеет какой-то другой слуга Тьмы. Она хорошо помнила псов Сарнов и самих страшных всадников.

Виттл шла впереди и углубилась в одно из отверстий, прежде чем они догнали её. Боль, которая раньше жгла огнём, теперь сменилась оцепенением. Келси спотыкалась, но Йонан всегда готов был поддержать её.

В коридоре было темно, только разбросанные полоски растительности испускали слабый свет; но их становилось

всё меньше. Келси на ходу прислушивалась, уверенная, что скоро услышит звуки преследования, но пока до них ничего не доносилось. Может, их каким-то образом гонят к месту, где с ними легче будет справиться? Виттл безостановочно шла вперёд, уверенно делая выбор между проходами, но как она это делает, не объясняла.

Впереди появился свет — не красный блеск, не болезненное свечение грибов, нет, серый свет, пробивавшийся из-за угла. Йонан подвёл Келси туда, и неожиданно они оказались перед отверстием, Келси вскрикнула и отступила на два-три шага, иначе могла бы упасть.

Все трое выбрались на небольшую площадку, едва их вмещавшую. Они находились высоко в воздухе на краю монолита из красного камня. Келси здоровой рукой держалась за край отверстия, из которого они только что вышли. Но Йонан шагнул вперёд и заглянул вниз.

Через мгновение он вернулся. Виттл как будто снова погрузилась в мрачное настроение, когда её ничего не интересует.

— Мы на голове чудовища, — сообщил воин. — Нам нужно будет спуститься.

Келси, оберегая раненую руку, вспомнила, как возвышалась чудовищная голова над дорогой черепов. У неё нет никакой надежды спуститься. Неудивительно, что им дали беспрепятственно выйти. Она не сомневалась, что враг точно знает, где они находятся, и нарочно привёл их сюда. Да ведь любой фас, выскочивший из этого отверстия, легко сбросит их в пропасть. Не говоря уже о Сарнах и их огненных стрелах.

— Пути вниз нет, — тупо пробомотала она.

Йонан снова поднял её на ноги, не так мягко, как раньше.

— Путь есть! — говорил он настойчиво, чуть не кричал в уши.

— Смотри! — немного погода показал он.

Прямо под ними начинался выступ; время не пощадило

его, там виднелось множество углублений, за которые можно ухватиться. Пожалуй, если бы не больная рука, она могла бы спуститься. Но с одной рукой нечего даже и пытаться. Однако, похоже, Йонан и это учёл.

Прежде чем она смогла возразить, он расстегнул пряжку и снял свой пояс. Потом снова протянул к ней руку.

— Твой пояс! — потребовал юноша. Девушка попыталась одной рукой снять его, но он отвел её руку и сам расстегнул пряжку. Потом сцепил оба пояса вместе, проверил на колене крепость соединения. Сделал петлю, надел на здоровое плечо девушки и подвёл её краю.

— Спускайся!

Келси хотелось уйти с края, но она сжала зубы и упрямо поползла, на мгновение повиснув в пустоте, глядя не вниз, а только на камень перед собой; но вот наконец она упёрлась ногами в выступ на каменной голове чудовища и заглянула в отверстие его глаза. Отдёрнулась и постаралась держаться как можно дальше. Ибо ей показалось, что там, далеко внутри, мелькают отражения пламени, которое она видела в зале смерти.

Йонан ничего не сказал Виттл, но, очевидно, колдунья сама решила, что спуск возможен, и спустилась, держась руками за выступы. Но Йонан оказался внизу раньше её и начал опускать Келси дальше — на разбухшее плечо чудовища.

Она не могла вспомнить, сколько времени занял весь спуск, когда наконец, вся мокрая от пота, она оказалась на земле. Дважды девушка ударялась локтем больной руки, и от боли её чуть не вырвало; ей трудно было о чём-нибудь думать, когда после последнего спуска с согнутого колена чудовища она ощутила сухую землю под своими слабыми дрожащими ногами. Потом рядом с ней очутился Йонан, а затуманенными от слёз боли глазами Келси увидела спину Виттл: колдунья уходила, словно больше не была их спутницей.

Йонан помог Келси встать и повёл туда же, куда уходила

колдунья, ухватившись за пояс, который всё ещё свисал с плеча девушки. Когда боль немного отпускала, Келси ожидала в любое мгновение услышать хриплый лай собаки или возглас Сарна. Но ничего не было слышно.

Она повернулась к поддерживавшему её воину.

— Они нас не отпустят...

— Почему? — возразил он. — Им же нужно узнать, что ищет она, — Йонан кивком указал на шедшую впереди Виттл. — Почему бы не дать ей иллюзию свободы, и она сама отведёт их на место. Думаешь, их не интересует, почему мы бродим в дикой местности, в которую давно не заходили сторонники Света?

— Значит... ты считаешь, что они с нами играют? — Келси запнулась. Три мышки и сонная кошка, которая даёт добыче немного побегать, но потом неминуемо прижмёт лапой.

— Я думаю, отчасти это испытание. Но думаю также, что если бы они захотели, мы никогда не вышли бы живыми из этого места.

Келси пыталась не согласиться с этим мрачным ответом, но слишком очевидна была его логика. Они мыши, которым позволили убежать. И, конечно, отныне за ними будут пристально следить.

Однако, если Йонан и верил в свои слова, действовал он так, будто они сбежали по-настоящему, шёл быстро и помогал идти Келси. Девушка сознательно не оглядывалась, потому что мысленно видела, как сидящее чудовище неторопливо поднимается и идёт по их следу, готовое раздавить или схватить лапой.

Они подошли к зарослям — не грибам, как под землёй, а к густым колючим кустам; они росли так часто, что, казалось, прохода через кустарник нет и быть не может.

Но Виттл, не останавливаясь, взмахнула камнем, и он сверкнул так, словно никогда не бывал в подземных переходах; растительность задымалась, сморщилась и отступила.

Если колдунья тоже считала, что им позволили уйти, чтобы выследить их цель, она никак не показывала этого и не пыталась запутать след. Кусты быстро превращались в пепел и расступались перед ней, а воин и девушка шли за Виттл. Келси гадала, сколько времени она ещё продержится на ногах. Боль перешла с плеча на грудь, так что стало трудно дышать. Келси хотелось только лечь, закрыть глаза и погрузиться в чёрную пустоту.

Она не заметила, как густые колючие заросли сменились свежими зелёными кустами; на кустах даже росли ароматные цветы. Только теперь наконец-то девушка освободилась от зловония подземелья. Келси ни на что не обращала внимания, кроме боли в теле, и пришла в себя, лишь когда Йонан разжал руку и осторожно опустил девушку на землю.

Откуда-то доносился звук текущей воды — воды или огня? Келси пыталась убедить себя, что она больше не в пещере. Потом попыталась встать. Но Виттл заставила её снова лечь, колдунья склонилась над ней, и девушка ощутила такую боль, что опять погрузилась во тьму.

Какое-то время спустя она почувствовала невдалеке тепло костра. И поняла, что пояс больше не лежит на больной руке, а стягивает здоровую. Что-то прижало её больную руку и плечо к земле, она закричала от боли и сквозь слёзы увидела, как от костра приближается с мечом в руке Йонан.

Лезвие погрузилось в её запястье. И вслед за этим последовала не боль, но холод, ледяной холод, словно она лежит в сугробе снега и замерзает. Холод от руки распространялся по всему телу. Келси была в сознании, но тело ей не повиновалось. Она даже не могла сказать ни слова, чтобы облегчить эту пытку холодом.

Холод чуть отступил, и она ощутила возвращение огня и боли, особенно сильной, потому что вызвал её холод. Потом услышала слова, но они не имели для неё смысла.

— Яд распространяется... она умрёт... — это сказал

Йонан? Какая разница? Умрёт... Может, она уже умерла или стоит у самых врат смерти.

— Где твой камень, леди?..

— Он не для таких целей.

— Неужели? Ты дашь ей умереть, хотя знаешь, как много она значит для твоего поиска?

— Я могу искать одна...

— Этого требовал у тебя совет?

— Ты мужчина. Что знаешь ты о силе?

— Достаточно, чтобы понять, что её можно использовать по-разному, леди. И говорю тебе: используй её! Немедленно!

Снова холод, вернулось болезненное оцепенение, она падала с чудовища... и на дне её ожидала тьма.

15

Келси шла, вернее, брела, спотыкаясь, поддерживаемая сильной рукой. Иногда, напрягая взгляд, они различала впереди серую одежду. Но одежда ли это? Или шерсть? Поднятый кошачий хвост. Кошка, размером с пантеру, шла перед ней. Кошка... кошка была... и врата... и потом невероятные события, которые в глубине души она до сих пор никак не могла признать реальными. Девушка с огромными усилиями подняла руку. В руке нет цепи, зато запястье покрывают шрамы, которых раньше не было.

— Леди... — голос доносился словно издалека. Келси пыталась не слышать его. Просто нужно остановиться и отдохнуть.

— Леди! — звуки стали более хриплыми и напряжёнными. Она сделала огромное усилие, повернула голову и увидела лицо, полузакрытое боевым шлемом. Серая одежда впереди колыхнулась; тот, кто шёл в сером, повернулся к ней.

— Девушка! — в этом голосе не было заботы, только требовательность. — Посмотри на свой камень!

Откуда-то снизу, с её собственного тела, исходило слабое сияние. Келси опустила голову и увидела светящуюся точку у себя на груди. Потом машинально шевельнула рукой в шрамах, чтобы коснуться её. Огонь! Девушка тут же отдёргнула руку — она уже обжигалась раньше, больше не хочет.

— Нас преследуют, — слова эти, произнесённые рядом с нею, ничего не значили.

— Ты можешь помочь? Разве камень не помогает тому, кто носит его?

— Может быть. Но только если им владеют законно, а не так, как эта... — это кошка отвечает? Келси, в сущности, было всё равно. Оставили бы её в покое!

— Ос... тавь... те... меня... — каждое слово давалось ей с огромными усилиями.

Девушка покачнулась в руках того, кто вёл её, а кошка стояла, смотрела и не вмешивалась.

— Леди, очнись! Они идут по нашему следу, мы не хотим, чтобы нас догнали.

Она слепо протянула руку, положила её на камень и тут...

Она вновь стояла в зале со множеством колонн, хотя лишь немногие из них поддерживают крышу. Поверхность колонн покрывала сажа от старых костров. Но она пришла сюда не разглядывать эти развалины, она пришла потому, что должна была прийти. Что-то потянуло её ослабевшее тело. И снова вдалеке она слышала голоса, но звуки не имели для неё смысла:

— Куда она идёт?

— Отпусти её, глупец. Её тянет камень. Наша дорога там, куда она идёт.

Опять колонны, она проходила мимо них, но за ними вставали всё новые и новые, ряд за рядом уходили они вдаль, и она не видела конца своего пути между ними. Но вот путь её сузился до тропы между двумя рядами каменных деревьев, а за ними она увидела большие троны. Над

каждым тронном вилось облако дыма, вилось и вздымалось, словно обитатель трона не мог принять реальной формы. Но даже если эти обитатели хотели ей зла, они не пытались остановить её, заставить свернуть с пути. Келси продолжала идти с горящим камнем в руке, и ей ничего не оставалось делать, как только искать то, что должно быть найдено.

На сколько же миль протянулись эти ряды каменных столбов? Она могла идти и час, и день, а конца им всё не было видно. Теперь между колоннами сидели, скорчившись, странные гротескные звери, но ни один не грозил ей лапами или клыками, не останавливал её, и девушка продолжала идти. Пока не осознала, что больше не идёт среди колонн, — она...

Проснулась! Пробуждение было внезапным, словно она очнулась от удара. Она теперь знала, кто она... и кто эта женщина в серой одежде, идущая слева, и кто идёт рядом с ней и поддерживает на ходу. Стояла ночь; луна, начинающая убывать, ярко освещала землю и бросала кругом густые тени.

Они вышли из лесу, и шагали по открытой равнине, так что теперь должны быть хорошо видны тем, кто идёт за ними. Келси резко повернула голову, чтобы спросить, что они здесь делают...

Но она уже знала это. Она должна идти туда, куда ведёт её камень. Хотя девушка больше не держала камень в руке, тот, вися на цепи, тянул её вперёд, и она чувствовала, как трётся цепь о шею, словно стремится сорваться, освободиться, улететь вперёд, к тому, что её призывает.

А рядом растекалось сияние другого камня, того, который был у Виттл. Он тоже ожил, но не натягивал цепь, и Келси показалось, что и светился он слабее.

— Где мы? — спросила она, и голос её прозвучал неожиданно сильно.

Виттл почти неслышно ответила:

— Тропу выбрала ты, тебе и отвечать. Где мы? Мы шли целый день, а когда отдыхали, приходилось тебя удержи-

вать как беспокойную лошадь. И большую часть ночи мы тоже шли. А те, что охотятся, пока ещё нас не тронули. Пока. Ты не была обручена с камнем, почему же он у тебя такой живой? Я такого никогда не видела. Что ты с ним сделала, чужестранка?

— Ничего. Это сам камень...

— Нас всегда учили, — Виттл продолжала, словно не слыша слов Келси, — что когда умирает колдунья, умирает и сила её камня. Но Мэйкизи мертва, а ты, не имеющая на это права, владеешь камнем. Так не должно быть.

Келси хотелось поднять руку и, сорвав цепь с шеи, бросить её в океан высокой травы, по которой они теперь шли.

— Не я это выбрала... — тускло сказала она.

— Этого не должно...

— К чему слова? — вмешался Йонан. — Ты уже много раз говорила это. Не должно быть, но есть. Так признай это.

Колдунья повернула голову и гневно посмотрела мимо Келси на воина.

— Тише, мужчина! Что ваше племя знает о тайнах?

У Келси появилось воспоминание, но слабое. Как будто всё это произошло не с нею. О том, как её рану вскрывали металлом меча, как губы высасывали... потом холод камня на ране.

— Он спас мне жизнь, — сказала девушка, вспомнив недавнее. — А какая польза от твоих заклятий, Виттл? И я думаю, — она слегка нахмурилась, — что мы столкнулись с чем-то сильнее камней, — голову ей сгибало, камень продолжал тянуть вперёд, будто хотел освободиться. Но Келси смутно понимала, что если он исчезнет на найденной им тропе, она навсегда его потеряет. Даже камень колдуньи теперь светился ярче, он чуть приподнялся над её серым одеянием.

Море высокой, доходящей до колен травы впереди прерывалось. Там виднелось какое-то возвышение, но не

горы, а мягкие пологие холмы. Они шли прямо к этим покрытым тенями холмам.

Дважды из травы поднимались птицы и кружили над ними. Даже в тусклом свете ночи были отчётливо видны их чёрные и красные перья. И хотя они не нападали, Келси была уверена, что они принадлежат Тьме, может, разведчики Сарнов или чего-то им подобного. Но трое путников даже не пытались скрыться, они шли по открытой равнине прямо к холмам.

Виттл время от времени что-то говорила; судя по звукам, повторяла одни и те же слова. Йонан шёл молча, но всегда рядом с Келси, достаточно близко, чтобы подхватить её, если понадобится.

Лунный свет позволял чётко различать тёмное и светлое. Кое-где на равнине росли кусты, и Келси с опаской посматривала на них: ей казалось, что тени под ними — не тени кустов, что там что-то затаилось, невидимое, но подчиняющееся силе лунного света.

Когда на небе появились первые признаки рассвета, они обнаружили, что шагают уже не по девственной степи. Это, конечно, была не дорога черепов, но трава поредела, теперь она пробивалась на стыках плит белого камня, которые, несомненно, когда-то выстилали дорогу. И когда они ступили на эту дорогу, на которой многие камни были вывернуты и наклонены, Келси осознала кое-что ещё. Она не видела и не слышала, только чувствовала его — принуждение, ощущение, что она должна что-то сделать, причём сделать быстро. Это ощущение заполнило её, и она перешла на бег рысцей. Немного погодя Виттл и Йонан присоединились к ней.

Дорога вела в разрез в первом ряду холмов, и обе стороны этого прохода охраняли каменные столбы, грубо вырубленные; время совсем сгладило их поверхность, и на ней только местами угадывались рисунки или символы.

Когда Келси, опередив спутников, проходила между этими столбами, что-то глубоко внутри неё ожило, заше-

велилось. Это были не её воспоминания, но девушка подняла руки в приветствии на восток и на запад. Её охватывало всё большее возбуждение.

Дорога уходила дальше, теперь она была в лучшем состоянии, и меньше травы посягало на её поверхность. От столбов отходили линии круглых возвышений, закруглённых камней — не как стены, а скорее, как обозначения дороги. Дважды дорога поворачивала, вначале направо, потом налево. И тут путь им преградил большой холм. Келси направилась к нему, словно на привязи: её тянул камень. И легла на землю, раскинув руки, камень пылал у неё на груди; девушка прижалась к почве, словно хотела погрузиться в неё и там обнаружить то, что искала колдунья.

Келси повернула голову и посмотрела на Виттл. У той камень тоже отделился от тела, указывая прямо на холм.

— Под ним... или за ним... — в раздумье сказала колдунья.

Келси обнаружила, что пальцами роет землю и дёрн, копает яму, словно животное нору. Виттл присоединилась к ней. Но тут их обеих оттащили, и их место занял Йонан, он мечом принялся рубить корни многолетней травы. Металл сверкал в рукояти так, как Келси никогда ещё не видела.

Он рубил, копал, тянул и постепенно освободил от дёрна большой кусок переплетённой корнями земли. Под ним ясно виднелся в лучах рассвета камень, вымазанный землёй. Йонан продолжал работать, и вот весь камень, большой, размером с дверь, предстал перед ними.

Келси невольно вскрикнула. Её подтащило к этой двери, бросило на колени, и сверкающий камень прижался к тому месту, где обычно помещается дверной замок. Девушка пыталась закрыть лицо, защититься от грубой жёсткой поверхности, а её камень начал медленно поворачиваться, поворачиваться направо, одновременно скручивая цепь. Келси начала задыхаться, словно ее казнили удав-

кой... Она просунула ладони между горлом и этой удушающей цепью, но не могла удержать её или разорвать, как не могла оторвать намертво прилипшие друг к другу камни.

Задыхаясь, она позвала на помощь, Йонан тут же оказался рядом и быстро просунул под цепь свой кинжал. Келси уже не могла дышать, когда ему удалось порвать цепь. Девушка упала, растирая горло и набирая полные лёгкие воздуха. И тут же увидела, что Виттл на коленях заняла её место. И теперь её камень прижался к двери, её цепь начала поворачиваться.

Но колдунья извлекла урок из опыта Келси, она успела снять цепь с шеи и теперь держала её в руке, чтобы не задохнуться. Сверху донизу, как стрелка часов, двигался по поверхности двери один камень, второй следовал за ним. Они ослепительно сверкали, и Келси, не в силах смотреть, заслонила глаза.

Послышался звук всасываемого воздуха, затем глухой скрежет. Йонан, руки которого по-прежнему лежали на плечах Келси, быстро оттащил девушку в сторону, она встала и только тогда осмелилась взглянуть сквозь пальцы. Отверстие. Каменная плита отошла в сторону, но не совсем, и за ней, несмотря на свет дня в долине, царила сплошная чернота.

— Они ищут то, что можно найти здесь, — Виттл на коленях подползла ближе. — Мы пришли и нашли утраченное!

Колдунья подняла руки, провела их сквозь сияние двух камней, и её камень отсоединился от плиты и упал ей в руку. Келси неохотно последовала её примеру и теперь снова держала на порванной цепи свой камень.

Если тут и находилась дверь, время почти закрыло её, и трое напрягали все силы, пытаясь ещё хоть немного отодвинуть плиту. Наконец Виттл удалось протиснуться между плитой и рамой, в которую она была вделана. Камень Келси снова поднялся и прямой линией цепи

указывал на ту же щель. И она была уверена, что он не позволит ей сделать ни шагу в сторону. Её тело, ноги двигались словно вопреки воле, и хотя девушке очень хотелось вцепиться в дверь, выпустить цепь с её опасным грузом, выбора у неё не было, пальцы не разжимались и не выпускали цепи.

Вслед за Виттл она протиснулась в щель и, услышав скрежет металла о камень, поняла, что Йонан пробрался за нею. Впереди она видела сверкающие точки и серое платье колдуньи, но где она шла, сказать не могла. Только снова ощутила ледяной холод, который уже привыкла связывать с Тьмой и местами, где она обитает.

Пахло землёй, камнем и чем-то ещё — а вскоре появилось ощущение, словно они не одни, что кто-то наблюдает за ними, не с угрозой, не благожелательно, не с доброй или злой волей — а равнодушно, словно не вполне проснувшись.

Виттл неожиданно выпрямилась, и Келси увидела первую грубо вырубленную лестницу. Они пошли по ней. Оба камня светились, но их свет ограничивался темнотой, в которой скрывались стены прохода и то, что находилось впереди. Потом они оказались в коридоре, таком же, как и предыдущий, но в его дальнем конце мерцал слабый свет — не свет камней, а дневной.

И вот они вышли на широкий карниз и увидели под собой местность, казалось, совершенно опустошённую. Вначале Келси подумала, что они стоят над лесом, деревья которого лишены кем-то ветвей и листьев, так что торчат одни стволы, как сломанные зубы. Но потом поняла, что это каменные столбы во вмятинах, хотя никаких следов крыши, которую они когда-то поддерживали, не сохранилось. Только серо-белые ряды закруглённых колонн.

От карниза отходила длинная лестница с сильно изъеденными временем ступенями; она без всякого ограждения шла вдоль стены пропасти, и Виттл уже сделала первые шаги по ней, уверенно направляясь вниз. Келси ничего не

оставалось, как последовать за ней, потому что камень в её руке повернулся и указал в направлении странных развалин вниз.

Развалины целиком занимали довольно большую треугольную долину. Путники находились в узком конце треугольника. Келси догадывалась, что когда-то здесь находилось очень важное сооружение: храм, дворец, крепость — что угодно.

С лестницы они вышли на площадь, вокруг которой рядами стояли колонны. Покрытие площади было не серого цвета, как у камней обрыва позади, а голубого, почти зелёного, так что с расстояния можно было подумать, что это свежий дёрн. Площадь была испещрена ярко-голубыми знаками и символами, которые образовывали сложные арабески под ногами, хотя местами их скрывала нанесённая ветром почва. На почве не было видно никаких следов, ни признака того, что тут в прошлые годы кто-то побывал.

И снова Келси не нашла ни следа Тьмы, ледящей тело и душу. Вообще ничего, только смутное ощущение чего-то крепко спавшего; но при их появлении оно начало просыпаться. И если бы собственное тело повиновалось девушке, она побежала бы вверх по лестнице, потом в проход и вернулась бы в нормальный мир — более нормальный, чем этот.

Но если у неё появились подозрения, то колдунья, очевидно, их не разделяла. Она восхищённо, с выражением ожидания на лице шла вперёд. Так они прошли по одному проходу между колоннами, Виттл впереди, Келси за ней, Йонан последним. Воин держал меч в руке наготове — либо привык полагаться на металл в рукояти, либо ожидал, что рано или поздно они столкнутся с противодействием.

Между колоннами было видно, как раздвигаются стены долины; а порядок расположения столбов говорил о том, что некогда они занимали всю долину. И здесь не ощуща-

лось никакой вибрации, в отличие от жилища чудовища, вообще никаких следов жизни. Пока они не отошли на приличное расстояние от того места, где спустились в долину.

Впереди поперёк дороги поверх голубоватого камня лежала полоска почвы. Виттл не намерена была останавливаться, но Йонан опередил Келси и схватил колдунью за широкий рукав платья, заставив её резко остановиться. И острием меча указал на полоску почвы.

На ней глубоко отпечатались следы. Келси подумала, что наиболее отчётливы были следы босых ног, напоминавших человеческие. Они перекрывали другие, более старые следы. Виттл попыталась вырваться из хватки Йонана, резко рванув руку. Выражение ожидания покинуло её лицо, оно стало гневным.

— Что ты делаешь? — её резкий голос эхом отразился от множества колонн.

— Смотри! — Йонан снова указал на следы. — Эти следы свежие, видишь, как по краям обваливается почва? Мы здесь не одни, леди. Ты хочешь идти вперёд и без предупреждения встретиться с тем, что нас поджидает?

Она жестом указала на проход в столбах.

— Ты хочешь удержать нас, воин? Снова говорю тебе: не вмешивайся в дела, которые не способен понять ни один мужчина.

— Возможно, мы понимаем больше, чем ты думаешь, колдунья, — гневно ответил он. — Разве ты не согласилась, что нас отпустили, чтобы проследить, что тебе так нужно? Найти источник истинной силы? И если нас ждёт впереди ловушка, надо быть поосторожнее.

Виттл, сжимавшая свой камень в руках, теперь поднесла его ко рту и подышала на него. Губы её зашевелились, но слов не было слышно — Келси решила, что это какой-то очередной магический ритуал. Камень засветился ярче, а окружавшая его светлая дымка исчезла. И Келси показалось, что вместо камня Виттл держит полную горсть воды и размышляет над ней.

Её собственный камень тоже изменился, и она торопливо осмотрела его. Раньше свет его был белым с голубоватым оттенком, теперь стал синим — чистым и приветливым, как небо середины лета, безоблачное и обещающее прекрасный день. Но тут появилась тень, и Келси ясно увидела дикую кошку с двумя котятками и детёнышем снежной кошки. Они лежали на камне в лучах солнца, и кошка вылизывала своих трёх детёнышей, удовлетворённо урча. Но вот она открыла глаза и встала, словно ощутила на себе взгляд Келси. И тут изображение дрогнуло и исчезло.

Кошка? Какое отношение имеет теперь к ней дикая кошка? Келси вспомнила, что её камень — не прямой дар умирающей колдуньи, что он перешёл к ней при посредничестве кошки. И... она взглянула на следы на почве. Да! Теперь она ясно их видела. До этого босоногого здесь проходила кошачья семья. Кошка... Девушка ни разу не видела кошек в этом мире, кроме той, которая вовлекла её в это дикое приключение. Друзья... она вспомнила рассказы и предания своего мира о том, что кошки всегда сопровождали тех, кого в прошлом считали ведьмами. Но какое отношение кошка имеет к этому месту?

Виттл оторвала взгляд от своего камня.

— Тут ни следа Тьмы! — торжествуя воскликнула она.

— А есть ли следы Света? — возразил Йонан.

Колдунья колебалась, как будто раздумывала, сказать ли правду или солгать ради какой-то выгоды. Потом неохотно признала:

— Тоже нет.

— Но как же сила? — настаивал воин. Виттл с ненавистью взглянула на него.

— Сила есть — сила, которая может существовать без Света и Тьмы, — Келси показалось, что Виттл сама себя подбадривает. — Многие Великие не приняли ничью сторону, они стремились только к знанию. В наших

записях рассказывается о таких. Теперь мы, должно быть, приближаемся к месту, где сосредоточена такая сила. И если мы доберёмся до неё, — глаза колдуньи блеснули, слюна выступила в углах тонкогубого рта, — то сможем использовать ради Света. Но если Тьма доберётся первой...

— Тогда, по-твоему, всё потеряно? Но ведь кто-то уже искал эту силу, судя по следам, — и Йонан вторично указал остриём меча на следы.

Виттл склонилась над участком почвы и позволила цепи низко провиснуть, почти коснувшись потревоженной поверхности земли. Цвет камня не изменился, камень не раскачивался, он по-прежнему лишь указывал вперёд.

Колдунья злобно улыбнулась.

— Видишь, воин? Никакого вреда нет.

Однако Йонан не спрятал меч, но ответил ей взглядом на взгляд.

— Не сомневаюсь в силе — ни в твоей, ни в силе Тьмы, которую мы оставили позади. Но запомни: мы можем встретиться с тем, о чём не сказано даже в свитках Лормта. И лучше быть осторожнее...

— Ну и будь осторожен! — выпалила она. — Мужчина может делать только то, что ему говорят. И тебе будет сказано в своё время!

И Виттл нарочно наступила прямо на след босой ноги и пошла дальше.

16

Ряд колонн неожиданно кончился, хотя по другую сторону провала, перед которым они оказались, Келси видела уходящие на бесконечные мили застывшие каменные столбы. Но моста не было. Виттл, которая больше смотрела на свой камень, чем под ноги, покачнулась на самом краю обрыва. Йонан еле успел подхватить её.

Они стояли и смотрели вниз, на другой мир. А может, это был знакомый им мир, и они просто высоко вознеслись

над ним? Может, теперь они гиганты, с огромными телами, со зрением, охватывающим весь мир, они могут перешагнуть через него несколькими сокрушительными шагами? Потому что внизу они увидели миниатюрный ландшафт, и секунду спустя Йонан опустился на колени и наклонился над краем.

— Долина! — воскликнул он. — И за горами на западе Эсткарп... Эскор!

Виттл выпустила камень, или он сам вырвался у неё... Глаза колдуны ослепительно горели на худом лице.

— Лормт... Эс...

Действительно, здесь был весь их мир в миниатюре. Горы, высокие вершины, текущие реки, озёра, крепости и деревни, один или два города, леса и поляны, равнины и высокогорья. Круги камней и другие воздвигнутые человеком памятники... А может, не только человеком. И всё это казалось сосредоточенным вокруг колоссального здания в центре миниатюрного ландшафта, здания без крыши, открытого небу, которое наверняка было тем самым сооружением, где они сейчас пребывали. И то здание раскалывала ещё одна — своя — полость, и в ней виднелся ещё один миниатюрный мир, но гораздо меньше, однако тоже с долиной, полной колонн, и с пролегающей меж них дорогой.

Келси потрясла головой, чтобы избавиться от головокружения. Очень похоже на загадочный рисунок, в котором заключён другой такой же рисунок, а в нём третий, и так далее, пока рисунок не превращается в неразличимую точку. Думая об этом, она машинально подняла голову, чтобы увидеть, не поднимаются ли за горизонтом вокруг них стены. Может, и они в свою очередь — только часть большего мира?

Камни — и её, и Виттл, — натянув цепи, зависли над этим миниатюрным миром и бешено вырывались. Словно ожили и обрели непостижимую цель. Не в силах удержать, Келси выпустила свой. Оно пронёсся над малым миром и

повис над маленьким храмом с колоннами, над вторым маленьким миром, и к нему из центра того мира устремился луч света. Камень превратился в солнце, горящее нестерпимо ярко, и Келси вынуждена была прикрыть глаза. Виттл, сознательно или из-за неосторожности, тоже выпустила свой камень, и он полетел вслед за первым. И тут же вспыхнул новый свет — но не в миниатюрном мире, а у них над головой, рассыпая поток радужных кристаллов. Хотя ни один не упал на людей и не причинил им никакого вреда.

Послышался звон, словно кристалл бился на ветру о кристалл. Нет, это была музыка, полная радости, и Келси с восторгом слушала её. Но постепенно музыка становилась всё серьезнее. Над маленьким миром пронесли тени. Там и тут на месте света появлялась тьма, она всё больше сгущалась. И наконец треть маленького мира оказалась в тени. А хрустальная музыка становилась всё более и более суровой и мрачной.

Келси обнаружила, что вытянула перед собой руки, словно желая стереть ближайшие тени, снова пробудить ослепительный свет. И поняла, что больше не отличает свой камень от камня Виттл, они соединились и образовали шар, сражающийся с тенями, выбрасывая во все стороны пучки лучей света. Вскоре этот свет полностью освободил от теней второй миниатюрный мир — тогда и в первом тьма уменьшилась, хотя Келси видела, что там тени по-прежнему пытаются захватить пространство.

Келси стояла на коленях, и из уст её полились слова, которые могли бы быть заклинанием или песней. И мелодия эта совпадала со звоном кристаллов:

*От Света ко Тьме,
От Тьмы к Свету,
После дня наступает ночь,
Но после ночи снова приходит утро,
И вопреки страхам просыпается надежда!*

Келси видела, как Виттл вытянула вперёд руки, пытаясь вернуть свой камень, но тот не возвращался. Слезы, которые девушка никак не ожидала увидеть на лице колдуньи, покатились из её глаз и смочили серое одеяние.

Келси тоже ощущала потерю, такую горькую, что затмилось всё великолепие увиденного зрелища. Пение её сменилось всхлипыванием. Однако она не протянула руки к тому, чего никогда не хотела, хотя это и стало здесь частью её самой.

Тем временем поле битвы между Светом и Тьмой очертилось более чётко, одна часть мира внизу оказалась отрезанной от другой. Тёмные участки становились всё темнее. Но камни, которые образовали солнце этого мира, продолжали вращаться. И там, где падали их искры, Тьма отступала. Но хотя они продолжали вращаться, деревни пустели и превращались в руины, изменялась сама форма некогда цветущей страны. Горы танцевали под звуки музыки кристаллов, они трансформировались и меняли свои очертания. И только кое-где, чистый и яркий, удерживался свет.

Келси понимала, что видит, как решается судьба мира. Но людей она не видела — только циклическое усиление и ослабление света от камней. И чем быстрее вращались камни, тем ярче становился их свет.

Келси приободрилась, увидев, как отступила одна тень, а другая разбилась на части, с которыми будет легче справиться.

А потом...

С противоположного края пропасти от колонн пронёсся яростный красный луч и ударил во вращающиеся камни. Их ясный блеск затуманился: белое и золотое стало красным и тёмным. Тени на поверхности мира приободрились, собрались, распространились, поглощая всё больше и больше поверхности. Келси закричала: она поняла, что теряет свой камень и открывает дорогу Тьме, которая тут же жадно ухватится за предоставившуюся возможность.

Она опасно склонилась над миниатюрным миром и попыталась дотянуться до своего камня или хотя бы до конца летящей цепи. Но не смогла. И тут девушка услышала крик Виттл и увидела, как колдунья упала на краю провала, свесив одну руку вниз, к горам.

— Ко мне! — крикнула ли это Келси или послала призыв сознанием? Как и раньше, она всю свою силу направила во вращающиеся камни. Камень не принадлежит ей, как никогда не принадлежал по праву, но он служил ей раньше, и она не хотела, чтобы он исчез во тьме и поражении.

Девушка устремила к нему свою мысль, всю свою волю. Ведь она видела, как вращение камня несло в мир свет и радость, и решила сохранить в сознании эту картину, что бы ни произошло. Он должен вращаться, потому что если остановится, вся его сила перейдёт ко Тьме, и Тьма стократно усилится от такого пиршества. Девушка направляла волю... посылала её...

На плечо ей легла рука, и она ощутила прилив новых сил. Девушка почти ничего не видела, напряжённо следя за вращением, и только потом она поняла, что это Йонан встал между ней и колдуньей, положив правую руку ей на плечо, а левую — на плечо Виттл. От него исходили волны энергии, Келси улавливала и концентрировала её — а затем пересылала к камню! Но какая-то маленькая и далёкая её частичка при этом удивлялась: что она делает и откуда знает, что нужно делать?

Гневный красный луч всё больше и больше поглощал ясный свет камней. Рука с её плеча внезапно исчезла, связь разорвалась, поток энергии прекратился. Обернувшись, Келси увидела, как Йонан побежал, огибая провал, — он направлялся к источнику красного луча. Музыкальный звон кристаллов, начавшийся со встречи камней, всё больше заглушался глухими ударами, похожими на дрожь в подземелье, на бой барабанов фасов. Но девушка по-прежнему пыталась поддержать жизнь камней, передать им свою волю.

Виттл пошевелилась, приподнялась на руках. Лицо её осунулось, она словно постарела на несколько десятков лет, пока лежала здесь. Снова губы её беззвучно шевельнулись, и Келси подумала, что она повторяет ритуал — часть своего колдовского обучения.

Послышался отдалённый крик, звон оружия. Йонан — он, должно быть, добрался до врага! Но Келси не понимала, что он может сделать. Тем не менее крик перекрыл звуки барабанов...

— Глайдис! Найнутра!

А Виттл, стоя на коленях, воскликнула:

— Волей Ланга, силой Триси, памятью Яндерота!

Эти имена не имели для Келси никакого смысла, она только упрямо держалась за свою решимость не сдаваться. И снова какая-то маленькая частичка её удивилась, почему ей так важно победить. Что для неё этот мир? Но остальная часть дрожала и гневно отшатывалась, когда она видела, как растёт тень.

Но растёт ли она? Девушка увидела, как полоска тьмы, протянувшаяся к мысу на берегу странного светлого моря, была как будто сметена чьей-то волей. А на мысе засияла ярко-голубая искра. Ближе к ней горел и другой голубой огонь, горел сильно, ярко и чисто. Двойное солнце — камни — продолжало вращаться, и красноватый туман вокруг него постепенно рассеивался.

Келси сконцентрировалась на развернувшемся перед ней действии и постаралась изгнать из сознания звуки битвы, доносившиеся с другой стороны провала, в котором размещался миниатюрный мир. Это люди призывают своих богов, свои силы. А ей что призвать? Только то, что заключено в ней самой.

Она зарычала, не сознавая этого, в ней разгорался глубокий гнев — гнев, которого она не понимала, но который распалил её, как во время столкновения, когда она проникла через врата. Как девушка не хотела стать свидетельницей гибели животного, так же теперь она не

хочет видеть гибель мира. Потому что этот миниатюрный мир внизу стал для неё таким же реальным, как и тот, что окружал её за колоннами.

НЕТ! Она не обращалась с мольбой к богам, не испускала воинственных криков, просто вливала свою волю в камни. Может, Виттл поступала так же, потому что теперь камни вращались так быстро, что образовали сплошное огненное кольцо. Красный луч бестолково плясал рядом, но не мог прорвать это сияние, подчинить его.

Теперь крик раздался справа. Должно быть, Йонана потеснили превосходящие силы. Но красный луч начал пульсировать, сила его прерывалась и разрывалась время от времени. Когда наступит очередной перерыв... надо будет использовать всю волю, до конца! Келси так и поступила.

Красный луч больше не пытался достичь камней, он устремился прямо в миниатюрный мир в поисках той голубой искры у моря... и других по всей земле. Камни сверкнули ещё ярче, с них в свою очередь сорвались искры и начали действовать. Они разлетелись по всему миру, и там, где они ударили, вспыхивали новые голубые огни. Тени отшатывались от них, они заметались, пытаясь погасить искры, прежде чем те зажгут новые огни.

Звон мечей прервал её наблюдения. Келси, несмотря на всю свою сосредоточенность, посмотрела направо. Йонана оттесняли назад, к ним. С юношей сражались две человекоподобные фигуры и существо, которое могло возникнуть только в жутком кошмаре. Но Йонан уверенно парировал вражеские выпады и наносил удары сам, словно ему не раз в прошлом приходилось воздвигать такую стену из стали.

— Камень... держи... камень! — Виттл оторвалась от своего пения и подползла к Келси, протянув вперёд руку с согнутыми пальцами.

Да, камень! Келси снова обратилась к битве, развёртывавшейся над миром в пропасти. И собственная

неосторожность заставила её ахнуть. Потому что теперь один из камней вращался всё медленнее и медленнее, к тому же он прекратил испускать искры, зажигающие огни внизу. Красный же луч больше не гасил голубые огоньки, он устремился прямо туда, где были они с Виттл.

И первым впечатлением девушки было, что её с головой окунули в волну жидкой грязи. Всё жестокое, неправильное, грязное в ней самой отозвалось на этот красный луч. Все мелкие проступки, все злые слова, какие она могла только вспомнить, все ошибки и сомнения — всё это почти поглотило её. Что она делает, рискуя жизнью, а может, и не только ею, в этой битве? У неё же нет никаких причин защищать мир, в котором она не родилась, с которым её ничто не связывает. Камень, который она так берегла, принадлежал умершей женщине, уже пострадавшей из-за своей глупости, и Келси готова была повторить её судьбу.

У неё нет сил, какими хвастаются Виттл и остальные здесь. Что же она делает?

Та малая часть сознания девушки, которая все эти дни и ночи пути сомневалась и насмеялась, вышла наружу. Ей требовалось только встать, разорвать непрочную связь с камнем, и она уйдёт отсюда свободной — нет, не просто свободной, те, что на той стороне, предлагали дары...

И какие дары! Кто знает, может, они и увлекли бы её, но в своём подкупе они зашли слишком далеко. Если она ничего не делает такого, что им вредит, почему они предлагают ей всё это, а не просто дают возможность уйти? Келси затрясла головой, пытаясь стряхнуть мысленные картины, теперь отнюдь не смутные и мимолётные. Они больше не касались только её мыслей и страхов. Картины сменялись так быстро, что она не могла ухватиться за них, различить подробности.

Она хочет править — её ждёт трон. Хочет сокоровищ — всплыли груды драгоценностей. Хочет отомстить — замелькали жестокие и кровавые картины. Или она хочет получить этот мир в свою власть, играть им, изменять по своей прихоти, определять его судьбу...

Воля Келси восстала и устремилась к совсем уже медленно вращающемуся камню. Она не колдунья, свою силу она получила из вторых рук. Но она не хочет того, что ей предлагают. Она хочет только, чтобы это кончилось, хочет положить конец этому красному пламени, которое окружило её, стремясь переманить на свою сторону.

Она не знала, испытала ли Виттл такое же искушение, хотя была уверена, что второй камень тоже в какое-то мгновение дрогнул. Но колдунья давно готовилась к таким схваткам. А не может быть так, что те, кто набросил на неё сеть соблазнов, создавали её для людей этого мира, поэтому то, что Келси не родилась в нём, не слабость её, а сила?

Камни продолжали вращаться, а красный луч сомкнулся вокруг женщин. Теперь он преследовал не только сознание: стало так жарко, словно девушка погрузилась в пламя. Зато боль от этого жара позволила ей окончательно преодолеть искушение. Она сжала зубы и мысленно держалась за камень, сконцентрировав на нём всю свою волю. Может, у неё и нет той силы, о которой постоянно говорит Виттл. Но то, что использует она, по-своему так же сильно и прочно.

Вращение больше не прерывалось, наоборот, оно ускорилось, и снова полетели искры, даже более яркие. Внизу, в миниатюрном мире, тени отступили. На вновь освобождённых землях тут и там вспыхивали голубые огни. Келси чувствовала, как красный луч постепенно стягивает петлю вокруг неё; девушка знала, что он не только продолжает борьбу с камнями: в последнем отчаянном усилии луч бросился прямо на неё. Она могла бы закричать под ударом, но не закричала — и, к своему собственному удивлению, продолжала держаться. В это же время Келси увидела, как Виттл начала подниматься, повернувшись лицом к вращающимся камням.

Неожиданно для самой себя Келси, вместо того чтобы просто держаться, попыталась нанести ответный удар, направить пучки этих очищающих голубых искр на те

части страны, где сосредоточились самые густые тени. Голубые огни повсюду усиливались, распространяясь всё шире. Вот! Радостное возбуждение охватило девушку: она действительно направила искру туда, куда хотела, и, хотя тьма и ослабила её, искра не погасла. Она осталась! А рядом вспыхнула другая.

— Найнугра! — Келси больше не решалась нарушить своей соредоточенности, но чувствовала, что Йонана теснят к ним. Несколько валявшихся фигур, человеческих и чудовищных, обозначали путь его отступления, а бок его кольчуги был покрыт кровью. Но он продолжал выигрывать для них время. Время для чего? Сколько ещё времени смогут они удерживать свои камни и отбрасывать порождения Тьмы? Нет, любое сомнение ослабляет контроль, она должна быть сосредоточена только на вращении над миром в пропасти.

Красная дымка вокруг сгущалась. Йонана больше не было видно, даже Виттл казалась лишь тенью в кровавом тумане. Но туман не мог скрыть ни вспышек камней, ни отступление теней от света.

«Умри!»

Возможно, приказ был обращён только её мозгу, но отозвался в каждой кости. На мгновение красный туман ослабил схватку с камнями и устремился туда, где в этой необычной дуэли участвовали Келси и Виттл.

«Умри!»

Девушка судорожно хватала ртом воздух, но лёгкие заполнились пламенным газом. Это иллюзия, провозглашала какая-то часть её сознания. Это оружие тени — а вот и её оружие — вот оно!

Келси уцепилась мыслью за камень, не в силах разглядеть его сквозь сгустившийся туман. Держаться, только держаться...

Помимо её собственной воли, действовал и другой приказ. Сражайся! Нацеливай силу камней не на землю, которую защищаешь, а прямо на красный луч! Наноси

удары сама! Камень отозвался на этот импульс. Он больше не плёл защитную сеть над миром, напротив, повернулся на оси и устремился сам прямо на красный луч. Словно Келси из всех сил бросила его. Послышался воющий звук, он становился всё выше и выше, пока девушка не перестала его слышать, но он продолжал отзываться во всём её теле.

А камень Виттл оставался на месте, вот только он больше не рассылал порождающие жизнь искры, и тени снова начали собираться. Звезда, в которую превратился камень Келси, продолжала свой полёт. Глазом её невозможно было уже увидеть, но мысленно девушка следила за её яростным натиском. Жар вокруг девушки начал слабеть — видимо, тот, кто послал его, отзывал назад силы, готовился к последней битве. Келси больше не колебалась. Напротив, она испытывала гордость и возбуждение. Как будто, продолжив схватку с врагом, определила и свою судьбу.

— Найнутра! — снова в красном тумане послышался боевой клич Йонана, теперь как будто чуть дальше. Келси скорчилась, по-прежнему сосредоточивая всю силу воли на исчезнувшем из виду камне.

И тут Келси увидела ослепительное видение и поражённо замигала. На другом краю провала появилась одинокая фигура. Девушка не могла видеть её ясно, но мысленно хорошо представила себе сверкающее белое тело, которое изгибалось в каком-то странном церемонном танце. И когда фигура касалась земли ногами, оттуда поднимались новые волны красного тумана и устремлялись к лучу. Но камень уже долетел туда и повис над головой танцора.

В этот момент Келси и бросила вперёд всю силу воли. Камень остановился и начал вращаться, как раньше, над миниатюрным миром. Келси не видела его: вокруг поднялись новые клубы красного тумана. Но она почувствовала: танцор не ожидал этого, теперь он должен отозвать силы луча для самозащиты. А она не должна позволить ему

этого. И как девушка недавно приказывала искрам рассыпаться над миром внизу, так сейчас она вызывала их из камня в том месте, которое слуга Тени считал безопасным для себя. Вокруг — вот так! Снова вокруг!

Она чувствовала, как огонь прожигает её до самых костей, но что-то не позволяло ей отступить от маленького солнца, которое сражалось где-то там, невидимо для неё.оборот — искры — искры! Вот так!

Первые искры вылетели из сияния, окружившего камень. Ноги танцора задвигались по-новому, ему же нельзя позволять это! Ещё одна искра — и танцор застыл на мгновение. Он дрогнул! Пора!

Изю всех сил, какие только могла собрать, Келси нанеся второй удар. И, наверное, последний. Красный туман так плотно окутывал её, что она чувствовала себя полностью оторванной от реального мира, навечно заключённой в эту пытку. Может, мысленная картина, которую она видела, — тоже иллюзия? А её просто обманывают?

Луч, сомкнувшийся вокруг Келси, дрогнул. Дрогнул ещё раз. Она смогла даже вздохнуть без боли в горле и лёгких! Девушка приободрилась. Точно! Танцор потерял уверенность в себе — всё больше искр! — не таких больших и ярких, как те, что рассыпались на мир в провале, но они разрывали сеть, окружавшую танцора, нарушали рисунок его танца. Пора!

Келси резко бросилась влево, перекатилась через камень, ударилась о Виттл и схватилась рукой за костлявое плечо колдуньи.

— Дай мне силу! — может, Келси и не крикнула голосом, но всё тело её выражало этот приказ. И, наверное, сама неожиданность заставила Виттл подчиниться. Через руку в девушку устремился поток силы, и камень в мысленной картине начал раскачиваться всё шире, следуя за танцором и испуская целые потоки искр, которые уверенно били вниз.

Келси словно раздувалась, выходя за пределы своего тела. То, что передавала ей Виттл, было так велико, что она не могла удержать это в себе, силу следовало направить на оружие другого мира, которого она до сих пор не видела.

Красная дымка вокруг начала постепенно рассеиваться; теперь девушка хорошо видела колдунью, но сама Виттл даже не повернула головы и вообще никак не показала, что видит Келси. Взгляд Виттл был устремлён над провалом. Там, в тусклом красном тумане, всё ещё висел её собственный камень. Он вращался теперь не так быстро, скорее просто раскачивался, словно лишившись поддержки.

Но Келси было всё равно — битва продолжалась, и они должны были победить танцора и сгущавшиеся в малом мире тени.

— Передавай! Посылай! — требовала девушка. — Дай силу...

Она по-прежнему чувствовала приток силы, но тот постепенно слабел. Мысленная картина танцора становилась всё более тусклой, и наконец девушка вообще не была больше уверена, что видит его. А вдруг их заманили в ловушку, лишили обоих камней и оставили малый мир открытым для вторжения Тьмы?

17

Тьма, полная дыма, удушающая чернота, в которой по-прежнему двигался танцор, хотя движения его были полны отчаяния. А потом — ничего...

Келси открыла глаза. Она лежала на краю провала, рядом — груда изношенных серых тряпок. Это могла быть только Виттл. Сверху доносилась еле слышная хрустальная музыка. Впервые она услышала её, когда камни только-только повисли над миниатюрным миром. С усилием девушка повернула голову, перекатилась к краю провала. Красный туман исчез, а над миром продолжал вращаться один камень. Камень Виттл, подумала Келси. Она протя-

нула руку к груди, почему-то надеясь, что не утратила навсегда того, что казалось ей тяжёлой ношей, чего она никогда не просила, но что стало частью её самой.

— Йонан? — позвала она голосом, хриплым от перенесённой жары. Ответа не было. Девушка приподнялась на коленях и посмотрела туда, где видела его в бою последний раз. Там лежали два тела, одно в кольчуге.

Ей удалось каким-то образом встать на ноги, и она побрела в том направлении. Внутри чувствовалась пустота, словно что-то ушло или было устранено из мира без единого слова. И не только камень, подумала она.

Она подошла к телам и наклонилась к тому, что в кольчуге. Но это оказался не воин из Долины. Келси увидела смуглое жестокое лицо. Чудовище же она обошла далеко, не желая даже смотреть на него.

На камнях всюду видны были капли крови, и она шла по этому кровавому следу. Она должна была добраться до места, где исчез её камень. Но девушка уже знала, что лишилась своего оружия, у неё больше нет талисмана.

Вскоре Келси наткнулась на третье тело — в кольчуге, лежавшее лицом вниз. Она заставила себя наклониться и приподнять голову и снова увидела незнакомое лицо. Но где же Йонан? Келси вслух несколько раз позвала его, и мир в провале отозвался эхом. Келси пошла дальше, держась за колонны и переходя от одной к другой. Ещё кровь, изрубленное тело чудовища — сплошь шерсть и когти. Теперь стало немного видно впереди.

Кто-то там сидел у колонны, опустив голову на грудь.

— Йонан! — Келси оттолкнулась от колонны, до которой только что добралась, и побрела дальше. Всюду почерневшие камни и запах сторовшей плоти. Но она была уверена, что сидевший у колонны пошевелился. Она почти добралась до него, когда увидела ещё одно тело. Обмякшее, словно в одно мгновение все силы ушли из него, невдалеке лежало тело ребёнка!

Келси затошнило. Среди полусожжённых тел эти белые

конечности казались абсолютно нетронутыми, ни следа бушевавшего здесь огня.

Человек у колонны медленно повернул голову. Йонан! Наконец-то она нашла его. Меч со сломанным у рукояти лезвием лежал рядом с его рукой. Металл в рукояти потускнел, покрылся чёрными пятнами, как гниющий фрукт.

Йонан слегка поднял голову и посмотрел на неё. Впервые она увидела слабую улыбку у него на губах, и лицо воина сразу помолодело.

— Ты ранен? — девушка неуверенно замерла над ним; ведь она не знает, как помогать раненым людям: ей приходилось лечить только животных. Но она наклонилась и принялась осторожно освобождать его от кольчуги, чтобы взглянуть на рану в боку.

Неуклюжими пальцами он пытался помочь ей. Келси увидела глубокий разрез в теле; рана сильно кровоточила. Она быстро оторвала полоску от своей одежды и, как могла, перевязала воина, используя последние остатки илбейна, зацепившиеся за внутренние швы её сумки.

Он неподвижно лежал под её руками, закрыв глаза, ещё заметнее стала его молодость, и она больше не видела в нём уверенного в себе разведчика, который вёл и защищал их, но только молодого человека, который храбро сражался в этом с самого начала почти безнадёжном поиске.

Покончив с перевязкой и уложив Йонана как можно удобнее, Келси с любопытством, смешанным со страхом и стыдом, обратилась к неподвижному белому телу и увидела... Прекрасное тело молодой девушки с закрытым тёмными волосами лицом. Босые ноги были такими маленькими, что едва соответствовали следу. Но что-то в ней было такое... Неужели это тот самый танцор, который пытался покончить с камнями... со всеми ними?

Келси заставила себя открыть лицо мёртвой, убрать тяжёлые пряди волос. Красота, да, но с оттенком зла, хотя девушка не могла бы сказать точно, почему так решила.

Послышался лёгкий хрустальный звон, и, внимательно приглядевшись, она увидела, что с руки, по белой коже мёртвой, соскользнули маленькие кусочки хрусталя, и один или два из них ещё тускло светились. Её камень! Снова Келси ощутила боль утраты. Камень никогда не принадлежал ей, но она несла его и осмелилась использовать. И именно последний порыв её воли убил этого ребёнка, покончил с битвой. А что ещё он натворил?

Келси подошла к краю провала и заглянула вниз.

Камень Виттл по-прежнему медленно вращался, однако при этом всё-таки испускал голубые искры, которые падали в крохотный мир, и Келси заметила, что тени не погибли окончательно, они собрались в небольшие тёмные области. Хотя, конечно, их стало гораздо меньше.

Виттл пришла сюда, чтобы найти силу. По-своему она нашла её и использовала — как и Келси. Девушка не понимала, чего они достигли этим. Может, нужен Великий, один из тех, о которых так часто говорят эти люди, чтобы определить, что именно сделано и хорошо или плохо сделано.

— Это был эфтан, — Келси, услышав слова Йонана, отвернулась от миниатюрного мира. — Они подкупили для своих целей эфтана.

— Эфтан?

— Обитатель воздуха, — объяснил Йонан. — Они могут своим танцем поднимать бурю. А этот танцевал по воле других... — и юноша указал на поверхность, почерневшую, искорёженную; всюду были разбросаны тела, а в середине всего лежало нетронутое тело.

Лежало?

На камне видны были ещё лёгкие линии контура существа. Но... Келси обеими руками зажала рот, чтобы заглушить крик. Само белое тело... оно исчезало... поднимаясь струйками беловатого дыма. Келси видела, как тьма исчезает, только струйка холода коснулась её — словно от снежного поля на горе, когда дым собрался в длинную струю. Келси отступила на шаг-два, ожидая, что холод

обрушится на неё и заморозит там, где остальные сгорели.

Но вокруг белого засиял оттенок голубого, и дым поднялся прямо в небо на колоннами без крыши, улетев вверх, словно неожиданно освободившись от плена. И вот он исчез, а на камнях остались лежать только кусочки хрустала.

— Что?.. — Келси обнаружила, что ей трудно сформулировать вопрос. Конечно, танцовщица умерла.

— Она вернулась к себе, — сказал Йонан и поморщился, схватившись рукой за бок. — Может, тут её удерживали заклинания, а теперь она свободна. Такие, как она, редко вмешиваются в дела людей... или демонов, — и он взглянул на лежавшие вокруг обожжённые тела.

— Она вернётся? — спросила девушка. — Камень... разбился.

— Не думаю, чтобы мы снова увидели это оружие, — ответил Йонан. — Хотя, конечно, это не значит, что они не испробуют другие пути, — и он ещё больше сморщился, взяв в руки сломанный меч и переводя взгляд с места слома на потускневший металл в рукояти. — Похоже, леди, мы оба остались без оружия...

— Есть ещё камень Виттл...

— Если он ответит ей; и если она захочет... — ответ его прозвучал не очень уверенно.

— Идти сможешь? — собственный вопрос показался ей резким и требовательным. Но она не хотела оставлять колдунью одну. И теперь её целью было — собрать всех своих спутников вместе.

— Пока на меня особенно не рассчитывай, леди, — ответил юноша и попытался приподняться на руках. Она быстро помогла ему. Потом по его знаку спрятала в ножны останки меча, повесила себе на плечо изорванную кольчугу, обхватила его рукой, и они медленно двинулись вокруг края провала, переходя от одного столба к другому и много раз останавливаясь, когда она замечала капли пота у него на лбу и стиснутые от боли губы. Как будто он ни за что не хотел попросить передышки.

Голос колдуньи Келси услышала, ещё не добравшись до неё. Виттл пела — хрипло и с перерывами в ритме. Видно было, что она сидит на самом краю провала, глядя не вниз, на землю под ней, а на медленно вращающийся камень. Она пела и протягивала руки к камню, словно хотела взять его, прижать к себе и защитить. На лице её было голодное выражение, глаза, устремлённые на далёкий камень, глубоко западали, как будто колдунью долго мучила лихорадка. Время от времени она прекращала петь, тёрла лоб ладонью и прижимала пальцы к глазам, словно стирая с глаз невидимую плёнку, чтобы увидеть желанную ей картину: как то, что было её частью, возвращается к ней.

Но камень не прекращал вращения, не изменял своего положения. Он исполнял роль солнца в миниатюрном мире, столь же внешне неподвижного, как и то, что сейчас царило над Эскором и протягивало свои лучи меж колонн.

— Виттл! — Келси усадила Йонана у колонны, подошла к колдунье и положила руки ей на костлявые плечи. — Виттл!

С тем же успехом она могла обратиться к ветру или морозному воздуху, в который превратился танцор, чуть не погубивший не только их, но и малый мир в пропасти.

— Виттл!

Колдунья протянула руку, крепко схватила Келси и чуть не сбросила её в провал. Глядя вниз, на миниатюрный мир, Келси видела, что там ещё живут тени, и тут и там на них обрушивался поток искр, превращая их в ничто.

— Она одно целое со своим камнем, — послышался сзади голос Йонана. — И будет с ним едина до конца.

— А я... тот, другой камень... — возразила Келси.

— Ты не колдунья, во всяком случае ты не из Эсткарпа, где сила едина с человеком, владеющим ею. Если она вернёт свой камень, то только тогда почувствует себя в безопасности. Но камень не откликается на её зов...

— Мы должны уходить! — Келси сбросила большую часть опутавших её чар. От камня, который она несла,

остались теперь только обломки, и она чувствовала себя непривычно обнажённой, безоружной, лёгкой добычей для любого охотника. И до сих пор не могла поверить, что они окончательно разбили то, что хотело погубить не только их, но и мир в провале.

Она снова посмотрела вниз и увидела Долину — в этом она была уверена. И другие места, голубые, где Свет обещал спокойствие и безопасность. Девушка начала внимательнее изучать миниатюрный ландшафт, чтобы определить, где находится ближайшее из этих безопасных мест. Участок, покрытый колоннами, казался в бассейне непропорционально большим по сравнению с остальной территорией. И к северу от него располагалось одно из самых тёмных пятен — хотя она была уверена, что и это пятно заметно уменьшилось. Сначала оно даже касалось самих колонн. И если ей не удастся вывести Виттл из транса и в то же время поддерживать Йонана, как же она сможет...

— Уходить? — повторил за ней Йонан. — Думаешь, мы сейчас должны уходить? — юноша говорил негромко, голос у него был усталый. Он теперь не сидел у колонны, а лежал, лицо его побледнело и, несмотря на загар, казалось серым и тусклым.

Келси вздёрнула подбородок и прямо взглянула на воина.

— До сих пор мы побеждали...

— Одно сражение — не война, — медленно ответил он и закрыл глаза. Тем временем Виттл продолжала тянуть руки к камню, голос её перешёл в хриплый шёпот. Келси снова посмотрела вниз. Упрямство не позволяло ей признать поражение, о чём говорило состояние Йонана и Виттл. Девушка присела на краю обрыва и принялась изучать путь от места с колоннами до Долины. Она не верила больше, что они найдут новый источник большой силы, какой искала Виттл. Принуждение, которое привело её сюда, исчезло вместе с её камнем, вернее, с камнем Ройлейн. Отступление спасёт их. Если они оставят это

место с колоннами и пройдут немного дальше на запад, там будет река, которая протекает совсем недалеко от Долины. Как только они достигнут охраняемой территории, их найдут и помогут вернуться.

— Виттл! — Келси вновь придвинулась к колдунье, взяла её за плечи и сильно потрясла, так что голова женщины задёргалась взад и вперёд. — Виттл!

Тёмные глаза тупо смотрели сквозь неё, словно она была бестелесна, как дым. Ничто не могло оторвать колдунью от её камня. Но Келси не сдавалась. Она сильно ударила по худому лицу, сначала по одной щеке, потом по другой, и на щеках появились красные следы ударов.

На этот раз в глазах что-то мелькнуло, неподвижный взгляд сместился.

— Виттл! — тело колдуньи изогнулось, Виттл старалась заглянуть за Келси, смотреть только на вращающийся камень. Теперь искры из него появлялись реже, лишь немногие продолжали охотиться за тенями, еще лежавшими в уголках малого мира.

— Виттл, за нами погонятся. Нам нужно уходить.

— Именем Хофера и Тема, десятью светами и девятью чашами, шестью связками хвороста и тремя кострами... — девушка слышала слова колдуньи, но не понимала их смысла. Виттл подняла руку и нацелила палец в лицо Келси, прямо ей в глаза. Девушка уклонилась и выпустила колдунью.

Виттл встала, легко оттолкнула Келси и сделала два шага вперёд, за край провала.

Келси закричала. Виттл исчезла. Она словно шагнула за дверь, когда сделала эти шаги вперёд. В тот же миг камень чуть сдвинулся со своего места в воздухе, дважды быстро повернулся и выпустил поток искр. Может, поступок Виттл оживил его.

— Она... она исчезла! — Келси указала на место, где только что стояла колдунья. Ничего, кроме воздуха, никаких следов, даже таких лёгких, какие оставил, уходя, эфтан.

— Сила забрала её... — усталым, быстро слабеющим голосом сказал Йонан. — Сила не приходила к ней, и она пошла к силе. Она нашла то, что искала: последнее слияние сил.

И как бы в ответ на это камень действительно засверкал — почти так же ярко, как сверкал вместе с камнем Келси. А последние тени — тени бежали, в панике устремившись к немногим потайным местам. Но и там они исчезали, земля освобождалась от зла, которое так долго жило на ней.

Источник великой силы — вот что искали колдуньи Эсткарпа и вот что нашла Виттл.

Келси повернулась к Йонану. Этот сверкающий огненный шар пугал девушку. Если бы её камень выдержал, неужели её так же притягивало бы к нему? Может, поступок Виттл и её заставит действовать таким же образом?

Она отодвинулась от края провала.

— Ты не связана, — слова Йонана мало что значили для перепуганной девушки. Сейчас ей хотелось только уйти отсюда, как можно дальше убежать от места с колоннами. — Ты не колдунья Эсткарпа. Камень пришёл к тебе как дар, не как оружие...

— Дар... — повторила она. Такого дара никто себе не пожелает. — Кому нужен такой дар? — и она указала на миниатюрное солнце, в которое превратился камень.

— Многим, — коротко ответил он. Лицо его потемнело — тенью не зла, но утраты. — Дары даются многим. Те, которые нам удаётся сохранить, расцветают, — рука его опустилась, легла на рукоять сломанного меча. — Я знал такую, которой многое было дано, и она сумела принять. Теперь она ходит иными путями и не помнит того, что было прежде; вспоминает только как что-то далёкое и не связанное с нею. Глайдис... — голос его понизился, словно Йонан хотел позвать ту, что носила это имя.

Но Келси не интересовало прошлое. Она отступила, так что теперь между нею и вращающимся камнем-солнцем

располагался столб. Потому что не могла избавиться от опасения, что если будет оставаться под его светом, камень привлечёт и её, как привлёк ту, что долго носила его.

— Идём отсюда! — сказала она Йонану.

Он криво усмехнулся.

— Пойдём, леди. Хотя не думаю, чтобы зло стало сейчас охотиться на нас. А меня... — он указал на своё тело... — придётся нести.

Он был прав. Сам встать и пройти вдоль колонн он не сможет. Если они отправятся вместе, то снова окажутся предоставленными тому, что жило здесь так давно — может, слишком давно. И всё же Келси не могла сделать первый шаг по дороге, которая уведёт её отсюда. Не могла оставить Йонана одного.

— Что же нам делать? — задал он вопрос, над которым мучительно раздумывала и девушка, но не решалась задавать его вслух. — Это так просто, леди. Ты пойдёшь за помощью, а я останусь.

— Рядом с этими... — она указала на противоположный край провала, где лежали сожжённые мертвецы. Его могли бы изрубить на куски, если бы не помощь её камня в последней битве. Последняя битва? Откуда ей это знать? Она вспомнила о собаках, о Сарнах, о мёртвых чудовищах.

Не верила она и в то, что оставшийся камень сможет помочь им за пределами того места, где повис в воздухе.

— Они потерпели поражение, — ответил Йонан. — Кто бы они ни были, дело их кончено. Пока сверкает камень, они не вернутся. Я думаю, что мир внизу — зеркальное отражение нашего, и Виттл привела в действие силы, защищающие его. Нет, ты иди, леди, и приведи помощь...

Не отвечая, девушка подошла к краю провала, отыскивала Долину и стала отмерять расстояние между нею и местом с колоннами. Если бы у них были лошади... но здесь лошади только у Сарнов. Ей потребуется много дней, потому что она ни за что не пойдёт по дорогам, особенно по той, что ведёт к крепости сидящего чудовища.

Долина. Келси старалась лучше рассмотреть её. Вот она!

Над Долиной поднялось что-то — дымка, похожая на ту, что оставил улетающий эфтан. Келси отшатнулась и машинально поднесла руки к груди, но камня там не было. Послышался звук взрыва, словно лопнул сам воздух, а потом раздалось рычание.

Она увидела дикую кошку, ту самую, что привела её в этот колдовской мир. Кошка оскалила клыки, шерсть её встала дыбом, изогнутый хвост неподвижно застыл.

«Ты... иди...»

Два слова отпечатались в сознании, они дрожали, животное старалось, чтобы его поняли. Кошка побежала от Келси к краю провала и назад. И Келси поняла её: кошка хочет, чтобы она последовала за Виттл, прыгнула, нацелив своё тело на горы внизу. Она потёрла глаза, уверенная, что это иллюзия, что никакой кошки здесь нет, просто какая-то часть её памяти играет с ней.

— Значит, вот каков путь отсюда? — от голоса Йонана Келси вздрогнула и чуть не упала с края. Он, как тяжело раненое животное, полз к краю провала. Девушка в страхе попыталась дотянуться до него, схватить и удержать, потому что юноша явно собирался сделать то, чего требовала кошка.

Но едва Келси сделала шаг к нему, кошка кинулась на неё, выставив когти, ударила её в бедро, и девушка упала. Слишком поздно. Йонан уже добрался до края, обеими руками оттолкнулся, оставив на камне кровавый след, перевалился через край и исчез.

Келси посмотрела на камень, ожидая новой вспышки. Но этого не случилось. Напротив, когти кошки снова рванули её ногу: кошка вторично прыгнула на девушку. И Келси поддалась — пошатнулась и в ужасе упала через край.

Никакого перерыва, никакого ощущения падения впоследствии она не могла вспомнить. Открыв глаза, она увидела над собой великолепный ковёр — крышу, усеянную цветами. Она снова в Долине! Неужели всё их

путешествие было сном? Или эти цветы — сон, кошмар, вызванный падением?

В грудь ей упёрлись лапы. На неё смотрели большие глаза. Живая кошка! А выше над ней склонялось лицо Дагоны, её глаза, тоже большие и встревоженные.

— Это действительно Долина... — Келси согнула локоть, упёрлась в невысокий матрас и приподнялась.

Она не спрашивала, но, кажется, Дагона посчитала её слова вопросом, потому что кивнула и ответила:

— Долина.

Но где же тогда правда? Были ли второй Эсткарп и второй Эсмор в провале в забытом храме, если то был действительно храм, или там просто царила иллюзия, чтобы привлекать к себе и возвращать домой?

— Может быть, — Дагона читала её мысли, но Келси не противилась.

— А Виттл... её камень... — пробормотала она.

И Леди Зелёного Безмолвия ответила так же, как и Йонан:

— Она нашла то, что искала: неограниченную силу, хотя не такой она хотела её видеть. Но Тьма отступила — и Виттл добила то, о чём мечтала.

— А я? Или это тоже сон?

— Подумай об этом, сестра, — Дагона встала и вышла. А осталась только мурлыкающая кошка на поблекшей и испачканной дорожной куртке.

— Для тебя всё легко, — сказала ей Келси. — Ты хочешь только безопасного убежища для себя и своей семьи. А я — чего же я хочу?

* * *

Судя по освещению, стоял ранний вечер, когда она покидала Долину, и никто не заговорил с нею. Казалось, её сознательно оставляли одну, чтобы она решила — что решила? Она сама не знала.

Келси направилась прямо к камням — синим блестящим камням. Теперь здесь не должно быть ни собак, ни

всадника. Девушка верила Дагоне, которая сказала, что сегодня опасаться нечего, и быстро шла, пока не оказалась перед камнями.

Она подошла ещё ближе и положила руку на край врат, которых не видела, и которые, может быть, больше никогда не откроются.

— Хочешь назад?

Она вздрогнула и оглянулась. Рядом с ней стоял Симон Трегарт. Впервые она увидела его без кольчуги, в зелёной одежде жителей Долины, с обнажённой головой, без шлема.

— А это возможно? — спросила она.

Он пожал плечами.

— Никогда не пробовал. Слышал, что говорят — нет. Но доказательств у меня нет. Ты хочешь попробовать?

Она посмотрела на врата, представила, что может находиться за ними. Там некому о ней тревожиться и горевать, да она и сама ни о ком там не горюет.

— Я не колдунья... камень сломан, — медленно сказала девушка.

— Это правда. Но не стоит верить, что вся сила заключена в камне. Ты здесь можешь овладеть большим, чем думаешь, — и только здесь.

— Здесь, — она повернулась спиной ко вратам и осмотрелась. Из куста с громким мяуканьем выскочила кошка и прыгнула по-охотничьи на какое-то мелкое животное в траве.

— Я думаю, моё место здесь, — сказала Келси. Она сделала шаг, второй и побежала назад, в Долину.

Содержание

ПРЕДАНИЯ КОЛДОВСКОГО МИРА 3

Перевод Д. Арсеньева, К. Королёва

КОШАЧЬИ ВРАТА 253

Перевод Д. Арсеньева

Книготорговый
отдел
издательства
«СИГМА-ПРЕСС»

107140, г. Москва, Россия
Б. Краснопрудный тупик, дом 8/12
☐ Факс 264 99 54
☐ Телефоны 264 29 76
264 30 87

**предлагает книжную продукцию
в ассортименте.**

*Покупая книги по нашим ценам,
Вы покупаете их у себя в городе.*

Если Вы получаете книги
в железнодорожных контейнерах,
ЗНАЙТЕ — так работали ВЧЕРА.
СЕГОДНЯ есть более оперативный
способ доставки.

**В ЛЮБОЙ ГОРОД РОССИИ
МЫ ДОСТАВИМ
КУПЛЕННЫЕ У НАС КНИГИ
В ТОЧНО ОГОВОРЕННЫЙ СРОК.**

Форма оплаты по договоренности.
Минимальная партия — 500 пачек.

МЫ ЖДЕМ ВАС!

Агентство Андрэ Нортон

**представляет права на публикацию
произведений зарубежных авторов и
художников. Тематическое и жанровое
составление, детективы, фантастика,
триллеры, ужасы, вестерны,
музыкальная литература...**

**Майкл МУРКОК, Глен КУК, Джеймс УАЙТ,
Сара ПАРЕЦКИ, Тед ВУД,
Джеймс ГРАНТ, Эдвард ЛИ,
Эрл МЭРФИ, Майкл ВЕЛАН,
Родни МЭТТЮ
и др.**

107140, г. Москва, Россия, ул. Дусаконская, дом 7, строгие 1.

(095) 264-30-87, (095) 264-99-54

Андрэ Нортон
КОШАЧЬИ ВРАТА

Литературно-художественное издание

Ответственный за выпуск
Гусейнов Ильгар

Ответственный редактор
Голованёв М. В.

Редактор
Прилипко К. В.

Художник
Аввакумов Д. И.

Технический редактор
Казачек В. Н.

Сдано в набор 01.03.94. Подписано в печать 15.06.94.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская. Печать высокая.
Гарнитура «Таймс». Уч-изд. л. 24,2. Физ. п. л. 14.
Тираж 50 000 экз. Заказ № 2251. С 25.

Издательская лицензия ЛР № 070157 от 02.10.91 г.

Издательство «Зеленоградская книга».
103478, Москва, г. Зеленоград, корп. 448, к. 1

Издательство «Сигма-пресс».
107140, Москва, Б. Краснопрудный туп., 8/12.

Отпечатано с готового набора в ордена Трудового Красного Знамени
ПО «Детская книга» Роскомпечати.
127018, г Москва, Сушевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

*Издательство «Зеленоградская книга» просит переводчика новеллы «Жабы Гриммердейла»,
входящей в сборник «Предания Колдовского мира», К. Королева обратиться лично за гонораром.
Телефон в Москве 264-30-87.*

